

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реймер А. А. <i>Неотложные задачи реформирования уголовно-исполнительной системы на современном этапе</i>	4
Назаров С. В. <i>Вопросы совершенствования УК РФ и других нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность Федеральной службы исполнения наказаний</i>	10
Белоцерковский С. Д. <i>Организационная деятельность участников организованных преступных формирований в местах лишения свободы и борьба с ней</i>	17
Кудрявцев А. В. <i>Концепция развития оперативно-режимного обеспечения отбывания наказания в виде лишения свободы: необходимость разработки</i>	20
Куркина И. Н. <i>Влияние международных стандартов в области исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных на российскую пенитенциарную систему</i>	25
Морозов М. В. <i>Модернизация механизма обеспечения трудовой адаптации и социальной реабилитации осужденных – одно из приоритетных направлений развития УИС России</i>	28
Нарышкина Н. И., Матюшов С. В. <i>Проблема кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в свете соблюдения международных стандартов</i>	32
Писарев И. А. <i>Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений колоний-поселений по предупреждению побегов: недостатки и меры по их устранению</i>	35

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Александрова О. С. <i>Взаимодействие философии и права как форм общественного сознания</i>	39
Алексеев А. П. <i>Отдельные тактические операции в расследовании преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сфере оборота аудиовизуальных произведений</i>	44
Богуславский А. В., Ткачук Т. А. <i>Сущность тактико-криминалистического обеспечения в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений</i>	47
Вележев С. С. <i>Терминологический кризис современной теории права</i>	50
Гулягин А. И. <i>Новое в деятельности прокуратуры: административное расследование</i>	55
Дунаева И. В. <i>Современная модель разделения властей в Российской Федерации</i>	60
Елизарова М. А., Соловьев А. Ю. <i>Правосознание молодежи: проблема формирования</i>	63
Емельянова А. Н. <i>Социальная, юридическая и гражданско-правовая ответственность: понятие, признаки и степень соотношения</i>	67
Ерохина В. Е. <i>Занятость инвалидов: правовые и социальные аспекты</i>	70
Забавко Р. А. <i>Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны природы</i>	72
Зайнуллов А. И., Пушкарев В. Г. <i>Установление момента окончания для преступлений, предусмотренных ст. 260, 261 УК РФ</i>	75

Звонов А. В.	
<i>Ответственность условно осужденных: уголовный и уголовно-исполнительный аспекты</i>	79
Капралова Ю. Г., Сизарова Е. Г.	
<i>Роль представительных институтов гражданского общества в достижении юридического консенсуса во взаимоотношениях с государством</i>	82
Крылков Д. И.	
<i>Специфика преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства и на рынке жилья</i>	86
Кудина С. А.	
<i>Место договора управления многоквартирным домом в общей системе гражданско-правовых договоров</i>	90
Лозовой Я. Я.	
<i>Некоторые особенности выдвижения типичных версий о субъекте преступления на первоначальном этапе расследования деяний, совершенных лицами с психическими расстройствами</i>	94
Лопатин С. А.	
<i>Особенности криминалистической характеристики мошенничества в области инвестиционного строительства</i>	96
Мешков Д. Н., Анисимова А. М.	
<i>Теоретические и практические проблемы реализации правовых мер обеспечения безопасности пешеходов как участников дорожного движения</i>	101
Михайлов А. Е.	
<i>Роль диагностики в производстве предъявлений для опознания, осуществляемых нетрадиционным способом</i>	104
Оздоев Р. Д.	
<i>Организация взаимодействия органов следствия и дознания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства</i>	108
Осипов М. Ю., Соловьев А. Ю.	
<i>Понятие и особенности влияния правового регулирования на организацию и жизнедеятельность современного общества</i>	113
Павлинов А. В.	
<i>Криминализация и декриминализация: взвешенный подход</i>	116
Павличенко Н. В.	
<i>Проблемы реализации государственных гарантий по социальной и правовой защите лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность</i>	120
Петрова И. Л.	
<i>Сущность и основные свойства правового синтаксиса</i>	125
Пилипенко В. Г.	
<i>Отграничение незаконной охоты от нарушения правил пользования объектами животного мира</i>	129
Померанцев Ю. Л.	
<i>Личная безопасность сотрудников ОВД: сущность проблемы и пути ее решения</i>	131
Скоморохов О. Н.	
<i>Альтернативные основания приостановления уголовного дела</i>	134
Ткачук Т. А.	
<i>Методология взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений</i>	138
Третьякова О. Д.	
<i>Методология конвергенции права</i>	143
Филиппов М. Н.	
<i>Обстоятельства, способствующие совершению хищений в сфере оборота банковских карт</i>	151
Хайбуллина А. В.	
<i>Исследование зарубежного опыта осуществления нефтяной деятельности и оценка его использования при освоении Западно-Камчатского шельфа Охотского моря</i>	155
Хохрин С. А.	
<i>Массовые беспорядки: проблема определения понятия</i>	160
Шаломенцева Е. Г.	
<i>Обеспечение законности муниципальных правовых актов. Юридическая техника в муниципальной правотворческой деятельности</i>	162
Шаханов В. В., Логинов А. С.	
<i>Правоприменительная техника: проблемы понимания и преподавания</i>	167
Шилова Е. А.	
<i>Административное судопроизводство и его принципы</i>	176

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Илюхина В. А.

«Основные положения преобразования судебной части в России» 1862 г. об институте мировых судей 181

Кузнецова Е. В.

Формирование корпуса мировых судей в пореформенной России второй половины XIX в.

(по материалам Вологодской губернии) 185

Полищук С. В.

История становления отечественных военно-строительных подразделений и законодательство

Российской империи и СССР о правах и льготах военных-строителей и членов их семей (XI–XX вв.) 189

Симоненко А. Н.

Ретроспективный анализ правового регулирования предупреждения коррупции при исполнении наказаний

в России 196

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Морозов А. В.

Профессионально-техническое обучение осужденных в зарубежных странах и его значение

для их социальной адаптации и ресоциализации 201

Шагаев В. А.

Римское государство: связь между военными и политическими институтами (эпоха царей и республика) 205

Е-mail наших авторов 210

Требования к рукописям, представляемым для опубликования

в «Вестнике Владимирского юридического института» 211

Анкета автора публикации и оператора персональных данных 212

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. А. Реймер,
директор ФСИН России
кандидат юридических наук

A. A. Reimer,
director Federal Service for Execution
of Penal Sentences of the Russian Federation
candidate of law

НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Urgent Tasks of Reforming the Penal System at the Current Period

Аннотация. Раскрывается содержание первоочередных задач реформирования уголовно-исполнительной системы на современном этапе: расширения сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, модернизации структуры исправительных учреждений и СИЗО, обеспечения полноценной трудовой занятости осужденных, предотвращения их социальной дезадаптации.

Ключевые слова: гуманизация, трудовая адаптация, полноценная ресоциализация, наказания, альтернативные лишению свободы, административная преюдиция.

Annotation. The paper is devoted to the study of up-to-date tasks of reforming the penal system: increasing the sphere of penalties, alternative to incarceration and isolation from the community; modernization of the correctional institutions and pre-trial prisons structure; full-fledged employment of the inmates, prevention of their social desadaptation.

Key words: humanization, labor adaptation, complete resocialization, penalties, sentences, alternative to incarceration, administrative prejudice.

На протяжении последних двух десятилетий наша страна переживает сложный процесс реформирования, начавшийся с распадом Советского Союза и заключавшийся в коренной смене принципов внутренней и внешней политики. Воспринятая Российской Федерацией либеральная модель государственности предполагала в первую очередь кардинальное повышение статуса человеческой личности, неукоснительное соблюдение ее прав и свобод. Новые ценностные приоритеты послужили предпосылкой к полномасштабному изменению политической системы, включая законодательство и все государственные институты, в том числе учреждения, исполняющие уголовные наказания.

Приняв за основу международную пенитенциарную практику, руководство Российской Федерации в начале 1990-х гг. провозгласило курс на всемерную гуманизацию карательной политики. Реализация поставленной цели требовала выполнения обширного круга задач, которые можно свести к нескольким ключевым направлениям. Во-первых, следуя рекомендациям международного сообщества и, в частности, ООН, Россия взяла на себя обязательство привести условия содержания подследственных и осужденных в соответствие с международно-правовыми нормами, представленными в таких документах, как Конвенция о защите

прав человека и основных свобод, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, Европейские пенитенциарные правила и др. Во-вторых, требовалось коренным образом изменить подход к использованию труда осужденных. Как известно, в советское время важнейшее значение для администрации исправительных учреждений часто имело не перевоспитание правонарушителя средствами труда, а выполнение производственных показателей. Теперь была поставлена задача организовать трудовую деятельность осужденных так, чтобы она была нацелена не на решение народнохозяйственных проблем, а исключительно на приобретение профессиональных навыков, которые оказались бы полезны человеку на свободе. И, наконец, в-третьих, трудовая адаптация должна была вписываться в рамки целого комплекса мер, направленных на полноценную ресоциализацию осужденных, т. е. возвращение их к нормальной жизни в обществе после отбытия наказания.

Таким образом, замысел реформирования уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) изначально заключался в том, чтобы не просто

поднять уровень ее развития, а видоизменить ее облик по примеру западной пенитенциарной модели, переместив акцент с репрессивной составляющей уголовного наказания на защиту прав осужденных и оказание им социальной поддержки. Время, прошедшее с начала преобразований, позволяет оценить и полученные к настоящему моменту результаты, и дальнейшие перспективы.

Новая концепция карательной политики получила отражение в Уголовном, Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах РФ (далее: УК РФ, УПК РФ, УИК РФ). Эти нормативные акты, разработанные с учетом международных стандартов, предполагают сужение практики принудительной изоляции от общества. По сравнению с советским законодательством значительно более весомую роль стали играть наказания, не связанные с лишением свободы (ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы, штрафы и др.). Возможность назначения такого рода наказаний предусматривают три четверти статей УК РФ. В тех же случаях, когда лишение свободы применяется, появилось гораздо больше возможностей для направления осужденных в колонии-поселения, которые по условиям содержания сходны с существующими в развитых европейских странах тюрьмами открытого типа. Расширились также основания для досрочного освобождения от отбывания наказания.

В соответствии с практикой, принятой в правовых государствах, УПК РФ устанавливает, что только суд вправе принимать решение о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей. Также этим законом введена новая мера пресечения, альтернативная заключению под стражу, – домашний арест.

Иными словами, законодательство исходит из таких принципов, как гуманизация обращения с правонарушителями и предоставление им условий для поддержания социально полезных связей. К сожалению, должной реализации данные принципы пока не получили. На заседании президиума Государственного совета Российской Федерации, состоявшемся в Вологде 11 февраля 2009 г., были обнародованы статистические данные на начало текущего года, согласно которым в учреждениях УИС содержится 888 тыс. чел., из них более 200 тыс. чел., т. е. почти каждый четвертый, – это осужденные, отбывающие наказание за преступления небольшой и средней тяжести (со сроком лишения свободы до трех лет). То же касается и содержания под стражей. В настоящее время суды удовлетворяют около 90 % ходатайств следственных органов о заключении под стражу, несмотря на то, что по закону оно должно применяться лишь в тех случаях,

когда избрание более мягкой меры пресечения невозможно (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 9).

С одной стороны, вышеприведенные факты свидетельствуют о живучести репрессивных стереотипов в деятельности российских правоохранительных структур. С другой стороны, приходится признать наличие неоправданных пробелов в современной нормативно-правовой базе. Так, до сих пор не принят закон о порядке исполнения наказаний в виде ограничения свободы, из-за чего на практике оно не назначается. Между тем, по оценкам аналитиков, применение этой меры уголовной репрессии позволило бы уменьшить численность осужденных, поступающих в места лишения свободы, более чем на 100 тыс. чел. ежегодно (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 9). Таким образом, можно констатировать, что альтернативы принудительной изоляции от общества, предусмотренные законодательством, к настоящему времени используются далеко не в полном объеме.

Что касается условий содержания в местах лишения свободы, то в этой области произошли существенные положительные сдвиги. В 1992 г. в действовавший тогда Исправительно-трудовой кодекс РСФСР были внесены изменения, направленные на улучшение правового статуса осужденных. Им были гарантированы свобода совести и вероисповедания, право на личную безопасность; предоставлена возможность пользоваться платными лечебно-профилактическими услугами, вести телефонные переговоры; предусмотрено право на ежегодные отпуска, в том числе с выездом за пределы исправительно-трудового учреждения; отменены необоснованные правоограничения, которым ранее подвергались осужденные. С 1997 г. действует УИК РФ. Он представляет собой принципиально новый законодательный акт, в основу которого, как уже отмечалось, положены международные стандарты содержания осужденных.

Принятию УИК РФ предшествовало вступление России в Совет Европы в 1996 г. Став членом этой организации, наша страна обязалась привести свое законодательство в соответствие с международно-правовыми нормами. Применительно к пенитенциарной сфере это означало не только коренное изменение устоявшегося порядка отбывания наказаний, но и передачу УИС из МВД в Минюст России. Значение этой реорганизации, состоявшейся в 1998 г., выходит далеко за рамки обычных ведомственных перестановок. Опыт последнего десятилетия убедительно показывает, что включение УИС в структуру Минюста России позволило обеспечить более высокие гарантии

соблюдения законности в процессе исполнения уголовных наказаний.

Как известно, к моменту передачи в данное ведомство УИС находилась в бедственном положении. Материально-техническая база учреждений была почти полностью изношена, хроническое недофинансирование приводило к нехватке средств на самые неотложные нужды, такие как питание, лечение, обеспечение одеждой и обувью. Особенно плачевная ситуация наблюдалась в СИЗО, где средний размер жилой площади, приходившейся на одного человека, составлял не более 50–60 см²; из-за переполнения камер и отсутствия достаточного количества спальных мест люди были вынуждены спать по очереди (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 8).

За прошедшие десять лет государство многократно увеличило объемы финансирования УИС, благодаря чему удалось значительно поднять уровень материального обеспечения исправительных учреждений. Остались в прошлом проблемы с продовольственным и вещевым снабжением контингента. Активно ведутся строительство новых и реконструкция действующих СИЗО. К настоящему времени подследственные обеспечены жилой площадью из расчета 4,5 м² на человека, что превышает установленную российским законодательством санитарную норму в 4 м².

Усилия, направленные на соблюдение международных норм обращения с правонарушителями, получили высокую оценку со стороны ООН, Совета Европы, зарубежных и российских правозащитных объединений. Так, если в начале 1990-х гг. эксперты этих организаций оценивали условия содержания в российских СИЗО как пытку, то в 2006–2008 гг. не было выявлено грубых нарушений прав человека при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу (Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России. Рязань, 2006. С. 293 ; Семенюк В. И. Не останавливаться на достигнутом // Преступление и наказание. 2009. № 3. С. 17). Кстати, нельзя не отметить и тот факт, что открытость УИС для контактов с правозащитниками уже сама по себе свидетельствует о ее качественном обновлении по сравнению с советским временем.

Однако говорить о полномасштабной реализации в России международных стандартов содержания осужденных и подследственных пока преждевременно. Осуществляемая в настоящее время Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» предусматривает, в частности, что в 27 СИЗО будут обеспечены условия, полностью соответствующие международным требо-

ваниям. Для сравнения отметим, что в России действуют 225 СИЗО и 164 помещения, функционирующих в режиме СИЗО. Таким образом, даже в случае успешного выполнения поставленной задачи доля образцовых СИЗО оказалась бы весьма невелика. Непросто складывается ситуация и в исправительных учреждениях. Как было отмечено на уже упомянутом заседании президиума Госсовета, превышены допустимые лимиты наполнения в колониях общего и строгого режимов, а также в колониях для женщин (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 9). Естественно, перенаселенность колоний создает дополнительные препятствия в работе, направленной на улучшение условий содержания.

Еще большую обеспокоенность вызывает положение, сложившееся в сфере организации производства. На протяжении десятков лет предприятия УИС традиционно служили поставщиками продукции для государственных и муниципальных нужд. Однако в настоящее время действующее законодательство требует не просто проведения торгов по размещению такого рода заказов, но и внесения залога для обеспечения заявки на участие в этих торгах. По данным на 2008 г., средний размер залога составлял 20 млн руб. Поскольку большинство исправительных учреждений не располагают такими суммами, то им приходится сотрудничать с коммерческими организациями, которые выигрывают торги, а затем размещают полученные заказы на предприятиях УИС. В итоге львиную долю прибыли получают не производители, а посредники. Иными словами, УИС как субъект экономических отношений поставлена в крайне невыгодные условия. Рентабельность производства настолько низка, что не позволяет в должной мере осуществлять даже текущий ремонт оборудования, не говоря уже о модернизации материально-технической базы. Производственные мощности полностью устарели как физически, так и морально, поэтому о полноценной трудовой адаптации осужденных и освоении ими профессий, востребованных на рынке труда, на данный момент говорить не приходится. О плачевном состоянии производственного сектора УИС наглядно свидетельствует тот факт, что в 2008 г. в трудовую деятельность и обучение рабочим специальностям было вовлечено лишь 49 % осужденных, т. е. меньше половины (Кононец А. С. Интервью с заместителем директора ФСИН России, действительным государственным советником юстиции РФ 2-го класса А. С. Кононцом // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 12–21).

Нерешенность проблем, связанных с трудовой занятостью осужденных, значительно ос-

ложняет процесс ресоциализации последних, поскольку отсутствие необходимых профессиональных навыков уже само по себе подталкивает человека к возвращению на преступный путь. Между тем создание осужденным условий для приспособления к жизни в обществе после освобождения – одна из важнейших задач, стоящих перед УИС. Учитывая пенитенциарный опыт западных стран, Правительство РФ и руководство Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) определяют социальную адаптацию осужденных как приоритетное направление в деятельности исправительных учреждений. К настоящему времени в области ресоциализации осужденных сделано немало. В учреждениях УИС введены штатные должности социальных работников. Взаимодействуя с местным самоуправлением, органами внутренних дел, службами занятости и социальной защиты населения, соцработники оказывают осужденным помощь в получении пенсий, пособий, восстановлении утраченных документов, осуществляют предварительное решение вопросов трудового и бытового устройства граждан, освобождаемых из мест лишения свободы. Наряду с соцработниками весомый вклад в дело социальной адаптации осужденных вносят пенитенциарные психологи, которые проводят психокоррекционную работу, нацеленную на то, чтобы облегчить осужденным возвращение к жизни на свободе (О подготовке осужденных к освобождению и оказании постпенитенциарной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 28–31 ; Петрухин Э. В. Исполнение наказаний: законность и гуманизм // Преступление и наказание. 2009. № 3. С. 14).

Однако успешная интеграция бывших осужденных в общество зависит не только от усилий, прилагаемых сотрудниками УИС. Необходимо создание единой системы постпенитенциарного содействия, в рамках которой были бы четко определены компетенция и обязанности федеральных, региональных и местных органов власти. Но, поскольку такой системы в нашей стране пока нет, осужденным, вышедшим на свободу, не приходится рассчитывать на какой бы то ни было гарантированный минимум государственной помощи в поиске работы и жилья (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 9, 31).

Обобщая вышеизложенное, следует признать, что современная практика исполнения уголовных наказаний в Российской Федерации еще далека от полного соответствия международным стандартам. Как справедливо отметил Президент РФ Д. А. Медведев на заседании президиума Госсовета 11 февраля 2009 г., «...состо-

яние уголовно-исполнительной системы нас еще ни в коей мере не может удовлетворить» (Там же. С. 2). Таким образом, велением времени становится выработка нового концептуального подхода к решению стоящих перед УИС проблем, причем рассматривать их необходимо в тесной взаимосвязи и с законотворческим процессом, и с практической деятельностью правоохранительных органов в целом.

В первую очередь следует создать условия для максимально широкого применения наказаний, альтернативных лишению свободы. В настоящее время, как было отмечено выше, доля этих уголовных санкций неоправданно мала по сравнению с общим количеством совершаемых преступлений небольшой и средней тяжести. С одной стороны, мешают законодательные препятствия, как, например, в случае с ограничением свободы, нормативная регламентация которого отсутствует до сих пор. С другой стороны, для преодоления «тюремного» стереотипа, существующего в сознании судей, требуется разработать надежную систему контроля за правонарушителями, отбывающими наказания, не предполагающие изоляцию от общества. Речь, в частности, идет о разнообразных способах электронного мониторинга, таких как видеонаблюдение, использование ГЛОНАСС/GPS-браслетов и т. п. В связи с этим особую актуальность приобретает опыт службы пробации, функционирующей в странах Запада. По мнению большинства специалистов, освоение соответствующих технологий является одной из неотложных задач совершенствования российской УИС.

Вопрос об оптимизации уголовного преследования включает в себя также аспекты, касающиеся юридической квалификации правонарушений. Представляется вполне целесообразным декриминализировать уголовно наказуемые деяния, не несущие в себе серьезной общественной опасности, и перевести их в разряд административных проступков. Это послужит еще одним средством экономии кары при назначении наказания. Вместе с тем необходимо, чтобы санкция за любое такое правонарушение была в полной мере адекватна его последствиям. Иными словами, следует расширить спектр существующих административных наказаний, предусмотрев возможности для ужесточения ответственности.

Нуждается в переоценке и феномен административной преюдиции. Идея, положенная в его основу, состоит, как известно, в том, что за определенные противоправные деяния, совершенные впервые, назначается административное наказание, а уголовная ответственность наступает только в случае повторного их совершения. Институт административной преюди-

ции имеет немаловажное значение с точки зрения профилактики преступности, между тем в нашей стране он пока не развит. Над устранением этого пробела в действующем российском законодательстве тоже предстоит работать.

Принятие вышеперечисленных мер позволит существенно снизить численность осужденных, попадающих в места лишения свободы, а значит, создать препятствия на пути распространения криминальной субкультуры. С этой же целью необходимо провести реконструкцию сложившейся системы исправительных учреждений и СИЗО. К сожалению, в настоящее время она не обеспечивает строгого отделения опасных преступников от остальных осужденных. Решение данной проблемы требует кардинального пересмотра роли тюрем и колоний в структуре исправительных учреждений. Предполагается, что основными элементами новой системы станут тюрьмы и колонии-поселения.

Первый из этих двух типов учреждений предназначен для осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. В зависимости от специфики контингента тюрьмы должны подразделяться на несколько видов в расчете на преступников-рецидивистов и лиц, осужденных к лишению свободы впервые. Что касается осужденных к пожизненному лишению свободы, то они будут отбывать наказание в отдельных тюремных учреждениях.

В колонии-поселения следует направлять осужденных, совершивших преступления по неосторожности, а также умышленные преступления небольшой и средней тяжести. Колонии-поселения будут включать в себя два вида учреждений (с усиленным наблюдением и без такового). Выбор того или иного вида колонии-поселения должен осуществляться с учетом характера преступления и наличия рецидива. Колонии-поселения рассчитаны на вовлечение осужденных в производственную деятельность и в этом смысле будут сходны с функционировавшими в советское время спецкомендатурами, которые предназначались для реализации таких уголовно-правовых мер, как условное осуждение с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с направлением на стройки народного хозяйства.

Изменение структуры исправительных учреждений позволит провести четкое разделение между разными категориями преступников в зависимости от тяжести совершенного противоправного деяния и личности правонарушителя. Осужденные, представляющие реальную угрозу для общества, будут поставлены в рамки тюремного режима, предусматривающего строгую изоляцию и максимум ограничений. Остальные правонарушители, напротив, получат

возможность отбывать наказание в условиях, приближенных к жизни на свободе, а значит, смогут поддерживать социально полезные связи, сохранить имеющиеся и приобрести новые трудовые навыки и, самое главное, избежать губительного влияния криминальной среды.

На основе аналогичных принципов предстоит усовершенствовать систему СИЗО. Учреждения, исполняющие функцию содержания под стражей, целесообразно разделить на две категории, которые будут различаться составом контингента и соответственно уровнем обеспечения изоляции и охраны. СИЗО в их традиционном виде должны предназначаться для тех, кто обвиняется в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Остальные подследственные и подсудимые из числа тех, кто взят под стражу, как правило, не нуждаются в строгой изоляции, поэтому вполне могут содержаться в спецприемниках, где достаточно создать условия для контроля за их местонахождением и поведением. Такого рода реорганизация важна сразу в нескольких отношениях. Во-первых, удастся исключить воздействие закоренелых преступников на подозреваемых и обвиняемых в преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Во-вторых, поскольку деятельность спецприемников предполагает меньше затрат на охрану, то эти учреждения будут более экономичными по сравнению с СИЗО обычного типа.

Таким образом, на первый план выдвигается задача коренного структурного обновления УИС. Разумеется, реализация столь широкомасштабных планов должна строиться на солидном теоретическом обосновании, в связи с чем особое значение приобретает работа научно-исследовательских учреждений ФСИН России. От них требуется осуществить тщательный анализ всех аспектов намеченного реформирования, спрогнозировать его социально-экономические, криминологические и иные результаты, а также подготовить конкретные проекты перепрофилирования исправительных колоний в тюрьмы и колонии-поселения. Первостепенное внимание необходимо обратить на изучение отечественного и зарубежного пенитенциарного опыта, всесторонний учет которого поможет выработать взвешенные подходы к корректировке условий содержания осужденных, модернизации средств охраны и надзора, определению нормативов штатной численности учреждений.

Признавая важность структурных преобразований, не следует упускать из виду и другие актуальные проблемы, без решения которых эффективное реформирование УИС невозможно. Речь, в частности, идет о трудовой и социальной адаптации осужденных. Как было отме-

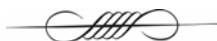
чено выше, качество этой работы пока оставляет желать лучшего. И дело здесь не только в несовершенстве законодательства, но и в слабости взаимодействия между ФСИН России и другими властными структурами, а также институтами гражданского общества. Практика убедительно показывает необходимость установления самых тесных контактов с органами законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровня, местным самоуправлением, общественными и религиозными организациями. Объединение усилий послужит залогом успешного выполнения задач по созданию рабочих мест для осужденных и социальной реабилитации граждан, освобождаемых из мест лишения свободы.

Предметом особой заботы должно стать материальное и социальное обеспечение персонала УИС. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время оно не соответствует объему и степени сложности работы, выполняемой сотрудниками. Низкая заработная плата, отсутствие должных социальных гарантий и перспектив на получение жилья неизбежно приводят к оттоку квалифицированных специалистов. Подобное положение дел чревато опасностью размывания кадрового ядра пенитенциарной системы. Не случайно на заседании президиума Госсовета 11 февраля 2009 г. был поставлен вопрос о дополнительном материальном стимулировании сотрудников УИС (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 6, 10).

Вместе с тем нельзя забывать, что реформа системы предполагает предъявление к персоналу повышенных требований. В связи с этим большая ответственность ложится на учреждения

высшего и дополнительного профессионального образования ФСИН России. Во-первых, необходимо скорректировать содержание учебно-воспитательного процесса с тем, чтобы он был нацелен на подготовку специалистов к работе в новых условиях. Во-вторых, по мере структурной реорганизации УИС предстоит существенно расширить базу профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников, иными словами, следует изыскивать возможности для увеличения количества органов и учреждений, которые могли бы предоставлять такого рода образовательные услуги.

В заключение отметим, что УИС России находится на пороге качественного обновления, цель которого заключается в том, чтобы привести ее в соответствие с международными стандартами. Краеугольным камнем предстоящих преобразований является выработка комплекса дифференцированных средств исправления, которые будут использоваться в зависимости от тяжести совершенного преступления и личности правонарушителя. К числу первоочередных задач реформы относятся: расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, модернизация структуры исправительных учреждений и СИЗО, обеспечение полноценной трудовой занятости осужденных, предотвращение их социальной дезадаптации. Как отметил Президент РФ Д. А. Медведев, решение данных вопросов открывает путь «к созданию эффективной, справедливой и цивилизованной системы исполнения наказаний в нашей стране» (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 4).

Библиографический список

1. *Кононец, А. С.* Интервью с заместителем директора ФСИН России, действительным государственным советником юстиции РФ 2-го класса А. С. Кононцом / А. С. Кононец // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2009. – № 3.
2. *Петрухин, Э. В.* Исполнение наказаний: законность и гуманизм / Э. В. Петрухин // Преступление и наказание. – 2009. – № 3.
3. *Семенюк, В. И.* Не останавливаться на достигнутом / В. И. Семенюк // Преступление и наказание. – 2009. – № 3.

Bibliographical list

1. *Kononets, A. S.* Interview with Assistant-Director of the FSES of Russia 2nd Class State Advisor of Justice of the Russian Federation A. S. Kononets / A. S. Kononets // Proceedings of the Penal System. – 2009. – № 3.
2. *Petrukhin, E. V.* Execution of Sentences: Legality and Humanism / E. V. Petrukhin // Crime and Punishment. – 2009. – № 3.
3. *Semenyuk, V. I.* Not to Stop at the Achieved Results / V. I. Semenyuk // Crime and Punishment. – 2009. – № 3.

С. В. Назаров,
заместитель начальника
ВЮИ ФСИН России по научной работе
кандидат юридических наук, доцент

S. V. Nazarov,
deputy chief for science of Vladimir Law Institute
Federal Service for Execution of Penal Sentences
candidate of law, assistant professor

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УК РФ И ДРУГИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**
**Urgent Issues of Improving of the Criminal Code and Other Legal Documents Regulating Activities
of Federal Service for Execution of Penal Sentences of Russia Federation**

Аннотация. Раскрываются вопросы, связанные с обоснованием внесения изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих усиление ответственности за действия, дезорганизующие нормальное функционирование исправительных учреждений. Высказывается мнение относительно места рассматриваемой статьи в структуре УК РФ.

Ключевые слова: дезорганизация, изменение законодательства, правовое регулирование, безопасность, правопорядок, членовредительство, противодействие.

Аннотация. The paper is devoted to the latest changes made in the legislation of the Russian Federation that imply strengthening the responsibility for disorganization of correctional institutions functioning. Special attention has been given to the role of Article 321 in the structure of the Criminal Code.

Key words: disorganization, Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, legal regulation, legislation reform, safety, law order, maiming (mutilation), counteraction.

Правопорядок является юридической основой жизнедеятельности российского общества, базисом функционирования государственной власти. В этой связи одной из главных задач правоохранительной деятельности выступает обеспечение правопорядка, его всемерное упрочение.

Упорядочение основ общественной жизни в правовой сфере достигается при помощи различных средств, в том числе мер государственного принуждения.

Уникальная роль в системе данных мер принадлежит мерам уголовно-правового характера. Это обусловлено особенностями управленческих отношений, которые регулируются нормами уголовного права. Последние закрепляют широкий круг мер принудительного воздействия, применяемых органами государственной власти, в частности, администрацией исправительных учреждений, для обеспечения правопорядка, в том числе при возбуждении уголовного дела в качестве органа дознания, и последующего проведения неотложных следственных действий.

Таким образом, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы являются по своей сути субъектами, реализующими государственные функции (управления) в сфере исполнения уголовных наказаний. Именно поэтому предложение о переносе ст. 321 УК РФ в раздел преступлений против правосудия, высказанное в научной литературе, на наш взгляд, не состоятельно. В подтверждение этого приведем следующие аргументы.

Во-первых, Конституция РФ выделяет правосудие в качестве самостоятельной ветви государственной власти, которая осуществляется судами посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118). Непосредственно в Конституции РФ установлены такие важнейшие гарантии правосудия, как: независимость судов и подчинение их только Конституции РФ и федеральному закону;

равноправие сторон; неприкосновенность судей; организационное, процессуальное и финансовое обеспечение возможности полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом (ст. 120, 122–124).

Нормы об ответственности за преступления против правосудия как раз и обеспечивают уголовно-правовую охрану и защиту неуклонной реализации приведенных положений Конституции РФ.

По точному смыслу Конституции РФ правосудием является только процессуальная деятельность судов. Между тем из содержания гл. 31 УК РФ следует, что под достаточно строгую уголовно-правовую охрану и защиту взята и процессуальная деятельность органов предварительного расследования, т. е. дознания и предварительного следствия, а также прокурора. Более того, некоторые нормы гл. 31 УК РФ устанавливают ответственность и за посягательство на защитника, эксперта, судебного исполнителя, судебного пристава и т. д., иными словами, тех людей, которые обслуживают уголовное судопроизводство.

В гл. 31, как и в ряде других глав УК РФ, законодатель воспользовался техническим приемом, позволяющим избежать излишней громоздкости названий разделов, глав и статей, но при этом сохранить в названии основную характеристику объекта преступления. В данном случае прокурора, лицо, производящее дознание, следователя, а тем более специальных участников судопроизводства – защитника, эксперта и других – можно рассматривать как лиц, помогающих правосудию путем подготовки, сбора материалов и участия в анализе их судом.

Поскольку в нормах рассматриваемой главы речь идет об уголовных делах и связанных с ними правоотношениях, эти нормы в равной степени осуществляют уголовно-правовую охрану и защиту правоотношений, относящихся к сфере как уголовного, так и конституционного,

гражданского, административного процесса, реализующего интересы правосудия.

Во-вторых, в учебной литературе и различных комментариях законодательства в качестве объекта преступлений против правосудия называется нормальное функционирование (или деятельность) органов, осуществляющих правосудие. Однако, на наш взгляд, такое определение подменяет содержательную характеристику объектов формальной. Дело в том, что нормальное функционирование органов дознания, предварительного следствия, суда – не самоцель, а средство обеспечения в результате процессуальной деятельности торжества законности и социальной справедливости. Поэтому правильнее определить объект рассматриваемых преступлений как совокупность общественных отношений **в сфере процессуальной деятельности**, направленной на реализацию в ней и в ее результате требований законности и социальной справедливости в каждом конкретном случае. Исходя из этого общественные отношения, возникающие в результате совершения преступлений против правосудия, помещенных в гл. 31, ограничиваются в основном вынесением обвинительного приговора суда.

В то время как преступления против порядка управления, к которым относится и ст. 321 УК РФ, включены в гл. 32 УК РФ, объединяющую общественно опасные деяния, посягающие на правильную деятельность государственного аппарата и органов местного самоуправления и сопряженные с совершением насильственных действий над должностными лицами или представителями органов управления, препятствием их деятельности, неповиновением законам или иными действиями, которые могут нарушить нормальную работу государственных органов, причинить вред их авторитету, нарушить права и интересы граждан.

Кроме того, слово «дезорганизация» означает разрушение, расстройство порядка в налаженном деле, предприятии, работе (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934. С. 671). С. И. Ожегов трактует его как нарушение порядка, дисциплины, организованности (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 140).

Применительно к деятельности уголовно-исполнительной системы данный термин в узком смысле означает сбой в работе, нарушение (прекращение, прерывание, приостановку) в течение какого-то периода нормального функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Само название ст. 321 УК РФ – «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» – подчеркивает, что указанная правовая норма регулирует и охраняет такие **общественные отношения, которые обеспечивают функционирование мест лишения свободы или мест содержания под стражей в соответствии с действующим федеральным зако-**

нодательством. Данное преступление полностью или частично, временно или навсегда затрудняет реализацию социальных возможностей в области исправительного воздействия на осужденных либо делает такую реализацию невозможной. Ради уголовно-правовой охраны значимых общественных отношений и существует уголовный закон, создаются уголовно-правовые запреты.

Также в процессе определения непосредственного объекта исследуемого преступления наряду с вышеназванным необходимо учитывать основные задачи исправительных учреждений, ибо именно в воспрепятствовании решению этих задач и заключается, прежде всего, дезорганизация работы мест, обеспечивающих изоляцию от общества, выраженная в совершении деяний, предусмотренных ст. 321 УК РФ.

Согласно ст. 1 УИК РФ задачами исправительных учреждений являются:

1) регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, которое должно осуществляться только на уровне федерального закона, что соответствует ст. 71 Конституции РФ. В данном случае под исполнением наказания следует понимать деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, на основании приговора либо определения или постановления суда, вступивших в законную силу. Под отбыванием наказания понимается порядок содержания и поведения осужденного, регламентируемые уголовно-исполнительным законодательством, определяющим лишение осужденного определенных прав и свобод или их ограничение;

2) определение средств исправления осужденных, основными из которых являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ);

3) обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных. Закон определяет, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством России (ч. 2 ст. 10 УИК РФ);

4) оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Осужденному к лишению свободы приходится переживать весьма сложные адаптивные ситуации, каждый раз заново приспособляясь: а) к требованиям режима в исправительных учреждениях, среде осужденных, материальным и бытовым ограничениям; б) новым условиям содержания при изменении вида исправительного учреждения; в) жизни на свободе после отбытия срока (ст. 180–183 УИК РФ).

Эффективно реализовать цели наказания можно, только создавая в исправительных учреждени-

ях благоприятную духовно-нравственную атмосферу, обеспечивая реальные возможности для правопослушного поведения. Результативность работы уголовно-исполнительной системы во многом зависит от строгого соблюдения осужденными законов и установленных правил поведения, безусловного выполнения ими всех законных требований, которые предъявляет к ним администрация учреждений и органов, обеспечивающих изоляцию от общества.

Таким образом, основным непосредственным объектом анализируемого состава преступления выступают общественные отношения, гарантирующие нормальное функционирование учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, направленное на исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений.

Понятие «нормальное функционирование» подразумевает беспрепятственное выполнение исправительным учреждением своих функций и задач, которые определены действующим законодательством, обеспечение неприкосновенности жизни и здоровья как представителей администрации, так и осужденных, отбывающих наказания. В связи с этим дополнительными объектами, на которые происходит посягательство при совершении преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, в зависимости от характера действий виновного могут быть жизнь и здоровье сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности, а также жизнь и здоровье осужденного, выполняющего предписание, зафиксированные в законах, или оказавшего содействие администрации вышеперечисленных учреждений.

Таким образом, по нашему мнению, ст. 321 УК РФ правильно включена в гл. 32 УК РФ «Преступления против порядка управления».

Далее целесообразно подробно рассмотреть содержание ст. 321 УК РФ.

Во-первых, в настоящее время, на наш взгляд, название этой статьи не отражает в полном объеме зафиксированные в ней действия, обозначенные словом «дезорганизация», а лишь содержит объективные признаки преступления, выражающиеся в применении насилия (угрозе такого насилия), направленного на недопущение реализации осужденным или сотрудником места лишения свободы или места содержания под стражей прав, обязанностей и требований, регламентированных УИК РФ, Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и другими нормативными актами.

Полагаем, логично было бы ввести в УК РФ новую статью (ст. 321.1) следующего содержания:

Статья 321.1. Угроза или насильственные действия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей или осужденного.

1. Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, –

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное в отношении осужденного, с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы –

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

3. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, к лицам, указанным в частях первой или второй настоящей статьи, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

4. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, к лицам, указанным в частях первой или второй настоящей статьи, –

наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет.

5. Деяния, предусмотренные частями третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные организованной группой, –

наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет.

Во-вторых, сопоставление норм УК РФ 1996 г. и УК РСФСР 1960 г. о преступлениях, посягающих на пенитенциарную систему, а также сравнительный анализ практики их применения свидетельствуют о некотором сужении уголовно-правовой базы борьбы с криминальными явлениями, нарушающими деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Так, если УК РСФСР предусматривал ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения (ст. 1883), то в УК РФ ответственность за такие деяния не предусмотрена, а переведена в разряд дисциплинарных проступков.

Статья 77¹ УК РСФСР предусматривала ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений путем терроризирования осужденных, вставших на путь исправления, совершения нападений на администрацию исправительно-трудовых учреждений, а также организации в этих целях преступных группировок или участия в таких группировках. В то время как в ст. 321 УК РФ ответственность за организацию преступных группировок в местах лишения свободы или участие в таких группировках непосредственно не предусмотрена.

Деятельность любой неформальной группировки осужденных, стремящейся к захвату лидирующего положения в их сообществе, всегда находится в конфронтации с деятельностью администрации исправительного учреждения. Непременное возникновение конфликтной ситуации и дальнейшее развитие конфликта обусловлено наличием разнополярного по своей направленности управляющего воздействия, сосредоточенного на единый объект – сообщество осужденных, оказываемого как со стороны администрации исправительного учреждения, так и со стороны лидирующей в сообществе группировки. Управленческая деятельность администрации исправительного учреждения направлена на установление предусмотренного законодательством порядка отбывания наказания. Деятельность же лидирующей группировки, стремящейся к расширению ограниченных рамками закона возможностей в удовлетворении возникающих у ее членов потребностей, наоборот, направлена на преодоление официальных запретов и по этой причине преследуется администрацией исправительного учреждения.

Противодействие, оказываемое администрации исправительного учреждения со стороны лидирующей группировки, значительно отличается от аналогичной по своему характеру деятельности, осуществляемой отдельным нарушителем (группы нарушителей) режима. Последняя преследует интересы личного, а не общественного характера и направлена только на то, чтобы «обойти» официальный запрет, поэтому не имеет широкого резонанса в сообществе осужденных. Иными словами, подобная деятельность оказывает влияние только на субъект управления (администрация исправительного учреждения) и проявляется лишь в действиях, имеющих характер воспрепятствования сотруднику пенитенциарного учреждения в осуществлении им служебных обязанностей. Деятельность же лидирующей группировки, направленная изначально на нейтрализацию управляющего воздействия администрации исправительного учреждения на сообщество осужденных, оказывает негативное влияние не только на субъект, но и на объект управления. Ослабление управленческого влияния администрации на сообщество осужденных способствует достижению задач, стоящих перед лидирующей группировкой, а именно: захват неформальной власти над сообществом остальных осужденных; использование потенциала всего сообщества для осуществления организованного противодействия администрации учреждения, что в дальнейшем неизбежно приводит к достижению конечной цели группировки – паразитическому существованию ее членов за счет сообщества осужденных в целом. Таким образом, противодействие лидирующей группировки оказывает негативное влияние на всю систему управления, организуемую администрацией исправительного учреждения.

Отдельно остановимся на вопросе о групповых акциях протеста. Один из факторов, обуславливающих актуальность проблемы развития права на современном этапе, и в частности, повышения его регулятивной роли в сфере обеспечения общественного порядка в Российской Федерации, заключается в том, что организуемые в настоящее время акции социально-политического протеста образуют дополнительные причины и условия совершения не только административных правонарушений, но и преступлений.

Государством, как известно, установлен порядок реализации конституционного права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования, а равно и административная ответственность за его нарушение (ст. 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» КоАП РФ).

Сегодня продолжается изменение взаимоотношений государства и гражданина; провозглашенные Конституцией РФ права и свободы человека в качестве высшей ценности (ст. 2) требуют сосредоточения внимания общества и государства в первую очередь на обеспечении безопасности личности, организации общественной безопасности и охраны общественного порядка, нормального порядка управления государственными учреждениями и органами, развитии на научной основе и внедрении новейших правовых институтов охраны и защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан от противоправных посягательств.

Правовое регулирование того или иного направления деятельности уголовно-исполнительной системы по обеспечению порядка в сфере управления в Российской Федерации предполагает выделение подлежащей регламентации определенной совокупности общественных отношений, в основе которых лежат порядок управления в сфере исполнения наказаний и выбор социально значимых и подлежащих в связи с этим охране и защите объектов, а также средств охраны и защиты исходя из присущей субъектам обеспечения правопорядка компетенции, определенной в их правовом статусе.

Данное утверждение следует считать верным, если признать, что сущность понятий «безопасность» и «правопорядок» состоит в том, что они отражают определенные социально-правовые цели правового регулирования и, прежде всего, законодательные меры по повышению эффективности деятельности органов исполнительной власти в сфере организации обеспечения нормальной работы государственных органов и учреждений.

Законодатель всегда стремится влиять на общественные отношения, формировать их в своих интересах, обеспечивая выгодный для себя порядок. Это – цель. А итог – приведение общественных отношений в состояние урегулированности и

порядка с помощью всех правовых средств формирования общественных отношений.

Анализ поступающей во ФСИН России информации свидетельствует о том, что лидеры преступной среды, находящиеся на свободе, не оставляют попыток дестабилизировать деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы с целью ослабления режима и создания «льготных» условий отбывания наказания для членов организованных преступных групп и сообществ, уголовных авторитетов и «воров в законе». Для достижения своих противоправных целей они привлекают общественные правозащитные организации. Вступая в прямые контакты с лидерами уголовно-преступной среды, так называемые правозащитники, напрямую используя денежные средства, добытые преступным путем, организуют в учреждениях уголовно-исполнительной системы акции с привлечением отрицательно настроенных осужденных по невыполнению законных требований администрации.

Оперативное управление ФСИН России располагает информацией о том, что координаторами проведенных акций протеста были отдельные правозащитные организации, выполнявшие прямые «заказы» криминальных структур. Информационная поддержка осуществлялась через средства массовой информации.

Учреждения и органы уголовно-исполнительной системы на подведомственной им территории имеют право и обязаны обеспечивать порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, правопорядок и безопасность находящихся на обслуживаемой территории людей, а также сохранять материальные ценности путем проведения правоохранительной политики, учитывая соотношение показателей, характеризующих состояние оперативной обстановки и результативность проводимых мероприятий, в том числе нормативно-правового характера.

В соответствии с п. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Обладание правами и свободами не означает возможности ничем не ограниченного произвола при их осуществлении или злоупотребления ими. Принцип уважения чужих прав и свобод неразрывно связан с идеей обладания основными правами.

Статья 55 Конституции РФ еще раз подтверждает главенство закона. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Соблюдение прав и свобод других лиц входит в общую систему оснований, ограничивающих злоупотребление правами и свободами. Перечисленные в ч. 3 рассматриваемой статьи основания по смыслу

совпадают с содержанием ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека.

Согласно ст. 11 УИК РФ осужденные обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов.

В ст. 102 УИК РФ закреплено, что **осужденный должен возмещать ущерб**, причиненный исправительному учреждению, **дополнительные затраты, связанные с пресечением его побега**, а также **его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью**.

В Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» указано, что учреждения, исполняющие наказания, **обязаны: «... 4) обеспечивать охрану здоровья осужденных».**

В ст. 36 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» зафиксировано, что подозреваемые и обвиняемые обязаны: «8) не препятствовать сотрудникам мест содержания под стражей, а также иным лицам, обеспечивающим порядок содержания под стражей, в выполнении ими служебных обязанностей; 9) **не совершать умышленных действий, угрожающих собственной жизни и здоровью**, а также жизни и здоровью других лиц».

В свою очередь, на ликвидацию последствий от действий осужденных по причинению себе телесных повреждений отвлекается от выполнения функциональных обязанностей большое количество сотрудников и персонала учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, при этом нередко приостанавливаются запланированные мероприятия, направленные на реализацию функций по исправлению осужденных. Кроме того, затрачиваются дополнительные силы и средства, людские ресурсы: медицинские работники – для оказания врачебной помощи, сотрудники отдела безопасности – для обеспечения охраны и надзора, оперативный состав – для проведения служебной проверки, технический персонал – в случае нарушения процесса, связанного с производством, и т. д. Наряду с этим используется медицинское оборудование, осуществляется дополнительный расход медикаментов и медицинских препаратов. При этом следует иметь в виду, что лица, организующие и совершающие данные акции, часто преследуют не личные цели, а путем шантажа пытаются принудить администрацию исправительного учреждения совершить те или иные действия, как правило, незаконные либо ущемляющие права и авторитет сотрудников места лишения свободы или содержания под стражей, что, вне всякого сомнения, ставит под угрозу весь исправительный процесс.

Подобные действия осужденных, не урегулированные нормами уголовного права и совершаемые в целях дезорганизации деятельно-

сти учреждений и органов, обеспечивающих изоляцию от общества, во-первых, создают прецедент для их многократного повторения, формируют атмосферу безнаказанности, провоцирующей в дальнейшем к совершению преступлений, и, во-вторых, в качестве результата давления, оказываемого на администрацию мест лишения свободы и мест содержания под стражей, нарушают их нормальную работу, ослабевают функции управления, дестабилизируют весь процесс исполнения наказаний.

Таким образом, пробелы в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве выражаются в том, что данные отрасли законодательства не охватывают многие преступления и правонарушения, соответственно совершаемые как внутри учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, так и за его пределами, несмотря на то, что эти деяния противоречат целям уголовного наказания, дестабилизируют обстановку в учреждении и обладают очевидной общественной опасностью.

Для того, чтобы криминализировать весь комплекс противоправных деяний, необходимо, на наш взгляд, привести содержание диспозиции ст. 321 УК РФ в соответствие с ее названием. Предлагаем следующую редакцию рассматриваемой уголовно-правовой нормы:

Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

1. Действия, выразившиеся в терроризировании осужденного (-ых) с целью воспрепятствовать его исправлению, –

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Организация групповых акций протеста, а равно активное участие в них, грубо нарушающих общественный порядок или повлекших нарушение работы учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, или сопряженных с противодействием законным требованиям сотрудников места лишения свободы или места содержания под стражей, –

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Членовредительство, совершенное в целях понуждения администрации места лишения свободы или места содержания под стражей, совершить какие-либо действия или воздержаться от совершения какого-либо действия, –

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

4. Передача любым способом лицам, содержащимся в местах лишения свободы или местах содержания под стражей, запрещенных для передачи предметов и веществ, совершенная в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, –

наказывается лишением свободы на срок до двух лет.

5. Организация группировки с целью совершения действий, предусмотренных настоящей статьей, либо активное участие в деятельности такой группировки, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

Примечания. 1. Под терроризированием в настоящей статье понимается умышленное психическое воздействие на психику человека или группы людей, осуществляемое против или помимо их воли, выражающееся в действиях, непосредственно влекущих психическую травму: оскорблениях, издевательствах, клевете, шантаже, дискредитации, принуждении и понуждении, направленных на подавление свободы волеизъявления, а также физическом насилии, выражающемся в истязании, издевательствах, осуществлении поборов (имущества, продуктов питания), и других методах, способных принудить человека к определенным действиям вопреки его собственной воле.

2. Под членовредительством в настоящей статье понимается сознательное причинение человеком вреда своему здоровью. Представляет собой умышленное повреждение различных органов или тканей тела. Может быть осуществлено различными способами: огнестрельным или холодным оружием, режущими или колющими предметами, путем использования транспортных средств или других механизмов, принятия внутрь лекарственных или ядовитых веществ, введения под кожу различных растворов и др.

3. Лицо, добровольно прекратившее участие в преступной группировке и активно способствующее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Предлагаемый вариант редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы призван защитить уголовно-исполнительные правоотношения, обеспечивающие в местах лишения свободы или местах содержания под стражей законодательно установленный порядок управления, направленный на реализацию целей наказания.

Закрепленные в статье цели осуществления преступной деятельности отражают ее дезорганизационный характер. Под термином «терроризирование» в Толковом словаре русского языка подразумеваются действия, направленные на устрашение, запугивание или удержание в состоянии постоянного страха (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 784). Поэтому фраза «терроризирование осужденных» отражает, на наш взгляд, не только насильственный характер деятельности, осуществляемой, как пра-

вило, лидирующей группировкой, но и ее направленность на распространение своего неформального влияния на сообщество осужденных. В то же время преступное посягательство направлено на воспрепятствование деятельности, осуществляемой администрацией исправительного учреждения в целом, а не отдельным ее сотрудником.

Участниками лидирующей группировки (устойчивой группы лиц) могут быть не только осужденные, но и лица, обладающие общеправовым гражданским статусом. В исследованиях многих криминологов отмечаются факты привлечения к сотрудничеству с группировкой иных лиц, не обладающих статусом осужденного, отбывающего лишения свободы, во-первых, для поддержания нелегальных связей с внешним миром; во-вторых, сбора необходимой для группировки информации разведывательного характера, в том числе о сотрудниках исправительного учреждения; в-третьих, хранения материальных и денежных средств, собираемого группировкой «общака».

Оперативные подразделения неоднократно фиксируют попытки оказания анонимными лицами психического воздействия на администрацию исправительного учреждения с целью вынуждения ее отказаться от исполнения возложенных на нее служебных обязанностей, а также попытки блокирования или совершения действий, нарушающих товарно-договорные отношения с поставщиками продукции, оказания воздействия на авторитет исправительных учреждений через средства массовой информации и т. д.

Параллельно с внесением изменений в УК РФ необходимо дополнить либо скорректировать нормы иных нормативных правовых актов:

1) в связи с тем, что ряд действий, указанных в ст. 321 УК РФ, перекликаются с нарушениями режима отбывания наказания, сформулированными в ст. 116 УИК РФ, представляется необходимым **пересмотреть перечень злостных нарушений режима отбывания наказаний** с целью их разграничения в зависимости от общественной опасности деяния;

2) дополнить Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы (пп. 18, 19), Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (пп. 14, 15), Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов (пп. 1, 3 Правил поведения подозреваемых и обвиняемых) формулировками следующего содержания: **Обязан заботиться о своем здоровье, не совершать умышленных действий, угрожающих своим жизни и здоровью; Запрещается умышленно причинять вред своему здоровью (членовредительство);**

3) внести в Правила внутреннего распорядка учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, дополнения, связанные с запретом хранения и передачи запрещенных предметов и веществ:

а) дополнить перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, следующим пунктом: **средства телефонной и радиосвязи;**

б) дополнить приложением следующего содержания:

Перечень

предметов и веществ,

представляющих опасность для жизни и здоровья или могущих быть использованными в качестве орудия преступления либо для воспрепятствования целям исполнения наказаний, либо содержания под стражей, за передачу которых после ранее наложенного административного взыскания по ст. 19.12 КоАП РФ предусмотрена уголовная ответственность

1. Колюще-режущие предметы, конструктивно схожие с холодным оружием.

2. Психотропные, токсические и сильнодействующие вещества, лекарственные препараты ограниченного распространения.

3. Средства телефонной и радиосвязи.

4. Спиртосодержащие жидкости и вещества.

Библиографический список

1. *Джу́жа, А. Н.* Борьба с действиями, дезорганизующими работу исправительных учреждений : учеб. пособие / А. Н. Джу́жа. – Киев, 1988.

2. *Миньковский, Г. М.* Социальное планирование в сфере борьбы с преступностью и проблемы борьбы с рецидивом / Г. М. Миньковский // Планирование мер борьбы с преступностью. – М., 1982.

3. *Назаров, С. В.* Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / С. В. Назаров ; под ред. А. А. Магомедова ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2002.

Bibliographical list

1. *Dzhuzha, A. N.* Struggle Against Factors Disorganizing Correctional Institutions Functioning / A. N. Dzhuzha. – Kiev, 1988.

2. *Minkovsky, G. M.* Social Planning in the Sphere of Crime Prevention and Recurrence Problem / Finding Measures in Solving the Problem of Crime Prevention / G. M. Minkovsky. – M., 1982.

3. *Nazarov, S. V.* Disorganization of the Correctional Institutions Functioning: Penal and Criminological Research / S. V. Nazarov ; ed. by A. A. Mogomedova ; Vladimir Law Institute of the Ministry of Justice. – Vladimir, 2002.

С. Д. Белоцерковский,
*ведущий научный сотрудник отдела
проблем борьбы с организованной
преступностью, терроризмом
и экстремизмом НИИ Академии
Генеральной прокуратуры РФ
кандидат юридических наук, доцент*

S. D. Belocerkovskiy,
*the leading research worker
of NII of Academy of the General Prosecution
of Russian Federation
candidate of law, assistant professor*

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И БОРЬБА С НЕЙ**
**Organizational Activity of Participants of the Organized Criminal Formings
in the Places of Imprisonment and Fight Against It**

Аннотация. Статья посвящена борьбе с организованной преступностью в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Приводится перечень данных, свидетельствующих об осуществлении организационной деятельности участниками организованных преступных формирований. Даются рекомендации по ликвидации такой деятельности и устранении ее негативного влияния на основную массу осужденных. Высказываются предложения, направленные на оптимизацию борьбы с организованной преступностью в учреждениях уголовно-исполнительной системы

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; организованная преступность; организованные преступные формирования; криминальное общество; лидеры криминальной среды; организационная деятельность; криминальная субкультура

Annotation. Paper is devoted to the fight against organized crime in the institutions enforcing the penalty of deprivation of liberty. A list of evidence on the implementation of the organizational activities of members of organized criminal groups. The recommendations to eliminate such activity and its negative impact on the bulk of the convicts. Suggestions have been made to optimize the fight against organized crime in the penal system

Key words: the correctional system, organized crime, organized crime formation, a criminal society, leaders of the criminal milieu, organizational activities; criminal subculture

В системе мер борьбы с организованной преступностью важное место занимают меры обеспечения законности в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Специфика применения этих мер заключается в том, что данная деятельность регулируется целой совокупностью законов, а также иных нормативных актов, регламентирующих обозначенную сферу правовых отношений.

Кроме положений Конституции Российской Федерации и ратифицированных Россией международно-правовых актов, сюда относятся Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (Рос. газ. 1997. 16 янв.) и Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316.).

Помимо этого в данной сфере действуют и подзаконные нормативные акты, принимаемые Правительством Российской Федерации, другими компетентными органами, которыми создается на основе и во исполнение законов реальный механизм обеспечения целей исполнения наказаний.

Одной из главных задач в деятельности администраций учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, является соблюдение

установленных законодательством Российской Федерации не только прав, но и обязанностей лиц, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания.

Исполнение наказаний в виде лишения свободы в отношении участников организованных преступных формирований вызывает определенную сложность и имеет специфику по двум основным взаимосвязанным причинам:

– во-первых, данная категория лиц, оказавшись в местах лишения свободы, предпринимает попытки установить контроль за деятельностью исправительного учреждения;

– во-вторых, они пропагандируют ценности «криминального общества» и приобщают к ним основную массу осужденных, навязывая им нормы поведения, традиции и обычаи криминальной субкультуры, и таким образом вовлекают последних в занятие преступной деятельностью.

Поэтому администрации исправительных учреждений должны сосредоточить внимание на пресечении организационной деятельности лидеров криминальной среды, ослаблении и ликвидации их неформального влияния на основную массу осужденных.

В результате проведенных криминологических исследований были установлены данные, свидетельствующие об активном ведении такой

организационной деятельности лидерами криминальной среды в местах лишения свободы.

1. Прежде всего, это наличие у указанной категории лиц ряда дисциплинарных взысканий за такое нарушение режима содержания, как «межкамерная связь».

2. Факты изъятия у таких лиц запрещенных предметов: средств связи (мобильных телефонов), наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, алкогольных напитков, денежных средств, а также таких средств коммуникации в преступной среде, как «малявы» и «прогоны».

3. Установление фактов необоснованного предоставления администрацией места лишения свободы таким лицам не предусмотренных режимом содержания льгот или снятия предусмотренных режимом содержания ограничений является важным обстоятельством, свидетельствующим об их влиянии не только на основную массу осужденных, но и на администрацию исправительного учреждения.

4. Наличие фактов обращения осужденных в медицинскую часть исправительного учреждения за оказанием медицинской помощи в связи с полученными травмами независимо от объяснений осужденными обстоятельств их происхождения.

При этом следует учитывать, что организационная деятельность лидеров криминальной среды в местах лишения свободы общественно опасна не только в связи с вышеперечисленными обстоятельствами, она часто может иметь своей конечной целью дезорганизацию деятельности исправительного учреждения.

Поэтому полагаем, что деятельность администраций исправительных учреждений в отношении осужденных – участников организованных преступных формирований должна быть направлена: на изоляцию таких лиц от основной массы осужденных; разобщение организуемых ими группировок; ослабление их негативного влияния на основную массу осужденных, а также устранение и нейтрализацию криминогенных факторов, обуславливающих осуществление такой деятельности; преодоление негативных отношений между осужденными, возникающих и существующих на базе криминальной субкультуры.

С этой целью администрациям необходимо обращать особое внимание и незамедлительно реагировать на злостные нарушения осужденными – участниками организованных преступных формирований установленного порядка отбывания наказания, предусмотренные ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, как-то:

– противодействие со стороны лидеров криминальной среды оперативным аппаратам мест

отбывания наказаний в виде лишения свободы путем ведения контрразведывательной работы;

– установление неконтролируемых администрациями исправительных учреждений каналов связи с преступной средой извне для продолжения выполнения своих организационных функций, обеспечения особого положения в среде осужденных, доставки в исправительное учреждение денег, спиртных напитков, наркотиков, обмена информацией, используемой в криминальных целях с осужденными других исправительных учреждений, регионов;

– подрыв авторитета персонала исправительных учреждений путем выявления недостатков, нарушений, просчетов в их деятельности, провоцирования отдельных сотрудников на нарушение законов, создание конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с осужденными;

– выполнение функций по разрешению конфликтов среди осужденных, наложение карательных санкций;

– распространение ложных слухов, дезинформации в среде соперничающих группировок и основной массе осужденных;

– санкционирование совершения преступлений в отношении неугодных лиц, наказание виновных;

– обработка вновь прибывших осужденных, навязывание им криминальной идеологии, противоречащего требованиям режима содержания поведения;

– выявление среди персонала исправительных учреждений лиц, не устойчивых к подкупу, склонных к вступлению в коррупционные связи;

– воспрепятствование сотрудникам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в исправительных учреждениях, иметь достоверную информацию о ситуации в среде осужденных;

– создание атрибутов, подчеркивающих превосходство, авторитет, особое положение в среде осужденных (занятие лучших мест в общежитиях, устройство на престижные рабочие места и должности в столовую, баню, парикмахерскую, комнаты длительных свиданий, бригадами, нарядами; ношение одежды не установленного образца; наличие продуктов питания и предметов первой необходимости в большом ассортименте); отличающиеся линия поведения, форма общения; жаргон; татуировки; клички и др. (Меркурьев В. В. Стратегия борьбы с организованной преступностью в исправительных учреждениях России в начале XXI века // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2008. С. 434–437).

Решающее значение имеет безотлагательное применение мер реагирования. В противном случае велика вероятность эскалации негативной ситуации в исправительном учреждении.

Полагаем, что оптимальным решением вопроса о нейтрализации негативного влияния осужденных – участников организованных преступных формирований на основную массу осужденных в местах лишения свободы стало бы внесение в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации изменений, связанных с установлением раздельного содержания представителей «криминального общества» и остальных заключенных.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации устанавливает исчерпывающие критерии раздельного содержания осужденных к лишению свободы, в основу которых положены в том числе и общественная опасность совершенного преступления, форма вины, прошлая преступная деятельность.

Однако состав осужденных всегда подвержен не только количественным, но и качественным изменениям, что связано, в частности, с появлением новых видов преступлений. Поэтому на практике создаются специализированные исправительные учреждения, что вполне соответствует зарубежному опыту. Таким образом, общая тенденция развития пенитенциарных систем заключается в расширении видов исправительных учреждений.

В связи с этим считаем, что, учитывая общественную опасность осужденных – участников организованных преступных формирований, а также специфику исполнения в отношении их наказаний в виде лишения свободы, указанная категория лиц должна содержаться изолированно от основной массы осужденных.

Библиографический список

1. Меркурьев, В. В. Стратегия борьбы с организованной преступностью в исправительных учреждениях России в начале XXI века / В. В. Меркурьев // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. – М., 2008.

2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации : [от 21 июля 1993 г. № 5473-1] // Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. – 1993. – № 33, ст. 1316.

Bibliographical list

1. Merkurev, V. V. Strategija of Struggle Against the Organised Crime in Correctional Facilities of Russia in the XXI Century Beginning / V. V. Merkurev // Criminality Counteraction: Criminally-Legal, Criminally-executive Aspects. – M., 2008.

2. Sheets SPD and VS of the Russian Federation. – 1993. – № 33, it. 1316.

А. В. Кудрявцев,
заместитель начальника кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

A. W. Kudryawtsew,
deputy chief of the operative-research activity chair
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia
candidate of law

**КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РЕЖИМНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ**
The Concept of Rapid-Mode of Punishment of Imprisonment: the Need Development

Аннотация. Автор исследует факторы, оказывающие влияние на осуществление оперативно-розыскной деятельности в системе наказаний в Российской Федерации на современном этапе. Необходимость развития оперативно-розыскной деятельности обоснована автором.

Ключевые слова: концепция, фактор, наказание, преступление.

Annotation. The author investigates factors, which have an influence on realization of the operative-research activity in the Penalty System of Russian Federation at the contemporary period. The necessity of development of the operative-research activity is substantiated by the author.

Key words: conception, factor, crime, penalty.

В настоящее время в пенитенциарной системе России происходят достаточно серьезные изменения, оказывающие в свою очередь влияние на оперативную обстановку в исправительных учреждениях.

Федеральная служба исполнения наказаний (далее: ФСИН России), в целом контролируя обстановку в местах лишения свободы, отмечает, что в связи с изменением уголовной политики государства, либерализацией наказания в отношении лиц, совершивших малозначительные преступления, ухудшается криминальный состав спецконтингента. Количество лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе за убийства, похищения людей и терроризм, за последние годы возросло почти в 2 раза (Итоги деятельности УИС Минюста России. М., 2003. С. 3). Ранее было высказано мнение о том, что в исправительных колониях в 2004–2008 гг. следует ожидать роста числа осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве, на 10–12 тыс. человек в год. Вероятно, большинство осужденных будут составлять лица молодого возраста, не работающие, хотя и трудоспособные, а также лица без постоянного источника дохода. На период 2004–2008 гг. ожидается увеличение данной категории осужденных на 3–5 %, а также ухудшение криминологических характеристик спецконтингента, поступающего и содержащегося в исправительных колониях и следственных изоляторах (Бланков А. С., Тонконогов А. В. Прогнозирование развития ситуации в уголовно-исполнительной системе в период реформирования // Пути повышения эффективности деятельности УИС Минюста России в современный период : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2004. С. 207–208). В целом данный прогноз оправдался.

За 2007 г. численность лиц, содержащихся в исправительных колониях, выросла на 19,7 тыс., за 6 месяцев 2008 г. – еще на 12 тыс. и приблизилась к 895 тыс. человек. При этом доля осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления превысила 70 %. Несколько лет назад она составляла 30–35 % (Калинин Ю. И. Курсом укрепления правопорядка и законности // Ведомости УИС. 2008. № 9. С. 3–4).

Наряду с ухудшением криминального состава среди поступающих осужденных увеличивается количество больных наркоманией, психическими расстройствами, ВИЧ-инфицированных, осужденных, не имеющих образования, трудовых навыков (Чайка Ю. Я. Сохранить и преумножить темпы реформирования и дальнейшего развития системы юстиции // Преступление и наказание. 2004. № 2. С. 6). Сейчас каждый четвертый осужденный отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, 46 % отбывают наказание второй раз и более (Калинин Ю. И. Указ. соч. С. 5).

Среди содержащихся в местах лишения свободы более 400 тыс. человек склонны к различным формам деструктивного поведения – членовредительству, суициду, агрессии, непредсказуемым действиям, нападениям на сотрудников, других осужденных. Большинство состоит на диспансерном учете по поводу различных заболеваний (Там же). В места отбывания наказаний попадает все больше людей, выросших в постперестроечный период, в социальных условиях 90-х гг. прошлого столетия.

Очевидно, что увеличение количества выпечеречисленных категорий осужденных в значительной степени затрудняет деятельность практически всех служб органов и учреждений

системы: оперативных аппаратов, режимных, воспитательных, психологических, медицинских служб, производственного сектора, служб тыла и других, а также негативно влияет на возможности использования средств исправления осужденных, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством.

Вышеуказанные тенденции, безусловно, являются одними из основных причин сохранения высокого уровня преступности в пенитенциарной системе. Высоким также остается уровень нападений на сотрудников учреждений в связи с выполнением ими профессиональной деятельности.

Следует отметить, что уровень криминогенности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) является следствием тенденций общегосударственной и даже мировой преступности. Полагаем, что данный тезис вряд ли вызывает какие-либо серьезные возражения.

Профессор В. В. Лунеев отмечает следующее по данному поводу.

1. В стране идет социально-психологический процесс интенсивного привыкания населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым формам, организованной, террористической и коррупционной.

2. В виртуальном кинотелемире непрерывно идущих фильмов на криминальные темы показывается то же, что и существует в реальной преступной действительности, и они вызывают массовый интерес.

3. Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения – утилитарна: корысть, различные формы личной выгоды, власть, месть, секс и т. д.

4. За прошедшее столетие преступность в мире в среднем увеличилась на порядок. Аналогичная ситуация была и в нашей стране.

5. Наряду с фактическим ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведение в ранг преступления) новых видов общественно опасного поведения.

6. Процесс интенсивной криминализации новых деяний, совершаемых простыми людьми, отрицательно коррелирует с не менее интенсивным торможением возведения в ранг преступлений общественно опасных деяний, совершаемых политической, экономической и правящей элитой.

7. Интенсивное расширение сферы уголовно наказуемого поведения в принципе ошибочно расценивать как укрепление правопорядка.

8. Система уголовной юстиции в основном нацелена на бедные, низшие, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния.

9. Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные; правящая, политическая, экономическая элита; президенты, премьер-министры, министры и губернаторы. Коэффициент поражаемости реальной преступностью элитарных групп (как отношение преступников из этих групп к общему числу лиц данных групп) не ниже (или не намного ниже), чем самых неблагополучных слоев населения (Лунеев В. В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз. URL: <http://www.yurclub.ru>).

Подобные трансформации преступности в государстве не могут не накладывать отпечаток на деятельность пенитенциарной системы. Проведенные нами исследования это подтверждают. Так, 73 % опрошенных нами сотрудников УИС убеждены в том, что тенденции преступности в России оказывают значительное влияние на происходящие в исправительных учреждениях процессы¹.

Таким образом, на современном этапе развития государства наблюдается изменение качественного состава лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы. По мнению экспертов, в среднесрочной перспективе следует прогнозировать рост числа лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности. Так, на основе материалов Верховного Суда Российской Федерации в прошлом году было осуждено 1300 взяточников, из них каждый пятый – женщина (Куликов В. Перепись в крупную клетку // Рос. газ. 2009. 3 февр. С. 9). Кроме того, увеличатся и сроки отбывания наказания за данные преступления.

Без сомнения, указанные тенденции не могут не сказываться на специфике оперативно-режимного обеспечения отбывания наказаний в местах лишения свободы. Столь радикальное изменение объекта данного обеспечения требует разработки специфических методик его осуществления, научных основ организации и тактики оперативно-розыскной деятельности в УИС.

Возвращаясь к анализу преступности в местах лишения свободы, отметим, что статистика

¹ Автором используются результаты проведенного анкетирования, в котором принимали участие 250 сотрудников оперативных аппаратов органов и учреждений, представляющих 26 регионов Российской Федерации (Брянская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Ивановская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Костромская обл., Респ. Коми, Краснодарский край, Красноярский край, Мурманская обл., Нижегородская обл., Омская обл., Оренбургская обл., Ростовская обл., Рязанская обл., Саратовская обл., Сахалинская обл., Респ. Саха, Ставропольский край, Респ. Татарстан, Тамбовская обл., Тверская обл., Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская обл.).

свидетельствует о сокращении в 2007 г. числа преступлений в УИС на 7,6 %, побегов – на 16 %, в том числе из колоний-поселений на 12 %.

Однако в последнее время значительно увеличилось количество фактов, связанных с противодействием администрации исправительных учреждений со стороны осужденных, массовых беспорядков, действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Примером тому могут служить события 2007 г. в Санкт-Петербурге, Республике Саха (Якутия). Кроме того, в том же 2007 г. противоправные акции с участием значительного количества осужденных были допущены в исправительных учреждениях Томской, Самарской, Свердловской областей. В 2008 г. подобные инциденты были зафиксированы в Челябинской и Ростовской областях. Так, в июне 2008 г. в исправительной колонии № 10 Ростовской области при проведении обысковых мероприятий группа осужденных напала на сотрудников колонии, нанося удары руками и ногами, пыталась заблокировать их в локальном участке. Использовались подручные предметы – камни, табуреты. Групповое неповиновение было пресечено, но 16 сотрудников колонии получили травмы, трое были госпитализированы.

Такое противодействие осужденных, которое в научной литературе называют криминальным, проявляется в различных формах: совершение преступлений и нарушений требований режима содержания, подстрекательство основной массы осужденных на противодействие администрации, отказ от трудовой деятельности, безосновательные факты голодовок и членовредительства, противодействие оперативно-розыскной деятельности и др.

Особенность противодействия в исправительных учреждениях проявляется не только в действиях осужденных, но и в противодействии криминала, находящегося на свободе. Направлено оно на дестабилизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, причем используются различные способы: от лоббирования принятия «нужных» нормативных правовых актов до дискредитации образа сотрудника исправительного учреждения в сознании граждан.

По нашему мнению, в настоящее время государство должно больше внимания уделять уголовно-исполнительной политике (ее оперативно-розыскной составляющей) в целом и нейтрализации противодействия криминала, в частности.

Кроме того, на современном этапе существует настоятельная необходимость в повыше-

нии престижа службы в УИС в целом и в оперативных подразделениях, в частности. Это подтверждают исследования ученых. Так, О. А. Вагин и А. П. Исиченко отмечают, что анализ статистических данных о движении кадров в оперативных подразделениях УИС за последние годы выявил неблагоприятные тенденции. Остается высокой текучесть оперативного состава, которая в среднегодовом исчислении достигает 20 %, а некомплект составляет 8,5–9 %. Другими словами, кадры оперативных подразделений, подведомственных Оперативному управлению ФСИН России, обновляются практически каждые пять лет. Более чем у трети (36,8 %) сотрудников стаж оперативной работы не превышает трех лет. Если учесть, что пополнение оперативных подразделений происходит в основном за счет других служб УИС, то вряд ли можно говорить о стабильном росте профессионализма оперативных работников. Более того, стремительное увеличение доли сотрудников со стажем службы в оперативных подразделениях свыше пяти лет может привести к нежелательно быстрому старению оперсостава, а следовательно, к массовому увольнению на пенсию и «вымыванию» профессионального ядра оперативников. В то же время статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что непосредственно в уголовной среде, т. е. в исправительных и воспитательных колониях, работают преимущественно молодые, недостаточно опытные оперативные сотрудники (Вагин О. А., Исиченко А. П. Проблемы социальной и правовой защиты сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // Проблемы оперативно-розыскной деятельности и безопасности в уголовно-исполнительной системе : сб. ст. / под науч. ред. К. К. Горяинова. М., 2007. С. 24–25).

Говоря о причинах подобного положения, вышеуказанными учеными отмечается следующее. Неблагоприятные тенденции в движении кадров, прежде всего высокая текучесть и отток из системы квалифицированных сотрудников, обусловлены возросшей физической и психологической нагрузкой на персонал УИС, отставанием заработной платы сотрудников от роста прожиточного минимума, нерешенностью вопросов правовой и социальной защиты. И если это справедливо по отношению ко всему персоналу ФСИН России, то применительно к сотрудникам оперативных подразделений справедливо вдвойне. По сравнению со своими коллегами из других подразделений оперработники несут более высокую нагрузку. Интенсивность их труда не укладывается ни в какие нормативы рабочего време-

ни. В зависимости от складывающейся обстановки их рабочий день может продолжаться 12–15 ч, а в отдельных случаях, например при розыске бежавших осужденных, и того больше. Оперработникам чаще других сотрудников приходится общаться со всеми категориями осужденных, рискуя личной безопасностью (Там же).

На то, что к профессиональным навыкам оперативного состава и в целом к процессу оперативно-режимного обеспечения в УИС должны предъявляться в настоящее время весьма серьезные требования, указывает в числе прочего следующее. В учреждениях УИС содержатся 90 так называемых воров в законе и 649 лидеров уголовно-преступной среды. Выявлено 468 группировок осужденных, противодействующих деятельности администрации учреждений, в отношении которых совместно с оперативными подразделениями органов внутренних дел и органов безопасности проводятся организационные и оперативные мероприятия по нейтрализации их влияния на основную массу осужденных (О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Вологда, 2009. С. 47). При этом количество содержащихся в местах лишения свободы так называемых воров в законе увеличилось по сравнению с 2007 г. на 18 человек¹.

Кроме того, в местах лишения свободы находятся: 367 обвиняемых и осужденных за совершение преступлений экстремистского характера, 2175 обвиняемых и осужденных за преступления террористической направленности и участие в незаконных вооруженных формированиях, 3289 обвиняемых и осужденных за бандитизм, участие в организации и преступную деятельность в составе преступных группировок. На оперативном учете состоят 26 членов международной экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»)².

Без сомнения, наличие столь криминогенных категорий осужденных не может не оказывать негативного влияния на состояние оперативной обстановки в исправительных учреждениях. И в противодействии деструктивному влиянию лидеров преступной среды в пенитенциарной системе основная роль отводится оперативному составу. При этом следует учиты-

вать тот факт, что если оперативные отделы и другие подразделения исправительных учреждений эти процессы не контролируют и не противодействуют им, то осужденные всегда находятся в состоянии готовности поддержать инициативы лидеров.

Рассмотренные причины и условия, детерминирующие исключительную важность оперативно-режимного обеспечения отбывания наказаний, связанных с лишением свободы, обуславливают необходимость выработки концептуальных основ данного вида деятельности в УИС.

В связи с этим принципиальное значение имеет уточнение термина «концепция». В общем виде понятие «концепция» означает систему определенных знаний, научную трактовку того или иного явления. Данные значения должны быть определенным образом систематизированы, содержать элементы новизны.

Так, например, профессор В. Е. Эминов под концепцией борьбы с преступностью понимает комплекс основных теоретических положений, раскрывающих социально-экономические условия, состояние и прогноз развития преступности, совокупность основных понятий, цели, задачи, принципы и направления борьбы с преступностью (Эминов В. Е. Концепция борьбы с организованной преступностью в России. М., 2007. С. 10).

Значение концепции развития организации оперативно-режимного обеспечения отбывания наказаний в виде лишения свободы в УИС заключается прежде всего в том, что она должна содержать новые теоретические положения по данным вопросам. В то же время концепция должна иметь и прикладное значение: на ее основе должны разрабатываться программы, правовые акты, конкретные мероприятия, связанные с осуществлением рассматриваемой деятельности.

Таким образом, концепция развития оперативно-режимного обеспечения отбывания наказания в виде лишения свободы – это система научно обоснованных взглядов и предложений, объединенных общими целями, направленных на выработку оптимальной модели данной деятельности с учетом новых требований, предъявляемых к функционированию УИС.

При разработке указанной концепции нам представляется целесообразным сконцентрировать усилия на следующих направлениях.

1. Разработка теоретико-правовых аспектов, связанных с сущностью оперативно-режимного обеспечения отбывания наказаний в виде лишения свободы, в особенности оперативно-розыскной его составляющей.

¹ На 1 января 2007 г. в учреждениях УИС содержались 72 так называемых вора в законе, 732 лидера уголовной среды и было выявлено 613 группировок отрицательной направленности.

² Создана в 1953 г. в Иерусалиме. Ее глубоко законспирированная сеть действовала в России на территории Приволжского федерального округа.

2. Обоснование системы мер, направленных на формирование и укрепление профессионального кадрового состава служб, осуществляющих оперативно-режимное обеспечение отбывания наказаний в виде лишения свободы.

Данное направление должно включить в себя меры по социальной и материальной поддержке сотрудников УИС, формированию позитивного образа относительно осуществляе-

мой деятельности и самих сотрудников оперативно-режимных подразделений, повышению престижа службы в них.

3. Изучение и анализ современного состояния оперативно-режимной деятельности в УИС.

4. Разработка научно обоснованной системы мероприятий организационно-тактического характера, направленных на повышение эффективности оперативно-режимного обеспечения отбывания наказаний в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. *Горяинов, К. К.* Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / К. К. Горяинов // *Оперативник (сыщик)*. – 2006. – № 1(6).

2. *Лунеев, В. В.* Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru>.

3. *Эминов, В. Е.* Концепция борьбы с организованной преступностью / В. Е. Эминов. – М., 2007.

Bibliographical list

1. *Goryainow, K. K.* Some Ways of Development of the Efficient Search / K. K. Goryainow // *The Efficient Searcher (Police Spy)*. – 2006. – № 1.

2. *Luneev, W. W.* Criminality in Russia: Tendency, Effectiveness of Fighting, Forecast. – URL: www.jureclub.ru.

3. *Eminow, W. E.* The Conception of the Organized Crime Fighting Russia / W. E. Eminow. – М., 2007.

И. Н. Куркина,
доцент кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

I. N. Kurkina,
assistant-professor of the department of humanitarian
disciplines of the Vladimir Law Institute
of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia
candidate of pedagogical sciences

**ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ НА РОССИЙСКУЮ ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ СИСТЕМУ**
Influence of International Standards in the Enforcement of Sentences of Juvenile Convicts on Russia's Prison System

Аннотация. Статья посвящена проблемам соответствия российских норм исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей международным стандартам обращения с осужденными. Автор уделяет внимание проблемам, осложняющим процесс интеграции России в европейские правоохранительные структуры, а также обосновывает необходимость проведения реформ уголовно-исполнительной системы страны.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека, международное полицейское сотрудничество, международные стандарты, несовершеннолетние осужденные, пенитенциарная система, социально-реабилитационная помощь.

Annotation. The article is devoted to the problem of correspondence of Russian standards of execution of sentences for juvenile convicts to international legislation. The author analyses the difficulties of Russian integration into European law enforcement system and argues the necessity of Penal system reforms.

Key words: Universal declaration of human rights, international police cooperation, international standards, juvenile convicts, Penal System, social-rehabilitation assistance.

Как известно, одним из важнейших условий построения правового государства является приведение всей системы законодательства и практики обеспечения правопорядка в соответствие с мировыми и европейскими стандартами. Экономическая интеграция государств, увеличивающиеся потребности в противодействии на международном уровне организованной преступности и терроризму, торговле наркотиками и оружием, коррупции и «отмыванию» доходов, полученных незаконным путем, преступности в молодежной среде, усиление взаимозависимости стран создали объективные предпосылки для координации государствами их уголовной политики, а также практической деятельности правоохранительных органов. Это выражается, прежде всего, в активизации международного полицейского сотрудничества государств. Все это обусловило необходимость проведения в России реформ уголовно-исполнительной системы.

Конституция Российской Федерации провозгласила Россию правовым государством, закрепила смену приоритетов в деятельности государственных органов и государственном управлении, что повлекло за собой изучение зарубежного опыта в этом направлении. Обстоятельства подобного рода обуславливают постоянный интерес к организации деятельности полиции развитых стран как к одному из институтов исполнительной ветви власти, взаимодействию полицейских органов, формам и видам их сотрудничества как на национальном, так и на международном уровнях, не оставляя без внимания и сферу исполнения наказаний.

Помимо этого следует учитывать, что постоянно расширяется круг деяний, представляющих международную опасность (терроризм, нелегальная миграция, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оружия, радиоактивных материалов и т. д.), а преступность, к сожалению, молодеет. Злоупотребление спиртными напитками, токсическими веществами часто является первопричиной неосознанного поведения и совершения подростками уголовно наказуемых деяний. Данная проблема затрагивает фактически все страны мира. Так, по данным ГИЦ МВД России, в штате Техас (США) из 166 несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за первое полугодие 2008 г., 137 находились в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения (Переводы материалов о практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. М., 2008. Вып. 6).

Подобные качественные изменения преступности вызывают заинтересованность национальных полицейских систем в совместном поиске наиболее эффективных путей, средств, методов противодействия преступным проявлениям.

На протяжении длительного периода времени международным стандартам обращения с осужденными не придавалось какого-либо значения, помимо сугубо информационного. Достаточно сказать, что отдельные официальные издания Минимальных стандартных правил обращения с заключенными выходили в СССР под грифом «Для служебного пользования». Более позднее изложение ряда международных

стандартов в открытой печати нередко сопровождалось неизменной оговоркой, что «наше законодательство в отношении несовершеннолетних осужденных не только соответствует Правилам, но и во многом идет дальше них» (Стручков Я. А., Вожаков О. И., Ускова И. Б. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. Рязань, 1977. С. 55), хотя, действительно, по ряду направлений деятельности так оно и было, в частности образование, профессиональное обучение, патриотическое воспитание и др.

До начала 1990-х гг. международные стандарты обращения с несовершеннолетними, совершившими правонарушения, самостоятельно не освещались и не были введены в повседневный широкий научный оборот. В условиях сложившегося в стране административно-командного механизма управления ведомственная закрытость уголовно-исполнительной системы не способствовала правильному восприятию общепризнанных международных стандартов практическими работниками и препятствовала объективной оценке существующего в данной системе фактического положения с позиций международных стандартов.

С демократизацией общества, постепенным вхождением СССР и России в мировое сообщество международные стандарты обращения с осужденными, в том числе несовершеннолетними, стали существенным фактором радикальных преобразований в уголовно-исполнительной политике, а в международном аспекте – одним из критериев «цивилизованности» отечественной системы уголовной юстиции в целом.

На протяжении последних десятилетий стремление к реализации международных стандартов обращения с заключенными неоднократно провозглашалось государственными органами России.

Еще в 1989 г. СССР подписал Венские соглашения, на основании которых взял на себя обязательство обеспечивать, чтобы со всеми лицами, содержащимися под стражей или в заключении, обращались гуманно и с уважением достоинства, присущего человеческой личности, а также соблюдать принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 84–85). Аналогичное положение содержалось в подписанном СССР Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. (Сов. государство и право. 1990. № 11. С. 97–98). Взятые СССР обязательства в большей степени реализовались в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

С конца 1980-х гг. международные стандарты обращения с несовершеннолетними осужденными занимали все большее место и в ведомственных документах, определяющих пути реформы уголовно-исполнительной системы в новых социально-экономических условиях. В конечном итоге это способствовало формированию общественного мнения и нового профессионального сознания работников уголовно-исполнительной системы.

В 1994 г. Государственная Дума подтвердила готовность России стать полноправным членом Совета Европы, заявила о намерении и далее совершенствовать российское законодательство в области прав человека в духе Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (О заявлении Государственной Думы о соблюдении Российской Федерацией стандартов в области прав человека : постановление ГД ФС РФ от 24 июня 1994 г. № 149-1 ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1460).

В целом специализированные международные стандарты обращения с осужденными носят рекомендательный характер. Вместе с тем юридическое значение специализированных международных стандартов не следует недооценивать. Несмотря на то, что они не имеют обязательного законного статуса в международном праве, они широко признаны международным сообществом в качестве правил, отражающих фактически существующее положение в наиболее прогрессивных системах обращения с осужденными. Как в резолюциях ООН, так и в резолюциях Европейского Совета предусмотрен контроль за реализацией международных стандартов с тем, чтобы сохранить в международном масштабе их высокий морально-политический статус. Так, в отношении несовершеннолетних правонарушителей это выражается прежде всего в принципах, являющихся основополагающими для функционирования уголовно-исполнительной системы: гуманизм, законность, мораль, справедливость и уважение человеческого достоинства.

Международно-правовые стандарты обращения с несовершеннолетними осужденными оказали несомненное влияние на определение принципов нового уголовно-исполнительного законодательства.

Законодательные изменения существенно приблизили правовые условия отбывания подростками лишения свободы к международным стандартам. Теперь впервые в истории нашего государства в Основной закон включено положение, объявляющее общепризнанные принципы и нормы международного права и междуна-

родные договоры Российской Федерации частью ее правовой системы.

Очевидно, что прогрессивное изменение уголовно-исполнительного законодательства необходимо, но этого еще недостаточно для последовательной реализации международно-правовых стандартов обращения с несовершеннолетними осужденными. Отсутствие или недостаток ресурсного обеспечения, кропотливой организационной и воспитательной работы способно превратить упомянутые международные стандарты в простую декларацию.

При вступлении России в Совет Европы вопросам практической реализации международных стандартов обращения с осужденными, в том числе несовершеннолетними, в уголовно-исполнительной системе уделялось самое серьезное внимание.

Для всех государств в той или иной мере актуальны вопросы предотвращения пыток и латентного насилия в местах лишения свободы, обеспечения осужденных оплачиваемым трудом, предоставления юридической защиты осужденным, социально-реабилитационной помощи им после освобождения (Алферов Ю. А. Международный пенитенциарный опыт и его реализация в современных условиях. Домодедово, 1993).

Реализацию международных стандартов в отношении несовершеннолетних осужденных осложняют: экономический спад и связанное с этим ограничение материально-финансовых ресурсов; рост преступности, наркомании, зараженности ВИЧ-инфекцией; обострение межнациональных и межэтнических конфликтов; ухудшение отношений между осужденными и персоналом пенитенциарных заведений, относительное падение престижа профессиональной уголовно-исполнительной деятельности.

Указанные обстоятельства, а также иные, свойственные Российской Федерации специ-

фические факторы в совокупности позволяют утверждать, что полная реализация международных стандартов в России – задача, требующая длительного и кропотливого решения.

В первую очередь это касается самой сущности наказания в виде лишения свободы, вытекающей из исторически сложившихся организационных форм его исполнения.

Практическая реализация международных стандартов в отношении несовершеннолетних осужденных в российской уголовно-исполнительной системе не может успешно осуществляться без учета и изменения комплекса материально-бытовых условий исполнения наказания и реального социально-экономического положения населения. Однако при этом существующие в местах лишения свободы материально-бытовые условия не должны противоречить Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1987. № 45, ст. 747). В связи с этим УИК РФ отменил многие существовавшие ранее правоограничения, введя нормы, позволяющие значительно улучшить питание осужденных, их медицинское обслуживание и материально-бытовое обеспечение как за счет собственных средств, так и помощи извне, в том числе со стороны предприятий, где работают осужденные.

Таким образом, реализация межгосударственных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной системе России имеет свою специфику, без учета которой нельзя дать правильную оценку ни ей самой, ни происходящим там процессам. Кроме того, следует учитывать также такие обстоятельства, как уровень общественного сознания, многонациональный состав населения, особенности территории и климатических условий России и др.

Библиографический список

1. *Алферов, Ю. А.* Международный пенитенциарный опыт и его реализация в современных условиях / Ю. А. Алферов. – Домодедово, 1993.
2. *Стручков, Я. А.* Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне / Я. А. Стручков, О. И. Вожаков, И. Б. Ускова. – Рязань, 1977.

Bibliographical list

1. *Alferov, Yu. A.* International Penitentiary Experience and its Realization Nowadays / Yu. A. Alferov. – Domodedovo, 1993.
2. *Struchkov, I. A.* Discussion of Penal Problems on the Informational Level / I. A. Struchkov, O. I. Vozakov, I. B. Uskova. – Ryazan, 1977.

М. В. Морозов,
начальник кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат социологических наук, доцент

M. V. Morozov,
head of forensic studies department
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Penal Sentences of the RF
candidate of sociology, assistant professor

**МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ
– ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ УИС РОССИИ**

**Modernizing the Mechanism of Provision of Labour Adaptation and Social Rehabilitation of Convicts
as One of the Primary Trends of Development of Russian Penitentiary System**

Аннотация. В статье обосновывается необходимость обобщения практики зарубежных стран в области трудовой занятости осужденных в целях модернизации отечественного механизма обеспечения трудовой адаптации лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Ключевые слова: трудовая адаптация, механизм обеспечения, обязательные работы, материальные стимулы, профессиональная квалификация, производственная деятельность.

Annotation. The article stresses the necessity of generalizing experience of foreign countries in the sphere of labour occupation of convicts aimed at modernizing the mechanism of provision of their labour adaptation and social rehabilitation.

Key words: labour adaptation, mechanism of provision, obligatory work, material stimuli, professional qualification, manufacturing.

Современный этап развития УИС России требует качественного изменения подходов к исполнению наказаний и обеспечения полноценной реализации международных стандартов в ее деятельности. В связи с этим на заседании президиума Государственного совета, состоявшемся в Вологде 11 февраля 2009 г., были определены важнейшие направления развития пенитенциарной системы до 2020 г. Одним из них является модернизация механизма обеспечения трудовой адаптации осужденных.

Следует отметить, что опыт решения проблемы трудовой занятости осужденных к лишению свободы в нашем государстве в условиях развития рыночных отношений только начал складываться. Научные исследования в данной сфере также ограничены. В связи с этим, как нам представляется, будут весьма полезны обобщение практики зарубежных стран и просто знакомство с их опытом организации труда и профессиональной подготовки осужденных, поскольку это позволит определить новые направления деятельности исправительных учреждений, в основе которых – сложный комплекс психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических мер, позволяющих сформировать у каждого осужденного способность и готовность к включению после отбытия наказания в обычные условия жизни общества.

В настоящее время Россия является одним из лидеров в мире по количеству лиц, находящихся в местах заключения (в расчете на 100 тыс. населения). И нельзя не согласиться с утверждением, что в таких условиях идея социальной реабилитации осужденных преступников должна стать ведущей в коренной перестройке деятельности пенитенциарных учреждений. При этом одной из важнейших мер, на-

правленных на социальную адаптацию осужденных, является труд.

Кроме того, трудовая деятельность отвлекает осужденных от нарушений дисциплины, а также позволяет получить необходимые материальные средства законным путем. Следовательно, перед персоналом исправительных учреждений стоит задача: организовать производственную деятельность, производственный процесс, создать производственно-техническую базу и такие условия для полезной деятельности, при которых осужденные смогут получить трудовые навыки и профессию, необходимые для жизни на свободе, заработать средства на содержание семьи, отвлекут их от пустого времяпрепровождения, часто являющегося причиной нарушения дисциплины и беспорядков в местах лишения свободы. Предоставление осужденным широкого диапазона положительных видов деятельности играет важную роль при так называемой динамической безопасности в тюрьме. Иными словами, если осужденные в полной мере обеспечены положительными видами деятельности, их тюремное заключение будет менее вредным и более безопасным (Морозов В. М., Морозов А. М. Ресоциализация осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФРГ : учеб. пособие. Владимир, 1999. С. 4).

В настоящее время, когда происходит, можно сказать, обновление пенитенциарной системы России, открывающее широкие возможности для совершенствования организации труда осужденных, на наш взгляд, целесообразно проанализировать деятельность пенитенциарных систем ряда зарубежных стран, имеющих сходство с отечественной уголовно-исполнительной системой.

Как известно, лишение свободы обладает целым рядом негативных аспектов: осужденно-

го изолируют от привычного окружения; у него резко меняются условия жизни, работы, ограничиваются или вовсе отпадают возможности удовлетворения многих жизненных потребностей; около 90 % осужденных работают не по специальности, что предопределяется производственными возможностями исправительных учреждений. Все это ведет к потере социальных связей, а также профессиональных умений и навыков, что, в свою очередь, делает невозможным возвращение бывших преступников к нормальной жизни на свободе.

Данная проблема в различных странах решается по-разному, даже в европейских государствах нет единого мнения по вопросам организации труда осужденных. Так, например, в подавляющем большинстве французских тюрем заключенные не привлекаются ни к каким работам, кроме уборки камер, и все время проводят в тюремном дворе (Тюрьмы и права человека : справочник. Рязань, 2005. С. 61). Но это скорее исключение, чем правило. В большинстве стран мира заключенные обязаны или имеют право трудиться.

Единый подход международного сообщества к вопросам организации труда заключенных (осужденных) выражен в ряде международно-правовых документов, принятых на глобальном и региональном уровнях. Важнейшими из них являются Международный пакт о гражданских и политических правах, Основные принципы обращения с заключенными, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские тюремные правила.

Анализ перечисленных документов позволяет сформулировать основные принципы организации труда осужденных, которыми должны руководствоваться пенитенциарные системы мира:

- все здоровые лица, приговоренные к тюремному заключению, должны участвовать в трудовой деятельности. По возможности такая трудовая деятельность должна позволять им овладевать навыками, с помощью которых они смогут честно зарабатывать себе на жизнь после освобождения;
- национальное законодательство об охране труда должно применяться в тюрьмах так же, как и за их пределами;
- выполняемая заключенными работа должна оплачиваться;
- заключенным должно быть разрешено тратить хотя бы часть заработка, часть его отправлять семьям, а остаток помещать в сберегательные вклады.

Перечисленные выше принципы находят свое отражение в законодательстве большинства государств мира и деятельности тюремных ведомств.

В Великобритании, например, концепция исправления осужденных предусматривает привлечение их к труду.

С начала 1960-х до середины 1980-х гг. тюремная служба Великобритании стремилась к созданию рентабельных фабрик и сельскохозяйственных производств в самих учреждениях. Но эта деятельность не увенчалась успехом, и было принято решение о необходимости трудоустройства ряда осужденных в частных фирмах за пределами тюрьмы. С тех пор в тюрьмах было закрыто много цехов, частично потому, что трудно было найти подходящую работу, а частично – из-за введения новой политики создания сбалансированного режима, при котором труд должен быть только одним из положительных видов деятельности. В совокупности положительные виды деятельности предназначены для того, чтобы заключенные могли как можно больше часов в сутки проводить вне своих камер (Пенитенциарные системы зарубежных стран : учеб.-практ. пособие / сост. В. И. Гужвий, М. П. Мелентьев. Киев, 2004. С. 29).

В настоящее время в тюрьмах Великобритании осужденные трудятся преимущественно на объектах по обслуживанию тюрем, а также в мастерских.

Если говорить об отраслевой структуре производства, то в основном это производство продуктов и предметов обихода для внутреннего пользования. Почти полностью обеспечиваются потребности спецконтингента в мебели, одежде, пластиковой посуде. Осужденные работают в столовых, прачечных и других сферах хозяйственного обслуживания.

Например, в тюрьме Ливерпуля они производят изделия из кожи (ремни, подставки, книжные закладки, обложки и т. д.), некоторые столярные изделия, ремонтируют инвалидные коляски, плетут сети, обучаются малярному делу. В тюрьме Стайла заключенные женщины заняты на швейном производстве, изготовлении сувениров. Привлечение заключенных к работам по самообеспечению позволяет ежегодно экономить тюремной службе страны 58 млн фунтов стерлингов. Лишь 10 % произведенных продуктов продается потребителям вне системы. Продукция ферм, обслуживаемых заключенными, полностью удовлетворяет потребности учреждения.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом ФРГ труд осужденных в этой стране является обязательным и рассматривается как составная часть работы с ними в социально-педагогическом аспекте. От трудовой обязанности освобождены лица старше 65 лет, беременные и кормящие матери, а также не способные к труду ввиду соответствующего состояния здоровья. При отказе заключенного от работы руководитель пенитенциарного учреждения может назначить в отношении заключенного одну из мер дисциплинарного взыскания (Бурцев А. Правовое регули-

рование труда заключенных в ФРГ // Упр. персоналом. 2007. № 5). При организации труда осужденных администрация исходит из того, что необходимо сохранить имеющуюся у них профессиональную квалификацию и тем самым способствовать возможности трудоустройства после освобождения. Поэтому все усилия руководства тюрьмы перенесены на создание квалифицированных рабочих мест и приравнивание условий труда в тюрьмах к условиям труда на свободных предприятиях. Так, за последнее десятилетие только правительством земли Северный Рейн–Вестфалия было инвестировано 26,5 млн немецких марок в обновление и дополнительное оснащение учреждений, исполняющих уголовные наказания. Во многих тюрьмах были построены новые цеха, и такое строительство постоянно продолжается (Морозов В. М., Морозов А. М. Указ. соч.)

В связи с тем, что причины преступного поведения зависят от множества личностных и социальных факторов, для решения задачи ресоциализации преступников к каждому из них необходим дифференцированный подход, предполагающий использование наиболее подходящих и эффективных форм и методов работы. А для этого требуются изучение личности, определение истории ее криминального развития, выявление мотивов и факторов, помешавших ее законопослушному поведению, выяснение ее психологических особенностей.

Эти сведения должны стать исходной базой для реализации основной задачи исполнения наказания, определенной Уголовно-исполнительным кодексом ФРГ.

Исходя из этого, например, в специальной тюрьме-распределителе, расположенной в г. Хаген (земля Северный Рейн–Вестфалия) и являющейся одновременно диагностическим центром, в течение шести недель проводится тщательная диагностика личности каждого осужденного и определяются ресоциализационные мероприятия, наиболее подходящие для него. В частности, специальная комиссия, состоящая из юриста, советника по трудоустройству, педагогов, психологов, ученых-социологов и сотрудников общей службы исполнения наказаний, предлагает рекомендации по трудоустройству и профессиональному образованию осужденного, которые в дальнейшем будут направлены вместе с ним по месту отбывания наказания.

Среди факторов, обеспечивающих успешное решение сложных задач исправления заключенных в Германии, важное место принадлежит их материальной заинтересованности в результатах своего труда.

В настоящее время в среднем заработная плата заключенного в ФРГ колеблется от 8,47 до 10,15 евро в день (9 % заработной платы ра-

ботника в соответствующей сфере). Две трети из этой суммы они имеют право расходовать на свои нужды по безналичному расчету, а одна треть идет на хранение. Поэтому при освобождении каждый осужденный получает определенную сумму. Осужденные, которые не имеют таких денег не по своей вине, обеспечиваются «карманными» деньгами самим учреждением. Осужденные, работающие на условиях свободного найма, получают заработную плату в соответствии с действующими тарифами, но они обязаны оплачивать свое содержание в тюрьме из этих средств.

Кроме того, для заключенных предусмотрены надбавки в размере 5 % за работу в неурочное время или в особо тяжелых условиях, а также до 25 % при работе за пределами установленной продолжительности времени.

Помимо заработной платы предусмотрено в качестве вознаграждения за труд освобождение заключенного от работы на 1 день, если он работал в течение двух месяцев подряд. Если ему полагается отпуск из учреждения, то он может присоединить накопленные дни к этому отпуску. Если отпуск заключенному не полагается, то за указанные дни он получает денежное вознаграждение в размере не 9 %, как обычно, а 15 % (Бурцев А. Указ. соч.).

Таким образом, в ФРГ труд рассматривается как одна из составляющих процесса ресоциализации осужденных, а получаемые деньги позволяют, хотя и в ограниченных рамках, поддерживать родственников, сделать накопления или возместить нанесенный ущерб.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом ФРГ каждый осужденный имеет право на пособие по безработице. Это пособие, если он не найдет работу после освобождения, предоставит ему больше возможностей для начала новой жизни, чем пособие социальной помощи. В этих целях учреждение, исполняющее наказания, организует страхование по безработице осужденных. Оно оплачивает страховые взносы, исчисляемые не из фактических окладов, а исходя из 90 % среднего оклада пенсионного страхования, в размере, установленном законодательно в прошедшем календарном году. Из окладов осужденных соответственно вычитается определенная сумма.

Также осужденные застрахованы от несчастных случаев. Законом предусмотрены страхование осужденных по болезни и пенсионное страхование.

Часть заключенных, получивших право работать, учиться, получать профессию либо повышать квалификацию вне стен учреждения на свободной основе, подлежат как пенсионному страхованию, так и страхованию по болезни на об-

щих основаниях. В данном случае учреждение, исполняющее наказания, не несет никаких затрат.

В соответствии с Основным законом ФРГ обеспечение заключенных работой находится в компетенции исключительно федерального ведомства по труду, местные управления которого взаимодействуют с тюрьмами по всем вопросам профессионального обучения и трудоустройства заключенных. Перед освобождением из заключения каждый осужденный направляется к консультанту по труду и связывается с сотрудниками службы трудоустройства. Такое сотрудничество между службами федерального ведомства и тюрьмами, а также растущее понимание работодателей и организаций по найму рабочей силы в необходимости включения заключенных в процесс труда как одного из важнейших этапов их ресоциализации явились важной предпосылкой к

тому, что даже во времена слабого роста промышленного производства лица, освободившиеся из тюрьмы, имели шанс получить работу (Konzeption der stationären Gefahrdetenhilfe des Diakonisches Werk. Krefeld, 2006).

Таким образом, как показывает опыт организации трудовой занятости осужденных в зарубежных странах, в нашей стране предстоит сделать еще очень многое в этой области, в частности, необходимы дальнейшее углубление исследований и поиск новых подходов к научной разработке ряда актуальных методологических и практических проблем, связанных с реализацией правового механизма защиты личности в процессе исполнения уголовного наказания, совершенствованием содержания, средств и методов воздействия на осужденных через труд, обеспечением их трудовой адаптации и социальной реабилитации.

Библиографический список

1. Бурцев, А. Правовое регулирование труда заключенных в ФРГ / А. Бурцев // Упр. персоналом. – 2007. – № 5.
2. Морозов, В. М. Ресоциализация осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФРГ : учеб. пособие / В. М. Морозов, А. М. Морозов. – Владимир, 1999.
3. Пенитенциарные системы зарубежных стран : учеб.-практ. пособие / сост. В. И. Гужвий, М. П. Мелентьев. – Киев, 2004.

Bibliographical list

1. Burtsev, A. Legal Regulation of Labour of Convicts in the FRG / A. Burtsev // Personnel Management. – 2007. – № 5.
2. Morozov, V. M. Resociolization of Convicts in Penal Institutions in the FRG / V. M. Morozov, A. M. Morozov. – Vladimir, 1999.
3. Penitentiary Systems of Foreign Countries / ed. by V. I. Gughvy, M. P. Melentiev. – Kiev, 2004.

Н. И. Нарышкина,
старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
С. В. Матюшов,
курсант 5А курса ВЮИ ФСИН России

Naryshkina N. I.,
the senior instructor of chair of penal law of Vladimir
Law Institute of the Federal Service for Execution
of Sentences of Russia candidate of law
Matyushov S. V.,
graduate cadet of Vladimir Law Institute of the Federal
Service for Execution of Sentences of Russia

**ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В СВЕТЕ СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ**

Problem of Personnel Maintenance of Activity the Criminal-Executive System in Light of Observance

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы России и причин политического, социального и экономического характера, ее порождающих. Данная проблема и ее детерминанты раскрываются с учетом требований международных стандартов, необходимость имплементации которых в национальное уголовно-исполнительное законодательство и пенитенциарную практику обусловлена выполнением обязательств, принятых Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная (пенитенциарная) система, международный стандарт, исправительное учреждение, персонал, кадровая проблема.

Annotation. This article is devoted to the research of a problem of human resourcing of activity of Penal System of Russia and the reasons of political, social and economic character, its generating. The given problem and its determinants reveal in view of requirements of the international standards, which necessity of implementation in the national penal law legislation and penal practice caused by fulfillment of the obligations accepted by the Russian Federation at the joining the Council of Europe.

Key words: penal system, the international standard, correctional institution, the personnel, a personnel problem.

Демократический путь развития, избранный Россией после распада СССР, во многом предрепределил и даже явился своего рода катализатором последующих внешнеполитических событий, связанных, в частности, со вступлением нашей страны в Совет Европы в 1996 г.

В связи с этим Российская Федерация приняла на себя ряд обязательств, в том числе по гуманизации уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) и приведению национального законодательства в сфере исполнения и отбывания наказаний и реализации меры процессуального пресечения в виде заключения под стражу в соответствие с европейскими нормами.

По прошествии тринадцати лет можно констатировать, что в этой области до сих пор остается нерешенным ряд проблем, одной из которых является проблема кадрового обеспечения деятельности УИС. Она порождена детерминантами политического, социального и экономического характера.

К политическим причинам следует отнести негативные моменты, возникающие в процессе выполнения Россией принятых на себя обязательств, в частности, в сфере имплементации норм международного права, решений Европейского Суда по правам человека, Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в национальное уголовно-исполнительное законодательство и пенитенциарную практику.

Так, например, прослеживается несколько односторонний характер внедрения норм международного пенитенциарного права с акцентом на

обеспечении правового положения подозреваемых, обвиняемых и осужденных к лишению свободы. Это подтверждается и результатами социологического исследования, проведенного среди 115 сотрудников УИС: 61 % респондентов (70 чел.) считают, что международные пенитенциарные нормы положительно влияют только на обеспечение правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России; 30 % опрошенных (34 чел.) полагают, что положения международных документов не влияют на обеспечение правового статуса персонала этих учреждений (Организация деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на основе международных стандартов и зарубежного пенитенциарного опыта: аналит. обзор, подготовл. каф. уголов.-исполнит. права Владим. юрид. ин-та и Науч.-исслед. ин-том Федер. службы исполнения наказаний. М., 2008).

Данная позиция четко прослеживается и в действующей федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» (далее: Программа), утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 39, ст. 4075) и предусматривающей расходование из федерального бюджета 73 486,965 млн руб.¹ на

¹ Первоначальная редакция Программы предусматривала расходование 54 588,2 млн руб., вышеуказанные изменения объема финансирования были внесены постановлениями Правительства РФ от 25 дек. 2006 г. № 805, 19 мая 2007 г. № 299, 12 нояб. 2007 г. № 773.

улучшение положения исключительно подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и осужденных к лишению свободы, тогда как о совершенствовании статуса работников УИС в данном документе не упоминается.

Однако уголовно-исполнительные правоотношения предполагают наличие двух субъектов: осужденных и персонала исправительных учреждений, правовое положение которого также должно обеспечиваться. Действующая Программа не закрепляет подобных целей, несмотря на то, что международные стандарты, в частности Европейские пенитенциарные правила (далее: Правила), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, содержат целые разделы, посвященные персоналу пенитенциарных учреждений (URL: http://www.prison.org/law/eur_pr.shtml ; Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 290–311).

В связи с этим весьма актуально выступление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева на прошедшем 11 февраля 2009 г. в г. Вологде заседании президиума Государственного совета, посвященном состоянию УИС, где он указывал на необходимость совершенствования системы оплаты труда, социальной защиты и профессиональной подготовки ее кадрового состава.

Позиция Президента Российской Федерации обусловила подготовку проекта Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (на период до 2020 года), что можно расценить как шаг необходимый и долгожданный, так как новая программа, в отличие от своей предшественницы, содержит самостоятельный раздел, посвященный сотрудникам УИС, – «Обеспечение международных стандартов социальной защиты и деятельности персонала», который включает такие направления, как: совершенствование учебного процесса в учебных заведениях ФСИН России; развитие системы ведомственного образования и науки; улучшение социального и правового обеспечения сотрудников УИС; повышение эффективности системы воспитания и закрепления кадров и т. д.

Помимо одностороннего характера имплементации международных пенитенциарных норм, необходимо отметить возможные проблемы в их толковании государствами-правоприменителями в силу существующих различий в понятийно-категориальном аппарате, специфики национального законодательства, языкового барьера, особенностей менталитета и т. д.

Например, согласно п. 73 Правил «администрация пенитенциарного учреждения должна уделять приоритетное внимание соблюдению правил для персонала». В данном случае необходима конкретизация, каким именно правилам следует уделять приоритетное внимание и являются ли «правила для персонала» должностными инст-

рукциями или нормативными документами, регулирующими правовой статус сотрудников исправительного учреждения. Пункт 75 Правил определяет, что «в любое время персонал должен своим поведением и исполнением своих обязанностей подавать хороший пример и пользоваться уважением среди заключенных». Из данной формулировки не совсем ясно, кому сотрудники должны подавать хороший пример и каким образом выполнение должностных обязанностей сотрудниками, связанное с ограничениями правового положения личности, применением мер безопасности, может вызвать уважение со стороны заключенных. Пункт 85 Правил гласит, что «мужчины и женщины должны быть сбалансировано представлены в штатном расписании пенитенциарного учреждения». Эта позиция, во-первых, не соответствует специфике российского менталитета, где уровень эмансипации не достиг западного апогея, а во-вторых, противоречит особенностям организации деятельности некоторых исправительных учреждений (тюрем, исправительных колоний особого режима), где необходимо максимально оградить женщин от непосредственных контактов с осужденными (отделы режима, безопасности, охраны, оперативные подразделения).

Проблема кадрового обеспечения деятельности УИС возникает под влиянием причин не только политического, но и социально-экономического характера.

Для внедрения норм международного права о положении персонала пенитенциарных учреждений в России не созданы необходимые социальные и экономические условия. Данную позицию подтвердили 50 % респондентов (57 чел.). Кроме того, необходимо учитывать различные социально-экономические условия в разных субъектах Российской Федерации, с этим согласны 36 % опрошенных (41 чел.). Мнение респондентов подтверждается Федеральным законом от 3 апреля 2008 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» (Рос. газ. 2008. 10 апр.), предусматривающим, что международные стандарты по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными, носящие, в отличие от международных договоров, рекомендательный характер, реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей (ч. 4 ст. 3 УИК РФ).

Пункт 76 Правил определяет, что «персонал должен... иметь статус, пользующийся уважением в гражданском обществе», а согласно ч. 1 п. 90 «органы управления пенитенциарными учреждениями должны постоянно информировать общественность о целях пенитенциарной системы» и о проводимой в ней работе «для лучшего понимания общественностью роли пе-

нитенциарных учреждений в обществе». Вместе с тем в российском обществе наблюдается во многом негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов в целом и УИС, в частности, что, в свою очередь, делает профессию непопулярной и влияет на всю кадровую политику. Неготовность общества к внедрению международных пенитенциарных норм отметили 17 % респондентов (20 чел.).

Основаниями для формирования такого рода социальных настроений служат:

- исторически сложившееся мнение о том, что сотрудники правоохранительных органов в целом и УИС, в частности, являются не защитниками прав и свобод граждан, а властными элементами, их ограничивающими;

- искаженное представление образов сотрудников УИС в средствах массовой информации, печатных изданиях и кинематографе (сериалы «Зона», «Острог» и т. д.);

- влияние криминальной субкультуры на общественное сознание, формирование в нем негативного отношения к правоохранительным органам в целом;

- деятельность правозащитных организаций, направленная в большей степени на защиту лиц, содержащихся под стражей, и осужденных, ввиду того, что основателями (в большинстве случаев «теневыми») данных организаций являются сами бывшие осужденные.

К причинам экономического характера, порождающим проблему кадрового обеспечения деятельности УИС, можно отнести недостаточный уровень финансовой поддержки ее работников, практически полное отсутствие социальных льгот наряду со сложными и напряженными условиями труда. Вместе с тем п. 79 Правил гласит, что «зарботная плата должна быть достаточной для привлечения и удерживания надлежащего персонала. Выплаты и условия труда должны отражать ответственный характер работы в правоохранительном ведомстве».

Бывший директор ФСИН России (ныне – заместитель министра юстиции РФ) Ю. И. Калинин в своем выступлении на вышеупомянутом заседании президиума Государственного совета привел следующие цифры: заработная плата младшего инспектора составляет 8–11 тыс. руб., вольнонаемного рабочего и служащего – 6–8 тыс. руб., что представляется явно недостаточным, особенно при наличии семьи, детей.

Вышеуказанные детерминанты политического и социально-экономического характера обусловили наличие таких кадровых проблем в УИС, как:

- нежелание продолжать службу в УИС после окончания ведомственных учебных заведений;

- отток высокопрофессиональных, квалифицированных кадров из пенитенциарных учреждений;

- снижение качественного состава сотрудников УИС, в том числе в связи с притоком сотрудников, не имеющих юридического образования, надлежащей профессиональной подготовки;

- некомплект личного состава пенитенциарных учреждений;

- ухудшение морально-психологического климата в коллективах в связи с увеличением нагрузки на оставшихся работников и многие другие.

В заключение следует отметить, что преодолеть указанные проблемы должны путем переориентирования пенитенциарной политики Российской Федерации не только на решение вопросов отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей, но и на обеспечение правового положения работников УИС. Внедрение международных норм о правовом положении персонала необходимо, но этому должна предшествовать большая работа по их толкованию, изучению возможности их использования с учетом специфики российского законодательства и исторически сложившейся пенитенциарной системы, а также созданию соответствующих социальных и экономических возможностей.

Библиографический список

1. Европейские пенитенциарные правила. – Режим доступа: http://www.prison.org/law/eur_pr.shtml.
2. Огородников, В. И. Управление персоналом в условиях реформирования УИС Минюста России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003.
3. Организация деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на основе международных стандартов и зарубежного пенитенциарного опыта : аналит. обзор, подготовл. каф. уголов.-исполнит. права Владим. юрид. ин-та и Науч.-исслед. ин-том Федер. службы исполнения наказаний. – М., 2008.

Bibliographical list

1. European Penitentiary Rules. – URL: http://www.prison.org/law/cur_pr.shtml.
2. Ogoronikov, V. I. Personnel Management in Conditions of Reforming of Penal Enforcement System Ministry of Justice Russian Federation : Author's Abstract of a Candidate the Sis in Legal Sciences. – Ryazan, 2003.
3. The Organization of Activity of Penal System of the Russian Federation on the Basis of the International Standards and Foreign Penal Experience: Analytical review, Prepared by Vladimir Institute of Law Chair of Penal Law and Federal Penal Service Institute for Scientific Research. – M., 2008.

И. А. Писарев,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

I. A. Pisarev,
*applicant for the department of scientific personnel training
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Executing of Sentences of Russia*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПОБЕГОВ: НЕДОСТАТКИ И МЕРЫ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ**
**Legal Regulation of Operational Units Colonia Settlements on the Prevention of Escape:
Shortage and Measure Their Removing**

Аннотация. В представленной статье дан анализ нормативных правовых актов, регулирующих на ведомственном правовом уровне деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению правонарушений. Исходя из анализа нормативных актов, автором предлагаются меры по совершенствованию ведомственного уровня правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: колония-поселение, предупреждение побегов, правовое регулирование.

Annotation. In this article the analysis of normative legal acts regulating operative divisions activity of Federal Penal Service concerning prevention of offences at departmental legal level is presented. According to analysis of normative acts, the author offers ways for perfection operative detective activity in Criminal-Executory System at departmental level of legal regulation.

Key words: normative legal acts, departmental legal level, operative detective activity, prevention of offences.

На состояние оперативной обстановки в местах лишения свободы, в частности колониях-поселениях, оказывают влияние многие факторы, однако, на наш взгляд, основными из них являются преступления, совершаемые в этих учреждениях, совокупность которых в юридической литературе определяется понятием «пенитенциарная преступность» (Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 856).

В. А. Заборовский справедливо заметил, что, рассматривая пенитенциарную преступность, которая выступает одной из форм уголовного рецидива, «есть все основания говорить о ее повышенной общественной опасности, так как общественно опасные деяния совершаются непосредственно в процессе исполнения наказания за предыдущее преступление, в условиях осуществления превентивных мер по предупреждению преступлений и других правонарушений, свидетельствуют об упорном нежелании встать на путь исправления, активном противопоставлении себя обществу, его ценностям и моральным нормам» (Заборовский В. А. Криминологическая характеристика и предупреждение пенитенциарной преступности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 15).

Колонии-поселения, являясь частью пенитенциарной системы, представляют собой исправительные учреждения, в которых отбывают наказание лица, наименее «криминально зараженные» по сравнению с осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях закрытого типа (переведенные из исправительных учреждений общего и строгого видов режима за примерное поведение и добросовест-

ное отношение к труду, совершившие преступления по неосторожности либо впервые небольшой или средней тяжести).

Согласно статистическим данным в 2007 г. в учреждениях УИС было зарегистрировано 1134 преступления, из них 474 – в колониях-поселениях. Наибольшее количество преступлений, совершенных в колониях-поселениях, составляют побеги (242). Вместе с тем в 2008 г. наблюдается незначительное снижение числа таких преступлений. Общее количество преступлений, зарегистрированных за отчетный период в данных учреждениях, составило 275, из них побегов – 137.

С нашей точки зрения, главной причиной высокого уровня преступности в колониях-поселениях относительно других исправительных учреждений является сама специфика режима содержания. Согласно ст. 129 УИК РФ в данных учреждениях осужденные находятся не под охраной, как в исправительных колониях общего, строгого и особого видов режима, а под надзором администрации; в часы от подъема до отбоя они пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения; с разрешения администрации осужденные могут передвигаться без надзора вне данного учреждения, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением; могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги и ценные вещи.

Анализ состояния оперативной обстановки в колониях-поселениях свидетельствует о высоком уровне преступности в рассматриваемых учреждениях, что подтверждает необходимость принятия решительных мер оперативно-ро-

зыскного характера, направленных в первую очередь на предупреждение преступлений. Эффективную реализацию таких мер затрудняет множество негативных факторов, в число которых входят недостатки нормативно-правового регулирования ОРД. Таким образом, для создания благоприятных условий деятельности оперативных подразделений колоний-поселений по предупреждению побегов необходимо принятие кардинальных решений, направленных на устранение недостатков, имеющихся в правовом регулировании ОРД.

Мы разделяем мнение Е. С. Дубоносова, определившего правовую основу как фундаментальную часть правового регулирования (Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. Г. К. Синилова. М., 2009. С. 97), и полагаем, что эффективность деятельности оперативных подразделений колоний-поселений по предупреждению побегов напрямую зависит от правовых норм, составляющих ее основу. Вместе с тем, несмотря на фундаментальность правовой основы, нормы которой определяют деятельность оперативных работников по предупреждению побегов, достижение наилучшего результата в данном направлении работы возможно лишь при их применении в совокупности с мерами, не имеющими юридического характера, такими как повышение уровня профессиональной подготовки оперуполномоченных, воспитательная работа с осужденными и т. д.

В связи с этим проведем анализ законодательства, являющегося основой регулирования общественных отношений ОРД, осуществляемой в колониях-поселениях, с целью выявления в нем недостатков, влияющих на эффективность предупреждения побегов, а также предложим некоторые пути решения выявленных проблем.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» правовую основу ОРД составляют Конституция РФ, данный Закон, а также другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. На основании данной статьи, а также общепринятых положений теории права в теории ОРД выделяют конституционный, законодательный и ведомственный уровни (Вагин О. А., Исиченко А. П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» со словарем законодательных терминов. М., 2006. С. 57).

Говоря об эффективности правового регулирования различных направлений ОРД в колониях-поселениях и в первую очередь по пре-

дупреждению побегов, мы разделяем мнение В. Г. Гриба, полагающего, что правовое регулирование должно быть направлено на разработку ведомственной нормативной базы (Гриб В. Г. О совершенствовании правового регулирования оперативно-розыскной деятельности по борьбе с организованной преступностью. Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сборник // Тр. Акад. упр. МВД России. М., 2001. С. 161). Не вызывает сомнений необходимость совершенствования и разработки ведомственной нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность оперативных аппаратов колоний-поселений, направленной непосредственно на предупреждение побегов.

В соответствии с общей теорией права для руководства той или иной отраслью управления или сферы деятельности, реализации специальных исполнительных, контрольных, разрешительных или надзорных функций федеральные органы исполнительной власти разрабатывают и издают: приказы, инструкции, положения, наставления, правила, уставы и т. д. (Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 335).

Ведущую роль в системе ведомственного правового регулирования ОРД в колониях-поселениях играют приказы, содержащие в себе нормы, регламентирующие те или иные вопросы применения оперативными подразделениями УИС сил, средств, форм и методов указанной деятельности в предупреждении преступлений, в частности побегов, например, приказ Минюста России от 2 марта 2001 г. № 78 «О мерах по усилению борьбы с побегами осужденных». Оперативные подразделения колоний-поселений в деятельности, направленной на предупреждение побегов, руководствуются также нормами: Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205; Положения о Главном управлении исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденного приказом Минюста России от 24 марта 2001 г. № 56, Положения об управлении уголовно-исполнительной системы по федеральному округу, утвержденного приказом Минюста России от 9 июня 2001 г. № 175, а также принятых на их основании положений об управлении исполнения наказаний Минюста России в субъектах Российской Федерации. В вышеуказанных положениях на всех организационно-управленческих уровнях изложена задача осуществления ОРД в целях недопущения совершения преступлений в исправительных учреждениях.

Кроме вышеперечисленных ведомственных нормативных правовых актов деятельность оперативных подразделений колоний-поселений регулируют межведомственные нормативные акты.

Так, говоря об Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 ноября 2006 г. № 333, следует отметить, что профилактике, осуществляемой непосредственно оперативными подразделениями исправительных учреждений, посвящен лишь один пункт (п. 15 разд. III данного нормативного правового акта). Сама Инструкция носит общий характер, не раскрывая всей специфики тактики организации и осуществления непосредственно оперативно-розыскных мер, направленных на предупреждение правонарушений в исправительных учреждениях, в том числе побегов из колоний-поселений, и предназначена для всех отделов и служб исправительных учреждений.

В связи с этим, на наш взгляд, для устранения выявленных пробелов в правовом регулировании рассматриваемого направления деятельности необходимо разработать такой нормативный правовой акт, как Инструкция о деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению преступлений. Ее структуру можно представить следующим образом:

Глава 1. «Общие положения»;

Глава 2. «Предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях»;

Глава 3. «Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, осужденными к мерам наказания, не связанным с лишением свободы»;

Глава 4. «Организация взаимодействия с другими оперативно-розыскными органами по предупреждению преступлений»;

Глава 5. «Оценка результатов работы оперативных подразделений по предупреждению преступлений».

Следует заметить, что в настоящее время ряд вопросов, связанных с осуществлением ОРД в колониях-поселениях, на ведомственном уровне регулируется нормативными правовыми актами, изданными еще в МВД России. Ярким примером тому служит Инструкция об организации розыскной работы органов внутренних дел. Согласно данной Инструкции предупреждение побегов из ИУ, а также выявление осужденных, склонных к побегу, устранение обстоятельств, способствующих возникновению таких намерений, осуществляется в соответствии с нормативными актами, регламенти-

рующими ОРД исправительных учреждений и режимную работу.

Данная инструкция не посвящена предупреждению побегов из исправительных учреждений, но содержит в себе нормы, регламентирующие данное направление деятельности. Однако они не раскрывают специфику и не определяют тактику организации и осуществления оперативно-розыскных мер, направленных непосредственно на предупреждение побегов. Таким образом, содержащиеся в данной Инструкции нормы не в полном объеме регулируют деятельность оперативных подразделений, направленную на предупреждение побегов. Кроме того, как уже отмечалось, анализируемая Инструкция является ведомственным нормативным правовым актом МВД России, однако ввиду отсутствия подобного документа в подразделениях УИС оперативные подразделения различных организационных уровней Федеральной службы исполнения наказаний продолжают руководствоваться ей в своей деятельности как по осуществлению розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений, так и по предупреждению побегов. В связи с этим в специальной литературе назрел вопрос о разработке Инструкции по организации и тактике розыскной работы в УИС (Васильчиков Б. В. Организационно-правовые основы розыскной работы в УИС : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 8).

Бесспорно, в актуальности предложения Б. В. Васильчикова о разработке ведомственной инструкции не возникает сомнений. Вместе с тем анализ всех положений, составляющих структуру проекта, выходит за рамки тематики нашего исследования. Разделяя мнение автора о необходимости разработки Инструкции по организации и тактике розыскной работы в УИС, полагаем целесообразным более подробно остановиться на разделе, посвященном предупреждению побегов из учреждений УИС и уклонений от отбывания наказания в виде лишения свободы (Там же). Исходя из названия данного раздела следует, что лица, осужденные к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, остаются вне пределов действия данной Инструкции, а следовательно, оперативные подразделения не вправе осуществлять в отношении последних какие-либо оперативно-розыскные меры, направленные на предупреждение совершения ими уклонений от отбывания уголовных наказаний. В связи с этим предлагаем следующее название данного раздела: «Деятельность оперативных подразделений УИС по предупреждению побегов из учреждений УИС и уклонений от отбывания наказания в виде лишения свободы, а

также уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы».

Кроме того, структуру данного раздела необходимо представить следующим образом:

– «Субъекты, осуществляющие предупреждение побегов из исправительных учреждений и уклонения от отбывания наказаний как в виде лишения свободы, так и не связанных с лишением свободы»;

– «Общая профилактика побегов из исправительных учреждений и уклонений от отбывания наказаний как в виде лишения свободы, так и не связанных с лишением свободы»;

– «Индивидуальная профилактика побегов из исправительных учреждений и уклонений от отбывания наказаний как в виде лишения свободы, так и не связанных с лишением свободы»;

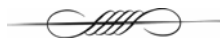
– «Порядок ведения дел оперативного учета в отношении лиц, склонных к совершению побега»;

– «Осуществление взаимодействия по вопросам предупреждения побегов из исправительных учреждений и уклонения от отбывания наказаний как в виде лишения свободы, так и не связанных с лишением свободы».

В заключение следует отметить, что в настоящее время отсутствует единый нормативный акт, регулирующий деятельность оперативных подразделений колоний-поселений. Однако, по мнению Е. В. Токарева, «в законодательных, а

также ведомственных нормативных актах необходимо избегать чрезмерной детализации в регламентации оперативно-розыскной деятельности, поскольку она носит эвристический, творческий характер» (Токарев Е. В. Основы организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и пути ее совершенствования. М., 1994. С. 32). С нашей точки зрения, бессмысленно разрабатывать отдельный нормативный правовой акт, регулирующий непосредственно деятельность оперативных подразделений колоний-поселений по предупреждению побегов, поскольку данные подразделения структурно являются штатным звеном оперативных подразделений УИС, а побеги, совершаемые из вышеуказанных учреждений, – лишь частью преступности мест лишения свободы.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: правовое регулирование ОРД в УИС в целом и колоний-поселений, в частности, на ведомственном уровне нуждается в совершенствовании, особенно в части регулирования решения такой задачи, как предупреждение преступлений. Разработка и принятие подобных инструкций позволит на правовом уровне закрепить особенности тактики деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений, в том числе колоний-поселений, по предупреждению преступлений.

Библиографический список

1. Васильчиков, Б. В. Организационно-правовые основы розыскной работы в УИС : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.
2. Гриб, В. Г. О совершенствовании правового регулирования оперативно-розыскной деятельности по борьбе с организованной преступностью / В. Г. Гриб // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. – М., 2001.
3. Дубоносов, Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / Е. С. Дубоносов ; под ред. Г. К. Синилова. – М., 2009.
4. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

Bibliographical list

1. Vasilchikov, B. Organize and Legal Bases of Operative Work in Federal Prison Service: The First Scientific Research (Abstract). – Vladimir, 2008.
2. Grib, V. Perfection of Legal Regulation of Operative Detective Activity Connected With Organized Crime // The Works of Academy of Administration of Ministry of Internal Affairs. – M., 2001.
3. Dubonosov, E. Operative Detective Activity Bases / E. Dubonosov. – M., 2009.
4. Criminology. – M., 2007.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

О. С. Александрова,
доцент кафедры философии
и религиоведения Владимирского
государственного университета
кандидат философских наук, доцент

O. S. Alexandrova,
assistant-professor of philosophy
and religious studies, Vladimir State University
candidate of philosophical sciences,
assistant professor

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА КАК ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ The Interaction of Philosophy and Law as Forms of Social Consciousness

Аннотация. В работе рассматривается область взаимодействия права и философии как форм общественного сознания, актуальные проблемы в данной области. Ставится вопрос о пределах взаимодействия права и философии. Определяются направления, где такое взаимодействие является необходимым, намечаются перспективы исследования.

Ключевые слова: общественное сознание, диалектика, философия и право как формы общественного сознания, идеология, мораль, функциональные связи общества.

Annotation. The work is dedicated to the sphere of interaction of justice and philosophy as the forms of social consciousness, to urgent problems in this sphere. There is set up a question on the bounds of justice and philosophy interaction. Directions in which this interaction is indispensable are defined.

Key words: social consciousness, dialectics, philosophy and justice as the forms of social consciousness, ideology, morals, functional ties of society.

Целью данной статьи является определение актуальных областей взаимодействия права и философии. Специальные исследования, посвященные взаимодействию философии и права (как форм общественного сознания)¹, нам не встречались. Между тем именно как формы общественного сознания философия и право характеризуют связь теории с жизнью общества. Остаются открытыми вопросы: каковы степень и значение влияния философии на право? Что в этом влиянии остается постоянным, а что изменяется и каким образом?

Теоретико-методологическим основанием настоящей работы будут, во-первых, диалектические принципы системности, детерминизма и объективности, во-вторых, проблемный подход.

В соответствии с предметом статьи и сформулированной точкой отсчета определим область поиска.

1. Определение сущности философии и права как форм общественного сознания и их взаимосвязи.

2. Выявление закономерного в отношении философии и права.

3. Выявление проблем права, в решении которых философское знание является необходимым.

4. Установление границ закономерностей.

1. **Философия и право как формы общественного сознания и их взаимосвязь.** В диалектико-материалистической философии² сущность системы есть такие ее свойства и отношения, которые обуславливают другие ее свойства и отношения. Сущность и единство права и философии как форм общественного сознания раскрываются в связи с категориями отражения и морали. Существование как права, так и философии всегда связано с потребностью людей в защите и жизни³, с ее отражением. В этом убеждает практика и эксплицитно либо имплицитно содержание всех текстов, начиная с древних философских.

¹ В одной из современных концепций философии права (В. С. Нерсисянц) право понимается как система, включающая правовые отношения, правосознание и правовые нормы. В этом вопросе будем придерживаться точки зрения А. К. Уледова, согласно которой в качестве элемента общественного сознания право не тождественно правосознанию. В своих работах А. К. Уледов обосновывает необходимость различать общественное сознание (виды которого различаются по предмету и способу отражения) и сознание общества, состоящее из образований, различающихся по своему субъекту (сознание нации, коллектива, класса, групп людей), распространенности в рамках общности (специализированное и массовое), состояниям (мировоззрение, мнение, социальные нормы, традиции, духовная атмосфера) (Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 187–188).

² Здесь и далее подразумевается диалектико-материалистическая философия как отвечающая критериям научной рациональности (Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978; Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. М., 1991; Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. Предыстория. М., 1981; Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003; Его же. Философия науки и техники. М., 1995; Чернавский Д. С. Синергетика и информация. М., 2004). Содержание используемых понятий в случае отсутствия оговорок не противоречит принципам диалектики.

³ Жизнь в данном контексте связывается с иерархической системой потребностей человека в целом (Симон П. В. Избранные труды. М., 2004. Т. 1–2).

Философия как средство объяснения и обоснования общего и непреходящего, критического осмысления, предвидения защищает и утверждает жизнь. Право как средство утверждения формальных свободы, равенства и справедливости (термины В. С. Нерсисянца) по поводу отношений, прежде всего, к собственности защищает жизнь в качестве внешнего принуждения в конкретных условиях.

Добровольное, свободное подчинение внешнему принуждению невозможно без философского осмысления и морали, без реальной свободы¹ как возможности выбора. Вне морали такая возможность не существует.

Если субъект не различает добро и зло, не задумывается над смыслом и закономерностями мировой истории, ему не из чего выбирать. Он закономерно превращается в объект истории, ее средство, объект манипулирования. Логическим следствием является утрата способности к стратегическому мышлению в общественных интересах.

Существенные ограничения рационального, научного обоснования критериев добра и зла обусловлены ограничениями оценочных суждений (Ивин А. А. Основы теории аргументации. М., 1997 ; Его же. Философия науки. М., 2007), огромной ролью эмоций (Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М., 1998) и непосредственного окружения (Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психол. журн. 2009. № 1. С. 5–13) в творчестве и развитии человека в целом. О степени объективности в качестве такого критерия нравственного закона говорят факты истории (Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981 ; Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2004 ; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. М., 1984).

Очевидно, что приоритет истины, следование нравственности как абсолютной цели и истине являются объективными, постоянными и необходимыми условиями существования философии и права как форм общественного сознания. В качестве форм существования философских принципов и категорий эти мировоззренческие установки и здравый смысл обуславливают организацию и устойчивость права как формы общественного сознания (Бранский В. П. Проблема выбора в фундаментальном теоретическом исследовании и принцип от-

ражения // Роль философии в научном исследовании. Л., 1990 ; Кармин А. С. Специфика социального познания // Естественно-научное социогуманитарное знание. М., 1990 ; Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1990 ; Его же. Из «Дополнений к диалектике мифа». URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/losev.txt> ; Потемкин А. В. Проблемы специфики философии в диатрибической традиции. Ростов н/Д, 1990 ; Широканов Д. И. Взаимосвязь категорий диалектики. Минск, 1969).

В соответствии с содержанием философской категории общего² определим общее между правом и философией как формами общественного сознания.

И право, и философия являются отражением (общественного бытия). И право, и философия характеризуют отношение сознания и познания, сознания и бытия, субъекта и объекта.

У философии и права есть также общая форма – теория; общий способ воздействия на сознание людей – идеология.

Нашей задачей не является рассмотрение всех областей пересечения и взаимодействия философии и права. В начале статьи сформулирован вопрос, который и будет определять границы настоящей работы и выбор направления.

2. Выявление закономерного в отношении философии и права. С учетом содержания предыдущего пункта к закономерностям в первую очередь следует отнести:

- объективную обусловленность права философией в адекватном отражении общего и особенного в общественном бытии;

- объективную обусловленность оснований права философией.

Объективная обусловленность права философией в адекватном отражении общего и особенного в общественном бытии следует из принципов диалектики. В соответствии с диалектическим принципом отношения необходимости и случайности и философским содержанием категорий закона и отражения под адекватностью подразумевается отражение объекта по законам существования самого объекта. Адекватное управление, регулирование есть управление, основанное на законах существования объекта.

Так как право и соответствующие нормы существуют в неразрывной связи с общими интересами и потребностями, то их адекватность зависит не только от осознания³ всеобщих и

¹ В этой связи интересно богословское определение реальной свободы, когда желания и дела совпадают с требованиями нравственного закона (Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие : курс лекций. М., 1997. Ч. 1–3).

² Если общее является основанием сходства, то оно выражает сущность рассматриваемых явлений; если же – основанием отличия, то является особенным.

³ Мы исходим из того, что критерием осознания является не столько способность выразить нечто в языке, сколько способность учитывать нечто в своей деятельности. Таким образом, осознание находится в непосредственной связи со способностью личности к самоуправлению.

специальных законов, но и от степени осознания обществом своих стратегических (обусловленных общественным интересом) целей, задач. Следовательно, объективность и истинность правовых норм зависят от степени их адекватности общественным интересам¹. Философия² есть необходимое средство осознания и оценки, связанных с долгосрочными перспективами, а язык современной диалектики (Актуальные вопросы диалектики (историко-философские аспекты) : тез. XIII ежегод. науч.-практ. конф. каф. философии РАН. М., 2000) есть универсальное средство научного выражения общественных интересов, а следовательно, и условие их научного исследования.

Необходимость существования философских оснований права обусловлена функциональной зависимостью (Барулин В. С. Диалектика сфер общественной жизни. М., 1982 ; Его же. Социальная жизнь общества. Вопросы методологии. М., 1987 ; Материалистическая диалектика как научная система / под ред. А. П. Шептулина. М., 1983). Устойчивость правовой системы, связанная с принципами организации теории права, повышением емкости (термин А. К. Сухотина) правовых норм, критериями стратегической и методологической селекции, осознанием общих закономерностей развития права, зависит от степени взаимосвязи философии и права и степени научности философии.

Самостоятельность мышления и его масштаб связаны со способностью осмысления существующих культурных и цивилизационных норм в качестве **объекта** исследования, ибо мировоззрение субъекта в целом детерминировано особенностями эпохи. Такое возможно только на основе использования в деятельности принципов и категорий диалектики как теории развития.

3. Выявление проблем права, в решении которых философское знание является необходимым. Известно, что законы проявляются в зависимости от условий. Связь с решением конкретных проблем и дает представление об условиях. Законы диалектики обуславливают юридические законы в том смысле, что в области права существуют проблемы, стратегически решаемые только с учетом философии:

- проблема существования юридических законов, способствующих поддержанию затяжного самовоспроизводящегося экономического

кризиса (Соколов Б. И. Экономическая теория. СПб., 2000);

- противоречие между общественным и классовым интересами, приводящее к стратегическим ошибкам и усугублению кризиса (Гордин И. В. Кризис водохозяйственных зон России. М., 2006);

- проблема зависимости степени научности и адекватности права от политики и идеологии;

- проблема перехода правовых норм в убеждения, установки по отношению к действительности, привычную форму поведения (Гаджиев К. С. Указ. соч.);

- проблема обоснования и пропаганды критериев правового государства³.

4. Установление границ закономерностей.

Действие всякого закона ограничено только одним определенным признаком – отношением. Что возводится в ранг всеобщего? В каких пределах единичные связи, возведенные в ранг всеобщих, являются значимыми? История учит, что попытки неадекватной экстраполяции законов приводят к их профанации и вульгаризации, к кризисам в области идеологии. Следствием являются стратегические ошибки, когда власть становится заложницей собственной политики. Это касается, в частности, морали (буквальное прочтение и экстраполяция нравственного закона, например, в средние века), науки (экстраполяция законов точных и естественных наук, например, в Новое время), экономики (современный мир). Эти примеры неоднократно описаны в научной литературе.

Чем же ограничено существование перечисленных выше закономерностей воздействия философии на право? Предметом философии и ее исторически конкретными функциями, ее исторически конкретным социальным субъектом, структурой общественного сознания в целом. Здесь видим ответ на вопрос о том, что во влиянии философии на право остается постоянным, а что и в каком направлении изменяется.

Постоянными остаются функциональная обусловленность права философией и причинно-следственная обусловленность философии правом как элемента политической структуры общества. Меняется форма проявления этой обусловленности, причем меняется в направлении увеличения функционального значения философии. Это связано с усилением связи,

¹ Содержанием общественного интереса как формы общего интереса являются потребности **общественного** прогресса, связанного с развитием человечества, прежде всего потребности развития производительных сил и производственных отношений.

² Имеется в виду философия, отвечающая критериям научной рациональности.

³ В концепции В. С. Нерсисянца любое государство является правовым и в этом смысле противоположно тирании, диктатуре. Его критерий – правовая, т. е. основанная на принципе формального равенства, организация **публичной** власти **свободных** индивидов. Сфера и мера регуляции формального равенства **исторически** (в соответствии с этапами исторического развития свободы и права) изменяются.

взаимопроникновения элементов духовной сферы в постиндустриальную эпоху, глобализацией, особенностями массового сознания, массовой культурой и т. д.

Мировоззренческая обусловленность права философией. Мы живем в ситуации, когда **осознание** общественного интереса, общей опасности и связанных с ними долга и ответственности становится случайным явлением. Многие коллизии порождаются «не столкновением объективных интересов государства и личности, а **субъективным недопониманием** ситуации и ее развития **обеими** сторонами» (Гордин И. В. Указ. соч.). Такого рода факты свидетельствуют о том, что сущность права связана не просто с формальным равенством, но с формальным равенством, отражающим определенный общий¹ интерес.

Рассмотрим конкретный пример. Сложившаяся ситуация в области использования и охраны земель привела к необходимости радикального изменения нормативно-правовой базы водоохранных зон на основе методологии экологического и эколого-экономического **прогнозирования** развития ситуации. Существующее законодательство для водоохранных зон таково, что оно не противоречит праву (термин В. С. Нерсисянца), принципу формального равенства, но усугубляет кризис водоохранных зон, игнорирует результаты исследований, обнаруживающие скрытые угрозы личному и общественному благополучию, поддерживает отношение к уничтожению природной среды как процессу фатальному (Там же. С. 191). Не право и административные санкции могут объединить сегодня людей для сотрудничества, но лейтмотив банкротства (Там же. С. 190), обесценивание побережий по мере развития экологического кризиса.

То есть стремление исключительно к собственной выгоде ведет к непониманию своей собственной выгоды. У людей, принимающих решения, нередко отсутствуют навыки стратегического мышления, иначе говоря, их мировоззрение не соответствует уровню принимаемых решений.

Такие навыки есть результат, в том числе и определенного уровня философского образования, знания истории философии, способствующих емкому, экономичному (термины А. К. Сухотина) освоению закономерного в самых разных областях. Заблуждаясь относительно существенности философских вопросов, люди становятся обывателями, неспособными

критически воспринимать обыденное мировоззрение, его установки.

Роль философии в прогнозировании обусловлена ее предметом и в целом раскрыта достаточно глубоко (Степин В. С. Указ. соч.). Для того чтобы предвидеть в области права, необходимо учитывать диалектику связей права с другими формами общественного сознания, в частности, экономической и политической. Если экономические тенденции создают ситуацию, в которой становится выгодным разрушение политической структуры государства (Сokolov Б. И. Указ. соч.), то необходим социально-философский анализ баланса причинно-следственных и функциональных связей сфер общества (термины В. С. Барулина).

Значение функциональных связей в обществе, где информация – товар, будет только возрастать. Общественное сознание как организующая структура духовной сферы общества, потенциал философии как его мировоззренческого центра приобретут все большее значение.

Помимо рассмотренного выше примера, существует множество других, связанных с экономикой и правом. Согласно последним исследованиям в экономике существуют области прогноза (Ненашева Е. В. Моделирование рынка капитала с учетом поведенческих аспектов // Финансы и кредит. 2009. № 8. С. 46–63), где **необходим взгляд** на моделируемую систему с **позиции стороннего наблюдателя** нерациональности финансового рынка в целом².

В противном случае не учитываются принципиальные для прогнозирования (Там же. С. 46) особенности принятия решений массой участников рынка. Представляется интересным аналогичное исследование в области права.

Идеологическая обусловленность права философией. В этом вопросе с философской точки зрения заслуживают внимания следующие моменты:

1. Связь современного права как формы общественного сознания с идеологией (Милиция должна быть неподкупной // Лит. газ. 2008. № 47–48. С. 13 ; Страна пока не готова // Лит. газ. 2007. № 42. С. 4).

2. Анализ мировоззренческих оснований практики и прогнозов, связанных с тенденцией замены морали правом (область ювенальной юстиции) (Ювенальная юстиция и социальная безопасность : материалы «круглого стола» // Лит. газ. 2008. № 50. С. 12.).

3. Оценка мировоззренческих и теоретических оснований пропагандируемой идеи (Проект Россия. Третье тысячелетие. М., 2009. Кн.

¹ Мы не отождествляем общий и общественный интерес. Известно, что первый, как правило, не совпадает со вторым, отражая интересы конкретного класса, слоя.

² В классических моделях – с позиции рационального экономического агента (Е. В. Ненашева).

3) того, что развитие демократии, связанное с утверждением формального равенства и либерально-потребительской идеологией, неизбежно ведет общество к дезинтеграции, углублению кризиса.

В заключение отметим, что в исследовании влияния философии на право актуальным является следующее:

1. Анализ мировоззренческих и теоретических оснований, убеждений, предпочтений, идей, мнений, абстракций и т. п. в области права.

2. Анализ пределов взаимодействия философии и права.

Второй пункт связан с рядом заслуживающих внимания гипотез, обоснование которых, в том числе применительно к области права, со-

ставляет предмет нашей следующей работы. Среди них:

– эмоциональные и воспитательные ограничения философского знания;

– зависимость понимания философского знания и его практического использования от образа жизни;

– невозможность использования философии, отвечающей критериям научной рациональности, в корыстных целях.

Причину этого связываем с историческими фактами, свидетельствующими, что такое использование неизбежно оборачивается против самого использующего. Как только научная философия перестает отвечать интересам политики, от нее отказываются.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы диалектики (историко-философские аспекты) : тез. XIII ежегод. науч.-практ. конф. каф. философии РАН. – М., 2000.

2. Гордин, И. В. Кризис водоохранных зон России / И. В. Гордин. – М., 2006.

3. Симонов, П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности / П. В. Симонов. – М., 1998.

4. Соколов, Б. И. Экономическая теория / Б. И. Соколов. – СПб., 2000.

5. Ювенальная юстиция и социальная безопасность : материалы «круглого стола» // Лит. газ. – 2008. – № 50.

Bibliographical list

1. Actual Questions of Dialectics (Historical and Philosophical Aspects) : Theses XIII of the Annual Scientific and Practical Conference. The Russian Academy of Science Chair of Philosophy. – M., 2000.

2. Gordin, I. V. The Crisis of the Water-preserved Zones of Russia / I. V. Gordin. – M., 2006.

3. Simonov, P. V. Lectures on the Work of Brain. The Need and Information Theory of the High Nervous Activity / P. V. Simonov. – M., 1998.

4. Sokolov, V. V. Economy Theory / V. V. Sokolov. – SPb., 2000.

5. Round-table Discussion «Juvenile Justice and Social Security» // Literary Paper. – 2008. – № 50.

А. П. Алексеев,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

A. P. Alyekseev,
*adjunct of department of scientific personnel training
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Executing of Sentences of Russia*

**ОТДЕЛЬНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ
В СФЕРЕ ОБОРОТА АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**Individual Tactical Operations in the Investigation of Crimes of Copyright and Related Rights in the Sphere
of Circulation of Audiovisual Works**

Аннотация. Данная статья подчеркивает актуальность разработки отдельных тактических операций при расследовании преступлений авторских и смежных прав в сфере оборота аудиовизуальных произведений. Рассматривая конкретные тактические операции, автор подчеркивает, что единичные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия не являются эффективными, поэтому возникает необходимость в проведении комплекса различных действий, объединенных единством цели и четкой взаимосвязью в её достижении.

Ключевые слова: тактические операции, преступные нарушения авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере, результативность следственных действий, доследственные мероприятия, задержание с поличным, участники преступления, допрос и др.

Annotation. The paper stresses the necessity of working out separate tactic operations for investigating violations of copyright and adjacent rights in the field of audio- and video products trafficking.

Studying definite tactic operations, the author underlines that isolated investigatory actions and searching activities prove to be ineffective, that is why the necessity of different actions conducted in complex and unity of aim and its achievement arises.

Key words: tactic operations, violations of copyright and adjacent rights in the field of audio- and video products trafficking, effectiveness of investigatory actions, pre-investigatory actions, apprehension at the crime scene, participants of the crime, interrogation.

Преступные нарушения авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере относятся к той категории уголовно наказуемых деяний, при раскрытии и расследовании которых в значительной части случаев возникает необходимость в проведении тактических операций, т. е. комплекса различных действий, объединенных единством цели и четкой взаимосвязью в ее достижении (Бахин В. П. *Тактическое решение и тактическая операция // Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений : учебник / под ред. В. К. Лисиченко. Киев, 1988. С. 27*). Единичные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в ходе расследования, не во всех случаях являются эффективными (Напр.: *Расследования преступлений. Криминалистические комплексы : учеб.-практ. пособие / Е. Н. Асташкина [и др.]. М., 2003. С. 3*).

Так, проведенный нами опрос с целью выявления оценки результативности отдельных следственных действий показал, что лишь 9 % респондентов считают допрос свидетелей эффективным средством получения доказательств, 7 % – очную ставку, несмотря на то, что авторы многочисленных научно-практических исследований относят допрос свидетеля к наиболее распространенному и важнейшему средству получения доказательств по уголовному делу. Более высоко оценена значимость таких следственных действий, как осмотр места происшествия (44 %); задержание (29 %);

допрос подозреваемого (37 %); производство обыска и выемки (41 %); контроль и запись переговоров (18 %). Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о том, что часто невозможно добиться полноценного решения конкретных задач, возникающих при расследовании рассматриваемого вида нарушения авторских и смежных прав, путем проведения какого-либо одного следственного действия.

При расследовании преступлений, связанных с контрафактной деятельностью, характер и последовательность проведения тактических операций находятся в зависимости от объема фактических данных, характеризующих следственную операцию на различных этапах работы по уголовному делу, включая этап доследственной проверки материалов о совершенном или готовящемся преступлении.

В ситуации, когда поводом к принятию решения о возбуждении уголовного дела выступают сведения, полученные оперативным путем, в большинстве случаев возникает необходимость проведения тактической операции «задержание с поличным». В основном это касается случаев, когда следователь (или оперативный работник) располагает информацией о действующем производстве по изготовлению нелегальной аудиовизуальной продукции; готовящейся крупной (оптовой) сделке купли-продажи контрафакта или транспортировке нелегального товара. Результаты проведенного нами опроса свидетельствуют, что, по мне-

нию 82 % респондентов, данное мероприятие высокоэффективно при получении доказательств и психологическом воздействии на преступников.

Планируя операцию по задержанию с полным, необходимо во всех случаях учитывать возможное влияние весьма серьезных негативных факторов, получивших распространение в процессе борьбы с рассматриваемым преступлением. На достаточно высокую степень организованности и технической оснащенности преступных групп указывают 37 % респондентов. Указанное обстоятельство предполагает принятие преступниками предупредительных мер противодействия, включая различные формы обеспечения собственной безопасности (информационной, технической, физической защиты и др.), поэтому предстоящая операция должна быть продумана поэтапно с максимальной детализацией возможных вариантов развития событий и соответственно незамедлительной корректировкой в перечне и последовательности действий. Практика показывает, что недооценка указанных положений в ряде случаев влечет за собой утрату важных доказательств, а иногда и провал операции в целом.

Важная роль в реализации плана задержания отводится умению следователя и оперативного работника предвидеть (моделировать) поведение преступника в момент задержания. Однако подобное прогнозирование возможно лишь на основе анализа информации о личности преступника, в том числе сведений, касающихся криминального опыта, волевых и моральных качеств. Разумеется, в условиях недостатка времени затруднительно получить исчерпывающую информацию. Вместе с тем необходимо принять меры к выяснению наиболее значимых обстоятельств, характеризующих личность задержанного, с целью подготовки к неординарному развитию событий.

Основная задача рассматриваемой операции – выявление максимального количества участников преступления. Исходя из этого нередко при раскрытии одного эпизода контрафактной деятельности может возникнуть необходимость в задержании нескольких лиц, которые могут находиться в разных местах: на территории производства, в транспортном средстве и др. Это требует значительного привлечения сил и средств и организации надлежащей координации их усилий. В подобных ситуациях особое значение будет иметь организация наблюдения за действиями преступников, в первую очередь возможность получения соответствующих доказательств, в том числе в ходе производства допросов наблюдателей и понятых.

Очень важно тщательно продумать тактику применения средств фиксации действий преступников, главным образом видеосъемки, места нахождения соответствующих специалистов, а также проверить степень оснащенности участников операции необходимыми техническими средствами (радиосвязь, спецсредства и т. д.), отсутствие и недостаточность которых отметили 24 % респондентов.

Как показывает следственная практика, одним из главных условий результативности названной операции является верное определение момента задержания. Данное положение, на наш взгляд, применимо при принятии соответствующего тактического решения, особенно при наличии информации о деятельности организованной группы с налаженными каналами распространения контрафактной продукции. При этом необходимо учитывать, что фактор внезапности в большинстве случаев выступает одним из действенных средств преодоления противодействия расследованию (Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. А. Ф. Волынского. М., 1999. С. 185).

После задержания преступника следует провести его личный обыск, обыск транспортного средства, осмотр изъятого, допрос задержанного, а также осмотр места задержания, а при необходимости – пути передвижения преступника, так называемый «трассовый осмотр» (Гинзбург А. Я. К вопросу о тактике задержания (ареста) лиц, совершивших тяжкие преступления // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. Караганда, 1985. С. 95).

Важным следственным действием, которое может проводиться в рамках рассматриваемой операции, является допрос подозреваемого.

При задержании лица в момент изготовления нелегальных копий аудиовизуальной продукции, а также при ее транспортировке допрос, по возможности, проводится немедленно. В связи с этим Н. И. Порубов отмечает, что это лишает преступника возможности придумать ту или иную версию и оценить значение имеющихся у следователя доказательств (Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии : монография. Минск, 1978. С. 120).

При допросе членов преступной группы выясняется роль каждого из них; устанавливается период деятельности группы; регионы России, районы областей, где был налажен сбыт контрафакта. При этом особое внимание должно уделяться выяснению схем преступной деятельности, связанной с «отмыванием» полученных доходов и выявлением партнеров нелегального бизнеса.

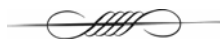
Помимо мероприятий, отмеченных в рамках операции по изобличению преступника, целесообразно проведение одновременных обысков (жилых помещений и иных объектов) у всех выявленных участников преступной группы. Для обнаружения документальных подтверждений контрафактной деятельности осуществляется выемка документов, имеющих криминалистическое значение, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их выемка и другие мероприятия, обусловленные целями конкретной операции.

В программу тактической операции «установление соучастников преступления» могут входить следующие мероприятия: проведение целенаправленных допросов свидетелей; организация наблюдения за жилищем подозреваемого, а также за родственниками и лицами из его ближайшего окружения; проверка связей по его прежнему месту работы и месту жительства; контроль и запись переговоров; дача пору-

чений органу дознания об установлении личностей телефонных абонентов, имевших связь с подозреваемым; назначение экспертиз, в числе которых могут быть фоноскопическая, почерковедческая, технико-криминалистическое исследование документов и др.

Для решения более точных задач расследования могут проводиться тактические операции, обусловленные поставленными целями, а именно: «установление места приобретения контрафактной продукции», «розыск денежных средств, добытых преступным путем» и др.

В заключение следует отметить, что рассмотренные комплексы носят общий характер, поэтому варианты и последовательность действий будут неизбежно корректироваться с учетом многочисленных факторов, оказывающих влияние на определение направления расследования, его интенсивность, характер обстоятельств, подлежащих первоочередному выяснению, и др.

Библиографический список

1. Расследования преступлений. Криминалистические комплексы : учеб.-практ. пособие / Е. Н. Асташкина [и др.]. – М., 2003.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под. ред. А. Ф. Волынского. – М., 1999.

Bibliographical list

1. Crime Investigation Forensic Studies Complexes. – М., 2003.
2. Forensic Studies / ed. by A. F. Volynsky. – М., 1999.

А. В. Богуславский,
*прокурор Советского района г. Иваново
младший советник юстиции*

Т. А. Ткачук,
*доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

A. V. Boquslavsky,
*a public procurator of Soviet district
of Ivanovo Ivanovskaya oblast*

T. A. Tkachuk,
*assistant-professor of forensic studies department
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Penal Sentences
candidate of law, assistant professor*

**СУЩНОСТЬ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
The Essence of Forensic Support in the System of Disclosing and Detecting Crimes**

Аннотация. Проанализировав взгляды ученых, авторы отмечают, что отсутствие единства точек зрения на понятие и содержание криминалистического обеспечения объясняется новизной данной проблемы и консервативностью взглядов на нее некоторых ученых, в частности, не учитывающих или узкопредметно толкующих социальные функции и задачи криминалистики в современных условиях борьбы с преступностью. Тактико-криминалистическое обеспечение рассматривается как составная часть в целом криминалистического обеспечения.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение, раскрытие и расследование преступлений.

Annotation. Having analysed scientists points of view on the essence of forensic support the authors admit lack of the unity of opinions due to novelty of this problem and conservative observation on the subject by some of them in particular by those who don't take into consideration social functions and tasks of criminology under existing conditions of fighting against criminality. Tactical criminalistic supplying is taken as a component part in the whole of criminal support.

Key words: criminal law, forensic support, disclosing, detection crimes.

Криминалистическая наука на современном этапе развития представляет собой единство всех ее разделов, так как, безусловно, ни один из них не существует изолированно, а проблемы развития, например, криминалистической тактики, обязательно являются в той или иной мере предметом научного исследования остальных разделов. На наш взгляд, в научном разрешении нуждаются следующие проблемы криминалистической тактики: содержание предмета, правовые основы, проблемы использования различных научных достижений при разработке тактических рекомендаций и соотношение тактических приемов и уголовно-процессуальных норм и гарантий прав личности.

С нашей точки зрения, наиболее важной является проблема обеспечения криминалистической тактики новейшими научно-техническими средствами и методами, позволяющими с учетом норм уголовно-процессуального права и анализа следственной и судебной практики разрабатывать эффективные тактические приемы, определяющие успешное производство отдельных следственных действий в рамках раскрытия и расследования преступления.

Само понятие «криминалистическое обеспечение», как и разделы науки криминалистики, не может рассматриваться обособленно, а следовательно, должно включать в себя, как минимум, общенаучное, технико-криминалистическое, информационное, тактико-криминалистическое, методическое обеспечение и др.

В. Г. Коломацкий первым предложил определить криминалистическое обеспечение как «систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения» (Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика. М., 1994. Т. 1. С. 62).

Следует отметить, что в книге под редакцией В. А. Образцова названия разделов уже были сформулированы как «технико-криминалистическое обеспечение», «тактико-криминалистическое обеспечение» и т. д. (Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / под ред. В. А. Образцова. М., 1992), несмотря на то, что содержание традиционного курса криминалистики осталось без изменений. В криминалистической литературе различными учеными предпринимались попытки уточнить понятие и содержание криминалистического обеспечения. Так, Р. С. Белкин, по существу разделяя мнение В. Г. Коломацкого, отмечает, что это система «криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистиче-

ские рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» (Аверьянова Т. В., Белкин Р. С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997. С. 64). А. М. Ишин приводит аналогичное определение (Ишин А. М. Теоретические аспекты информационного обеспечения органов предварительного следствия в ходе расследования преступлений. Калининград, 2003. С. 103). В дальнейшем В. Г. Коломацкий подвергает сомнению возможность отнесения криминалистического обеспечения к предмету криминалистики, так как, развивая само понятие, приходит к убеждению, что криминалистическое обеспечение является одним из элементов системы управления деятельностью органов, осуществляющих борьбу с преступностью (Коломацкий В. Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : информ. бюл. № 13. М., 2001. С. 19–21). Интересна позиция В. А. Жбанкова, который детализировал элементы криминалистического обеспечения: научное и методическое обеспечение; криминалистическое образование; технико-криминалистическое обеспечение; тактико-криминалистическое обеспечение; разработка методик расследования преступлений; экспертно-криминалистическое обеспечение; профилактико-криминалистическое обеспечение (Жбанков В. А. К вопросу о криминалистическом обеспечении органов дознания и таможенных расследований ГТК Российской Федерации // Там же). Однако в данном определении в качестве структурных элементов криминалистического обеспечения как единой системы обозначаются и разделы науки, и направления деятельности (образование, профилактика, экспертиза), и задачи (разработка методик).

По нашему мнению, понятие, содержание и структуру криминалистического обеспечения следует определять с позиций его системного анализа как специфического вида деятельности, направленной на повышение эффективности: а) разработки криминалистических методов, средств и рекомендаций; б) их внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений; в) их использования в этих целях. При этом последнее также предполагает соответствующую организацию и правовое регулирование. Следует заметить, что изложенные положения вполне могут быть интерпретированы как в целом к криминалистическому, так и к тактико-криминалистическому обеспечению

деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Определяя соотношение рассматриваемых элементов криминалистического обеспечения, А. Я. Эрекаев справедливо замечает: «...первое есть не что иное, как элемент (подсистема) второго и соотносится с ним как частное и общее. Следовательно, и то, и другое в их основе одинаково характеризуется по структуре, охватывающей по своему содержанию правовое, научно-методическое и кадровое (криминалистическая подготовка кадров) обеспечение» (Эрекаев А. Я. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 13–14). Соответственно предметные разделы криминалистики (техника, тактика, методика) вполне могут быть представлены как основные направления (сферы деятельности) по криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений.

Таким образом, на общем фоне достаточной разработанности проблем криминалистической тактики тактико-криминалистическому обеспечению как одному из направлений криминалистического обеспечения расследования преступлений явно не уделяется должного внимания (Хмыров А. А. О тактико-криминалистическом обеспечении собирания доказательств по уголовным делам // Актуальные проблемы криминалистики : материалы междунар. науч.-практ. конф. Харьков, 2003. С. 74–77), несмотря на то, что периодически подчеркивается его значимость и актуальность. В связи с этим логично более подробно рассмотреть содержание тактико-криминалистического обеспечения, которое, на наш взгляд, представляет собой двухуровневую систему деятельности (по аналогии с определением технико-криминалистического обеспечения), направленную на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций и на реализацию указанных условий в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений.

Не вызывает сомнений тот факт, что указанная деятельность должна иметь созидательную, творческую, практическую направленность, так как именно криминалистика, носящая ярко выраженный прикладной характер, заинтересована в успешном внедрении своих достижений в практику и должна инициировать, обосновывать необходимость решения соответствующих общенаучных, технических, тактических, методических, информационных, организационных, правовых и других проблем криминалистического обеспечения. «В современных условиях, — справедливо отмечает А. Ф. Волынский, — ученым-криминалистам недостаточно зани-

маться только узкопредметными разработками, “научным самоудовлетворением”. Очень важно популяризировать их результаты, формировать общественное мнение, в том числе на уровне органов управления и законодательной власти» (Волынский А. Ф. Социальные функции и задачи наук криминального цикла в условиях реформирования уголовного судопроизводства // Проблемы криминалистической теории и практики. Ростов н/Д, 2004).

Содержание и развитие тактико-криминалистического обеспечения основываются, с одной стороны, на нормах уголовно-процессуального права, с другой – на анализе следственной и судебной практики. Состояние правового обеспечения указанной деятельности при этом характеризуется соответствием предписаний (правовых норм) федеральных законов и подзаконных актов по вопросам криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, научно обоснованным достижениям криминалистики, реальным потребностям криминалистической практики и организационным, материальным возможностям их удовлетворения. При этом особое значение имеет определенная законом (прежде всего УПК РФ) система доказывания и доказательств. Состояние организации применения криминалистических методов, средств, приемов и рекомендаций характеризуется наличием соответствующей организационной структуры, предопределяющей эффективность деятельности служб и подразделений правоохранительных органов, призванных реализовывать возможности криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что никакие самые современные крими-

налистические средства, приемы и рекомендации, в целом достижения науки и техники сами по себе не в состоянии обеспечить эффективность борьбы с преступностью. На успех в этом отношении можно рассчитывать только при должном (соответствующем) организационном, правовом, методическом обеспечении их использования в деятельности правоохранительных органов. При этом можно заметить, что именно сама деятельность во всем ее многообразии определяет содержание криминалистического обеспечения, так как все направления и виды деятельности по раскрытию и расследованию преступлений взаимосвязаны и взаимообусловлены. Криминалистическое обеспечение представляет собой специфическую, комплексную деятельность, включающую, как минимум, общенаучное, технико-криминалистическое, информационное, тактико-криминалистическое, методическое обеспечение и др. Решение же многих проблем, возникающих в рамках криминалистического обеспечения, находится на стыке криминалистики и иных наук, однако только криминалистика заинтересована в практической реализации соответствующих рекомендаций и предложений, в результатах внедрения современных достижений науки и техники в практику раскрытия и расследования преступлений.

С нашей точки зрения, при таком понимании сущности и содержания криминалистического обеспечения не возникает сомнений в научности данной криминалистической категории и необходимости исследования ее чрезвычайно сложных проблем, требующих необычного, не узкопредметного подхода к их исследованию, что и обуславливает противоречивое отношение к ним.

Библиографический список

1. Горячев, Э. К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / Э. К. Горячев. – М., 2004.
2. Коломацкий, В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений / В. Г. Коломацкий // Криминалистика. Т. 1. – М., 1994.
3. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – М., 2008.

Bibliographical list

1. Goryachev, E. K. Tactical-Forensic Support of Detection Crimes / E. K. Goryachev. – M., 2004.
2. Kolomatsky, V. J. Forensic Support of Detection Crimes in MVD Activities / V. J. Kolomatsky // Forensic Science. – M., 1994. – Vol. 1.
3. Criminalistics / ed. by A. M. Volynsky, V. P. Lavrov. – M., 2008.

С. С. Вележев,
старший научный сотрудник
организационно-научного
и редакционно-издательского отдела
Самарского юридического института
ФСИН России
кандидат юридических наук

S. S. Velezhev,
Samara Law Institute of Federal Service
of Execution of Punishments of Russia
senior member of staff of scientific
candidate of law

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА **Terminological Crisis of the Modern Theory of Law**

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме отсутствия в современной отечественной юридической науке единого подхода к формированию терминов и их определений, которая порождает в теории права отсутствие единого понимания ключевых юридических категорий, что, в свою очередь, приводит к различным затруднениям в процессе функционирования механизма правового регулирования, снижающим его эффективность. В статье анализируется современное состояние исследуемой проблемы, некоторые ее причины, а также предлагаются варианты поиска путей ее решения.

Ключевые слова: терминология, право, правопонимание, методология, кризис.

Annotation. Given article is devoted to a problem of absence in modern Russian jurisprudence of the uniform approach to formation of terms and their definitions which generates absence of uniform understanding of key legal categories in the theory of the right, that in turn leads to various difficulties during functioning the mechanism of the legal regulation, reducing its efficiency. In article the modern condition of an investigated problem, its some reasons is analyzed, and also variants of search of ways of its decision are offered.

Key words: terminology, the right, law conception, methodology, crisis.

Современная юридическая наука представляет собой весьма бурно развивающееся явление. За последнее десятилетие количество специалистов в данной области значительно возросло. Соответственно увеличилось число работ, посвященных как теоретическим, так и практическим проблемам. В то же время проблем в теории права не стало меньше. Появление некоторых из них можно объяснить бурным развитием общественных отношений, другие просто ранее не затрагивались и широкую огласку получили относительно недавно. С определенной долей точности можно сказать, что некоторые проблемы возникают вследствие непонимания либо недопонимания учеными изучаемого ими предмета. Однако в отдельных случаях возникновение различных проблем связано с отсутствием единого понимания основных элементарных категорий, на которых базируется и сам понятийный аппарат теории права. Более того, по нашему мнению, исходя из понимания кризиса как состояния явления, при котором неадекватность средств достижения целей (в нашем случае хаотичное использование методологии либо пренебрежение ею вовсе) рождает непредсказуемые проблемы (отсутствие единого понимания ключевых юридических категорий), можно уже говорить о терминологическом кризисе отечественной теории права. Об этом свидетельствуют как многочисленные труды ученых, так и различного рода научные мероприятия.

В качестве примера можно привести следующий. Рассуждая на тему «Право как цен-

ность», такие видные ученые, как Л. С. Мамут и В. С. Нерсисянц завели спор о том, что такое порядок, в частности правовой порядок. Л. С. Мамут высказался следующим образом: «Во многих изданиях, в том числе и в учебниках, можно прочесть о порядке, о правовом порядке, а что такое порядок вообще, порядок, понимаемый в социально-философском смысле, говорится невразумительно. Разве не смешно: порядок – это упорядоченность?!» (Юридическая Россия. URL: http://www.lawportal.ru/centers/lawtheory/message_tree.asp?mID=3490).

О наличии терминологической проблемы при определении самого права свидетельствуют многочисленные труды авторитетных отечественных ученых. Как отмечают В. В. Лазарев и С. В. Липень: «Определение и понимание права на сегодняшний день – одна из ключевых проблем юриспруденции» (Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 196). М. Н. Марченко разделяет данную точку зрения: «Проблемы определения понятия права традиционно относились и относятся к числу наиболее важных в отечественной и зарубежной юридической науке проблем» (Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М., 2007. С. 319). В настоящее время отечественной юридической науке известно колоссальное количество всевозможных определений права. Об этом свидетельствует, например, труд П. А. Оля «Правопонимание: от плюрализма к двуединству». В приложении к

указанной работе приведена подборка, включающая в себя 44 определения права (Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству : монография. СПб., 2005. С. 217–227). Некоторые из них в корне отличаются друг от друга, другие же очень похожи. Более того, приведенный список остается открытым по причине того, что с каждым годом количество определений увеличивается.

Между тем наличие большого количества всевозможных определений права порождает неопределенность в понимании такого важного термина, как «правовое государство», закрепленного в ст. 1 Конституции РФ. Вопрос об определении данного термина, по сути, решается в зависимости от того, какой позиции относительно понимания самого права придерживается субъект толкования. Например, если трактовать правовое государство с точки зрения узкого нормативного подхода в праве, то и тоталитарное государство является правовым. Аналогично этому обстоит вопрос и с определениями права, в которых оно трактуется как идентичное понятию закона. Если исходить из тождественности определений указанных основополагающих терминов, то в процессе толкования норм некоторых нормативных правовых актов могут возникнуть затруднения. Так, анализируя ст. 6 ГК РФ «Применение гражданского законодательства по аналогии», не совсем понятно, для чего законодатель разделил понятие закона и права. По нашему мнению, в данном случае субъекту толкования подобной нормы придется заново пересматривать свои взгляды на явление права.

Кроме того, в свете происходящих в настоящее время общемировых глобализационных процессов отсутствие единого определения права затрудняет использование права как регулятивного средства расширения и упорядочивания межгосударственных и межрегиональных отношений, о чем видные отечественные ученые заявляли уже не раз (Марченко М. Н. Указ. соч. С. 322).

Отчасти отсутствие единого мнения относительно определения права является результатом тенденции ученых-юристов слепо следовать постулатам той или иной концепции правопонимания. Яркий тому пример – социологическая концепция права, часто пытающаяся игнорировать роль государства в формировании норм, а также узкая нормативная концепция права, наоборот, преувеличивающая роль государства и в то же время игнорирующая роль самой жизни общества в процессе формирования норм права.

Решение же указанной проблемы нам видится в рамках интегративной концепции права, которая наиболее терпимо относится к мнени-

ниям ученых различных направлений, вследствие чего позволяет соединить, с одной стороны, наработанный опыт различных направлений в праве, с другой – применить к исследованию данной проблематики опыт других наук, предмет которых состоит в изучении различных социальных и других явлений. По точному замечанию А. В. Полякова, именно такой тип правопонимания призван «...синтезировать теоретически значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями: нормативный аспект права и его специфический механизм функционирования в государстве – у статического подхода; субъективно-деятельностный аспект – у социологической школы; восприятие права как ценности – у юснатурализма; психическую составляющую права – у сторонников психологической школы и т. д.» (Поляков А. В. Общая теория права : курс лекций. СПб., 2001. С. 125). Среди наиболее ярких отечественных представителей данного направления следует отметить Р. А. Ромашова (концепция реалистического позитивизма) (Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. 2005. № 1), В. С. Нерсесянца (либертарно-юридическая концепция) (Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопр. филос. 2002. № 3), А. В. Полякова (коммуникативная концепция) (Поляков А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003), И. Л. Честнова (диалогическая концепция) (Честнов И. Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002). Конечно, и их концепции не лишены отдельных недостатков, однако именно они стремятся преодолеть отрицательные стороны различных школ права и одновременно объединить наиболее положительные.

Отсутствием единого понимания права терминологический кризис не ограничивается. Так, например, мы встречаем относительно разные определения юридической ответственности. В одних случаях она понимается как «мера государственного принуждения, основанная на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающаяся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений личного и имущественного порядка». В других – трактуется как «регламентированное нормами права общественное отношение между государством, в лице его специальных органов, и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последст-

вия за совершенное правонарушение». В ряде же случаев юридическая ответственность рассматривается как «применение к лицам, совершившим правонарушения, предусмотренных законом мер принуждения в установленном для этого процессуальном порядке» (Общая теория права / отв. ред. А. С. Пиголкин. М., 1995. С. 332). Кроме того, следует отметить, что одни ученые отождествляют юридическую и социальную ответственность, а другие разделяют указанные понятия, что также приводит к неоднозначности определения данного явления правовой реальности.

Помимо этого отсутствует определенность в понятиях «формы ответственности», «виды ответственности» и «меры ответственности». В одних случаях ученые пользуются отраслевой классификацией юридической ответственности, при этом отождествляют понятия «виды» и «формы» ответственности. В иных случаях виды ответственности определяются как конкретные меры принуждения, а отраслевые виды ответственности рассматриваются в качестве ее форм (Амирбеков К. Юридическая ответственность муниципальных образований и прокурорский надзор // Право и жизнь. 2000. № 31 ; Муниципальное право : учеб. для вузов / под ред. А. М. Никитина. М., 2000. С. 375–380 ; Пешин Н. Л. Муниципальная финансовая система Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 97 ; Постовой Н. В. Муниципальное право России. М., 1998. С. 322, 323).

Следует отметить, что ранее теоретиков права уже упрекали в отсутствии единого, общепризнанного понятия юридической ответственности, а также в существовании множества концепций, каждая из которых опирается на свой собственный понятийный аппарат, на основе которого ученые осуществляют исследование на их собственном языке (Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 9). Однако сейчас все чаще звучат упреки в адрес представителей отраслевых юридических наук в том, что многие из них используют различные теории юридической ответственности при проведении отраслевых исследований и разрушают понятийно-категориальный аппарат, формируют теоретические конструкции, которые все больше приобретают черты некой множественности не согласованных между собой понятий и терминов (Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журн. рос. права. 2006. № 5).

По точному замечанию Н. Н. Черногора, «тревогу вызывает не только отсутствие системности в понятийном ряду, но и откровенная подмена понятий, которую авторы нередко до-

пускают в своих исследованиях, что, в свою очередь, разрушает основы общей теории правонарушения и юридической ответственности. Так, у некоторых авторов отзыв депутата – это уже не мера (форма) ответственности, а деликт (хотя по контексту речь идет о деликте, который служит основанием отзыва) (Нудненко Л. А. Досрочный отзыв депутата, выборного должностного лица местного самоуправления – конституционный деликт // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С. А. Авакьяна. М., 2001. С. 391–395), состав правонарушения – это состав юридической ответственности и т. п. Естественно возникает резонный вопрос о корректности таких заявлений и формулировок. Ведь они противоречат всем канонам теории права» (Черногор Н. Н. Указ. соч.).

Отсутствие единого подхода к определению юридической ответственности порождает, в свою очередь, также отсутствие единого подхода к определению некоторых отраслевых видов ответственности, в частности, за экологические правонарушения, о чем свидетельствует, например, труд Г. Г. Доронина (Доронин Г. Г. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: исходные положения и теоретические подходы : учеб.-метод. материалы. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/ecology/article2.html>).

Аналогично понятию юридической ответственности ситуация обстоит и с определением понятия источника права. Одни ученые дают тождественные определения источника и формы права (Марченко М. Н. Указ. соч. С. 472 ; Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 67); другие – придерживаются противоположной точки зрения (Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента РФ. Основные социальные и правовые характеристики. М., 2000. С. 11). Как отмечает Т. В. Гурова, «...в отечественной юридической науке отсутствует общепринятое понятие источника права. Вместе с тем реализация концепции правового государства в целях обеспечения устойчивого развития российского общества в целом предполагает наличие научно обоснованной концепции источника права» (Гурова Т. В. Источники российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 5).

Анализ терминологической проблемы права показал, что рассматриваемые выше термины и их определения являются лишь частью данной проблемы. Помимо указанных практически большей части юридических терминов и определений (правоотношение, норма права, санк-

ция, закон, механизм правового регулирования, правопорядок, правовая система и др.), на которых базируется юридический понятийный аппарат, присущ недостаток отсутствия их единого понимания. Часто отсутствие единого определения правовых явлений приводит к не всегда продуманному использованию юридических терминов в нормативных правовых актах, что создает определенные сложности для анализа данной правовой категории и препятствует в целом развитию юридической науки, а также отечественной правовой системы.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости поиска путей преодоления сложившейся ситуации в целях дальнейшего совершенствования всей правовой системы, а также повышения эффективности функционирования механизма правового регулирования. При этом, по нашему мнению, наибольший приоритет при ликвидации основных причин терминологического кризиса необходимо отдать решению методологических вопросов. К сожалению, многие современные отечественные ученые-юристы вообще пренебрегают методологией права либо имеют о ней скудное представление. Поэтому очень важно первоначально нацелить ученых-юристов на изучение методологии; обладая широким «набором инструментов», можно будет непосредственно приступить к решению терминологической проблемы.

В рамках методологии мы предлагаем два основных пути ее решения: первый путь состоит в использовании различных подходов, методов и алгоритмов без создания отдельной методики построения терминов и определений; второй – именно в создании единой общепринятой специальной методики построения терминов и определений.

По нашему мнению, последний вариант наиболее приемлемый. В первом же случае использование разных подходов и методов, базирующихся на различном понимании основных познавательных категорий философии, может вновь привести ученых к разрозненным и противоположным результатам. При этом необходимо выбрать такое сочетание методов, способов и алгоритмов научного исследования, основывающегося на фундаментальных общетеоретических концепциях, всеобщих философских законах и категориях, которое будет способно наиболее адекватно отразить суть правовых явлений в их терминах и определениях, и в то же время которые будут в наибольшей степени пригодны к применению в практической деятельности юриста.

На наш взгляд, одним из основных вопросов, от разрешения которого зависит и построение в целом методики создания терминов

и определений, здесь является определение приоритета в процессе научного исследования применения формальной либо диалектической логики. В настоящее время как среди ученых-юристов, так и среди философов не прекращаются споры относительно данного вопроса. Однако все более прослеживается тенденция, направленная на синтезирование обоих видов логики. На наш взгляд, и в рассматриваемом случае следует использовать оба вида логики.

Ценность диалектической логики состоит в том, что она занимается целостным системным содержанием человеческого мышления, адекватного системе содержательных форм объективной реальности (Ивакин А. А. Диалектическая философия : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 191).

Диалектическая логика самым непосредственным образом имеет дело с категориями, такими как: сущность и явление, абстрактное и конкретное, необходимое и случайное, содержание и форма и др. Именно данные категории представляют собой содержательные формы освоения способов изменения предметов природы, а также самого человека в процессе практической деятельности.

Однако А. А. Ивакин замечал, что «...любому содержанию необходима не только содержательная, внутренняя форма, но и форма внешняя, форма его овеществления, воплощения и функционирования в сфере науки. Такой внешней, формальной, субстратной формой процесса мышления выступает язык. Данной формой занимается иная логика, носящая название формальной логики» (Ивакин А. А. Указ. соч. С. 193).

Именно слова, термины, суждения, умозаключения являются сферой исследований данной логики. «Она концентрирует свое внимание на языковом бытии мышления. Согласно формальной логике мыслить – значит “рассуждать, размышлять и выражать мысль в правильной словесной форме”» (Абдильдин Ж. М. Диалектическая логика. Алма-Ата, 1986. Т. 1. С. 16). Формальная логика необходима человеку постольку, поскольку она вырабатывает из содержательного знания информацию и затем путем получения выводов из исходных содержательных принципов позволяет человеку успешно использовать в своей жизни производственную информацию.

Значение формальной логики в юриспруденции отмечалось различными отечественными и зарубежными учеными. Так, С. С. Алексеев пишет: «Применение формальной логики при аналитической проработке догм права дает возможность раскрыть детализованную юридическую картину того или иного фрагмента законодатель-

ства, судебной практики, отработать наиболее целесообразные приемы и формы юридических действий» (Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 6).

В то же время необходимо помнить и о недостатках формальной логики, которые отмечает А. И. Денисов: «...добываемые при помощи формально-логических приемов результаты толкования отличаются узостью, ограниченностью, а нередко и поверхностны» (Денисов А. И. Социалистическое право. М., 1955. С. 61). Далее он продолжает: «...диалектический метод позволяет всесторонне и глубоко толковать нормы права» (Там же).

Более того, формальная логика не имеет возможности выражать собою все содержание процесса мышления. Язык является очень важным, но не единственным аспектом мышления, которое «реально существует и проявляется не в одних лишь размышлениях и книгах, а во всех результатах человеческой духовно-практической деятельности. Ибо человек мыслит не только тогда, когда размышляет либо излагает устно или письменно свои мысли, но и тогда, когда созидает предметное тело культуры» (Абдильдин Ж. М. Указ. соч. С. 16).

Что же касается методов, приемов и алгоритмов исследования, по нашему мнению, разработка методики построения терминов и определений должна осуществляться при помощи комплексного подхода, который позволяет нам использовать осознанное и концептуально организованное сочетание различных теоретико-методологических принципов и приемов исследования. Среди многих методов наибольшее

значение в данном случае имеют такие методы, как восхождение от абстрактного к конкретному (при построении определений) и, наоборот, метод восхождения от конкретного к абстрактному (при создании терминов).

В заключение можно сделать следующие выводы. Терминологический кризис в отечественной юридической науке в настоящее время имеет место быть и проявляется он в отсутствии общепринятой точки зрения относительно терминов и определений различных правовых явлений. Его существование порождает довольно большое количество теоретических проблем, которые, в свою очередь, вызывают проблемы в юридической практике, что особенно проявляется в процессе создания норм права, а также в процессе их реализации. Все это указывает на необходимость поиска путей преодоления терминологического кризиса, что возможно лишь при условии тесного сотрудничества представителей различных направлений в праве, в том числе сотрудничества с учеными, не являющимися юристами (философами, социологами и т. д.). Одним из приоритетных путей устранения данной проблемы, по нашему мнению, является разработка единой общепринятой методики построения юридических терминов и определений. В целом устранение терминологического кризиса может оказаться действенным средством, которое позволит унифицировать процесс правотворчества и правоприменения и повысить эффективность функционирования механизма правового регулирования, что необходимо для дальнейшего развития правового государства в России.

Библиографический список

1. *Байтин, М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Саратов, 2001.
2. *Лазарев, В. В.* Теория государства и права : учеб. для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
3. *Нерсесянц, В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция / В. С. Нерсесянц // *Вопр. филос.* – 2002. – № 3.
4. *Оль, П. А.* Правопонимание: от плюрализма к двуединству : монография / П. А. Оль. – СПб., 2005.
5. *Поляков, А. В.* Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций / А. В. Поляков. – 2-е изд., доп. – СПб., 2003.

Bibliographical list

1. *Baitin, M. I.* Essence of the Right / M. I. Baitin. – Saratov, 2001.
2. *Lazarev, V. V.* The Theory of the State and the Right / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. – M., 2004.
3. *Nersesyan, V. S.* Legal Philosophy: the Libertarian and Legal Concept / V. S. Nersesyan // *Questions of Philosophy.* – 2002. – № 3.
4. *Ol, P. A.* Interpretation of Law: from Pluralism to Two-Unity / P. A. Ol. – SPb., 2005.
5. *Polyakov, A. V.* The General Theory of the Right. Phenomenologo-Communicative the Approach / A. V. Polyakov. – SPb., 2003.

А. И. Гулягин,
заместитель прокурора
Владимирской области
кандидат юридических наук

A. Y. Gulyagin,
deputy prosecutor Vladimir region
candidate of law

НОВОЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ: АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ **New in the Profession of a Public Prosecutor: Administrative Investigation**

Аннотация. В статье автором анализируются положения Национального плана противодействия коррупции в части необходимости наделения органов прокуратуры функциями по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях коррупционного характера. При этом приводятся и анализируются основные подходы различных авторов относительно понимания существа административного расследования. Кроме того, раскрывается сегодняшняя роль прокурора в административном процессе. На основании приводимого анализа делается вывод о необходимости скорейшей реализации положений Национального плана противодействия коррупции.
Ключевые слова: прокуратура, административное расследование, коррупция.

Annotation. The article uncovers issues of analyze positions of national plan of struggle against corruption by means of necessity empower public prosecutor by functions to accompany administrative investigation of the causes about offence of corruption character. It's appearing and analyzing fundamental points of view different authors concerning understanding essence of administrative investigation. Besides, it's opening today's role of public prosecutor in the administrative process. On the basis of accompanying analyze we have a conclusion about necessity operative realization positions of national plan of struggle against corruption.

Key words: prosecutor, administrative investigation, corruption.

Тридцать первого июля 2008 г. Президентом России утвержден поистине исторический и фундаментальный документ – Национальный план по противодействию коррупции (Рос. газ. 2008. 5 авг.).

Этот документ затрагивает весьма широкие и разнообразные сферы жизни нашей страны, ставит многие вопросы, а также намечает пути решения различных задач по-новому.

В рамках настоящей статьи остановимся на одном из таких вопросов, в частности, о наделении надзорного органа государства – прокуратуры – новыми полномочиями, заключающимися в осуществлении органами прокуратуры функций по проведению административного расследования правонарушений коррупционного характера.

Место прокурора в деятельности по привлечению лиц, виновных в совершении административных правонарушений, определено законодательно.

Так, ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» определяет, что прокурор, проводя проверки действующего законодательства исходя из характера выявленного нарушения закона, выносит мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении (Там же. 1995. 25 нояб.).

Статьями Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ) установлено, что ключевая роль прокуратуры в этой сфере заключается в возбуждении дел об административных правонарушениях по любому составу административного правонарушения при

выявлении в ходе надзорной деятельности определенных нарушений (ст. 28.4 КоАП РФ).

Аналогична эта роль и при необходимости осуществления административного расследования, обусловленного проведением экспертиз и иного большого объема действий по доказыванию состава и события административного правонарушения (ст. 28.7 КоАП РФ). Не более того.

Об этом предмете высказывается и Верховный Суд РФ: согласно постановлению Пленума от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2005. № 5) круг должностных лиц, уполномоченных на проведение административного расследования, в силу ч. 4 ст. 28.7 КоАП РФ является исчерпывающим, т. е. как было отмечено выше, данная норма приводит в качестве лица, уполномоченного проводить административное расследование, то лицо, которое вправе составлять протокол об административном правонарушении.

Таким образом, вменение в обязанности прокурора осуществления расследования по делам об административных правонарушениях является, по сути, нововведением.

При необходимости исполнения Национального плана по противодействию коррупции в этой части и наделения прокурора функциями по проведению административного расследования возникает проблемный вопрос относительно его конкретного места в данном процессе. Дело в том, что существует несколько научных подходов к определению содержа-

ния административного расследования и отсутствует законодательно закреплённая формулировка этого юридического понятия.

Стадия административного расследования является базовой (обеспечительной) для всего производства. От качества первоначальных административно-процессуальных действий (проведённого расследования), полноты собранных доказательств зависит весь дальнейший ход юрисдикционного применения и в конечном счёте законность и справедливость принятого решения (Михайлов А. А. Административно-юрисдикционная деятельность милиции: теория и практика. Ростов н/Д, 2003. С. 119).

Этим определяется значимость данной стадии.

Административное законодательство регламентирует административное расследование комплексом нормативных предписаний, содержащихся в ст. 28.7 КоАП РФ, которая входит в состав гл. 28 «Возбуждение дела об административном правонарушении». С момента введения в действие КоАП РФ в текст указанной статьи изменения вносились несколько раз.

В результате в действующей редакции ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ содержится большой перечень ситуаций, по которым необходимо проводить административное расследование.

Как было отмечено выше, в современной науке не существует единого подхода относительно понимания административного расследования.

А. П. Зрелов попытался обобщить эти подходы следующим образом:

1) административное расследование – это совокупность процессуальных действий (Д. Н. Бахрах, Л. А. Калинина);

2) особый порядок предварительного изучения данных (А. Ю. Якимов);

3) особая процедура (сложный процесс), в рамках которой производятся необходимые процессуальные действия (А. Гуничев, Е. В. Малашин);

4) стадия производства по делам об административных правонарушениях (Д. Н. Бахрах, А. П. Коренев, А. А. Гравина, Л. К. Терещенко, М. П. Шестакова);

5) дополнительная проверка (Л. А. Калинина, А. А. Николаев);

6) форма возбуждения дела об административном правонарушении (О. В. Панкова);

7) форма административного производства (Л. Акимов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников) (Зрелов А. П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 27).

На наш взгляд, один из этих подходов излишне широко определяет административное расследование (совокупность процессуальных действий – Д. Н. Бахрах, Л. А. Калинина), поскольку не отражает внутреннего существа именно расследования административного, опосредованного его целями

и задачами. Другой, изложенный А. Ю. Якимовым, напротив, излишне сужает сущность административного расследования, придавая ему характер лишь аналитического исследования. Не может быть признано административное расследование и дополнительной проверкой, поскольку его суть направлена на установление объективных обстоятельств и виновности того или иного лица в каждом случае возбуждения административного производства и, следовательно, является не дополнительным, а основным элементом. Также не приемлема позиция, согласно которой административное расследование выступает формой возбуждения административного производства, поскольку это, на наш взгляд, не вписывается в основную идею расследования, заложенного законодательно. Кроме того, акт возбуждения сам по себе, являясь важной составляющей любого процесса: уголовного или административного, не отражает всей полноты установления истины по делу, т. е. не решает задач, возлагаемых на расследование как таковое и определенных внутренним содержанием расследования.

Интересными представляются мнения относительно того, что административное расследование является либо стадией административного производства, либо формой производства по делам об административных правонарушениях.

Сторонники первого подхода обосновывают свое мнение тем, что административное расследование не включает в себя всю полноту производства по делам об административных правонарушениях, а лишь является составной их частью, причем в череде последовательных действий.

Так, профессор А. П. Шергин считает, что производство по делам об административных правонарушениях состоит из ряда процессуальных действий, точнее их совокупностей, именуемых в правовой теории стадиями административного процесса (Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 1979. С. 90).

А. Е. Лунев, признавая административное расследование стадией административного процесса, говорит следующее: «Процесс расследования административных правонарушений, а также рассмотрение этих правонарушений в административных и судебных органах есть две части административного процесса. Вопрос об административной ответственности может встать тогда, когда соответствующий полномочный орган государства возбудит административное дело и этим положит начало действиям, направленным на собирание доказательств, подтверждающих или опровергающих виновность лица в совершении административного проступка. Эту стадию административного процесса следует именовать административным расследованием» (Лунев А. Е. Вопросы административного процесса // Правоведение. 1962. № 2. С. 417).

А. П. Зрелов определяет административное расследование как факультативную стадию производства по делам об административных правонарушениях, проводимую после выявления факта административного правонарушения в случае недостаточности информации обо всех обстоятельствах, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении и предусмотренных ст. 26.1 КоАП РФ в случае, если выяснение указанных обстоятельств возможно только посредством проведения процессуальных действий, требующих значительных временных затрат.

В число задач административного расследования могут входить:

- 1) установление характера и размера ущерба, причиненного административным правонарушением;
- 2) определение виновности лица в совершении административного правонарушения;
- 3) поиск обстоятельств, смягчающих или отягчающих административную ответственность;
- 4) определение причин и условий совершения административного правонарушения (Зрелов А. П. Указ. соч. С. 29–30).

На основании действующего законодательства можно условно определить следующие стадии производства по делам об административных правонарушениях: 1) возбуждение дела об административном правонарушении (гл. 28 КоАП РФ); 2) рассмотрение дела об административном правонарушении (гл. 29 КоАП РФ); 3) пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях (гл. 30 КоАП РФ); 4) исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях (разд. V КоАП РФ).

В пользу подхода, характеризующего административное расследование как стадию, свидетельствует то обстоятельство, что оно поставлено законом в конкретно определенные правовые рамки, обозначенные возбуждением дела об административном правонарушении посредством вынесения определения либо постановления и составлением административного протокола.

Вместе с тем сторонники второго подхода, определяющего административное расследование как *форму* производства по делам об административных правонарушениях, считают, что административное расследование включает в себе всю полноту такой категории, как расследование вообще.

В частности, Ю. Н. Калюжный определяет административное расследование как самостоятельную, объективно необходимую форму производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемую по определенным законом категориям дел и представляющую собой властную, регламентированную административно-процессуальными нормами деятельность компетентных должностных лиц и государственных органов (правоприменительных субъектов) по про-

ведению экспертизы или других требующих значительных временных затрат процессуальных действий, направленных на установление фактических обстоятельств правонарушения, их фиксацию и юридическую квалификацию, с целью правомерного привлечения виновных лиц к административной ответственности за совершенное правонарушение с применением в необходимых случаях мер принуждения и реализации других процессуальных задач, завершающуюся составлением протокола либо вынесением постановления о прекращении дела об административном правонарушении (Калюжный Ю. Н. Административное расследование в механизме производства по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 50–51).

Кроме того, толкуя буквально текст нормы абз. 2 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, можно сделать вывод, что законодатель рассматривает административное расследование как одну из форм производства по делам об административных правонарушениях.

По нашему мнению, исходя из внутреннего содержания административное расследование является именно формой производства по делам об административных правонарушениях, поскольку стадийность предполагает определенную последовательность действий, продолжаемых и идущих одно за другим и зависящих взаимно друг от друга, тогда как административное расследование, названное сегодня в законодательстве особым производством (ст. 28.7 КоАП РФ), может в каком-либо случае вообще не наступить, однако административное производство при этом не прерывается.

Наряду с формой административного расследования существуют иные, не связанные с ним, формы административного производства. Так, в соответствии с законом можно привлечь виновное лицо к административной ответственности и без возбуждения расследования, а лишь составив протокол об административном правонарушении и рассмотрев его либо направив по подведомственности для окончательного разрешения. При прочих правильно заданных обстоятельствах эти действия будут отвечать принципу полноты.

Хотя, безусловно, определенная стадийность будет присутствовать, во-первых, внутри самой этой формы расследования, поскольку закон устанавливает, что оно должно начаться возбуждением посредством вынесения уполномоченным лицом определения либо прокурором постановления, продолжиться проведением экспертиз, иных сложных и длительных действий и закончиться составлением протокола об административном правонарушении либо прекращением дела и, во-вторых, между формами административного производства: после возбуждения административного производства, проведения расследования, составления протокола обязательно наступит рассмотрение дела об административном правонарушении.

Впрочем, это более последовательность, чем стадийность (если эти понятия разделять).

Также в пользу мнения об административном расследовании как о форме административного производства можно привести тезис о том, что расследование по своей сути является всесторонним рассмотрением (изучением) чего-либо с целью поиска взаимосвязи как внутри исследуемой системы (между ее отдельными элементами), так и этой системы с окружающим миром (системы в целом и ее отдельных элементов с элементами, находящимися вне исследуемой системы) (Зрелов А. П. Указ. соч. С. 24).

Иными словами, расследование – по существу, явление самостоятельное и самодостаточное по набору инструментов для достижения результата, однако всегда опосредованное поставленными задачами и конечной целью, в связи с чем – не обособленное, а значит, органически вписывающееся в тот или иной процесс, например, уголовный или административный. Эта опосредованность дает многим основание говорить о расследовании как о стадии, хотя, на наш взгляд, определяющей является именно самодостаточность внутренних механизмов, что, по сути, вписывается и в лексическое понимание *формы* как внешнего отражения внутреннего содержания. Проще говоря, механизмов расследования достаточно для установления истины по делу.

Относительно новых функций прокурора отметим следующее.

Как было сказано выше, в настоящее время прокурор участвует в таких формах производства по делам об административных правонарушениях, как возбуждение дел об административных правонарушениях, возбуждение дела и проведение расследования по особым категориям и в особых случаях. В науке существует мнение, что расследование дел об административных правонарушениях заключается не только в проведении такового в особо оговоренных случаях, как указано в ст. 28.7 КоАП РФ, но и в прямом и существенном соотношении со всеми формами возбуждения дел об административных правонарушениях (поскольку в этот момент либо непосредственно после него происходит установление всех обстоятельств, предусмотренных ст. 26.1 КоАП РФ), а это и является расследованием по существу. В подтверждение сказанного приведем определение слова «расследовать», содержащееся в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 2001. С. 663): «Подвергнуть всестороннему рассмотрению и изучению».

В этой связи интересно мнение Ю. Н. Калюжного, который считает, что более правильно в терминологическом смысле начальную стадию производства по делам об административных правонарушениях именовать стадией административного расследования. Поскольку, по сути, внутри

данной (первоначальной) стадии объединяются действия, направленные на установление обстоятельств дела, их фиксирование и квалификацию. Даже практика правоприменения идет по такому пути, когда должностное лицо, получив сообщение о совершенном административном правонарушении, прежде, чем возбудить дело об административном правонарушении, организует его проверку, в ходе которой устанавливает не только сам факт совершения правонарушения, но и обстоятельства, относящиеся к данному правонарушению, дает их юридическую оценку, выясняет личность правонарушителя и выявляет доказательства, подтверждающие его виновность в совершенном правонарушении (Калюжный Ю. Н. Указ. соч. С. 19–22). Иными словами, исполняет задачу производства по делам об административных правонарушениях – рассмотреть дело всесторонне, полно, объективно и своевременно.

Таким образом, предоставляя прокурору полномочия по административному расследованию коррупционных правонарушений, законодатель должен предполагать, что наделяет его всей полнотой компетенции лица, уполномоченного возбудить дело и провести расследование во всех предусмотренных законом формах.

Полагаем, что в идею наделения прокурора подобными полномочиями разработчики вложили смысл ст. 28.7 КоАП РФ, однако это существенно сужает его административную антикоррупционную компетенцию, поскольку существуют ситуации, когда по правонарушению, носящему коррупционный характер, не надо проводить ни экспертиз, ни иных процессуальных действий, требующих существенных временных затрат. Тогда коррупционное правонарушение выходит из поля зрения прокурора и, что очень вероятно, вообще остается без реакции со стороны государства.

Следовательно, развивая данную идею, необходимо учитывать изложенные выше обстоятельства, придерживаясь следующей схемы: включить прокурора в процесс не только возбуждения им дела об административном правонарушении в силу ст. 28.4 КоАП РФ, возбуждения дела и проведения административного расследования в силу ст. 28.7 КоАП РФ, но и составления протокола осмотра места административного правонарушения (ст. 28.1.1 КоАП РФ), составления протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ.

Это позволит более полно обеспечить выполнение Национального плана по противодействию коррупции путем проведения прокурором административного расследования правонарушений коррупционного характера.

Как мы отметили выше, роль прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях четко закреплена в положе-

ниях ст. 25.11 КоАП РФ: возбуждение производства по делу, участие в рассмотрении дела (с возможностью реализации соответствующих прав), принесение протеста на решение по делу. Вместе с тем это не является чем-то обособленным от основной функции прокурора – надзирать, а представляет собой лишь механизм воздействия на выявляемые нарушения законодательства, как, например, возможность предъявить в суд иск (в рамках гражданского процесса) в целях восстановления нарушенных прав граждан, интересов общества и государства.

Таким образом, введение новой компетенции прокуратуры не будет чем-то обособленным и выходящим из общей канвы ее деятельности, а будет являться развитием *присущей ей функции*, предполагающей участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. И поскольку административное расследование (как мы определили) является формой производства по делам об административных правонарушениях в целом, говорить о нехарактерности данного нововведения было бы неправильным.

Проще говоря, прокурор уже вписан в административный процесс независимо от того, какие функции ему присущи сегодня и какие могут возникнуть завтра в связи с требованиями времени.

В данном случае компетенция прокуратуры расширяется, но не надо этого опасаться, поскольку производство расследования еще не так давно было ей присуще (хотя и в уголовно-правовом аспекте), и в настоящее время многие специалисты проходят службу в этом профиле, и они, по нашему мнению, способны решить новую задачу.

Следующий аспект рассматриваемой проблемы связан с тем, как определяется сегодня коррупция. Дело в том, что в настоящее время в КоАП РФ нет отдельных разделов и глав, объединяющих составы административных правонарушений коррупционного характера, что затрудняет отнесение тех или иных составов к компетенции, вменяемой прокурору. Кроме того, не всегда правонарушение будет являться прямо коррупционным, но может содержать предпосылки для коррупции, т. е. коррупционные факторы. Их также необходимо выявлять и расследовать прокурору.

В этой связи определение коррупции важно не только потому, что оно является ключевым в данной теме, но и потому, что необходимо очертить конкретный круг правонарушений, подлежащих расследованию как коррупционных.

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» содержится следующее определение данной категории: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а)» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» (Рос. газ. 2008. 30 дек.).

Приведенная формулировка делает удобной классификацию правонарушения как коррупционного даже в случае «непрямой» коррупции, т. е. совершения деяний, как уже говорилось, предусмотренных не только в обозначенных ст. 28.7 КоАП РФ сферах, но и иных.

Таким образом, учитывая все элементы рассматриваемой проблемы, а именно: административное расследование как форму производства по делам об административных правонарушениях, коррупцию как правовую категорию, имеющую конкретное определение, применяемое (при объективном установлении фактов) практически к любому составу административного правонарушения, общие правила проведения административного расследования, – можно сделать следующий вывод: административное расследование органами прокуратуры дел о коррупционных правонарушениях будет являться не чем иным, как деятельностью специально уполномоченного государственного органа по привлечению к ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения в установленном законом порядке.

Библиографический список

1. Национальный план по противодействию коррупции : [утв. Президентом Рос. Федерации от 31 июля 2008 г. № Пр-1568] // Рос. газ. – 2008. – 5 авг.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2008.
3. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон : [от 17 янв. 1992 г. № 2202-01] // Рос. газ. – 1995. – 25 нояб.

Bibliographical list

1. National Plan of Struggle Against Corruption : [from July 31, 2008 № Pr-1568] // Rus. Newspaper. – 2008. – Aug. 5.
2. Codex RF about Administrative Offences. – M., 2008.
3. About the Prosecutor : federal law : [from Jan. 17, 1992 № 2202-1] // Register SND and VS RF. – 1992. – № 8.

И. В. Дунаева,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
БЮИ ФСИН России*

I. V. Dunaeva,
*applicant for the department of scientific personnel training
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Executing of Sentences of Russia*

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **Modern Model of Separation of Powers in Russia**

Аннотация. В статье исследуются виды теории «разделения властей». Раскрывается особенность заявленной системы разделения властей в ст. 10 Конституции 1993 г. и существующей на практике при реализации глав 4, 5, 6, 7. Утверждается, что государственная власть в России осуществляется одной политической элитой во главе с Президентом Российской Федерации.

Ключевые слова: элита, государственная власть, разделение властей.

Annotation. This article investigates the theory of types of «separation of powers». Feature of the claimed separation of powers in Article 10 of the 1993 Constitution and the existing practice in the implementation of Chapters 4, 5, 6, 7. It is alleged that the state power in Russia carried out a political elite, headed by the President of Russia.

Key words: the elite, the government, power division.

Главной движущей силой в деятельности любой политической группы является борьба за государственную власть и стремление удержать ее любой ценой. Любая политическая элита, став правящей, стремится к обладанию всей полнотой государственной власти, а следовательно, к ее узурпации. В свою очередь, последняя ведет к стагнации государственного механизма и, как правило, его деградации, что сказывается не только на темпах развития социума (они снижаются), но и на его возможности вообще существовать под воздействием внешних сил. В связи с этим для ученых различных направлений социальных исследований актуален вопрос о снижении возможности узурпации власти одной из элит и защиты социального механизма от потрясений. Именно осознание данной проблемы и усилия многих поколений ученых привели к созданию теории разделения властей. Российская Федерация не является исключением, но в ней существует своеобразная модель разделения властей, исследование которой выступает целью настоящей публикации.

С самого начала теория разделения властей складывалась в виде двух основных вариантов, существенно отличающихся друг от друга по характеру организации каждой из обособленных властей и их взаимовлияния. Одно из направлений было сформулировано Дж. Локком, который создал так называемую вертикальную систему разделения властей. Им были развиты основные тезисы доктрины: об осуществлении законодательной власти исключительно через выборный представительный орган; недопустимости самому представительному органу заниматься исполнением законов; создании в этой связи постоянно действующего органа исполнительной власти и т. д. Однако при этом он полагал, что в «конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем ради сохранения сообщества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются» (Локк Дж. Соч. М., 1988. Т. 3. С. 349). Сторонники данной теории неизбеж-

но приходили к выводу о необходимости всемерного усиления, а порой и абсолютизации законодательной власти. Затем данная теория была дополнена Ж.-Ж. Руссо, который на вершину системы разделения властей поместил власть народа, которая должна определять содержание деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей. Данная теория была воспринята К. Марксом и его сторонниками, а затем реализована и модернизирована при построении Советского государства В. И. Лениным (Мигранян А. Демократия в теории и исторической практике // Коммунист. 1990. № 1. С. 34). В советской системе разделения властей над властью народа была поставлена власть Коммунистической партии Советского Союза как организованной и передовой части советского народа.

Ш. Л. Монтескье создал второй вариант теории «разделения властей», который можно назвать «горизонтальной» системой разделения государственной власти. Французский мыслитель предлагал разделить государственную власть на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Однако при этом он полагал, что для образования «умеренного правления» необходимо уметь «комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие, подбавлять, так сказать, иное положение по балласту одной, чтобы она могла уравновешивать другую» (Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 215). Данное положение получило название «система сдержек и противовесов», про которую Ш. Л. Монтескье писал, что она не только может быть гарантией от узурпации власти одной из ветвей государственной власти, но и является механизмом их взаимодействия.

Данная теория была воспринята основателями Соединенных Штатов Америки, закреплена в Конституции 1787 г., а затем ими претворена в жизнь. Дж. Мэдиссон отмечал: «В создании власти, при которой одни люди будут управлять другими людьми, большая трудность заключается в том, что, прежде всего, вы должны дать возможность

правительству контролировать управляемых, а на следующем месте должна быть его обязанность контролировать самого себя» (The Federalist Papers / A. Hamilton, J. Madison, J. Jay. N., 1961. P. 322). При этом следует отметить, что в настоящее время второй вариант является главным в общей теории разделения властей и закреплён почти во всех конституционных актах современных государств.

Рассмотрим теорию элит, которая позволит раскрыть сущность каждого из вышеприведённых подходов (Дунаева И. В. Актуальные проблемы определения понятия «элита» // Юридическая наука в трудах молодых учёных : сб. науч. ст. / ВЮИ ФСИН России ; редкол. : Б. Ю. Житников [и др.]. Владимир, 2005). В первом варианте, в так называемой «вертикальной» системе разделения властей, можно утверждать, что имеет место одна управляющая элита, которая обладает монопольным правом на управление страной и народом. Как правило, данная модель вполне может использоваться при тоталитарных и авторитарных политических режимах. Поэтому речь идет не о разделении властей, а о разделении функций (компетенции, сфер деятельности и полномочий) различных государственных органов (Hendel S. Separation of Powers Revisited in light of «Watergate» // The Western Political Quarterly. 1974. № 4. P. 575), управляемых одной политической элитой. Во втором варианте теории разделения властей, так называемой «горизонтальной», речь идет уже о демократическом политическом режиме, при котором общество, гарантируя свои права и свободы, делегирует полномочия по своему управлению трем группам элит, снабжая их механизмом сдержек и противовесов.

Все вышесказанное, разумеется, относится к современному демократическому государствам западного образца, модели, к которой стремятся в основном все государства мира. Однако построение данной модели связано, прежде всего, с коренным изменением не только самого механизма разделения властей, но и изменением правового и политического сознания народов этих государств. Ярким примером является Российская Федерация.

Согласно п. 1 ст. 1 Конституции РФ 1993 г. Россия – демократическое государство. В ст. 10 Основного закона декларируется система разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную и заявляется об их самостоятельности. Закрепленный механизм формально походит на общепринятую мировым сообществом модель Ш. Л. Монтескье с системой сдержек и противовесов, но при анализе полномочий основных участников осуществления государственной власти, определенных Конституцией РФ 1993 г., п. 1 ст. 11 к которым отнесены Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды РФ, явно просматривается несоответствие ей. Это несоответствие можно обнаружить в особой роли института президента, отдаленно напоминающего ин-

ститут монарха во времена империи и институт генерального секретаря КПСС во времена СССР.

Основные функции Президента РФ вроде бы стандартные и характерные для любой демократической президентской республики. Он является главой государства, выступает гарантом как Конституции РФ, так и «прав и свобод человека и гражданина». Согласно ч. 2, 3 ст. 80 Конституции РФ Президент РФ в установленном Конституцией РФ порядке принимает меры по охране суверенитета России, ее независимости и государственной целостности; определяет основные направления внутренней и внешней политики государства; обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти.

При этом, также руководствуясь Основным законом страны, он может оказывать влияние на все ветви власти России. Влияние на исполнительную власть начинается с назначения с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ; принятия решения об отставке Правительства РФ; права председательствовать на заседаниях Правительства РФ; по предложению Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства РФ и министров; представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность председателя Центрального банка России, а также ставить вопрос о его освобождении.

Кроме того, согласно Конституции РФ Президент РФ выполняет также ряд других полномочий и функций в сфере исполнительной власти. По своей природе и характеру они являются в основном исполнительно-распорядительными полномочиями и функциями. Являясь главой государства, Президент РФ одновременно фактически выполняет функции и Главы Правительства РФ. Сочетание полномочий главы государства с фактическими полномочиями Главы Правительства РФ позволяет Президенту РФ сосредоточить в своих руках огромную, поистине «суперпрезидентскую» власть (URL: <http://refu.ru/refs/21/3722/1.html>).

Аналогично обстоят дела не только с исполнительной властью, но и с судебной властью и реализующими ее органами. Несмотря на то, что в Конституции РФ прямо говорится о том, что «судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом» и «суды независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» (п. 3 ст. 118, п. 1 ст. 120), что явно указывает на относительную самостоятельность в формально-юридическом плане судебной власти, но при более детальном рассмотрении Президент РФ обладает огромными конституционными возможностями оказывать влияние на кадровый состав судебных органов.

Так, в соответствии со ст. 83 и 128 Основного закона Президент РФ представляет кандидатуры Совету Федерации для назначения на должности судей Конституционного Суда, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда. Кроме того, он назначает судей других федеральных судов.

В отношениях с законодательной властью доминирование Президента РФ предопределяется тем, что он обладает такими весьма действенными рычагами, как право роспуска Государственной Думы, право назначения выборов в Государственную Думу, право назначения референдумов, право на внесение законопроектов в Государственную Думу, подписание и обнародования федеральных законов. Президент РФ обладает также правом вето на принимаемые законы.

При этом нельзя утверждать, что президентская власть абсолютна. Существует система правовых норм, ограничивающая его полномочия. В частности, в Конституции РФ в связи с этим особо оговаривается, например, что в своей деятельности при определении основных направлений внутренней и внешней политики государства Президент РФ руководствуется Конституцией РФ и федеральными законами. В Основном законе страны особо подчеркивается, что «указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам» (п. 3 ст. 80, п. 3 ст. 90).

Аналогичные по своему характеру положения содержатся также в текущем законодательстве. Так, в соответствии с п. 3 ст. 3 Гражданского кодекса РФ «в случае противоречия указа Президента Российской Федерации или постановления Правительства Российской Федерации настоящему Кодексу или иному закону применяется настоящий Кодекс или соответствующий закон».

Таким образом, если указы Президента РФ как главы государства, согласно Конституции РФ, уступают по своей юридической силе законам, т. е. актам, принимаемым высшим законодательным органом страны – парламентом, то институт президентства не может быть по своему статусу выше парламента, стоять над парламентом.

При этом возникает вопрос: является ли это особенностью России или это закономерность при осуществлении перехода из одной социальной системы в другую?

Для ответа на него следует рассмотреть понятие «габитус». Данный термин использовался в

научной литературе различными авторами, такими как Г. Гегель, М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, но в широкий научный оборот слово «габитус» введено П. Бурдьё. Применительно к нашему исследованию мы возьмем определение, сформулированное М. В. Батурчиком: «целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер» (URL: <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii>). То есть применительно к восприятию системы разделения властей мы можем утверждать, что как бы мы ни закрепляли в нормативных актах новую, более современную, демократическую социальную систему разделения властей, ее невозможно воспринять полностью, а в соответствии с габитусом индивидов, составляющих социальную систему, мы обязательно бессознательно будем ее воспроизводить с дополнениями элементов системы глубоко укорененных диспозиций, «забытых» и полностью не рефлекслируемых. По мнению С. А. Кравченко, «что бы ни обещали наши политики, будущее России так или иначе сложится путем воспроизведения прошлых структурированных практик, их включения в настоящее, независимо от того, нравятся они нам или нет сегодня» (Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения : учеб. пособие. М., 2002. С. 274).

Особенность габитуса российской нации в политической сфере характеризуется наделением главы государства особой харизмой и «верой» в него, что и проявилось в статусе Президента РФ в системе разделения властей.

Основываясь на данном утверждении, можно сделать вывод, что закреплённая модель разделения властей соответствует габитусу российской нации. Она, разумеется, будет меняться при изменении габитуса, который сам непрерывно трансформируется под воздействием внешних факторов.

Таким образом, в Российской Федерации формально-юридически закреплена система разделения властей по модели Ш. Л. Монтескье, но она модернизирована особым статусом Президента РФ, который находится фактически над всеми ветвями власти, что соответствует габитусу российской нации, и в которой не действует американская модель сдержек и противовесов, так как власть осуществляется единой политической элитой.

Библиографический список

1. Ашин, Г. К. Элита и демократия / Г. К. Ашин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 1996. – № 4.
2. Марченко, М. Н. Современные интерпретации теории разделения властей на западе / М. Н. Марченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 1994. – № 4.

Bibliographical list

1. Ashin, G. K. Elite and Democracy / G. K. Ashin // Moscow University's Herald. The 18th Series. Sociology and Political Science. – 1996. – № 4.
2. Marchenko, M. I. Modern Interpretation of «Power Division» Theory on West / M. I. Marchenko // Moscow University's Herald. The 11th Series. Sociology. Law. – 1994. – № 4.

М. А. Елизарова,
старший преподаватель кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин
Тульского филиала Российской правовой
академии Министерства юстиции
Российской Федерации

А. Ю. Соловьев,
проректор по учебной и воспитательной
работе негосударственного образовательного
учреждения высшего профессионального
образования «Полицейская академия» (г. Тула)
кандидат педагогических наук

M. A. Elizarova,
lecturer of the department of social
and humane disciplines of Tula branch
of the Russian Law Academy,
the Ministry of Justice of Russian Federation

A. Y. Solovyev,
vice-chancellor of study department
of the Nonstate Educational Institute
of the Higher Professional Education "Police Academy"
candidate of pedagogical sciences

ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ **Legal Awareness of Youth: the Problem of Forming**

Аннотация. В статье раскрываются проблемы формирования правосознания молодежи и совершенствования правовой школьной подготовки.

Ключевые слова: правовая культура, правовая школьная подготовка.

Annotation. In article problems of formation of sense of justice of youth and perfection (final touch) of legal school preparation are opened.

Key words: legal culture, legal school preparation.

Можно, пожалуй, найти человека во всю свою жизнь никогда не заинтересовавшегося вопросами естествознания и истории, но прожить свой век, никогда не задаваясь вопросами права, дело совершенно немыслимое. Каким мизантропом вы не будьте, как не чуждайтесь вы людей, вам не обойти вопросов о праве. По крайней мере, одно право, право личной свободы, не может вас не интересовать. Чуждаясь людей, вы должны же сказать им: здесь сфера моей личности, сюда вы не имеете права вторгаться.

Н. М. Коркунов – русский теоретик права

Проблема формирования правосознания является, безусловно, актуальной в условиях несовершенства современного российского законодательства, роста преступности среди молодежи, вызванного кризисным состоянием политической и экономической сфер жизни общества.

Именно уровень правосознания представляет собой основу формирования правовой культуры личности, коллектива и общества в целом. В связи с этим очень важно, чтобы государство проводило кропотливую и целенаправленную работу по разрешению этой проблемы.

Верное, адекватное осознание права имеет важнейшее значение для жизнедеятельности индивида, его поведения, юридического мировоззрения, культуры, гражданской позиции. Не подготовленный в правовом отношении человек, как правило, социально пассивен, замкнут в узком мире личных интересов. Неразвитое или деформированное правосознание служит питательной средой для многих правонарушений и других антиобщественных аномалий.

Правосознание для субъектов права является ориентиром в различных социально-право-

вых ситуациях и позволяет им делать соответствующий нравственный и правовой выбор.

Формирование правосознания – это составная часть всей культурной жизни общества, которая может ориентировать людей как на социально полезную правомерную, так и на противоправную деятельность. Правосознание выступает как элемент единой системы общественного сознания и обладает всеми качествами, свойственными общественному сознанию.

Правосознание есть сложная система, куда входят правовая идеология и правовая психология, которые тесно взаимосвязаны, взаимодействуют и обслуживают друг друга. Формирование правосознания происходит на основе природных задатков в соответствии с физиологическим и психологическим развитием индивида. Вместе с тем правосознание отражает социально-правовую действительность. С одной стороны, особенности жизни и деятельности личности определяют ее отношение к праву, различным правовым идеям и ценностям, обеспечивают успешность или безуспешность их усвоения, действенность усвоенных правовых положений, взглядов, принципов, норм, а с другой – можно отметить, что знание права, понимание необходимости следовать его предписаниям способны оказывать значительное влияние на личность, участвовать в формировании ее интересов, потребностей, ценностных ориентаций.

Правовая информация поступает к личности в течение всей ее жизни, к прежней прибавляется новая, таким образом происходит ее постепенное накопление. На основе поступающей информации у человека складываются определенные представления о правовой действительности. Как правило, сначала правовые зна-

ния поверхностны, но по мере расширения социального опыта личности и в результате поступления новой информации одни знания уточняются, другие заменяются, третьи отбрасываются как ошибочные. Правовая информация получается как в процессе обучения, так и в процессе общественной и социально-правовой деятельности личности. И первым результатом воздействия права на сознание личности выступают правовые знания, которые, накапливаясь и приумножаясь, постепенно преобразуются в определенные личностные качества, без которых невозможна правильная оценка правовых явлений. Однако знание правовых предписаний само по себе не является достаточным регулятором и не может обеспечить должного поведения без надлежащего отношения к правовым требованиям и запретам. Уровень отношения к праву складывается из уровня и характера эмоционально-психического переживания, оценивания субъектом полученной правовой информации. От уровня отношения к правовым явлениям зависит и уровень знания права. К праву нужно относиться как к социальной ценности, поскольку в праве закреплены такие важные принципы, как справедливость, равноправие, гуманизм, законность и т. д. Уважение права, осознание его необходимости, понимание его лежат в основе соблюдения и исполнения закона (а это уже вторая составляющая содержания правовой культуры).

Под воздействием права в сознании личности формируются убеждения, наличие которых облегчает выбор личностью соответствующих вариантов поведения. Ученые-криминологи отмечали, что «главную роль в мотивирующем воздействии права на поведение играет не знание норм, а отношение к ним, то есть именно ценностный аспект правового сознания» (Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М., 1998. С. 87). Поведенческий же аспект правосознания заключается в готовности индивида действовать, проявлять активность в области познания и реализации права.

Положение компонентов правосознания составляет основу характеристики правосознания в целом. Состояние правосознания выражается не только в совокупности взглядов, представлений, эмоций, убеждений, мотиваций, но и в доминирующем положении одного из них, в конечном счете и определяющем поведение индивида. В зависимости от того, какие идеи, чувства, оценки, взгляды преобладают в данный момент, можно судить о состоянии и типе правосознания личности.

Кроме сложной структуры, правосознание отличает его многофункциональность. Соглас-

но теоретической концепции, разделяемой многими авторами, основные функции правосознания – это познавательная, оценочная и регулятивная (Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1988. № 11/12. С. 3).

Познавательная функция выражается в определенной сумме правовых знаний, которые вызывают у человека определенное отношение. «В качестве объекта познавательной деятельности право предстает и в совокупности накопленных обществом знаний о нем, которые так или иначе приходится усваивать людям» (Общественное сознание и его формы / под общ. ред. д-ра филос. наук В. И. Толстых. М., 1986. С. 123). Личность, в зависимости от того, насколько требования, содержащиеся в нормах права, соответствуют ее интересам и потребностям, позитивно или негативно оценивает право. Познавательная и оценочная функции правосознания тесно связаны друг с другом, а дополняют их регулятивная функция, которая отражается в трансформации правовых знаний, представлений о праве, его оценок сначала в программу деятельности, а затем в конкретные поступки и действия, имеющие правовое значение.

На протяжении всей жизни под воздействием комплекса факторов экономического, политического, психологического, правового характера происходит формирование личности. Однако учеными установлено, что к наиболее благоприятным периодам в области формирования правосознания можно отнести периоды обучения в старших классах школы и вузе. Этот факт определяет особую роль учебных заведений, способных, учитывая возрастные и психологические особенности молодых людей, целенаправленно создавать условия для поэтапного формирования позитивного правосознания учащихся.

Под формированием правосознания следует понимать «процесс формирования внешних условий для проявления внутренних побуждений (мотивов, целей, эмоций) к учению, осознание их учеником и дальнейшее саморазвитие» (Широ С. В. Формирование у старшеклассников правосознания в обучении гуманитарным дисциплинам : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1999. С. 80).

К целям формирования правосознания молодежи следует отнести «выработку гражданских позиций личности, уважение к правам и свободам человека, включая свободу выбора убеждений, толерантности к отличным от собственных позиций взглядов» (Ломакина И. А. Формирование правосознания учащихся учреждений начального профессионального образования в процессе изучения правовых дисциплин : дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2005. С. 25). В связи с тем, что «...в современной системе

образования центр тяжести смещен с интересов государства на личность, ее потребности, проблемы самосовершенствования, возникает опасность полного игнорирования потребностей общества в социально активной личности, способной строить свое поведение не только в соответствии с внутренними импульсами, но и с учетом приоритетов общественного развития» (Лазебникова А. Ю. Становление обществоведческого образования в современной школе // Программно-методические материалы «Обществознание». 10–11 кл. / сост. Т. И. Тюляева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 102). Мы солидарны с мнением И. А. Ломакиной, которая сутью правового воспитания называет формирование установки на согласование своих ожиданий, устремлений с интересами и ожиданиями общества.

В процессе изучения юридических дисциплин обучающийся получает от преподавателя определенный объем знаний. Однако не достаточно просто знать нормы действующего законодательства и обладать установленным запасом правовых знаний, нужно понимать требования, цели и назначение этих норм. Процесс становления правовых взглядов учащихся – длительный и сложный: от простейших наблюдений за правовыми явлениями общественной жизни до выявления их причин, взаимосвязей, обобщений морально-правового характера, что ведет к формированию оценочного отношения к правовым знаниям, правилам поведения и в результате к определению способов действий в правовой сфере общественной жизни.

Одной из первостепенных задач, стоящих перед педагогом, является соединение правовых знаний, убеждений и действий, что становится определяющим фактором при формировании личности молодого человека. Чтобы стать стимулом и регулятором поведения, знание должно перейти в ценностные установки, стать убеждениями, получить эмоциональную окраску, закрепиться в правовых привычках, навыках нормативно-оценочного характера, умениях (формула «Знать, признать, уметь выполнять» выведена А. Р. Ратиновым) (Ломакина И. А. Указ. соч. С. 27).

Для правильной оценки существующего уровня правосознания молодежи, в частности студентов юридических вузов, целесообразно исследовать правосознание и формы его проявления, что позволит прогнозировать возможное поведение и в соответствии с этим строить правовоспитательную работу.

Длительное время индивидуальное и общественное правосознание формировалось по принципу: человеку достаточно точно знать свои обязанности и меры наказания за их на-

рушение. В связи с таким подходом у людей формировался страх перед законом и правоохранительными органами, что способствовало созданию в обществе мнения о праве и правовой системе в целом как об орудии принуждения и подавления личности. Все это создавало предпосылки для развития правового нигилизма, особенно в среде молодежи. Так, например, около 25 % опрошенных студентов юридического факультета считают участие в выборах органов государственной власти и местного самоуправления бесполезным и ненужным, так как не верят в законность, справедливость результатов выборов и в целом в торжество закона, что свидетельствует об их безразличии и неприязни к праву. Более того, нигилистические установки усиливаются в результате отсутствия национальной правовой идеологии, институциональной несформированности социально-правовой системы в современной России, что неизбежно приводит к отрицательным последствиям.

Изложенное выше является теоретической проблемой формирования правосознания. А что же делать на практике? Как и когда должен закладываться фундамент правосознания молодого человека?

На наш взгляд, одним из основополагающих компонентов, влияющих на формирование правосознания, является своевременная правовая подготовка в школе.

На первом месте в решении этой проблемы, безусловно, стоят семья и школа.

Однако полностью полагаться на «семейный» компонент нельзя, так как родители в основном сами «право» никогда и нигде не учили, оно у них находится в состоянии самоизучения или саморазвития в процессе жизнедеятельности. Кстати, это такая же серьезная современная проблема, которую невозможно решить ни за год, ни даже за десятилетие. Здесь также нужна длительная, систематическая работа.

Что касается другого компонента – «школьного», то здесь государство практически ничего не предпринимает для решения проблемы повышения уровня правового школьного образования. В итоге формирование правосознания у подрастающего поколения проходит стихийно, без четкой и конкретной программы.

Нельзя требовать от подростка неукоснительного исполнения правил поведения, которых он не знает, а если и знает, то только в общих чертах в результате общения в семье, на улице, в школе. Если государство в лице своих компетентных органов требует от молодежи правомерного поведения, то этим поведению, правилам надо, безусловно, учить, а не прибегать к мерам наказания, когда они нарушаются.

Однако ни о какой правовой школьной подготовке говорить нельзя, если даже в названии школьных дисциплин нет ничего похожего или созвучного с понятием «право». Многолетние обещания и эксперименты остаются только на бумаге, качественно изменить ничего не удастся.

До сих пор право изучается в школе только в рамках других дисциплин, а ведь доподлинно известно, что при отсутствии целостности предмета добиться требуемых знаний практически невозможно. Так к чему же мы идем? Как всегда подход остается чисто формальным. Так, с одной стороны, мы стремимся показать,

что уровень правовой подготовки старшеклассников всех устраивает, с другой – дисциплина «Право» как модуль изучается в нескольких школьных дисциплинах!

Таким образом, не соглашаясь с современной политикой государства в вопросе организации и обеспечения правового образования старшеклассников, мы утверждаем, что принципиально новый подход к повышению уровня правовой школьной подготовки является одним из необходимых путей совершенствования процесса формирования правосознания и правовой культуры гражданина Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гранат, Н. Л. Правосознание и правовая культура / Н. Л. Гранат // Юрист. – 1988. – № 11/12.
2. Ломакина, И. А. Формирование правосознания учащихся учреждений начального профессионального образования в процессе изучения правовых дисциплин : дис. ... канд. пед. наук. – Тула, 2005.
3. Широ, С. В. Формирование у старшеклассников правосознания в обучении гуманитарным дисциплинам : дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 1999.

Bibliographical list

1. Granat, N. L. Law Conscience and Law Culture / N. L. Granat // Yurist. – 1988. – № 11/12.
2. Lomakina, I. A. The Development of Law Conscience of Students of Elementary Professional Schools During Learning the Law Subjects : dis. ... cand. ped. sciences. – Tula, 2005.
3. Shiro, S. V. The Development of Law Conscience of Elder School Pupils During Learning Humane Subjects. – Volgograd, 1999.

**СОЦИАЛЬНАЯ, ЮРИДИЧЕСКАЯ
И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И СТЕПЕНЬ СООТНОШЕНИЯ**
Social, Legal and Civil Law Responsibility: the Concept, the Degree of Relation Signs

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием ответственности, выделяются признаки социальной, юридической и гражданско-правовой ответственности, а также выявляется степень соотношения указанных видов ответственности.

Ключевые слова: ответственность, социальная, юридическая, гражданско-правовая ответственность, признаки ответственности.

Annotation. The article deals with the definition of responsibility; the characteristic features of social, legal and civil responsibilities are identified; the level of correlation between the responsibilities mentioned is determined.

Key words: responsibility; social, legal, civil responsibilities; characteristic features of responsibility.

В современной правовой действительности категория «ответственность» пронизывает всю систему законодательства Российской Федерации. Вместе с тем точное определение данной категории отсутствует во всех его отраслях, а тем более в тех, где основой являются соответствующие кодексы (ГК РФ, УК РФ, ГПК РФ, УПК РФ, ТК РФ и др.).

В юридической науке нет единства мнений относительно природы ответственности. В связи с этим заслуживает внимания соотношение понятий социальной ответственности, юридической ответственности и гражданско-правовой ответственности.

К определению понятия ответственности обращались многие исследователи (Цветков С. Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 15).

В целом под ответственностью понимается необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет о своих действиях, поступках и отвечать за их возможные последствия, за результат чего-либо (Большой словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 213).

Ответственность, на наш взгляд, обладает следующими признаками:

- 1) предполагает наличие, совершение какого-либо действия (акта, процедуры и т. д.);
- 2) носит обязательный характер, т. е. подразумевает выполнение отчета за свои действия;
- 3) претерпевание лишения, т. е. человек осознает, что он делает и то, что он может лишиться чего-либо вследствие своих поступков.

Понятие «ответственность» входит в область общественных отношений, поэтому справедливо обратиться к определению социальной ответственности как ответственности общества перед человеком и человека перед обществом.

Под *социальной ответственностью* понимается диалектическая связь между личностью и обществом, характеризующаяся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнение, влекущее одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, – обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание (Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачаурова. СПб., 2003. С. 9).

Как видно из приведенного определения, признаки ответственности в целом присущи социальной ответственности, но при этом имеют свои особенности:

- 1) действие – осуществление своих прав и обязанностей по соблюдению предписаний социальных норм;
- 2) обязательный характер – проявляется вследствие осуществления между личностью и обществом взаимных обязательств по соблюдению предписаний и социальных норм;
- 3) претерпевание лишения – в случаях безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, – обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание.

Важнейшей разновидностью социальной ответственности является *юридическая ответственность*. Ее особенность состоит в том, что она наступает лишь в результате нарушения норм права, т. е. общеобязательных социальных норм. В науке общепризнано, что ответственность есть разновидность юридических последствий, наступающих при наличии определенных фактов, что это форма воздействия норм права на общественные отношения (Черданцев А. Ф., Кожевников С. Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 5. С. 40). Следовательно, *юридическая ответственность* как опре-

деленное социальное явление возможна лишь при условии регулирования поведения людей с помощью правовых норм.

Таким образом, под *юридической ответственностью* следует понимать предусмотренную нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия (Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 694).

В приведенном определении рассматриваемому понятию присущи свои особенности:

1) действие – восстановление прав потерпевшего;

2) обязательный характер – право государства лишить правонарушителя каких-либо благ (выполнение норм права);

3) претерпевание лишения – обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные лишения вследствие нарушения первым юридических норм.

В зависимости от отраслевой принадлежности юридических норм, закрепляющих юридическую ответственность, различаются следующие виды ответственности: уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная и др. Ни одна отрасль права не может нормально функционировать без наличия собственного института юридической ответственности. Трудно себе представить отрасль права, которая не имеет собственных средств обеспечения правовых требований и дозволений. Поэтому и существуют рамки, которые отграничивают один вид от другого – это уголовное, гражданское, административное законодательство и т. д.

Определение понятия гражданско-правовой ответственности относится к понятию юридической ответственности как частное (специальное) к общему.

Гражданское законодательство, согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ, регулирует имущественные и связанные с ним неимущественные отношения, которые в настоящее время во многом определяют жизнь любого общества, являются важным гарантом его нормального экономического развития, основываются на конституционном принципе многообразия форм собственности и равенства их защиты. Наличие таких отношений, урегулированных нормами гражданского права, является общей предпосылкой гражданско-правовой ответственности.

Гражданская (гражданско-правовая) ответственность как один из видов юридической ответственности представляет собой установленные нормами гражданского права юридические последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом своих обязан-

ностей, что связано с нарушением субъективных гражданских прав другого лица (Большой юридический словарь. С. 130).

Гражданско-правовой ответственности присущи следующие признаки:

1) действие – право потерпевшего на восстановление имущественных или связанных с ними личных неимущественных прав;

2) обязательный характер – право государства лишить правонарушителя (или в установленных законом случаях – иных лиц) каких-либо имущественных благ;

3) претерпевание лишения – претерпевание правонарушителем определенных лишений личного имущественного и связанного с ними неимущественного характера.

Гражданско-правовая ответственность – явление многогранное, что способствует его всестороннему изучению. Так, А. В. Тархов под гражданско-правовой ответственностью понимает регулирующую обязанность дать отчет в своих действиях (Тархов А. В. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 8). По его мнению, основным в ответственности является истребование отчета, а последует ли за отчетом осуждение или наказание – это уже другой вопрос. Однако обязанность дать отчет в своих действиях может иметь место и тогда, когда нет правонарушения.

В свою очередь, С. Н. Братусь под ответственностью понимает меры государственного или общественного принуждения, включая понуждение должника к исполнению принятой на себя обязанности в натуре (Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 83). В данном случае необходимо различать меры гражданско-правовой ответственности и иные предусмотренные законом способы защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ).

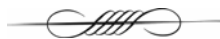
С точки зрения С. Б. Цветкова, гражданско-правовая ответственность – это обязанность лица за правонарушение, совершенное им, а в установленных законом случаях – иным лицом, нести предусмотренные нормами права неблагоприятные последствия, которые выражаются в возмещении потерпевшему вреда за счет имущества обязанного лица либо путем совершения им определенных действий в пользу потерпевшего (Цветков С. Б. Указ. соч. С. 19).

Следует обратить внимание на то, что каждое из этих определений имеет свои ограничения, однако при установлении взаимосвязи не вызывает сомнений тот факт, что они дополняют друг друга.

Мы, в свою очередь, принимая во внимание специфику предмета регулирования гражданского права и основываясь на выделен-

ных нами признаках, определяем *гражданско-правовую ответственность* как действие, выражающееся в применении права потерпевшего на восстановление его нарушенных прав, которое носит обязательный характер выполнения норм гражданского права, вследствие претерпевания лишения личного имущественного и связанного с ним неимущественного характера.

В заключение на основе анализа определений и базовых признаков *социальной, юридической и гражданско-правовой ответственности* можно сделать вывод о том, что указанные виды ответственности лежат в одной плоскости, свойственны друг другу и сопоставимы в схему: социальная ответственность – юридическая ответственность – гражданско-правовая ответственность.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 2009.
2. *Липинский, Д. А.* Проблемы юридической ответственности / Д. А. Липинский ; под ред. Р. Л. Хачаурова. – СПб., 2003.
3. *Цветков, С. Б.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998.

Bibliographical list

1. Civil Code of the Russian Federation. – M., 2009.
2. *Lipinsky, D. A.* Problems of the Legal Responsibility / D. A. Lipinsky ; ed. by R. L. Hachaurova. – SPb., 2003.
3. *Tzvetkov, S. B.* Civil Responsibility for the Damage Caused by State and Local Authorities and their Staff. Candidate Thesis. – Volgograd, 1998.

В. Е. Ерохина,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

V. E. Erohina,
*applicant for the department of scientific personnel training
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Executing of Sentences of Russia*

ЗАНЯТОСТЬ ИНВАЛИДОВ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ **The Employment of Invalids: the Legal and Social Aspects**

Аннотация. В данной работе раскрываются основные составляющие процесса трудоустройства инвалидов. Анализируются правовые стороны вопроса во взаимосвязи с социально-реабилитационными элементами. Рассматривается также вопрос, касающийся системы социально-трудовых гарантий инвалидам в ряде стран Западной Европы и США.

Ключевые слова: занятость, инвалид, труд, реабилитация, ограниченные возможности.

Annotation. This work reveals the main elements of the process of invalids' employment. The legal sides of this question are analyzed in correlation with social and rehabilitation elements. The question which concerns the system of social-labour guarantees for invalids in different countries of West Europe and the USA is also examined.

Key words: employment, invalid, labour, rehabilitation, the limitation of possibilities.

На заседании Совета по делам инвалидов, проходившем 7 апреля 2009 г., Президент РФ Дмитрий Медведев назвал более чем актуальными проблемы, связанные с образованием и трудоустройством людей с ограниченными возможностями.

По данным Минздравсоцразвития РФ, в России почти 6 млн инвалидов, из них только 15 % смогли трудоустроиться. По мнению Президента РФ, это плохо и несправедливо (Рос. газ. 2009. 8 апр.).

Такое низкое число работающих инвалидов, по словам министра здравоохранения и социального развития Татьяны Голиковой, свидетельствует о том, что Правительство РФ не располагает информацией о количестве людей с ограниченными возможностями, которые сегодня имеют возможность трудиться.

Вместе с тем трудовая реабилитация инвалида является одной из основных ступеней к его полноценной социальной интеграции.

Как известно, инвалидность выражается в нарушении биологических функций и систем организма и, как следствие, снижении социальной активности человека. В связи с этим именно трудовая деятельность в рамках удовлетворения профессиональных амбиций личности, ее материальной заинтересованности способна изменить социальную роль инвалида от иждивенческих тенденций до равных возможностей во всех сферах производства.

Согласно ст. 5 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 в России государственная политика в области занятости инвалидов направлена на проведение специальных мероприятий, содействующих поиску работы этими лицами, и на поощрение работодателей, сохраняющих действующие и создающие новые рабочие места для инвалидов (Рос. газ. 1996. 6 мая). В ст. 9 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ закреплено понятие реабилитации данной категории лиц. В числе основных направ-

лений этой реабилитации названы их профессиональная ориентация, профессиональное образование, профессионально-производственная адаптация и трудоустройство (Там же. 1995. 2 дек.).

Последнее из названных направлений является важнейшим этапом профессиональной реабилитации инвалида, включающим процесс поиска подходящей работы и устройства на нее.

К сожалению, в настоящее время в России не создан эффективно действующий механизм трудоустройства инвалидов. Рассматривать квотирование рабочих мест как гарантию их занятости не целесообразно. Дело в том, что до принятия Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (Там же. 2004. 31 авг.) каждое предприятие, численность работников которого была более 30 человек, подпадало под действие Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Сегодня норма численности работников организаций, на которые распространяется данный Закон, установлена от 100 человек. В связи с этим целый ряд предприятий малого и среднего бизнеса, могущие стать местом трудоустройства инвалидов, выпадают из этого списка. Кроме того, поиск работы в крупном мегаполисе и небольшом районном центре – две разные ситуации. Во втором случае наличие предприятий государственного и частного сектора, их количество, материально-экономическое состояние часто неспособны удовлетворить потребность инвалида в трудоустройстве.

Механизм квотирования носит административно-правовой характер действия и направлен на изменение количественной характеристики процесса занятости инвалидов, в то время как без учета ее качественной составляющей эффективность его недостаточна, поскольку, как правило, инвалид, имеющий определенную специальность, квалификацию, не востребован на рынке труда в качестве специалиста.

Таким образом, недостаточно обозначить вопрос только рамками установления квот-мест для

данной категории граждан, потому что каждый год спрос на тех или иных специалистов меняется. Рынок труда может быть перенасыщен юристами, экономистами и другими специалистами, в связи с чем реализовать трудоустройство инвалидов по данным вакансиям, даже при установлении квотированного ценза, невозможно. К сожалению, уже на первоначальном этапе поиска работы – собеседовании у работодателя – инвалид не является полноправным соискателем, так как работодатель отдает предпочтение кандидату без каких-либо ограничений здоровья. Следует отметить, что подобный отбор кандидатов на должность – это черта нашего национального рекрутмента.

Кроме того, уровень квот в Российской Федерации и так был значительно ниже, чем во многих странах Европы. В частности, в Германии каждый работодатель обязан 6 % рабочих мест предоставлять инвалидам, во Франции на предприятиях с такой же численностью 3 % персонала должны составлять инвалиды труда и 10 % – инвалиды войны (Холостова Е. И., Дементьева Н. Ф. Социальная реабилитация : учеб. пособие. М., 2006. С. 298–300).

На наш взгляд, положительный опыт ряда зарубежных стран (Великобритания, Нидерланды, США, Швеция, Япония и др.) в области трудоустройства инвалидов, их социально-профессиональной реабилитации позволяет решить многие вопросы занятости людей с ограниченными возможностями и в России при должном внимании государства и понимании со стороны каждого из нас.

Социальная политика названных выше государств в сфере занятости инвалидов как нельзя лучше отражает заботу государства и общества в целом о людях, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, и в полной мере реализует гарантии, предоставленные им в Правиле 7 «Занятость» Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 г.: «...инвалиды должны иметь равные возможности для занятия производственной и приносящей доход трудовой деятельностью на рынке труда. Государствам надлежит активно поддерживать включение инвалидов в свободный рынок труда» (URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/disabled.html>).

Библиографический список

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон : [от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ] // Рос. газ. – 1995. – 2 дек.
2. Холостова, Е. И. Социальная реабилитация : учеб. пособие / Е. И. Холостова, Н. Ф. Дементьева. – М., 2006.
3. Шлендер, П. Э. Экономика труда / П. Э. Шлендер, Ю. П. Кокин. – М., 2008.

По нашему мнению, данные положения вполне реальны и воплотимы в жизнь на основе действия законов о социальном трудоустройстве, они должны распространяться на все предприятия и организации государственного и частного сектора вне зависимости от численности персонала. При этом предпринимателям следует предоставить право самим определять процент рабочих мест на своем предприятии, где могут быть заняты инвалиды. Предприятия, получающие финансовую помощь от государства на расширение производства, обязаны трудоустроить определенное количество инвалидов. Предпринимателям, берущим инвалидов на работу, необходимо предоставлять льготы и субсидии, с тем чтобы они могли покрыть дополнительные расходы на модификацию рабочих мест и другие адаптационные меры.

Кроме того, целесообразно в Российской Федерации создать разветвленную сеть агентств по профподготовке (переподготовке) и трудоустройству инвалидов по типу таких эффективно действующих агентств в Западной Европе и США.

Например, в Великобритании при социальных службах существуют специальные отделы по найму инвалидов на работу. Здесь инвалидам оказывается помощь в поиске работы, выделяется пособие для оплаты специального транспорта, обеспечивается рабочее место всем необходимым оборудованием. Инвалиды с тяжелыми заболеваниями могут выполнять работу на дому, для этих целей им устанавливается специальное компьютерное оборудование. В США сотрудники центра занятости помогают обсудить каждую кандидатуру инвалида и подходящую для него работу с работодателем во всех конкретных случаях (Холостова Е. И., Дементьева Н. Ф. Указ. соч. С. 299–301).

Данные примеры свидетельствуют о том, какие приоритеты являются главенствующими в социальной политике этих государств, в реализации их социальных программ, где права каждого гражданина равным образом признаются и защищаются. Надеемся, что и в России произойдут положительные изменения в сфере трудоустройства инвалидов, поскольку все предпосылки для этого у нас есть.

Bibliographical list

1. About Social Defence of Invalids in Russian Federation : the Federal Law : [from Nov. 24, 1995 № 181-FZ] // Rus. Newspaper. – 1995. – Dec. 2.
2. Holostova, E. I. Social Rehabilitation / E. I. Holostova, N. F. Dementeva. – M., 2006.
3. Shlender, P. E. The Economy of Labour / P. E. Shlender, Y. P. Kokin. – M., 2008.

Р. А. Забавко,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института
МВД России

R. A. Zabavko,
teacher of department of criminal law and criminology
East-Siberian Institute
of the Ministry of Interior Affairs of Russia

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ **Some Problems in the Criminal Law of Nature**

Аннотация. В статье исследован объект экологических преступлений, проанализированы некоторые проблемы предмета. Автор предлагает собственную структуру Уголовного кодекса относительно экологических преступлений.

Ключевые слова: экологическое преступление, экологическая криминология, объект экологических преступлений.

Annotation. In article researched the object ecological crimes, some problems of a subject are analysed. The author offers own structure of the Criminal Law for ecological crimes.

Key words: an ecological crime, ecological criminology, object of ecological crimes.

Защита значимых общественных отношений в любом государстве осуществляется посредством действия определенных правовых норм, структурированных в отдельные группы – отрасли права. Одной из наиболее эффективных отраслей в плане защиты указанных правоотношений является уголовное право, охраняющее различные объекты посредством угрозы уголовным наказанием.

В связи с этим в большинстве стран мира общественные отношения по охране окружающей среды и ее составляющих находятся под защитой уголовного права (Напр.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д. А. Шестаков. СПб., 2003 ; Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С. В. Милоков. СПб., 2004 ; Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е. Р. Азарян, Н. И. Мацнев. СПб., 2004 и др.). Российская Федерация также признает природу и ее составляющие важным объектом уголовно-правовой охраны, поэтому в УК РФ предусмотрено значительное количество статей, устанавливающих наказание за совершение экологических преступлений. Однако анализ практики применения данных норм, высокая латентность отдельных экологических преступлений, в целом ухудшающаяся экологическая обстановка (Напр.: Природные ресурсы и охрана окружающей среды : стат. сб. Иркут. обл., 2007. Иркутск, 2008) свидетельствуют о наличии серьезных проблем в сфере охраны окружающей среды.

Важнейшим вопросом уголовного права является определение объекта охраны. Одна из основных концепций объекта разделяет его на четыре уровня: общий, родовой, видовой и непосредственный (Напр.: Семенов Д. А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. Изд. 2-е, пе-

раб. и доп. М., 2004). Однако применительно к данной концепции и относительно охраны природы имеется ряд нерешенных вопросов.

Традиционно под общим объектом понимаются охраняемые уголовным законом общественные отношения в своей совокупности. Такое толкование общего объекта преступлений связано со стремлением законодателя подойти к делу обеспечения неприкосновенности прав и свобод всех субъектов правоотношений комплексно. Статья 2 УК РФ фактически выделяет в качестве самостоятельного направления защиты (в составе общего объекта) окружающую среду, что соответствует Конституции РФ, где сказано, что наряду с прочими правами и свободами экологические права неотъемлемы и охраняются законами РФ (например, ч. 1 ст. 9, ст. 36, ст. 42).

Родовой объект – это совокупность общественных отношений, объединенных вследствие их принадлежности к одной группе. Родовой объект традиционно связан с делением Особенной части УК РФ на разделы.

Структурно нормы об экологических преступлениях, в число которых входят статьи о загрязнении природной среды, отнесены к разд. 9 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в качестве отдельной главы. Таким образом, законодательно загрязнение окружающей среды следует считать посягательством на общественную безопасность и общественный порядок. Тем самым уголовный закон соотносит понятие экологии с обществом и его жизненно важными процессами. Однако, сгруппировав подобным образом статьи, законодатель фактически допустил противоречие разд. IX с текстом отмеченной выше ст. 2 УК РФ, в которой закреплено, что «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод чело-

века и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Как видим, общественная безопасность и общественный порядок отделены от окружающей среды как объекта уголовно-правовой охраны, хотя родовой объект иных групп преступлений в тексте уголовного закона представлен в соответствии с процитированной нормой.

Согласно одной из наиболее распространенных концепций понимания объекта, непосредственный объект того или иного преступления тесно связан с определенными правовыми нормами: «деяние не может быть преступным без указания на то в Законе». Концепция объекта уголовно-правовой охраны природы предусматривает его существование в тесной связи с нормативами качества, потребления, загрязнения и т. п. Следовательно, для определения того или иного нарушенного объекта необходима его тщательная регламентация законом. Это, в свою очередь, предполагает серьезную нормотворческую, техническую, изыскательскую, научную, контрольную работу, наличие отлаженного механизма оперативного соотношения всех указанных факторов. В рамках данной концепции существенно затрудняет работу практиков несовершенное законодательство, к которому отсылают статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение экологических преступлений, в частности, низкое, по мнению отдельных ученых, качество действующего Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Бринчук М. М., Дубовик О. Л. Федеральный закон «Об охране окружающей среды»: теория и практика // Государство и право. 2003. № 3. С. 30–41).

Указанную выше проблему усугубляют динамичность, постоянное развитие природных систем, бесконечное изменение их свойств. Все природные комплексы, живые и неживые, являются относительно замкнутыми и стабильными, при этом постоянно развивающимися и совершенствующимися. Такая динамика предусматривает наличие изменений потенциала противодействия внешним воздействиям, что само по себе предусматривает возможность постоянного изменения нормативов их охраны. Современное развитие науки и техники, социального устройства не в состоянии контролировать указанные изменения и соответственно качественно их защищать. Ме-

тодики подсчета экологического вреда также неэффективны: законодательно фактически не различаются экологические системы, обладающие различным потенциалом противодействия внешнему воздействию, что не обеспечивает должной дифференциации их уголовно-правовой охраны.

Таким образом, экология в настоящее время не защищена должным образом посредством уголовного права. УК РФ придерживается экономического (хозяйственного) подхода к охране природы, т. е. защищаются в основном экономические интересы субъектов, потребляющих природные ресурсы. Об этом свидетельствует отнесение экологической безопасности в качестве родового объекта к общественной безопасности и общественному порядку, а также высокая степень бланкетности норм гл. 26 УК РФ при невозможности обеспечения их качества. В целом государству выгоден такой подход – оно имеет стабильную промышленность, основанную на потреблении природных ресурсов, т. е. ситуация в рассматриваемом вопросе фактически не изменилась со времен действия УК РСФСР. В настоящий момент это противоречит Конституции РФ. Во-первых, в УК РФ экологические права граждан и экологическая безопасность явно отделены от общественной безопасности и общественного порядка, во-вторых, УК РФ не в состоянии обеспечить реализацию названных прав. В связи с этим полагаем целесообразным выделить в структуре Особенной части УК РФ отдельный раздел – IX.1 «Экологические преступления», включающий следующие главы:

– глава 26.1 «Нарушение правил обращения с потенциально опасными для окружающей среды технологиями». Сюда должны быть отнесены статьи: п1 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», п2 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов», п3 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», п4 «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений»;

– глава 26.2 «Загрязнения объектов окружающей среды». В число статей данной главы следует отнести: ст. п5 «Загрязнение вод», п6 «Загрязнение атмосферы», п7 «Загрязнение морской среды», п8 «Порча земли»;

– глава 26.3 «Нарушение правил, регулирующих естественную стабильность отдельных природных систем»: ст. п9 «Нарушение законодательства Российской Федерации о

континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», п10 «Нарушение правил охраны и использования недр», п11 «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов», п12 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений»;

– глава 26.4 «Преступления против объектов живой природы»: ст. п13 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», п14 «Незаконная охота», п15 «Незаконная рубка лесных насаждений»;

– глава 26.5 «Преступления против режима особых природных территорий»: ст. п16 «Уни-

чтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации», п17 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов».

Возможная нумерация статей нами не оговаривается, так как данный вопрос является аспектом юридической техники.

Приведенная структура уголовного закона позволит более качественно охранять экологические правоотношения и будет стимулировать развитие методик определения ущерба, нанесенного предметам (т. е. вещам материального мира) экологических преступлений.

Библиографический список

1. Дубовик, О. Л. Причины экологических преступлений / О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский ; отв. ред. О. С. Колбасов. – М., 1988.

2. Дубовик, О. Л. Механизм действия права в охране окружающей среды / О. Л. Дубовик. – М., 1987.

3. Тангиев, Б. Б. Экокриминология (oikoscrimelogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Б. Б. Тангиев ; под ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2005.

Bibliographical list

1. Dubovik, O. L. Reasons of Ecological Crimes / O. L. Dubovik, A. A. Zhalinsky ; ed. by O. S. Kolbasov. – M., 1988.

2. Dubovik, O. L. Mechanism of Law Application in Protection of Environment / O. L. Dubovik. – M., 1987.

3. Tangiev, B. B. Oikoscrimelogos. Paradigm and Theory. Methods and Practice of Law Application / B. B. Tangiev ; ed. by V. P. Salnikova. – SPb., 2005.

А. И. Зайнуллов,
адъюнкт кафедры уголовного права
Тюменского юридического института МВД России
В. Г. Пушкарёв,
начальник кафедры криминалистики
и судебной экспертизы
Тюменского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

A. I. Zajnullov,
adjunct of chair of criminal law
the Tyumen Legal Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
V. G. Pushkarev,
the chief of chair of criminalistics and judicial
examination the Tyumen Legal Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
candidate of law, assistant professor

УСТАНОВЛЕНИЕ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ДЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 260, 261 УК РФ
Establishment of the End for the Crimes Under Articles 260, 261 of the Criminal Code

Аннотация. Статья представляет собой актуальное исследование, обладающее теоретической и практической значимостью. Предметом исследования выступили нормы уголовного, уголовно-процессуального, административного, земельного законодательства, которые часто дублируются, излагаются непоследовательно, подменяют друг друга, а иногда вступают в открытое противоречие. Теоретический материал проиллюстрирован материалами судебной практики.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная рубка лесных насаждений, уничтожение или повреждение лесных насаждений, оконченное, неоконченное преступление, момент окончания преступления.

Annotation. This article is a relevant study, which has theoretical and practical significance. The subject of the study were made in the penal, criminal procedure, administrative, land laws, which often overlap, are set out inconsistently, replace each other, and sometimes come into open conflict. The theoretical material is illustrated with material jurisprudence.

Key words: ecological crimes, illegal cabin of wood plantings, destruction or the damage of wood plantings ended, the neoterminated crime, the moment of the termination of a crime.

В Тюменской области незаконная рубка и уничтожение или повреждение лесных насаждений являются наиболее часто регистрируемыми преступлениями из тех, что включены в гл. 26 УК РФ. В основном квалификация данных деяний на практике не представляется сложной. В то же время, как показывают результаты проведенного нами исследования¹, некоторые частные вопросы уголовно-правовой оценки деяний, предусмотренных ст. 260, 261 УК РФ, у дознавателей и следователей, а также прокурорских работников и судей вызывают серьезные трудности. Наиболее сложным из них, по итогам ранжирования полученных ответов опрошенных, является установление момента окончания рассматриваемых преступлений.

Согласно теоретико-методологическим положениям науки уголовного права признание преступления оконченным или неоконченным имеет ряд существенных уголовно-правовых последствий. Оно, во-первых, отражается на уголовно-правовой оценке или квалификации действий виновного лица, во-вторых, на дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, в-третьих, на разграничении добровольного отказа и деятельного

раскаяния (Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 106.), что, на наш взгляд, представляется достаточно веским основанием для самостоятельного углубленного исследования данного вопроса.

В соответствии с результатами проведенного нами исследования основными детерминантами проблем применения уголовного закона в части, касающейся установления момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ, являются следующие:

1) сочетание в чч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ формальных и материальных признаков при сложной конструкции ст. 260 УК РФ (правоприменителю абсолютно не ясно, являются ли признаки, перечисленные в пп. «а», «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, квалифицирующими по отношению к ч. 1 указанной статьи или конструктивными (криминообразующими) признаками самостоятельного состава преступления);

2) терминологическая сложность толкования понятий «рубка» и «повреждение до степени прекращения роста» относительно «лесных насаждений» или «не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан» (ст. 260 УК РФ), «уничтожение» и «повреждение» относительно «лесных насаждений» и «иных насаждений» (ст. 261 УК РФ);

3) отсутствие количественных характеристик минимального размера вреда природной

¹ Проведен опрос более 400 сотрудников правоохранительных органов, имеющих отношение к квалификации экологических преступлений (дознаватели, следователи, прокурорские работники, судьи).

среде, причиненного лишь определенным субъектам или способом, являющихся необходимыми критериями для отнесения деяния к разряду преступлений в диспозициях ч. 2 ст. 260 УК РФ и чч. 1, 2 ст. 261 УК РФ.

Рассмотрим данные положения более подробно. Так, для решения первой обозначенной сотрудниками правоохранительных органов проблемы необходимо ответить на следующий вопрос: достаточно ли наличия группы лиц или использования лицом своего служебного положения для признания незаконной рубки, а равно повреждения до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан преступлением, или в данных случаях необходимо установление и значительного размера при прочих равных условиях? Если это самостоятельные составы преступлений, то при квалификации деяний, предусмотренных пп. «а», «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, они будут оконченными с момента начала выполнения объективной стороны. Если же ч. 2 ст. 260 УК РФ является квалифицирующим составом преступления по отношению к ч. 1 ст. 260 УК РФ, то момент окончания рассматриваемых преступлений переносится на более позднюю стадию, например, когда группа лиц или лицо с использованием своего служебного положения совершат свое деяние в значительном размере.

В теории уголовного права относительно квалифицированных составов преступлений сложилось устойчивое мнение о том, что между ними и основными составами преступлений имеется прочная связь: квалифицирующие признаки «наращиваются» на основные, дополняя и развивая их. При этом квалифицирующий признак повышает степень общественной опасности основного состава преступления, но самостоятельному вменению при отсутствии конструктивных (обязательных) признаков не подлежит. В данном случае деяние признается не преступным.

Традиционно квалифицированные составы преступлений располагают в части второй или третьей конкретной статьи. Обычно они начинаются со слов: «те же деяния, совершенные» или «деяния, предусмотренные в части первой, совершенные» и т. д. Санкции указанных частей строже, чем у основных составов преступлений.

При детальном изучении чч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ можно обнаружить следующее: их диспозиции сформулированы идентично, за исключением конструктивных признаков «в значительном размере» в ч. 1 и «группой лиц», «лицом с использованием своего служебного положения», «в крупном размере» в ч. 2, что является признаком самостоятельности составов преступлений. В то же время санкции данных частей существенно различаются: по ч. 2 ст. 260 УК РФ наказания более жесткие –

признак квалифицированного состава преступления. Получается, что ч. 2 одновременно присущи признаки и квалифицированного состава преступления, и основного.

Нет единого мнения и в научной среде по данному вопросу. Например, М. А. Лапина в своей работе относительно предыдущей редакции исследуемой статьи (не меняющей сути проблемы) указывает, что в ч. 2 ст. 260 УК РФ предусматриваются квалифицирующие признаки (Лапина М. А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения. Постатейный комментарий к российскому законодательству. М., 2003. С. 149). Аналогичного мнения придерживается В. Н. Баландюк (Баландюк В. Н. Экологические преступления (понятие, виды, квалификация) : учеб. пособие. Омск, 1998. С. 68). Вместе с тем Н. А. Лопашенко отстаивает иную позицию, утверждая, что для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно установления хотя бы одного из указанных в пп. «а»–«в» ч. 2 ст. 260 УК РФ признаков (Лопашенко Н. А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002. С. 232).

На наш взгляд, единственный вывод, который можно сделать из приведенных положений, следующий: деяния, описанные в ч. 2 ст. 260 УК РФ, по отношению к деянию, описанному в ч. 1 указанной статьи, являются одновременно и квалифицированными, и самостоятельными составами преступления. То есть при одновременном наличии признаков чч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ признаки ч. 2 будут квалифицирующими по отношению к признакам ч. 1. При отсутствии признака ч. 1 ст. 260 УК РФ признаки ч. 2 будут конструктивными (криминообразующими) признаками самостоятельного состава преступления.

Относительно рассматриваемой нами проблемы из вышесказанного следует, что при наличии признаков ч. 2 ст. 260 УК РФ для признания преступления оконченным не обязательно совершения преступления в значительном размере, достаточно наличия группы лиц или использования лицом своего служебного положения. Момент окончания преступления в данном случае переносится на более раннюю стадию.

В то же время, если преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 260 УК РФ, совершено в значительном размере (виновные лица задержаны после выполнения всех признаков состава преступления, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ), указанный признак подлежит вменению. В данном случае действуют правила конкуренции основного и квалифицированного составов (Савельева В. С. Основы квалификации преступлений : учеб. пособие. М., 2008. С. 61), и совокупности чч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ не будет, но юридически преступ-

ление, предусмотренное ч. 2 ст. 260 УК РФ, будет окончено с момента начала выполнения объективной стороны, а признак, предусмотренный ч. 1 ст. 260 УК РФ, – с момента причинения значительного размера.

Кстати, это уместно применять в случаях, если доказательственная база относительно признаков «группой лиц» или «лицом с использованием своего служебного положения» является слабой. Так, если в ходе судебного заседания признаки ч. 2 ст. 260 УК РФ не найдут своего подтверждения, вменению подлежит ч. 1 данной статьи. В противном случае подсудимого следовало бы признавать невиновным.

В целях нейтрализации второй обозначенной сотрудниками правоохранительных органов проблемы необходимо уяснить смысл использованных законодателем терминов, определяющих деяние и последствия в составах преступления, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ.

Под «рубкой» (ст. 260 УК РФ) следует понимать как ее процесс, так и любое отделение ствола от корня. Способ в данном случае значения не имеет – это может быть и пиление, и рубка, и слом. Под «повреждением до степени прекращения роста» (ст. 260 УК РФ) следует понимать такое воздействие на конкретные деревья, кустарники, лианы, в результате которого ствол и корневая системы растения не были разъединены, но произошла остановка дальнейшего его роста и развития. Имеются в виду только механические воздействия, например, наезд при движении, повреждения при сборе живицы, березового сока и т. п. (в противном случае вменению подлежит ст. 261 УК РФ), после которых дерево может умирать годами.

На наш взгляд, момент окончания преступления в данном случае соответствует началу выполнения объективной стороны – для формальных признаков (например, группа лиц) и причинению ущерба в определенном размере (например, значительном) – при материальных признаках. При этом не имеет значения, как причинен данный ущерб: или путем разъединения ствола и корневой системы, или путем так называемых запилов, зарубов.

Под «лесными насаждениями» (ст. 260 УК РФ) следует понимать лишь деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесу. Согласно ст. 5 Лесного кодекса Российской Федерации лес – это экологическая система или природный ресурс (Рос. газ. 2006. 8 дек.). Выделяют леса, расположенные на землях лесного фонда, и леса, расположенные на землях иных категорий (ст. 6 Лесного кодекса Российской Федерации), поэтому исключается возможность определения понятия лесные насаждения через расположенность их на землях лесного фонда, а деревья, кустарники и лианы, не отнесенные к

лесным насаждениям, – через расположенность их на землях иных категорий. То есть лесные насаждения могут быть расположены на любых категориях земель. Таким образом, под «не отнесенными к лесным насаждениям деревьями, кустарниками, лианами» (ст. 260 УК РФ) понимаются деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесных участков.

Из вышеизложенного следует, что совершить преступление, предусмотренное ст. 260 УК РФ, можно лишь путем воздействия на деревья, кустарники и лианы, а не на иные виды растительности.

Под «уничтожением» лесных и иных насаждений (ст. 261 УК РФ) следует понимать совершение действий, ведущих к их гибели, под «повреждением» (ст. 261 УК РФ) – причинение такого вреда, который не ведет к гибели лесных и иных насаждений, но снижает их экологические функции. То есть уничтожение и повреждение – это и действие, и результат. Момент же окончания преступления в данном случае соответствует времени уничтожения или повреждения, иначе говоря, когда наступает результат, дополнительные доказательства нашего тезиса будут приведены ниже.

Понятие «лесные насаждения» в ст. 261 УК РФ идентично используемому в ст. 260 УК РФ. Но по сравнению со ст. 260 УК РФ далее законодатель использует термин, расширяющий предмет данного преступления. Так, под «иными насаждениями» следует понимать любую растительность за исключением деревьев, кустарников и лиан, произрастающих в лесах. В то же время необходимо помнить, что согласно абз. 3 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» не являются предметом экологического преступления деревья и кустарники, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, за исключением лесозащитных насаждений, на приусадебных дачных и садовых участках, ветровальные, буреломные деревья и т. п., если иное не предусмотрено специальными правовыми актами (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1999. № 1).

Из вышеизложенного следует, что совершить преступление, предусмотренное ст. 261 УК РФ, можно не только путем воздействия на деревья, кустарники и лианы, но и на иную растительность, например, кустарнички, травы и т. д. Поэтому данное преступление следует признавать оконченным не только с момента повреждения или уничтожения деревьев, кустарников или лиан, произрастающих в лесах, но и с момента уничтожения или повреждения иной раститель-

ности. Например, в результате пожара, когда выгорела только трава.

Кроме того, говоря о моменте окончания рассматриваемых составов преступлений, нужно обратить внимание на установление законодателем в ч. 1 ст. 261 УК РФ лишь неосторожной формы вины. Как следует из интерпретации текста ст. 30 УК РФ, при неосторожной форме вины не может быть приготовления к преступлению и покушения на него. То есть деяние, описанное в ч. 1 ст. 261 УК РФ, может квалифицироваться лишь как оконченное. В то же время согласно устоявшейся традиции науки уголовного права неосторожные преступления в УК РФ конструируются в основном как материальные составы преступлений, т. е. это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что уничтожение и повреждение в данном случае есть только результат.

Для локализации проблем применения уголовного закона, касающихся количественных характеристик причинения вреда природной среде при совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, чч. 1 и 2 ст. 261 УК РФ, следует определиться с необходимостью установления минимального ущерба при вменении указанных признаков. Так, исследованные нами приговоры (79), постановления об отказе в возбуждении уголовных дел (34) свидетельствуют об отсутствии единообразной практики применения уголовного закона в данном случае, что нередко ведет к нарушению принципа социальной справедливости, что выражается в необоснованном расширении или сужении пределов уголовной ответственности.

Следуя из буквального толкования уголовного закона, обязанности констатации какой-либо ми-

нимальной суммы ущерба для вменения пп. «а», «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, чч. 1 и 2 ст. 261 УК РФ у правоприменителя нет. В то же время, исходя из здравого смысла и целей экономии уголовно-правовой репрессии, вряд ли разумной представляется попытка привлечения к уголовной ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ лесника за использование ствола осины для изготовления «лизуна» (охотничий термин). Конечно, в данном случае можно сослаться на малозначительность деяния (уголовное дело по данному эпизоду прекращено именно по малозначительности), но данный способ не универсален и, на наш взгляд, не является панацеей от таких перекосов сути уголовного закона.

Вместе с тем установление минимального ущерба и четкой методики его установления однозначно ориентирует сотрудников правоохранительных органов и отразится на осознании общественной опасности правонарушителями.

Подводя итог вышеизложенному, мы считаем, что необходимо законодательно определиться с размером минимального ущерба и сформулировать рассматриваемые составы по принципу основной (с конкретизированной суммой ущерба) – квалифицированный, например, как предлагает О. В. Шарипова относительно ст. 260 УК РФ (Шарипова О. В. Уголовная ответственность за незаконную порубку деревьев и кустарников, уничтожение или повреждение лесов (по материалам Дальневосточного региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 17). Тогда правоприменитель сможет четко определить момент окончания рассматриваемых составов преступлений, что позволит избежать разночтений уголовного закона и излишнего волюнтаризма при его применении.

Библиографический список

1. Баландюк, В. Н. Экологические преступления (понятие, виды, квалификация) : учеб. пособие. – Омск, 1998.
2. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – СПб., 2002.
3. Лапина, М. А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения. Постатейный комментарий к российскому законодательству / М. А. Лапина. – М., 2003.
4. Лопашенко, Н. А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ / Н. А. Лопашенко. – СПб., 2002.
5. Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений : учеб. пособие / В. С. Савельева. – М., 2008.

Bibliographical list

1. Balandjuk, V. N. Ecological Crimes (Concept, Kinds, Qualification) / V. N. Balandjuk. – Omsk, 1998.
2. Kruglikov, L. L. Differentiation of Responsibility in Criminal Law / L. L. Kruglikov, A. V. Vasilevsky. – SPb., 2002.
3. Lapina, M. A. Legal Responsibility for Ecological Offences. The Comment to the Russian Legislation / M. A. Lapina. – M., 2003.
4. Lopashenko, N. A. Ecological Crimes: the Comment to Chapter 26 of Criminal Code of the Russian Federation / N. A. Lopashenko. – SPb., 2002.
5. Savelyev, V. S. Bases of Qualification of Crimes / V. S. Savelyev. – M., 2008.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ: УГОЛОВНЫЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
Responsibility of Probation: Criminal and Criminal-Executive Aspects

Аннотация. Статья посвящена исследованию ответственности условно осужденных в составляющих ее уголовном и уголовно-исполнительном аспектах. В самостоятельный вид ответственности выделена уголовно-исполнительная ответственность, наделена инструментами, позволяющими воздействовать на осужденных с целью их исправления и предупреждения противоправного поведения. Рассмотрены термины уголовной и уголовно-исполнительной ответственности и разобраны по составляющим их элементам.

Ключевые слова: юридическая ответственность, уголовная ответственность условно осужденных, уголовно-исполнительная ответственность условно осужденных, испытательный срок, обязанность условно осужденного, судимость.

Annotation. The article is devoted to the research of the problem of conditional convicts' legal responsibility, its criminal and penal aspects. Penal responsibility is regarded as a separate kind of legal responsibility. The author distinguishes some tools that make it possible to influence the convicts, correct them and prevent their criminal behaviour in the future. The terms "criminal responsibility" and "penal responsibility" are studied and disjoined into composing elements in the article.

Key words: conditional conviction, legal responsibility, criminal responsibility, penal responsibility, probation, duties of conditional convicts, conviction.

Ответственность в современной ее интерпретации достаточно многогранна, однако в общественных науках сложилось ее понимание как социальной категории, отражающей двустороннюю связь индивида с той или иной общностью, группой, членом которой он является, по поводу установленных требований правил поведения (Колосов А. С. Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, и ответственность за уклонение от их отбывания : монография / Владимир. юрид. ин-т. Владимир, 2007. С. 94).

Данная связь прослеживается по всем направлениям общественной жизни человека, в том числе при уголовных и уголовно-исполнительных отношениях. Лицо призвано соблюдать предъявляемые требования, находящие выражение через те или иные правила поведения. Условно осужденные не являются исключением при указанных обстоятельствах.

В теории уголовного права России уголовная ответственность в узком смысле воспринимается как официальная реакция государства на факт совершения лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления (Сафин Л. Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 22–23).

В целом уголовная ответственность представляет собой предусмотренные законом негативные последствия, налагаемые приговором суда на лицо, совершившее преступление, состоящие в самом факте осуждения, назначении лицу наказания и фактическом его исполнении,

а также судимости (Колосов А. С. Указ. соч. С. 106). С нашей точки зрения, данное определение наиболее верное.

Применительно к условно осужденным, учитывая приведенное определение, к уголовной ответственности следует отнести:

- исполнение обязанностей (требований), определенных законом и решением суда, условно осужденными на протяжении установленного испытательного срока;
- судимость условно осужденных.

Обязанности и требования, предъявляемые к рассматриваемой категории осужденных, являются важной стороной условного осуждения, по своему значению они выступают одним из средств их исправления. Мы полагаем, что правовая регламентация возложения судом обязанностей на осужденных, исполнение ими данных обязанностей, а также наблюдение за их исполнением со стороны контролирующих органов нашли подробное, однако не достаточно широкое отражение и регламентацию в законодательстве.

И. Н. Алексеев под этими требованиями предлагает понимать совокупность ограничений и правил их поведения, которым он должен следовать во исполнение обязанности доказать свое исправление (Алексеев И. Н. Условное осуждение в уголовном праве : учеб.-практ. разработка. Ростов н/Д, 2007. С. 167).

Основанием уголовной ответственности условно осужденных является вступившее в законную силу решение суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания.

Следует отметить, что ученые не пришли к единому мнению в решении вопроса о моменте возникновения уголовной ответственности. Так, согласно существующим точкам зрения уголовная ответственность возникает в момент: совершения лицом преступления (Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественной безопасности. М., 1965. С. 32–34 ; Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. А. В. Наумова. М., 2007. С. 125), привлечения лица в качестве обвиняемого (Уголовное право России. Общая часть : учеб. для вузов / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красников. М., 1998. С. 74–76), применения в отношении лица мер процессуального принуждения (Огурцов Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве : учеб. пособие. Рязань, 1976. С. 114), вступления в законную силу обвинительного приговора суда (Колосов А. С. Указ. соч. С. 101).

Решение данного вопроса имеет важное значение: в реализации условного осуждения; исчислении испытательного срока, отправного момента исполнения возложенных на осужденных обязанностей; требований законодательства и контроля за их исполнением и погашением судимости.

В юридической литературе, практической и судебной деятельности существуют две точки зрения, согласно которым испытательный срок следует исчислять: 1) с момента вынесения обвинительного приговора (Лядов Э. В. Условное осуждение к лишению свободы как институт уголовного и уголовно-исполнительного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 17 ; Тарасов А. Н. Условное осуждение по законодательству России. СПб., 2004. С. 143–144); 2) с момента вступления приговора в законную силу, т. е. со дня, указанного в распоряжении о вступлении приговора суда в законную силу (Базаров Р. А., Михайлов К. В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие. Челябинск, 2001 ; Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965).

Казалось бы, ч. 1 ст. 189 УИК РФ разрешает теоретические споры по данному вопросу и закрепляет момент исчисления испытательного срока со дня вступления приговора суда в законную силу. Однако согласно п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 4. С. 14), которым руководствуются суды при вынесении приговоров, испытательный срок, назначаемый при условном осуждении, исчисляется с момента провозглашения приговора, поскольку этим судебным решением на осужденного возлагается обязанность своим поведением доказать свое исправ-

ление независимо от обжалования приговора суда в апелляционном или кассационном порядке.

Прежде чем разрешить данную проблему, рассмотрим иерархию нормативных правовых актов применительно к данной ситуации. Уголовно-исполнительный кодекс РФ является федеральным законом, принятым в установленном законом порядке, который обладает высшей юридической силой. В свою очередь, постановление Пленума Верховного Суда РФ выступает примером судебного нормативного толкования, однако термин «нормативный» носит условное обозначение. Постановление может лишь рекомендовать нижестоящим судам придерживаться определенных требований и ориентиров при применении того или иного закона. Вместе с тем указанное толкование выходит за пределы нормативного, оно фактически создает норму права, что является недопустимым (Соколов А. А., Косолапов О. А., Хуторская Н. Б. Исчисление испытательного срока в отношении условно осужденных в уголовно-исполнительных инспекциях : информ. материал. М., 2008. С. 10).

Таким образом, при исчислении испытательного срока следует руководствоваться положениями УИК РФ, предписывающими исчислять испытательный срок с момента вступления приговора суда в законную силу.

Вопрос о моменте окончания уголовной ответственности условно осужденного в уголовно-правовой науке не актуален; в соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ моментом погашения судимости при условном осуждении будет истечение испытательного срока, и произойдет это автоматически, т. е. не потребуются вынесения какого-либо дополнительного уголовно-процессуального документа.

Рассматривая уголовно-исполнительную ответственность как важную составляющую института условного осуждения, отметим, что в юридической литературе данный вопрос не нашел яркого выражения. На наш взгляд, к уголовно-исполнительной ответственности следует отнести отношения, связанные с последствиями за уклонение от отбывания наказания, а в данном случае — меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения, по причине их регулирования нормами уголовно-исполнительного законодательства вследствие ранее вынесенного и вступившего в законную силу судебного решения.

В соответствии с ч. 1 ст. 190 УИК РФ основанием уголовно-исполнительной ответственности является уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей либо нарушение им общественного порядка, за которое было наложено административное взыскание.

В свою очередь, под уклонением от исполнения возложенных на условно осужденного обязанностей следует понимать такое поведение лица, когда оно не исполняет (разовое неисполнение) одну или несколько возложенных на него судом обязанностей, не имея при этом какой-либо уважительной причины (Уголовно-исполнительное право : учебник. Т. 2: Особенная часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. А. Я. Гришко, М. П. Мелентьев. – Рязань, 2005. С. 541). Необходимо уточнить, что при этом должны отсутствовать два определяющих признака – систематичность и злостность, которые согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ являются основаниями для отмены условного осуждения.

После вынесения официального предупреждения о возможности отмены условного осуждения к лицу могут быть применены следующие виды уголовно-исполнительной ответственности:

- продление испытательного срока в соответствии с ч. 2 ст. 74 УК РФ и ч. 3 ст. 190 УИК РФ;
- отмена условного осуждения и исполнение ранее назначенного наказания за совершенное преступление (ч. 3 ст. 74 УК РФ и ч. 4 ст. 190 УИК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 74 УК РФ продление испытательного срока применяется тогда, когда условно осужденный уклонился от исполнения возложенных на него судом обязанностей, либо он совершил нарушение общественного поряд-

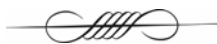
ка, за которое на него было возложено административное взыскание.

В соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации негативная отмена условного осуждения применяется в нескольких случаях, сгруппированных следующим образом: 1) в связи с реальным исполнением первоначально назначенного наказания; 2) в связи с совершением условно осужденным в течение испытательного срока нового преступления.

Первый вид отмены согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ возможен в случае систематического или злостного неисполнения условно осужденным в течение испытательного срока возложенных на него судом обязанностей, а также если условно осужденный скрылся от контроля.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что уголовно-исполнительная ответственность условно осужденных как самостоятельный элемент юридической ответственности возникает на стадии исполнения условного осуждения и заключается в применении к осужденному негативных последствий за ранее допущенные нарушения.

В заключение следует отметить, что уголовно-исполнительная ответственность, являясь самостоятельным институтом права, невозможна без уголовной ответственности, однако ее наличие необязательно в течение испытательного срока. При отсутствии нарушений со стороны условно осужденного уголовно-исполнительная ответственность не применяется.

Библиографический список

1. *Алексеев, И. Н.* Условное осуждение в уголовном праве : учеб.-практ. пособие / И. Н. Алексеев. – Ростов н/Д, 2007.
2. *Колосов, А. С.* Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, и ответственность за уклонение от их отбывания : монография / А. С. Колосов ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2007.
3. *Сафин, Л. Р.* Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004.
4. Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. А. В. Наумова. – М., 2007.
5. *Соколов, А. А.* Исчисление испытательного срока в отношении условно осужденных в уголовно-исполнительных инспекциях : информ. материал / А. А. Соколов, О. А. Косолапов, Н. Б. Хуторская. – М., 2008.

Bibliographical list

1. *Alekseev, I. N.* Conditional Conviction in Criminal Law / I. N. Alekseev. – Rostov on/D, 2007.
2. *Kolosov, A. S.* Penalties not Connected with Social Isolation of the Convict and Responsibility for Evasion of Serving the Punishment / A. S. Kolosov. – Vladimir, 2007.
3. *Safin, L. P.* Convicts' Responsibility for Malicious Evasion of Serving Punishment without Social Isolation According to Russian Criminal Law / L. P. Safin. – Kazan, 2004.
4. Modern Criminal Law. General and Special Parts / ed. by A. V. Naumov. – M., 2007.
5. *Sokolov, A. A.* Calculation of Probation Period for Conditional Convicts in Penal Inspections / A. A. Sokolov, O. A. Kosolapov, N. B. Khutorskaya. – M., 2008.

Ю. Г. Капралова,
*ведущий специалист правового управления
Департамента внутренней политики
правительства Ивановской области*

Е. Г. Сизарова,
*начальник кафедры гуманитарных,
экономических и финансово-правовых дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук, доцент*

J. G. Kapralova,
*leading specialist legal management
of the Department of Internal Policy
of the Government of the Ivanovo Region*

E. G. Sizarova,
*head of the department of humanitarian, economic,
financial and legal disciplines Ivanovo Affiliate
Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia,
candidate of philosophical sciences, assistant professor*

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ДОСТИЖЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ГОСУДАРСТВОМ

The Role of Representative Institutions of Civil Society in Achieving Consensus in the Legal Relationship with the State

Аннотация. В настоящее время интерес к проблеме стабильного поступательного развития российского государства особенно актуален в аспекте анализа состояния гражданского общества. Идеальным результатом отношений общество–государство должно стать оформленное с помощью юридических методов гражданское согласие, достигнутое с помощью механизма консенсуса, строящееся на партнерских началах сосуществования общества и государства, их гармоничного взаимодействия на правовой основе. В статье анализируется роль представительных институтов гражданского общества в достижении юридического консенсуса с государством, законодательная основа, организационные формы, методы и способы достижения согласия в современном российском обществе.

Ключевые слова: институт гражданского общества, народное представительство, юридический консенсус, взаимодействие гражданского общества и государства.

Annotation. Now interest to a problem of stable forward development of the Russian state is especially actual in aspect of the analysis of a condition of a civil society. Ideal result of relations the society–state should become the civil consent issued by means of legal methods reached by means of the mechanism of a consensus, under construction on the partner beginnings of coexistence of a society and the state, their harmonious interaction on a legal basis. In article the role of representative institutes of a civil society in achievement of a legal consensus with the state, a legislative basis, organizational forms, methods and ways of achievement of the consent in a modern Russian society is analyzed.

Key words: Institute of a civil society, National representation, Legal consensus, Interaction of a civil society and the state.

Взаимоотношения гражданского общества и государства на протяжении истории их сосуществования представляют собой динамичный процесс, развитие которого может быть направлено как в сторону сближения позиций, достижения обоюдного взаимопонимания (выражающегося в реализации государством своих основных задач – обеспечения, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина), так и в сторону отдаления, конфронтации (отсутствие демократического режима, нарушение и неисполнение государственных функций по учету законных интересов граждан).

В настоящее время интерес к проблеме стабильного поступательного развития Российского государства особенно актуален в аспекте анализа состояния гражданского общества. Идеальным результатом отношений между обществом и государством должно стать оформленное с помощью юридических методов гражданское согласие, достигнутое с помощью механизма консенсуса, строящееся на партнерских началах сосуществования общества и государства, их гармоничного взаимодействия на правовой основе.

Если в плане развития властных государственных институтов проводится курс достаточно

стабильной, последовательной политики, несмотря на мировой экономический кризис, поэтапно реализуются запланированные реформы, то в сфере самосознания граждан, их правовой культуры, политической, социальной активности, взаимодействия с государством приходится говорить о достаточно неразвитых отношениях.

В процессе выстраивания эффективных взаимоотношений между властью и обществом приоритетным выступает принцип народного представительства. С помощью процедур консенсуса, в том числе и юридического, достигается согласие.

Анализ механизма достижения юридического консенсуса с помощью представительных институтов гражданского общества, действующих в системе народного представительства, их смешанного общественно-государственного правового и организационного статуса, наиболее интересных и малоизученных форм и методов работы таких структур для современной юридической науки особенно актуален. Кроме того, в связи с повышенным вниманием к проблеме соблюдения прав и законных интересов лиц, находящихся в местах принудительного содержания, особую значимость приобретает рассмотрение понятия общественного контроля в данной сфере.

Термин «консенсус» может употребляться в трех смыслах: юридическом, политическом и социологическом. Среди юристов до недавнего времени термином «консенсус» пользовались в основном специалисты в области международного права, рассматривая его как метод выработки и принятия международно-правовых актов. Однако в современной теории государства и права наряду с пониманием консенсуса в международном праве вырабатывается активное использование данного термина в качестве характеристики правового государства и гражданского общества. Следует отметить, что в теории права отсутствует общепринятое определение понятия «юридический консенсус», а также четкий перечень основных его особенностей (отграничивающих от сходных понятий в социологическом и политологическом смыслах) и официальное законодательное определение данного термина. Консенсус рассматривается нами, с одной стороны, как определенное состояние социальной общности (гражданское согласие), с другой – как метод принятия решений (разрешение конфликта).

Теоретико-правовой анализ вопроса показывает, что юридический консенсус является разновидностью социального и характеризуется двойственностью своего содержания. В узком смысле он рассматривается как юридическая процедура, механизм (располагающий своими методами и способами) урегулирования споров, противоречий, конфликтов, а в широком – как результат достигнутого в процессе юридически урегулированного спора состояния согласия, оформленного с помощью правовых способов. Мировой опыт свидетельствует, что гражданское согласие, консенсус, компромисс являются фундаментальной основой высокоразвитого общества и демократического правового государства.

Отношения общества и государства представляют собой естественный процесс сосуществования и развития, целью которого должно стать достижение консенсуса, являющегося необходимым элементом в процессе реализации государством своего основного предназначения – защиты и создания благоприятных условий для реализации гражданами своих прав и свобод. Обострение состояния конфликта во взаимоотношениях «общество–государство» характерно для стран с недемократическим режимом, в которых государство выполняет главенствующую роль, сосредотачивает в своих руках всю власть и управление, использует «полицейские» методы. В развитых демократических правовых системах преобладают интересы общества, государство является механизмом реализации его потребностей, и на первый план выдвинута задача реального построения правового государства и развитого гражданского общества. Однако построение правового государства с его характерными признаками (прежде всего соблю-

дением и защитой прав и свобод человека и гражданина) – это идеал, и в настоящее время таких государств в мире нет, поскольку даже в демократических странах существует скрытый конфликт интересов и не всегда интересы общества, населения и индивида являются приоритетными при принятии государством властных решений.

Процессы становления, функционирования и развития институтов общества и государства происходят параллельно на протяжении всего периода их существования. В истории общественно-политической мысли разработано множество теоретических концепций, раскрывающих механизм взаимодействия государства и общества. В научной среде продолжают споры о том, какой из этих институтов изначален, каково их соотношение и предназначение. Традиционно общество (более совершенная форма – гражданское общество) и государство находятся в состоянии конфликта. В теории государства и права наиболее оптимальной представляется модель отношений, согласно которой гражданское общество находится в состоянии равноправного партнерства и качественного правового взаимодействия с государством. Наличие двух тенденций: конфликтности и консенсуальности публичных и частных интересов в таких отношениях – закономерный процесс, способствующий их диалектическому развитию.

В связи с этим наиболее приветствуемыми в характеристике современного государства являются черты, которые в должной мере учитывают и обеспечивают интересы общества, а также способствуют активному развитию процессов демократизации, таких как вовлечение широких народных масс в решение политических дел, активизация деятельности неправительственных организаций, возложение отдельных государственно-управленческих функций на объединения граждан в целях решения социально-экономических проблем, установление в государственной политике социальных приоритетов.

Ученые, занимающиеся исследованием вопросов взаимодействия общества и государства (Т. С. Бычкова, А. В. Гаврилов, Т. В. Ермилова, Е. А. Федорова и др.), относят к современным действенным механизмам выстраивания партнерских отношений на основе консенсуса различные общественные консультативные органы, институт общественных палат, в состав которых входят представители общественности (ученые, специалисты, видные деятели культуры и т. д.). Сегодня в России созданы условия для формирования и развития общественных структур и институтов, способствующих совершенствованию публичной политики, разработке эффективного механизма контроля за властью со стороны общества, учету частных, общественных и публичных интересов с использованием процедур урегулирования переговоров и диалога.

Именно процедуры юридического консенсуса, применяемые в процессе выстраивания взаимоотношений между гражданским обществом и государством, являются реальным механизмом установления обратных связей и представляют собой законодательно оформленное гражданское согласие в обществе. Юридический консенсус в данном случае выступает частью консенсуса в широком смысле этого слова (гражданского согласия) и указывает на его официальное закрепление, придание ему юридической формы документа (это могут быть разного рода соглашения о сотрудничестве, взаимодействии).

Таким образом, если рассматривать юридический консенсус как одну из целей во взаимоотношениях общества и государства, то идеальным результатом этих отношений должно стать оформленное с помощью юридических методов гражданское согласие, строящееся на партнерских началах сосуществования общества и государства, их гармоничного взаимодействия на правовой основе.

Как было отмечено выше, одним из условий снижения конфликтного существования гражданского общества и государства является активное участие в процессе управления и принятия государством властных решений представительных институтов гражданского общества: общественных палат, общественных советов при органах государственной власти, общественных наблюдательных комиссий по осуществлению общественного контроля в местах принудительного содержания.

Представительные институты гражданского общества являются одной из форм коммуникации с государством. Они призваны осуществлять в установленных для них законом пределах общественный (гражданский) контроль за органами публичной власти и участвовать в принятии ими решений. В этом состоит их главное отличие от политических партий, других общественных объединений и религиозных организаций.

Современное понимание и практика реализации народного представительства в демократических государствах базируются на различных подходах, отражающих исторические, общественно-политические, социокультурные и другие особенности стран. Однако, как в любом правовом явлении, в народном представительстве теоретически можно выделить признаки, которые составляют его сущность и обуславливают универсальный характер этого явления. Определяя народное представительство как принцип организации взаимоотношений государства и гражданского общества, основанный на осуществлении публичной власти от имени и в интересах народа выборными коллегиальными органами, взаимодействующими со всей системой органов государственной и муниципальной власти, можно выделить в его системе несколько уровней: 1) государственные формы народного представительства (Федеральное Собрание

Российской Федерации, законодательные собрания субъектов Федерации); 2) муниципальные формы народного представительства (муниципальные представительные органы); 3) представительные институты гражданского общества (Глухарева А. К. Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 18).

В системе народного представительства в России последние можно классифицировать следующим образом:

1) Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации (Евстафьева Ю. Г. (Капралова Ю. Г.), Сизарова Е. Г. Общественная палата как институт гражданского участия в гуманизации публично-правовых отношений (российский и зарубежный опыт) // Гуманизация уголовного наказания как одно из основных направлений современной пенитенциарной политики России : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. / Иван. фил. Владим. юрид. ин-та Федер. службы исполнения наказаний. Иваново, 2007);

2) общественные советы при органах государственной власти Российской Федерации (уровень Российской Федерации и ее субъектов), органах местного самоуправления и при должностных лицах (например, Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, общественный совет при ФСИН России, общественный совет при УФСИН России по Ивановской области);

3) иные государственно-общественные и общественно-государственные объединения (советы ректоров и учебно-методические советы высших учебных заведений, общественные наблюдательные комиссии по осуществлению общественного контроля в местах принудительного содержания и т. д.);

4) общественные и некоммерческие организации, имеющие в соответствии с уставом смешанный государственно-общественный статус (например, фонд защиты прав вкладчиков, Российская оборонная спортивно-техническая организация (РОСТО – бывшее ДОСААФ), Комитет ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации).

Особую роль играют представительные институты гражданского общества в сфере обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. После принятия Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 24, ст. 2789) стали создаваться новые субъекты осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы –

общественные наблюдательные комиссии. Наряду с общественными объединениями, общественными советами, органами и комиссиями общественные наблюдательные комиссии являются уполномоченными структурами на осуществление общественного контроля. К основным принципам их деятельности относятся: добровольность; равноправие; законность; недопустимость вмешательства в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях. Следует отметить, что между понятиями «общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» и «содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания» есть мнение, которое заключается в субъектах осуществления контроля и содействия. Так, в соответствии со ст. 5 указанного выше Закона общественный контроль осуществляют общественные наблюдательные комиссии, образуемые в субъектах Российской Федерации. В то время как содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, оказывают общественные объединения. Общественные наблюдательные комиссии не являются юридическими лицами, действуют на постоянной основе в целях реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. В каждом субъекте Российской Федерации образуется одна общественная наблюдательная комиссия, численность которой устанавливается Советом Общественной палаты Рос-

сийской Федерации. В составе этой комиссии не может быть менее пяти и более двадцати членов.

Основными задачами общественных наблюдательных комиссий являются:

1) осуществление общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, в котором образована общественная наблюдательная комиссия;

2) подготовка решений в форме заключений, предложений и обращений по результатам осуществления общественного контроля;

3) содействие сотрудничеству общественных объединений, администраций мест принудительного содержания, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, осуществляющих в пределах территории субъекта Российской Федерации полномочия по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Таким образом, деятельность представительных институтов гражданского общества способствует достижению консенсуса в отношениях с государством. Иными словами, практика работы общественных палат, общественных советов при органах власти, иных общественных структур свидетельствует о выработке реального механизма консолидации общества и установления конструктивного диалога с государством.

Библиографический список

1. Глухарева, А. К. Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
2. Евстафьева, Ю. Г. (Капралова Ю. Г.). Общественная палата как институт гражданского участия в гуманизации публично-правовых отношений (российский и зарубежный опыт) / Ю. Г. Евстафьева, Е. Г. Сизарова // Гуманизация уголовного наказания как одно из основных направлений современной пенитенциарной политики России : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. / Иван. фил. Владим. юрид. ин-та Федер. службы исполнения наказаний. – Иваново, 2007.
3. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : федер. закон : [от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 24, ст. 2789.
4. Федоров, В. В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

Bibliographical list

1. Gluhareva, A. K. Constitutional of a Basis of National Representation in the Russian Federation / A. K. Gluhareva. – M., 2008.
2. Evstafyeva, J. G. (Kaprалova, J. G.). Public Chamber as Institute of Civil Participation in a Humanisation Publicly-Legal Relations (the Russian and Foreign Experience) / J. G. Evstafyeva (J. G. Kapralova), E. G. Sizarova // The Humanization of Criminal Punishment as One of the Basic Directions Modern Criminally-Executive System Politicians of Russia. – Ivanovo, 2007.
3. About Public Control over Maintenance of Human Rights in Places of the Compulsory Maintenance and about Assistance to the Persons who are in Places of the Compulsory Maintenance : the federal law : [from June 10, 2008 № 76-FZ] // Rus. Newspaper. – 2008. – June 18.
4. Fedorov, V. V. Public Control over Activity of Criminally-Executive System as the Form of Interaction of a Civil Society with the State / V. V. Fedorov. – Vladimir, 2006.

СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА И НА РЫНКЕ ЖИЛЬЯ
Specifics of the Crimes in the Sphere of Housing and Communal Services and Housing

Аннотация. В статье проанализирована оперативная обстановка в сфере жилищно-коммунального хозяйства и на рынке жилья. Особое внимание автор уделяет обстоятельствам, способствующим совершению преступлений в данной сфере, выделяя их высокую латентность и специфику потерпевших.

Характеризуются виды преступлений на рынке жилья и механизм мошенничеств, имеющих наибольшее распространение, а также дается перечень документов, используемых преступниками.

На основе практики работы специализированных подразделений БЭП по борьбе с преступностью на рынке жилья показаны недостатки деятельности рабочих групп по организации данной линии работы и обозначены пути повышения ее эффективности.

Ключевые слова: преступление, жилищно-коммунальное хозяйство, мошенничество, недвижимость, жилищный фонд, приватизация.

Annotation. The article analyses of the current situation in the sphere of housing and communal services and real estate market. The author places high emphasis on circumstances provoking commission of crime and shows highly latent character of the offences and specific characteristics of the victims.

Types of crime in the real estate market are identified and the most common mechanisms of fraudulent actions are shown. A list of documents used by criminals is also provided.

Basing on practical experience of special subdivisions of Economic Crime Control Department for dealing with real estate related crime the author shows some weaknesses in the activity of working groups and gives some recommendations on its effectiveness increase.

Key words: crime, housing and communal services, fraud, immovable property, available housing, privatization.

В последние годы в России произошли серьезные изменения отношений собственности, что послужило одним из кардинальных факторов преобразования социально-экономической системы, роста производительных сил и повышения благосостояния граждан.

Особенно эти изменения затронули жилищный сектор. Приватизация поставила жилищно-коммунальное хозяйство (далее: ЖКХ) в непривычные условия, выдвинула новые требования, соблюдение которых призвано обеспечить в конечном счете жизнедеятельность и функционирование экономики страны.

Основу ЖКХ составляет жилищный фонд, представляющий собой совокупность всех жилых помещений независимо от формы собственности, включая жилые и специализированные дома, к которым относятся общежития, дома маневренного фонда, детские дома, приюты, дома для престарелых и инвалидов, школы-интернаты, служебные жилые помещения.

Согласно ст. 19 Жилищного кодекса РФ различают следующие виды жилищного фонда:

- частный – принадлежащий гражданам и юридическим лицам (индивидуальные дома, приватизированные или построенные квартиры);
- государственный – являющийся собственностью государства или субъектов РФ, а также ведомственный фонд, находящийся в хозяйственном ведении или оперативном управлении учреждений и предприятий;

– муниципальный – находящийся в собственности муниципальных образований, а также ведомственный фонд, состоящий в хозяйственном ведении предприятий или оперативном управлении муниципальных учреждений;

– общественный – являющийся собственностью общественных объединений;

– коллективный – находящийся в общей совместной или общей долевой собственности различных субъектов частной, государственной, муниципальной собственности, собственности общественных объединений.

Жилищная сфера включает в себя управление этими фондами, их содержание и ремонт, охватывая элементы инженерной инфраструктуры. К последним относятся предприятия и организации ЖКХ, организации и управления, на балансе которых находится жилищный фонд, товарищества собственников жилья, предприятия и службы, предоставляющие соответствующие услуги.

Финансирование эксплуатации этой достаточно разветвленной структуры осуществляется из двух источников: платежей потребителей и бюджетных дотаций, направляемых через службу заказчика подрядным организациям.

К сожалению, приходится констатировать, что реформирование отрасли в русле рыночных отношений не решило главной проблемы: финансирование жилищной сферы продолжает осуществляться по остаточному принципу. В результате около 70 % предприятий ЖКХ

являются убыточными и находятся на грани банкротства.

Ослабление государственного и практическое отсутствие общественного контроля привели к значительной криминализации данной отрасли, создали благоприятные условия для теневого бизнеса.

Как показывает практика, примерно в 50 % случаев объектами преступного посягательства являются недвижимость и строительные материалы, около 40 % – деньги, в 10 % – энергоносители.

К наиболее распространенным видам преступлений в сфере ЖКХ относится мошенническое завладение квартирами граждан.

В настоящее время более 80 % от общего числа жилых помещений зарегистрированы как приватизированные.

Предоставленное законом право гражданам свободно распоряжаться своим жильем, в том числе продавать его на рынке недвижимости, открыло широчайшие возможности представителям преступного мира для легкого обогащения.

Одним из обстоятельств, способствующих этому, является высокая латентность преступлений, связанных с приватизацией и отчуждением жилья. Жертвами таких преступлений становятся одинокие граждане, не имеющие родственных и дружеских связей; престарелые; лица, злоупотребляющие алкоголем и наркотиками; страдающие психическими заболеваниями.

Преступники, используя помощь коррумпированных связей в дэзах, паспортно-визовых службах, получают информацию о таких гражданах, обманным путем завладевая документами на квартиры и реализуют их.

Причем сделки, как правило, оформляются без личного участия владельцев путем использования их паспортов, поддельных доверенностей и иных документов с указанием подставных лиц.

Подобные сделки совершаются путем обмана или злоупотребления доверием с участием сотрудников жилищно-коммунальных контор, органов по учету, распределению и приватизации жилой площади, нотариусов. Раскрываемость таких преступлений составляет не более 30 %.

Таким образом, одним из основных способов мошенничества является фиктивная купля-продажа квартир с использованием:

- поддельных, похищенных или утерянных паспортов, свидетельств о рождении, нотариально заверенных справок о праве собственности на недвижимость;

- документов, сопровождающих подобные сделки: выписок из домовых книг, финансово-лицевых счетов, различных справок об отсутствии задолженностей;

- справок форм ф-№ 11-а из органов технической инвентаризации, получение которых должно проходить обязательную регистрацию в специальном журнале учета;

- различных документов согласований (доверенности, разрешения из органов опеки и попечительства, социальной защиты);

- штампов о выписке и прописке, чаще всего поддельных, поскольку одним из обязательных условий отчуждения является документальное оформление выписки прежнего хозяина жилья.

Механизм преступления достаточно прост – мошенники, выдавая себя за владельцев, берут задаток от покупателя, оформляют сделку, получают оговоренную сумму и скрываются. Покупатели через некоторое время (иногда практически сразу) обнаруживают, что квартира принадлежит чужим людям.

Другим способом мошенничества является завладение квартирами умерших граждан.

Преступники используют несколько вариантов. Первый из них заключается в том, что мошенники обманным путем перед смертью владельца квартиры оформляют сделки по обмену на свое имя или составляют аналогичное завещание.

Второй путь – уже после смерти одиноких пожилых людей в их квартирах прописываются посторонние лица. После приватизации квартиры сразу же продаются. Оспорить в судебном порядке незаконность сделок практически невозможно.

Продолжают иметь случаи вымогательства, требования передачи квартир или права на них с применением насилия или под угрозой такового.

Широко распространены фиктивные браки с гражданами, имеющими право на социальное жилье (неимущими, владеющими ветхим жильем, предназначенным под снос). Этот способ характерен для приезжих из стран ближнего зарубежья.

Следует отметить, что выявление и расследование преступлений, связанных с приватизацией, существенно осложняются множественностью и бессистемностью правового регулирования данного процесса. Дело в том, что почти все нормативные и правоприменительные акты по вопросам, касающимся распоряжения собственностью и приватизации, либо противоречат Конституции РФ и соответствующим законам, либо расходятся с ни-

ми, или правовые акты вообще отсутствуют, например, по приватизации собственности общественных объединений.

Правовой контроль за данными процессами существенно сужен и многоуровневым характером законодательства, внутренней противоречивостью законов, указов Президента РФ, актов правительства и других органов представительной и исполнительной власти, предоставлением дополнительных полномочий некоторым местным органам управления по самостоятельно разработанным планам.

Практика деятельности правоохранительных органов по борьбе с нарушениями при приватизации позволяет утверждать, что уголовная юстиция является одним из тех инструментов, при помощи которых могут корректироваться процессы разгосударствления.

Противоправные действия и маскировка их под законные не могут осуществляться в одиночку, поэтому объективно происходит объединение преступных элементов с должностными лицами в организованные группы, способные к масштабным преступлениям в данной сфере.

Ярким примером служит уголовное дело в отношении директора агентства недвижимости «Нисан», который путем обмана завладел в течение трех лет деньгами и жильем 24 граждан г. Н. Новгорода (Арх. следств. упр. Следств. комитета. Уголов. дело № 80796 СУ СК при ГУВД Нижегород. обл.).

Наряду с мошенничествами в сфере ЖКХ совершаются и более опасные преступления. Так, беззащитные одинокие старики, оставшиеся без жилья, подчас просто исчезают без какой-либо информации о себе. Только по Нижегородской области после приватизации и отчуждения жилья в другие адреса выбыли более 100 тыс. человек. Из них не установлено местонахождение 1 228 человек, не прибыли к новому указанному адресу жительства более 300 человек.

Согласно действующему порядку ответственными за организацию установления местонахождения выбывших лиц являются начальники криминальной милиции. Однако повсеместно в органах внутренних дел этому вопросу не уделяется должного внимания. Более приоритетным по вполне понятным причинам является раскрытие зарегистрированных преступлений. В связи с этим мероприятия по сбору подробных примет, получению фотографий выбывших лиц не проводятся. Опознавательные карты на данную категорию лиц также не составляются. Проверки по учетам невопросованных трупов из моргов и по уче-

там обнаруженных неопознанных трупов ИЦ ГУВД не осуществляются.

Созданные в территориальных органах внутренних дел рабочие группы по организации и проведению необходимой работы в рассматриваемой сфере к исполнению возложенных обязанностей относятся формально. Их деятельность руководителями органов в полном объеме не контролируется; наблюдательные дела, заведенные по линии предупреждения, пресечения правонарушений в сфере приватизации и отчуждения жилья изучаются крайне редко; оперативные совещания не проводятся.

При этом преступники расширяют поле своей деятельности. Помимо афер с квартирами увеличивается число случаев злоупотребления должностными полномочиями и взяточничества при оформлении приватизированного имущества, проведении тендеров и аукционов.

Отдельно следует отметить продолжающие иметь место хищения бюджетных средств, выделяемых гражданам в качестве безвозмездных субсидий, жилищных сертификатов за утраченное жилье и имущество. Как правило, такие хищения осуществляются путем обмана или злоупотребления доверием.

Этот способ преступлений имеет ряд признаков:

- оформление подложных договоров купли-продажи квартир, в том числе заведомо невыгодных для граждан, получающих жилищные сертификаты (субсидии);
- предоставление гражданами, нуждающимися в улучшении жилищных условий, в управления муниципального жилья фиктивных документов о реальных условиях проживания, доходах и т. п.;
- постановка на учет и предоставление поддельных документов о наличии у членов семьи различных заболеваний, дающих право на получение отдельной жилплощади или субсидий на приобретение жилья, изменение списков лиц-очередников;
- предоставление в административные органы по переселению граждан фиктивных документов о стаже работы и проживании в районах Крайнего Севера.

Кроме того, имеется судебная практика по ряду дел, когда организованная преступная группа находила продаваемые квартиры в крупных городах средней полосы страны и оформляла фиктивные договоры по купле-продаже по многократно завышенной стоимости. На основании этих договоров коррумпированные чиновники в районах Крайнего Севера

за соответствующее вознаграждение перечисляли на счета мнимых продавцов крупные суммы. Посредники обналичивали деньги и уже по гораздо меньшим ценам приобретали жилье в небольших поселках и сельской местности.

Также значительная часть денег похищается путем присвоения бюджетных средств, выделяемых для нужд ЖКХ.

В условиях нормативной неразберихи дельцы теневого бизнеса успешно осуществляют предпринимательскую деятельность без регистрации либо без специального разрешения (лицензии). В частности, выявлены факты функционирования подобных предприятий по сбору, вывозу и переработке твердых бытовых отходов и отходов промышленного производства.

Продолжает иметь место уклонение от уплаты налогов с организаций путем включения в бухгалтерские документы заведомо ложных данных о доходах. Этот вид преступлений совершается путем неотражения выручки в бухгалтерском и налоговом учете; завышения объемов выполненных работ; завышения себестоимости при заключении фиктивных договоров субподряда, например, на производство дорожно-уборочных работ.

Таким образом, специфика преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ и на рынке жилья, требует повышенного внимания к осуществлению оперативно-поисковой работы подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел.

Библиографический список

1. Организация и тактика предотвращения и урегулирования экономических преступлений : учебник / под ред. А. М. Абрамова, А. А. Майдыкова, Л. Л. Тузова. – М., 2000.

2. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. С. В. Степашина. – СПб., 1999.

3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М., 2006.

Bibliographical list

1. Organization and Tactics of Prevention and Clearance of Economic Crimes / ed. by A. M. Abramow, A. A. Maidykow, L. L. Tuzow. – M., 2000.

2. Fundamentals of the Operative-research Activity / ed. by S. W. Stepashin. – SPb., 1999.

3. The Theory of the Operative-research Activity / ed. by K. K. Goryainow, W. S. Owchinsky, G. K. Sinilov. – M., 2005.

**МЕСТО ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ
В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ**

Place of the Contract of Management of the Multiroom House in General System of the Civil-Law Contracts

Аннотация. Рассматривая место договора управления многоквартирным домом с точки зрения его места в классификации гражданско-правовых договоров, можно отметить следующее: договор управления многоквартирным домом является самостоятельным договором, который по своим признакам является консенсуальным, каузальным, срочным, возмездным и двусторонним соглашением. Сформулировано доктринальное определение понятия договора управления многоквартирным домом. По договору управления многоквартирным домом – одна сторона (управляющая организация) по заданию другой стороны (собственников помещений в многоквартирном доме) в течение согласованного срока за плату обязуется осуществлять управление общим имуществом многоквартирного дома, путем совершения в отношении этого многоквартирного дома юридических и фактических действий в интересах собственников помещений данного дома.

Ключевые слова: гражданско-правовые договоры, договор управления многоквартирным домом, правовая природа договора управления многоквартирным домом, место договора управления многоквартирным домом в классификации гражданско-правовых договоров.

Annotation. Considering the role of apartment dwelling management agreement from the point of view of its place in the classification of civil law contracts, the author can indicate the following: apartment building management agreement is an independent contract which possesses certain characteristics; It is a consensual, causal, time limiting, reciprocate, performance paying agreement. The authors defines the concept of apartment dwelling agreement. According to the apartment dwelling agreement – one party (managing company) on the bases of the other party's instruction (owners of dwelling in an apartment building) during a certain time limit for payment must exercise common property management of apartment dwelling, by performing legal and formal acts related to this apartment dwelling building in the interests of its owners.

Key words: civil law contracts, apartment dwelling building management, legal nature of an apartment dwelling building management, the place of apartment dwelling management agreement in the classification of civil law contracts.

Согласно ч. 2 ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее: ЖК РФ) (Рос. газ. 2005. 12 янв.) по договору управления многоквартирным домом одна сторона по заданию другой стороны в течение согласованного срока за плату обязуется оказывать услуги и выполнять работы по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества в таком доме, предоставлять коммунальные услуги собственникам помещений в этом доме и пользующимся помещениями в нем лицам, осуществлять иную направленную на достижение целей управления многоквартирным домом деятельность.

Гражданско-правовая природа договора управления многоквартирным домом подтверждается положением ч. 8 ст. 162 ЖК РФ, закрепляющим, что изменение и (или) расторжение договора управления многоквартирным домом осуществляются в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Кроме того, необходимо обратить внимание на положение ч. 1 ст. 7 ЖК РФ. В соответствии с ним одним из условий, наличие которых дает возможность применения аналогии закона в жилищных правоотношениях, является отсутствие норм гражданского или иного законодательства, прямо регулирующих такие отношения.

В юридической литературе существует довольно распространенное мнение относительно правовой природы договора управления многоквартирным домом, его считают смешанным.

Так, С. Л. Филимонов пишет: «Составляющие элементы договора управления – услуги и работы по содержанию и ремонту общего имущества, а также предоставление коммунальных услуг, поэтому самостоятельным (новым) видом договора он быть не может. Следовательно, договор управления следует рассматривать как смешанный договор» (Комментарий к ЖК РФ (постатейный) / под ред. В. М. Жуйкова. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007. С. 341).

Ряд авторов считают, что договор управления многоквартирным домом включает в себя элементы таких гражданско-правовых договоров, как подряд и возмездное оказание услуг (Грудцына Л. Ю. Комментарий к ЖК РФ / под общ. ред. Н. М. Коршунова. М., 2005. С. 349 ; Комментарий к ЖК РФ (постатейный) / под общ. ред. В. М. Жуйкова. М., 2006. С. 338 ; Филатова У. Б. Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 175).

И. А. Дроздов рассматривает его как нечто среднее между договором подряда, возмездного оказания услуг, энергоснабжения и доверительного управления (Дроздов И. А. Обслуживание жилых помещений: гражданско-правовое регулирование. М., 2006. С. 198). С данной позицией соглашается С. Ю. Шахов (Шахов С. Ю. Правовая сущность и способы управления многоквартирным домом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16).

Т. А. Борзенкова в отношении между управляющей организацией и услугополучателем указывает на элементы договоров возмездного оказания услуг, бытового подряда, доверительного управления имуществом, энергоснабжения, агентского договора (Борзенкова Т. А. Правовая формализация управления многоквартирным домом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 9. С. 23–24).

Близок к указанной позиции И. А. Фаршатов, который называет договор управления многоквартирным домом комплексным, охватывающим «разнообразные виды оказания услуг по обеспечению жильцов водой, теплом, электричеством, газом и др.; техническому обслуживанию квартир, мест общего пользования» (Фаршатов И. А. Комментарий к ЖК РФ (постатейный). М., 2006. С. 327).

Однако нам представляется наиболее верной точка зрения В. Н. Симонова, Ю. П. Свита, Р. З. Ибатуллиной и других авторов, которые указывают, что договор управления многоквартирным домом необходимо рассматривать как самостоятельный договор, а не смешанный (Ибатуллина Р. З. Гражданско-правовой режим управления общим недвижимым имуществом в многоквартирных домах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 19 ; Свит Ю. П. Договор управления многоквартирным домом: заключение, содержание // Жилищное право. 2007. № 3. С. 36 ; Симонов В. Н. Постатейный комментарий к ЖК РФ / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2005. С. 310).

Несомненно, договор управления многоквартирным домом содержит в себе элементы договоров о выполнении работ и оказании услуг. Основной составляющей предмета рассматриваемого договора является выполнение за плату работ и услуг по содержанию и ремонту дома, что подпадает под предметы упомянутых договоров, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации (далее: ГК РФ).

В то же время необходимо учитывать, что понятие смешанного договора неоднозначно. В соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны могут заключить договор как предусмотренный,

так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Они могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301).

Поскольку одним из главных признаков смешанного договора является то, что этот договор отдельно не урегулирован законодательством (т. е. нет специальных норм, посвященных данному договору), а договор управления многоквартирным домом прямо регулируется специальными нормами жилищного законодательства, то отнесение рассматриваемого договора к смешанному типу невозможно. Предмет данного договора, его условия определены в ст. 162 ЖК РФ.

Таким образом, о смешанном характере договора управления многоквартирным домом свидетельствует то, что договор содержит элементы различных типов договорных отношений, развивался на их основе, но в итоге сформировался в отдельное договорное обязательство и не представляет собой простой совокупности нескольких известных договоров.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что законодатель выделил договор управления многоквартирным домом в отдельную статью ЖК РФ и не дал никаких указаний на применение к договору норм ГК РФ об отдельных договорах. Следовательно, воля законодателя не была направлена на установление договора управления как разновидности другого договора.

Очевидно, что классифицировать можно только поименованные и смешанные договоры.

Рассматривая место договора управления многоквартирным домом с точки зрения его места в классификации гражданско-правовых договоров по дихотомическому принципу, можно отметить следующее.

Договор управления многоквартирным домом можно отнести к числу консенсуальных, поскольку закон не предусматривает какого-либо акта передачи многоквартирного дома управляющей организации (считается заключенным с момента согласования сторонами всех существенных условий).

Безусловно, договор управления многоквартирным домом является возмездным договором, так как в п. 3 ч. 3 ст. 162 ЖК РФ оп-

ределены существенные условия договора управления многоквартирным домом, к числу которых относится порядок определения цены договора

Исследуя вопрос распределения прав и обязанностей сторон по договору управления многоквартирным домом, можно сделать вывод, что каждая из сторон имеет как комплекс прав, так и комплекс обязанностей, каждый из участников договора является и кредитором, и должником одновременно, т. е. рассматриваемый договор является двусторонним.

Договор управления многоквартирным домом относится к срочным договорам, так как в соответствии с ч. 5 ст. 162 ЖК РФ данный договор «заключается на срок не менее чем один год и не более чем пять лет, а в случае, указанном в части 5 статьи 161 настоящего Кодекса, на срок не менее чем один год и не более чем три года».

Используя критерий результата, на достижение которого направлена воля сторон, гражданско-правовые договоры можно разделить на четыре группы (типа): направленные на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг и учреждение различных образований. В свою очередь, отдельные типы договоров делятся на виды и подвиды.

Цель договора управления многоквартирным домом можно определить как оказание услуг по осуществлению отдельных прав собственника по владению, пользованию и распоряжению управляемым имуществом и определить место договора в системе гражданско-правовых договоров по признаку направленности результата в группе договоров, ориентированных на оказание услуг.

Некоторые авторы (Дроздов И. А. Указ. соч. С. 136 ; Попов А. В. Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 10), исходя из названия договора и его правовой природы, ассоциируют его с договором доверительного управления и предлагают «признать договор управления многоквартирным домом разновидностью договора доверительного управления имуществом» (Михайлов В. К. Место договора управления многоквартирным домом в общей системе гражданско-правовых договоров // Жилищное право. 2008. № 3. С. 45). Данный подход нельзя назвать правильным, так как между данными договорами имеются существенные различия.

Во-первых, договор доверительного управления имуществом относится к числу реаль-

ных договоров и считается заключенным с момента поступления имущества во владение доверительного управляющего.

Во-вторых, в соответствии с ч. 1 ст. 1018 ГК РФ имущество, переданное в доверительное управление, обособляется от другого имущества учредителя управления, что невозможно сделать в отношении общего имущества при договоре управления многоквартирным домом.

В-третьих, несмотря на то, что объектом договора управления многоквартирным домом является недвижимое имущество, которое также может выступать и в роли объекта договора доверительного управления, оно в отличие от договора доверительного управления не подлежит государственной регистрации.

В-четвертых, ч. 2 ст. 1020, п. 3 ст. 1022 ГК РФ, регулирующие отношения по договору доверительного управления имуществом, содержат несовместимые с управлением многоквартирным домом нормы, такие как, например, возможность исполнения обязательств доверительного управляющего за счет управляемого имущества, а также за счет иного имущества учредителя, не переданного в доверительное управление.

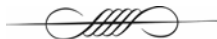
В-пятых, предметы двух договоров существенно различаются: в отличие от доверительного управления в обязанности управляющей организации по договору управления многоквартирным домом не входит собственно управление, а включается выполнение определенного перечня работ и услуг.

Еще одной важной отличительной чертой является то, что согласно договору доверительного управления имуществом собственник наделяет доверительного управляющего правом осуществлять правомочия собственника от своего имени (ст. 1020 ГК РФ). При этом с момента заключения такого договора сам собственник лишается возможности осуществлять правомочия по владению, пользованию и распоряжению. Но к договору управления такая конструкция не применима, поскольку, заключая договор управления многоквартирным домом, собственники по-прежнему продолжают осуществлять принадлежащие им правомочия на жилые помещения и общее имущество в многоквартирном доме.

Рассмотрев основные признаки договора управления многоквартирным домом, можно сделать следующий вывод: договор управления многоквартирным домом – это самостоятельный договор, который по своим признакам является консенсуальным, каузальным, срочным, возмездным и двусторонним соглашением.

На основании вышеизложенного сформулировано доктринальное определение понятия договора управления многоквартирным домом. По договору управления многоквартирным домом, одна сторона (управляющая организация) по заданию другой стороны (собственников помещений в многоквартирном до-

ме) в течение согласованного срока за плату обязуется осуществлять управление общим имуществом многоквартирного дома путем совершения в отношении этого многоквартирного дома юридических и фактических действий в интересах собственников помещений данного дома.

Библиографический список

1. Дроздов, И. А. Обслуживание жилых помещений: гражданско-правовое регулирование / И. А. Дроздов. – М., 2006.
2. Ибатуллина, Р. З. Гражданско-правовой режим управления общим недвижимым имуществом в многоквартирных домах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.
3. Козлова, Е. Б. Договор управления многоквартирным домом: гражданско-правовая природа и место в системе договоров / Е. Б. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 8.
4. Певницкий, С. Г. Многоквартирные дома: проблемы и решения / С. Г. Певницкий, Е. А. Чефранова. – М., 2006.

Bibliographical list

1. Drozdov, I. A. Serving Dwelling Building: Civil Law Regulation / I. A. Drozdov. – M., 2006.
2. Ibatulina, P. Z. Civil Law Regime of Managing Common Real Estate in Apartment Dwelling Building : Author's Abstract of the Dissertation of or Candidate of Sciences Degree (Law). – Kazan, 2007.
3. Kozlova, E. B. Apartment Dwelling Building Management Agreement: Civil Legal Nature and the Place in the Law Contracts / E. B. Kozlova // Russia's Laws: Experience, Analysis, Practice. – 2008. – № 8.
4. Pevnitsky, S. G. Dwelling Building Management: Problems and Solution / S. G. Pevnitsky, E. A. Chefranova. – M., 2006.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫДВИЖЕНИЯ ТИПИЧНЫХ ВЕРСИЙ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ
ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ**

**Some Peculiarities of Putting Forward Typical Versions about the Subject of Crime at the Initial Stage
of Investigating Offences Committed by Mentally Disturbed Persons**

Аннотация. Автором статьи рассмотрены вопросы выдвижения следственных версий, раскрыты основные аспекты деятельности по разработке и выдвижению типичных версий о совершении преступления подозреваемым, страдающим психическими расстройствами, обозначены основные направления работы по проверке выдвинутых версий.

Ключевые слова: следственная версия, психические расстройства, проверка версий, первоначальный этап расследования, изучение и оценка информации, подозреваемый.

Annotation. The paper considers issues dealing with putting forward investigatory versions; analyzes major techniques of defining the most typical versions about the suspects with mental disorders; suggests main directions of activities for verifying these versions.

Key words: investigatory versions, mental disorders, versions verification, initial stage of investigation, data analysis and assessment, a suspect.

Первоначальный этап расследования преступлений характеризуется, как правило, недостатком информации, необходимой для установления абсолютной истины по расследуемому событию. Поэтому процесс собирания и исследования необходимой доказательственной и тактической информации выступает в качестве одной из основных задач начального этапа расследования. На основе собранных доказательств и данных, полученных оперативным путем, следователь может выдвинуть версии, которые объясняют происшедшее событие в целом и отдельные элементы механизма преступной деятельности, в частности. Проверка той или иной версии предоставляет возможность установить истинные обстоятельства совершенного деяния.

В настоящее время учение о криминалистической версии является одним из наиболее разработанных в криминалистике. В современной специальной литературе понятие и содержание следственных версий подробно исследовано различными учеными. Версии являются основой планирования, определяют направление расследования, поэтому их разработка – важнейшая и ответственная часть следственной деятельности (Антонов И. О. Основы расследования мошенничества. Казань, 2001. С. 101). Криминалистическая версия – это обоснованное предположение относительно отдельного факта (обстоятельства) или группы фактов из числа имеющих значение для дела, объясняющее происхождение этих фактов (обстоятельств), их связь между собой (Криминалистика : краткая энцикл. М., 1993. С. 12).

Следственные версии представляют собой предположения следователя о причинах и обстоятельствах совершенного преступления. При этом выдвижение и проверка следственных версий являются основным методом уста-

новления обстоятельств, подлежащих доказыванию, указанных в ст. 73 УПК РФ.

На первоначальном этапе расследования любого уголовного дела в связи с недостатком исходной информации субъект расследования ограничивается выдвижением, как правило, лишь типичных версий, которые могут дать только самое общее объяснение события, еще недостаточное для успешного завершения расследования. Поэтому типичная версия обязательно конкретизируется в процессе доказывания по мере накопления следователем необходимой информации.

Применительно к первоначальному этапу расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, как правило, могут быть выдвинуты следующие общие типичные версии:

- преступление совершено лицом, страдающим психическим расстройством;
- психическое расстройство наступило после совершения преступления;
- лицо здорово и симулирует психическое расстройство.

Несмотря на то, что начальный этап расследования преступлений рассматриваемой категории характеризуется, как правило, отсутствием данных о личности преступника, основания, позволяющие выдвинуть версию о совершении деяния лицом, страдающим психическим расстройством, могут быть получены как при производстве первоначальных следственных действий, так и при проведении иных мероприятий. Так, наличие у лица психического расстройства может отразиться как в его действиях в момент совершения преступления, так и в следах, оставшихся на месте преступления. Прежде всего здесь можно выделить отсутствие логичности в выборе и реализации действий и приемов, образующих способ совершения пре-

ступления, в определенных случаях это совершение преступления в неблагоприятных условиях. Кроме того, основанием для выдвижения версии о совершении преступления лицом, страдающим психическим расстройством, могут служить данные об особой жестокости действий преступника (множественные повреждения на теле жертвы, расчленение трупа без каких-либо попыток сокрыть его, вскрытие полостей трупа и т. д.), причем для причинения телесных повреждений преступник использует обычные предметы, оказавшиеся «под рукой». Наличие данных следов свидетельствует о повышенной агрессии и особой жестокости преступника, которые обуславливаются наличием у него психического расстройства.

Деятельность следователя по проверке версии о том, что преступление совершено лицом, страдающим психическим расстройством, должна осуществляться по ряду направлений. Во-первых, необходимо изучить и оценить первичную информацию о состоянии здоровья подозреваемого (обвиняемого), полученную в результате криминалистического анализа содеянного, непосредственного наблюдения следователя за поведением подозреваемого в ходе следствия, а также из сообщений родственников, других лиц о наличии у подозреваемого каких-либо психических аномалий. Также без промедления необходимо привлечь специалиста в области судебной психиатрии и получить от него консультацию по некоторым вопросам, касающимся возможности совершения определенных действий лицом, страдающим тем или иным психическим расстройством. Кроме того, незамедлительно следует получить сведения о лицах, состоящих на учете в соответствующих лечебных учреждениях.

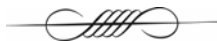
Первоначальная информация о психическом состоянии лица может быть получена во время осмотра места происшествия, «обстановку которого можно рассматривать как овеществленную психологию участников расследуемого события, действовавших на этом плацдарме. Его изучение позволяет с большей или меньшей степенью вероятности судить о психических особенностях преступника» (Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 254). В связи с этим при производстве рассматриваемого следственного действия не-

обходимо обращать внимание на безмотивность и беспорядочность действий, особую жестокость по отношению к жертве, изощренность сексуального посягательства, бессмысленность повреждений обстановки и другие факты, отличающие их от действий обычного преступника в аналогичной обстановке.

Мы разделяем мнение М. Г. Гонтадзе, согласно которому основаниями для выдвижения версии о том, что преступление совершено лицом, страдающим психическим расстройством, могут выступать: отсутствие предпочтения места осуществления общественно опасных действий; игнорирование свидетелей; нарушение ориентировки; частота совершения действий в отношении непосредственно окружавших, в том числе близких, лиц (Гонтадзе М. Г. Выдвижение и проверка версии о совершении преступления лицом в состоянии кратковременного психического расстройства // Рос. следователь. 2008. № 24. С. 2).

Реализация основных направлений деятельности по проверке версии о совершении преступления лицом с психическим расстройством позволяет опровергнуть или подтвердить возможность появления у лица психических отклонений непосредственно после совершения преступления либо симуляцию преступником заболевания психики.

Таким образом, на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, помимо иных прежде всего формируется версия о личности совершившего преступления и его свойствах. В целях своевременного и обоснованного выдвижения данной версии субъект расследования должен знать основные признаки, свидетельствующие о совершении преступления лицом с психическими расстройствами. Проверка версии и поиск неизвестного преступника, который, возможно, страдает психическим расстройством, может осуществляться как в ходе производства отдельных следственных действий (осмотра места происшествия, допросов потерпевшего и др.), так и путем собирания справочной и ориентирующей информации в лечебных учреждениях, а также путем консультирования с различными специалистами в области судебной психиатрии.

Библиографический список

1. Антонов, И. О. Основы расследования мошенничества / И. О. Антонов. – Казань, 2001.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М., 2006.
3. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – М., 2008.
4. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. – М., 1967.

Bibliographical list

1. Antonov, I. O. Fundamentals of Fraud Investigation / I. O. Antonov. – Kazan, 2001.
2. Forensic Science / ed. by R. S. Belkin. – M., 2006.
3. Forensic Science / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. – M., 2008.
4. Ratinov, A. P. Forensic Psychology for Investigators / A. P. Ratinov. – M., 1967.

С. А. Лопатин,
*аспирант кафедры уголовного права,
криминалистики и криминологии
Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева*

S. A. Lopatin,
*the post-graduate student of department
of criminal law, criminalistic and criminology
of Mordovia State University*

**ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**
Features Criminological Characteristics of Fraud in Investment Construction

Аннотация. В статье рассматривается ряд ключевых вопросов криминалистической характеристики мошенничества в области инвестиционного строительства, даются описание обстановки и способа совершения данного вида преступления, характеристика личности преступника. Высокая степень социальной значимости рассматриваемого вида преступления подчеркивает актуальность работы.

Ключевые слова: инвестиционное строительство, методика расследования, криминалистическая характеристика.

Annotation. The article discusses a number of key issues criminological characteristics of fraud in the field of investment construction, give a description of the situation and ways to commit this type of crime, characteristics of the individual offender.

High degree of the social importance of considered kind of a crime means a high urgency of the work.

Key words: investment development, method of investigation, criminalistical character.

Грамотное и эффективное применение криминалистической характеристики является необходимым условием для быстрого, полного, объективного расследования преступления любого вида, и такое применение автоматически упрощает процесс расследования, определяя частную методику последнего.

Особую важность при расследовании и раскрытии мошенничества в области инвестиционного строительства имеет криминалистическая характеристика, включающая в себя систематизацию и научное обоснование полученных в результате анализа и обобщения наиболее совершенного опыта понятий всех элементов процессов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, а также взаимосвязей между ними, поскольку «криминалистическая характеристика отражает наиболее значимые и постоянные устойчивые признаки и закономерности определенного вида преступлений» (Роганов С. А. Особенности расследования незаконного изготовления, хранения и сбыта синтетических наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 16).

Справедливо полагать, что только вид совершенного преступления определяет структуру и содержание криминалистической характеристики, поэтому общепризнанная структура не может иметь практической и теоретической ценности. Следовательно, криминалистическая характеристика мошенничества в области инвестиционного строительства имеет ряд специфических особенностей. При этом научное и практическое значение будет тем выше, чем точнее выделены в качестве ее составляющих отличительные для этого вида преступлений обстоятельства (Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева. М., 1984. С. 372–377).

К криминалистической характеристике мошенничества в области инвестиционного строительства объектов недвижимости необходимо применять следующую структуру: а) обстановка мошеннических действий, в том числе место и время; б) способ совершения мошенничества; в) информация о связях между участниками преступной группы и их действиях по использованию, реализации полученного имущества или прав на него; г) характер оставленных следов; д) характеристика личности преступника.

Под обстановкой совершения преступления прежде всего понимается «система различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления» (Криминалистика / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1996. С. 51–52).

Данные об обстановке мошенничества в области инвестиционного строительства позволяют исключить совершение преступления определенным способом, в определенном месте и в определенное время; дают возможность сделать логический вывод об использованном преступником способе преступления; облегчают построение модели конкретного преступного посягательства; создают предпосылки для прогнозирования возможности появления новых способов совершения преступления (Густов Г. А. Расследование должностных хищений в торговле. Криминалистическая характеристика преступлений. Л., 1991. С. 30). Обста-

новка, являясь сложноструктурным элементом криминалистической характеристики преступления, включает в себя категорию «обстановка места происшествия», которая определенным образом связана с другими элементами обстановки: временем совершения, условиями среды и т. п. (Ишигев В. С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 19). Вместе с тем ошибочно понимать под обстановкой совершения преступления лишь совокупность внешних условий, в которых непосредственно действовал преступник. Обстановка совершения преступления охватывает более широкий круг явлений, чем непосредственные условия, в которых он действует, «включает также общую историческую и социально-политическую обстановку, конкретные условия жизни и деятельности коллектива, в которой было совершено преступление» (Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 23).

В случае мошенничеств в области инвестиционного строительства общая экономическая и социальная ситуации отражаются особенно заметно. Например, чем чаще совершаются данные преступления, тем более сложным становится подготовительный период, преступные группы более правдоподобно имитируют деятельность строительной организации, тщательнее подходят к организации преступления, фальсифицируют большое количество документов. В начале развития инвестиционного строительства застройщики вообще объясняли инвесторам, что их денежные средства будут вложены в неопределенные объекты недвижимости с последующей передачей в собственность (Архив федер. суда Центр. района г. Санкт-Петербурга. Уголов. дело № 845259 по обвинению Зоринова О. А.), однако чем более распространенной становилась информация о случаях мошенничества, тем осмотрительней становились инвесторы.

Сравнительный анализ уголовных дел о мошенничестве в области инвестиционного строительства показывает, что обстановка и время совершения преступления понимаются однозначно в более широком смысле, чем это принято для общей характеристики преступления. В общем понимании время – это определенные дни, месяцы, годы, характеризующие преступление, а место – определенный участок местности или помещение (офис, здание, кабинет). В случаях мошенничества в области инвестиционного строительства чаще всего – это место заключения договора и внесения денежных средств, несмотря на то, что временные и пространственные обстоятельства не ограничиваются конкретной датой или зданием.

Застройщик, являясь юридическим лицом, имеет собственное наименование, юридический адрес, а также арендованные или принад-

лежащие ему помещения, где он проводит работу по приему потенциальных инвесторов, привлечению денежных средств. Вместе с тем места заключения договоров, передачи наличных денежных средств, обналичивания денежных средств, если они поступили на расчетный счет, могут не совпадать. Естественно, что места принятия денежных средств от инвесторов и места их сокрытия будут различными.

Помимо этого с момента заключения договора и получения средств от инвестора застройщик пользуется ими на законных основаниях, но наступает такой момент, когда он не исполняет условий договора. Начиная с такого момента возникает период разрешения возникшего конфликта. Очевидно, что фактор времени – «элемент криминалистической характеристики преступления, отражающий его существование во времени с момента начала преступной деятельности, длительности ее развития, последовательности фаз и периодов до момента ее окончания» (Мешков В. М. Установление временных характеристик при расследовании преступлений. Н. Новгород, 1993. С. 6). Взаимодействуя с объектами обстановки, физическими и юридическими лицами, субъект преступления тем самым «включает» часы индивидуального времени определенного объекта, которые начинают его отсчет с момента следообразования. Значит, в ходе производства по делу важно установить начало и конец взаимодействия, что будет соответствовать моментам времени (Там же. С. 9).

Время, место совершения преступления и его обстановка имеют прямую связь со способом совершения. Они определяют конкретный способ и влияют на специфику его применения, т. е. определенный способ может быть применен исключительно при наличии определенной обстановки. Выявление способа совершения преступления способствует определению его связи с прочими составляющими криминалистической характеристики. Именно способ совершения преступления с уголовно-правовой точки зрения находится в основе классификации мошенничества как самостоятельного вида хищений чужого имущества.

Как показывает анализ материалов уголовных дел по рассматриваемым преступлениям, совершение мошенничества в области инвестиционного строительства в принципе невозможно без тщательной подготовительной работы, включающей изучение обстановки, правовой базы, создание предпосылок к таким преступлениям. Совершение данного деяния возможно только в форме действия, а отличительной особенностью следует считать одновременность действий по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления. Такие действия заключаются в создании преступной группы, распределении обязанностей, образовании юридического лица (или фальсификации такого

образования), найме сотрудников для имитации деятельности или осуществления каких-либо второстепенных работ, проведении рекламной кампании, привлечении денежных средств. Очевидно, что большую часть действий по совершению данного вида преступлений занимает подготовительная работа, что является отличительным признаком мошенничества в области инвестиционного строительства.

Важно понимать, что достижение преступных целей часто возможно только при комплексном применении различных способов, которые в той или иной мере осуществляются на необходимых этапах подготовительной деятельности, совершения и сокрытия преступлений. В связи с этим большое криминалистическое значение имеют действия по созданию репутации компании, серьезности строительства, гарантированности возведения объектов недвижимости. Создание репутации выступает одним из аргументов наличия умысла на совершение мошенничества. Фактически создание репутации, т. е. обмана путем заочного общения с потенциальными инвесторами, является основным способом совершения мошенничества в области инвестиционного строительства. Имитация деятельности, создание лжепредприятия и прочие действия – только инструменты в рамках данного способа.

Материальные следы, оставшиеся от деятельности по созданию репутации (рекламные щиты, буклеты, статьи в газетах и журналах, рассказывающие о строительстве объектов недвижимости конкретной организацией и призывающие к инвестированию в это строительство), или свидетельские показания являются немногочисленными недокumentальными следами.

Докumentальный характер мошенничества в области инвестиционного строительства объясняет то, что для данных преступлений в принципе не свойственны следы на месте совершения преступления. Как правило, хищение имущества или получение прав на него происходит путем введения инвестора в заблуждение и заключения договора. По сути, преступление находит отражение в факте заключения договора с соответствующими условиями и передаче денежных средств и иного имущества.

Кроме того, преступление возникает только в тот момент, когда у лица возник умысел намеренно не исполнить принятые обязательства. Только в этом случае и с этого момента денежные средства, до этого находившиеся в распоряжении лица на законных основаниях по договору, становятся похищенными.

Изучение уголовных дел показало, что договор в простой письменной форме составлялся в 46,7 % случаев (в остальных инвестор ограничивался заявлением на приобретение и внесением денежных средств); нотариально удостоверенной форме –

1,37 % случаев (для договоров инвестирования, которые заключались до вступления в действие Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», либо для договоров, на которые не распространяется действие данного Закона). Иные документы составлялись по 53,3 % случаев (квитанции к приходному ордеру, полисы, опционы и т. д.).

Способами сокрытия преступлений являются следующие: а) утаивание информации или ее носителей; б) уничтожение информации или ее носителей; в) маскировка информации или ее носителей; г) фальсификация информации или ее носителей; д) смешанные способы (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 218). Анализ рассмотренных уголовных дел по факту мошенничества в области инвестиционного строительства показал, что в 38,7 % случаев документация уничтожалась; 45,3 % – наблюдалось отсутствие осмысленного бухгалтерского учета; 28 % – велась двойная или так называемая «черная» бухгалтерия.

К числу мер по сокрытию относится также стратегия поведения участников после совершения преступления. В 48 % случаев преступники заблаговременно разрабатывали аргументы и объяснения причин невыполнения обязательств, которые в ходе следственных действий корректировались в соответствии с обстоятельствами. Часто руководителями и сотрудниками компаний-застройщиков для возможного следствия заранее подготавливались документы, графики, схемы с объяснением объективных причин неисполнения обязательств для того, чтобы за всей представленной информацией можно было скрыть существенные для дела обстоятельства. В 9,3 % изученных случаев организаторы исчезли вместе с похищенным.

Сокрытие приобретенного преступным путем имущества при мошенничествах в области инвестиционного строительства осуществляется на основе взаимной договоренности между соисполнителями. Способ распределения и сокрытия денежных средств, наличие общего неделимого капитала, выделенного на случай непредвиденных затрат, зависит от характера взаимоотношений членов преступной группы. Анализ и изучение информации о связях между участниками преступной группы и их действиях по использованию, реализации полученного имущества или прав на него являются важными с точки зрения практической ценности при разработке частной методики расследования.

Вместе с объективными условиями, влияющими на обстоятельства и способ совершения преступления, существуют и субъективные, такие как особенности личности преступника. При соверше-

нии любого преступления преступник невольно действует под влиянием собственных черт личности: уровень умственного развития, уровень образования, наличие связей в государственных и муниципальных органах. При совершении мошенничества в области инвестиционного строительства особое значение имеет развитие личных качеств (коммуникабельность, умение войти в доверие).

Чаще всего личность рассматривается учеными как совокупность данных о социально-демографических, психофизиологических, психологических, биологических и других особенностях субъекта (Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971. С. 9; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 127–128). Данные сведения следователь получает из материалов дела. Практика расследования подразумевает запросы в различные органы характеристик привлекаемого и подозреваемого лиц: производственную, бытовую, социальную.

Рекомендуемое в частных методиках расследования иных видов мошенничества получение характеристик подозреваемого с места работы не имеет смысла при расследовании мошенничества в области инвестиционного строительства, так как высокие доходы, получаемые от осуществления данной деятельности, позволяют практически всем ее участникам не занимать каких-либо должностей. Кроме того, такая практика представляется устаревшей и крайне неэффективной даже в тех случаях, когда подозреваемые занимают какие-либо должности. Довольно часто характеристики не содержат ценных сведений, и объективное представление о личности из характеристик, приобщенных к материалам уголовного дела, получить затруднительно (Исаков С. Нужна ли производственная характеристика обвиняемого? // Законность. 1994. № 5. С. 39–40). Это объяснимо неформальными отношениями внутри коллектива при характеристиках с места работы либо сдержанным и осторожным отношением при характеристиках с места жительства.

Значимую информацию следователь может получить, анализируя личное впечатление от подозреваемого, информацию из характеристик с места работы, данные, полученные в результате следственных действий (например, в ходе допросов остальных подозреваемых или свидетелей).

Личностная характеристика лиц, совершающих мошенничества, имеющая особую важность при расследовании, включает следующие сведения: а) биолого-демографический характер (пол, возраст, психическое состояние, образование, семейное положение и т. д.); б) правовой характер (судимость, отсутствие таковой, привлечение ранее к ответственности); в) собственно личностный характер (сведения, характеризующие индивидуальность лица).

Субъектами хищений чужого имущества путем мошенничества являются физические лица, достигшие 14-летнего возраста. Однако на практике не наблюдается привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности по изученным уголовным делам, что объясняется высокой степенью сложности данного вида мошенничества, большими организационными и финансовыми затратами. Тем не менее мошенничество в области инвестиционного строительства совершается в большей части лицами более раннего возраста, чем остальные виды мошенничества.

Так, лица в возрасте 20–25 лет похищают чужое имущество с использованием фиктивного предприятия (56,5 %), другими способами – 41,8 % (Кушниренко С. П. Криминалистическая характеристика и типовые программы расследования хищений чужого имущества путем мошенничества с использованием лжепредприятий: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 145), тогда как в США подобные преступления совершаются чаще всего в более зрелом возрасте, от 36 до 45 лет, «когда среднее звено менеджеров добилось доверия и получило определенный опыт, но уровень материального обеспечения его не устраивает» (Альбрехт У., Венц Д., Уильямс Т. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса: [пер. с англ.]. СПб., 1995. С. 18).

Изучение уголовных дел показало, что в возрасте до 20 лет совершили мошенничество в сфере инвестиционного строительства 2,4 % человек, до 25 лет – 21,9 %, до 30 лет – 30,5 %, до 45 лет – 41,5 %, старше 45 лет – лишь 3,6 %. Таким образом, численность совершивших мошенничества в возрасте до 30 лет значительно превышает количество лиц, совершивших преступление в более старшем возрасте.

Лиц, совершающих мошенничество в области инвестирования в строительство, от прочих мошенников отличает высокий образовательный уровень. Так, 3,3 % мошенников имели начальное образование, 22,8 % – среднее, 17,3 % – среднее специальное, 15,2 % – неоконченное высшее и 27,1 % – высшее. При этом высшее и неоконченное высшее образование в основном имели руководители организованных групп; иные участники преступления – среднее и среднее специальное.

Имеющаяся судимость, тем более за совершение аналогичных преступлений, имеет уголовно-правовое и криминалистическое значение. Большая часть мошенников, совершавших преступления в области инвестиционного строительства, не имели такой судимости и ранее не привлекались к уголовной ответственности (66,3 %).

Опыт и навыки предпринимательской деятельности имели 17,4 % лиц, совершивших преступления; 92,4 % преступников – мужчины.

Более 68 % мошенничеств в области инвестиционного строительства совершены организован-

ной преступной группой. Важное криминалистическое значение имеет выявление закономерностей, относящихся к совершению преступлений организованной группой лиц. В составе преступных групп могут наблюдаться лица, занимающие должности в государственных или муниципальных органах, общественных организациях, банках. Наличие информации о данных обстоятельствах позволяет уточнять имеющиеся версии о способе подготовки, совершения и сокрытия преступлений. По сведениям С. П. Кушниренко, в 20 % случаев в состав преступных групп расхитителей входили должностные лица. При этом 5 % из них оказались связанными с депутатами Государственной Думы и органов власти на городском и областном уровне (Кушниренко С. П. Указ. соч.).

Изучение уголовных дел позволило прийти к выводу, что в 19,6 % случаев мошенниками скрупулезно подготавливалась будущая преступная деятельность, разрабатывались способы достижения преступных целей и методы избежания привлечения к ответственности. В процессе преступной деятельности в 18,5 % случаев были заранее распределены обязанности каждого участника. Преступные группы представляли собой дисциплинированную организацию, потому что каждый из ее членов понимал, что для достижения максимальных результатов необходима четкая и отлаженная система действий, что еще раз свидетельствует о тщательности умысла.

Анализ криминалистической характеристики мошенничеств в области инвестиционного строительства дает возможность рассмотреть вопросы, связанные с особенностями первоначального этапа расследования данной категории преступлений.

Обстановка совершения мошенничества в области инвестиционного строительства включает, помимо других, социально-экономическую ситуацию в государстве, регионе или отдельном городе, а также опыт совершения подобного мошенничества иными лицами.

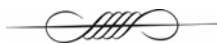
В более узком понимании обстановка совершения мошенничества в области инвестиционного строительства заключается в определении офисных и рабочих помещений, в которых соверша-

лось мошенничество. Несмотря на то, что характер совершения данного вида преступления является документальным и связан с неисполнением принятых обязательств, обстановка в виде дорожных знаков и иных помещений, рекламные проспекты и кампании позволяют идентифицировать данную обстановку как способствующую преступлению, так как она осознанно создана мошенниками с целью вызывания доверия у неопределенного круга лиц.

Аналогично характеризуется время преступления: как и обстановку, его нельзя определить точно, поскольку преступление совершается на основании воли мошенника, первоначально распоряжавшегося денежными средствами инвесторов на законных основаниях и лишь путем принятия решения о неисполнении взятых обязательств совершившего преступление.

В заключение можно сделать следующий вывод. Мошенничество в области инвестиционного строительства также характеризуется почти абсолютным его совершением преступными группами и сообществами, имеющими четкую организацию, дисциплину и источники финансирования. Однако, как и в любой большой группе людей, имеются оппозиционеры и недовольные руководством участники. Личностными характеристиками мошенников являются: высокий уровень образования, опыт предпринимательской деятельности, работы в области недвижимости и инвестиций, отсутствие судимостей. Многие из преступников имеют связи с должностными лицами государственных и муниципальных органов.

Анализ особенностей криминалистической характеристики расследования мошенничества в области инвестиционного строительства показал, что данный вид преступления отличается высокой степенью организации и относится к категории сложно раскрываемых преступлений. Мошенничества в области инвестиционного строительства отличаются от остальных видов мошенничества только им присущими особенностями структуры преступления: обстановки, способа совершения, характеристики личности преступника и характера оставленных следов.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – М., 1978.
2. Возгрин, И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций / И. А. Возгрин. – СПб., 1992–1993.
3. Винокуров, С. И. Криминалистическая характеристика преступлений, ее содержание и роль в расследовании конкретного вида преступлений / С. И. Винокуров // Методика расследования преступлений. – М., 1976.

Bibliographical list

1. Belkin, R. S. Criminalistic: Problems, Tententious, Perspectives. From Theory to Practice / R. S. Belkin. – M., 1978.
2. Vozgrin, I. A. The Scientific Basis of Criminalistical Method of Investigation. Course of Studies / I. A. Vozgrin. – SPb., 1992–1993.
3. Vinokurov, S. I. Criminalistical Characters of Crimes, its Contents and Importance in Investigation of Specific Crimes / S. I. Vinokurov // Method of Crimes Investigation. – M., 1978.

Д. Н. Мешков,
*доцент кафедры гражданского права и процесса
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук*

А. М. Анисимова,
*доцент кафедры гражданского права и процесса
Владимирского государственного университета*

D. N. Meshkov,
*assistant-professor of civil law and process department
of Vladimir State University
candidate of law*

A. M. Anisimova,
*assistant-professor of civil law and process department
of Vladimir State University*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ПЕШЕХОДОВ КАК УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Issues of Implementation of Legal Steps for Providing Pedestrians' Safety as Road Users in Theory and Practice

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные на сегодняшний день теоретические и практические проблемы реализации правовых мер обеспечения безопасности пешеходов как участников дорожного движения. Освещаются теоретические и практические аспекты целесообразности внесения планируемых изменений в действующие Правила дорожного движения.

Ключевые слова: правовые меры обеспечения безопасности дорожного движения, правила дорожного движения, административная ответственность.

Annotation. Topical issues of implementation of legal steps for providing pedestrians' safety as road users in theory and practice are reviewed in the article. The article also envisages the practicability of traffic rules amendment, theory and practice.

Key words: legal steps for providing traffic safety, traffic rules, administrative responsibility.

Обеспечение безопасности дорожного движения является в настоящее время одной из наиболее актуальных проблем. С практической точки зрения это можно аргументировать постоянно увеличивающимся числом автотранспортных средств на дорогах России.

Проблема аварийности, связанной с автомобильным транспортом, в последнее десятилетие приобрела особую остроту в связи с несоответствием дорожно-транспортной инфраструктуры потребностям общества и государства в безопасном дорожном движении, существенному росту уровня автомобилизации страны, а также в связи с недостаточной эффективностью функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения и крайне низкой дисциплиной его участников.

Кроме того, проблемы безопасности дорожного движения в стране приобретают особую актуальность в связи с осуществляемыми в настоящее время государственными мерами по модернизации экономики.

В рамках настоящей статьи мы не будем рассматривать все правовые проблемы, возникающие в процессе обеспечения дорожного движения, а затронем наиболее актуальные теоретические и практические аспекты обеспечения безопасности пешеходов как участников дорожного движения.

Пешеходы – самая многочисленная и уязвимая группа участников дорожного движения. Одним из наиболее распространенных дорожно-транспортных происшествий является именно наезд на пешеходов.

Так, согласно статистическим данным за 2008 г., доля наездов на пешеходов составила 40 % от об-

щего количества дорожно-транспортных происшествий (82,5 тыс. аварий, в которых погибло более 10,5 тыс. человек и ранено более 77 тыс.). При этом каждый шестой наезд происходит именно на пешеходном переходе.

За восемь месяцев 2009 г. на дорогах России произошло более 126 тыс. аварий, в них погибло почти 16 тыс. человек, ранено – 161 тыс. За указанный период было совершено 8,4 тыс. наездов на пешеходов (погибло 500 человек). Таким образом, рассматриваемый вид дорожно-транспортных преступлений занимает первое место, столкновения машин – лишь второе. В России пешеходы чаще гибнут на дорогах в городах и населенных пунктах (89 % случаев), реже – на загородных дорогах (11 %). По мнению ГИБДД, главные факторы такого состояния дел – это повышение уровня автомобилизации, огромное количество водителей с малым опытом вождения и недостаточно развитая дорожная инфраструктура (Баршев В. Пешехода придется любить // Рос. газ. 2009. 15 окт.).

Следует отметить, что важным элементом механизма обеспечения безопасности дорожного движения явилось принятие Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» (URL: http://www.transbez.com/officially/programs/road_safety-part1.html). Данный документ содержит указание на необходимость выполнения следующих мероприятий:

1. Совершенствование и развитие систем подготовки водителей транспортных средств, других участников дорожного движения, широкое внедрение современных средств контро-

ля за соблюдением Правил дорожного движения Российской Федерации (далее: ПДД РФ), разработка мер правового воздействия в случае неправомерного поведения, а также совершенствование профилактической работы.

2. Организационно-планировочные и инженерные меры, направленные на совершенствование организации движения транспортных средств и пешеходов в городах.

3. Мероприятия, направленные на развитие системы оказания помощи лицам, пострадавшим в результате дорожно-транспортных происшествий.

4. Мероприятия, направленные на совершенствование нормативно-правовых, методических и организационных основ системы управления деятельностью в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Именно в рамках последней группы мероприятий возможно рассматривать внесение изменений и дополнений в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и ПДД РФ. Правила дорожного движения Российской Федерации и Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения утверждены 23 октября 1993 г. постановлением Правительства Российской Федерации № 1090. В течение 16 лет в них 14 раз вносились поправки. Это является свидетельством того, что данный документ, по сути, – «живой организм», который постоянно совершенствуется, т. е. в него вносятся изменения, связанные с модернизацией законодательства и направленные на обеспечение безопасности дорожного движения. В частности, действующие ПДД РФ основываются на Конвенции о дорожном движении, заключенной в Вене 8 ноября 1968 г., последние изменения в которую, в том числе для России, вступили в силу 28 марта 2006 г., и дополняющем ее Европейском соглашении, принятом в Женеве 1 мая 1971 г., последние изменения в которое, в том числе для России, вступили в силу 26 марта 2006 г. Кроме того, 23 сентября 2010 г. вступает в силу Технический регламент о безопасности колесных транспортных средств, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2009 г. № 720, устанавливающий требования к техническому состоянию транспортных средств при их эксплуатации.

Для обеспечения безопасности пешеходов как участников дорожного движения особое значение имеют изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, вступившие в силу 22 мая 2009 г.

Водителю, не уступившему дорогу пешеходу или велосипедисту, грозит штраф от 800 до 1000 рублей. Штраф за остановку или парковку на пешеходном переходе или на тротуаре, если машина мешает пройти пешеходам, предусмотрен в размере 300 рублей.

Однако при современной организации движения и работы ГИБДД такое решение может обернуться очередными поборами с автоладельцев. Часто водители просто не знают, что перед ними пешеходный переход. Знаков нет либо их не видно, разметка стерлась. Кроме того, существует еще одна проблема, заключающаяся в следующем. Есть такие места, в том числе в Москве, где пешеходы идут нескончаемым потоком. Водителю в данном случае остается только медленно пробираться через толпы людей или сигналами буквально упрашивать: «пропустите, пожалуйста, имейте совесть». Наверняка найдется инспектор, который при новых штрафах встанет на другой стороне такого перехода и будет останавливать каждого проехавшего сквозь строй пешеходов.

В связи с этим возникает множество вопросов, касающихся практической реализации правовых мер обеспечения безопасности пешеходов.

Департаментом обеспечения безопасности дорожного движения МВД России (далее: Департамент) регулярно осуществляется мониторинг соответствия ПДД РФ действующим нормам российского и международного законодательства, в том числе учитывается правоприменительная практика и обращения заинтересованных лиц и граждан по вопросам совершенствования отдельных положений ПДД РФ.

В настоящее время Департаментом прорабатываются предложения по внесению изменений в ПДД РФ. После их согласования с заинтересованными органами исполнительной власти проект будет опубликован на Интернет-сайте Госавтоинспекции МВД России для его широкого обсуждения общественными организациями и гражданами, которым будет предоставлена возможность внести свои замечания и предложения (URL: <http://www.gibdd.ru>).

Тем не менее информация о планируемых изменениях в ПДД РФ уже была озвучена 14 октября 2009 г. на семинаре «Повышение безопасности пешеходов», который провели Департамент и Российский союз автостраховщиков» (Баршев В. Указ. соч.).

По мнению начальника Научно-исследовательского центра безопасности дорожного движения МВД России В. Кондратьева, один из основных способов решить проблему состоит во внесении изменений в ПДД РФ. ГИБДД предлагает распространить обязанность двигаться с включенными фарами везде и повсеместно, тогда

пешеходам будет легче заметить приближающийся автомобиль. Кроме того, узаконить поправки, обязывающие водителя «на нерегулируемых пешеходных переходах уступать дорогу не только ее переходящим, но и тем, кто явно обозначает намерение начать переход».

В. Баршев справедливо отмечает, что формулировка «обозначает намерение начать переход» является довольно расплывчатой. Каким образом водитель сможет понять, что человек, стоящий на тротуаре, именно собирается начать переход? Может быть, он просто разглядывает вывеску на противоположной стороне?

В данном случае представляется необходимым не только на законодательном уровне закрепить ряд мер, ужесточающих ответственность водителей за нарушения, связанные с обеспечением безопасности пешеходов, но и

внести легальное определение понятия «обозначение пешеходом намерения начать переход». Это, на наш взгляд, позволит избежать множества практических проблем.

Таким образом, мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения необходимо проводить комплексно. Такой подход охватывает, в частности, технические меры, мероприятия правового характера, которые должны основываться на всестороннем изучении как иностранного, так и отечественного опыта в данной сфере (Эльвик Р., Мюсен А. Б., Ваа Т. Справочник по безопасности дорожного движения / под ред. В. В. Сильянова. М., 2001). Кроме того, учитывая специфику рассматриваемой группы отношений, многое зависит от уровня правовой культуры участников дорожного движения.

Библиографический список

1. Эльвик, Р. Справочник по безопасности дорожного движения / Р. Эльвик, А. Б. Мюсен, Т. Ваа ; под ред. В. В. Сильянова. – М., 2001.
2. Баршев, В. Пешехода придется любить / В. Баршев // Рос. газ. – 2009. – 15 окт.
3. Баршев, В. Переходное право / В. Баршев // Рос. газ. – 2009. – 12 мая.

Bibliographical list

1. *Elvik, R.* The Handbook of Road Safety Measures. Trans from Norwegian, Under the Editorship of Prof / R. Elvik, A. B. Mysen, T. Vaa ; ed. by V. V. Sillianova. – M., 2001.
2. *Barshev, V.* Peshehoda Pridietsa Lubit / V. Barshev // Rus. Newspaper. – 2009. – Oct. 15.
3. *Barshev, V.* Perehodnoe Pravo / V. Barshev // Rus. Newspaper. – 2009. – May 15.

А. Е. Михайлов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России

A. Ye. Mikhailov,
teacher of the department of criminal law and criminology
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia

**РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЙ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ,
ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ НЕТРАДИЦИОННЫМ СПОСОБОМ**
**Role of Diagnostics in Manufacture of Presentations for an Identification Which is Carried Out by
a Nonconventional Way**

Аннотация. В представленной статье рассмотрены теоретические основы криминалистической диагностики и дано ее авторское определение. Изучены примеры использования приемов криминалистической диагностики в рамках предъявления для опознания. Рассмотрена роль криминалистической диагностики в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая диагностика, следственные действия, предъявление для опознания, преступление.

Annotation. The paper is devoted to consideration of theoretical foundations of forensic diagnostics and its definition given by the author. The author provides examples of the use of forensic diagnostics techniques employed in presentation for identification. The role of forensic diagnostics in crime investigation and solving is also studied.

Key words: forensic diagnostics, investigative activities, presentation for identification, crime.

При изучении проблемы применения нетрадиционных способов предъявления для опознания необходимо опираться на методологическую базу данного следственного действия. Предъявление для опознания, являясь по своей сути разновидностью следственной формы криминалистической идентификации, использует методы идентификационного исследования. Однако нередко идентификационные исследования, проводимые в ходе предъявления для опознания, сопровождаются осуществлением и неидентификационных исследований, которые, как правило, способствуют формированию не менее значимого результата рассматриваемого следственного действия, а в ряде случаев играют первостепенную роль. К таким неидентификационным исследованиям профессор В. А. Снетков совершенно правильно, на наш взгляд, относит криминалистическую диагностику (Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Снеткова. М., 1993. С. 3). Если сравнивать идентификацию и диагностику по главенствующим целям и задачам, то обнаруживается не только закономерное совпадение в общей, идеальной цели, связанной с получением доказательств по уголовному делу, но и явное сходство в задачах, заключающихся в изучении признаков с последующим установлением исследуемого объекта, имеющего значение для раскрытия и расследования преступления. Это связано с однородной теоретической базой рассматриваемых способов познания, а также с их практическим взаимодействием.

Слово «диагностика» происходит от греческого *diagnōstikós*, т. е. способный распозна-

вать (Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко, В. И. Комиссарова. М., 2007. С. 68). В отечественной науке понятие криминалистической диагностики было сформулировано в начале 70-х гг. XX в. При этом криминалистическая диагностика рассматривалась как учение о закономерностях распознавания криминалистических объектов по их признакам. Фундаментальное развитие теоретические положения криминалистической диагностики получили в 1980-е гг. Именно в этот период сформировались различные точки зрения относительно роли и места диагностики в науке криминалистики. Представителями разных подходов криминалистическая диагностика рассматривается как частный метод познания (Дубровин С. В. Криминалистическая диагностика : учеб. пособие. М., 1989. С. 8), самостоятельное учение (Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 154) или частная криминалистическая теория (Дубровин С. В. Указ. соч. С. 9). Последняя позиция в определении значения криминалистической диагностики нам наиболее близка. Действительно, криминалистическая диагностика с учетом существующих разработок в области определения предмета и объекта, а также методики и тактики исследования в настоящее время, как нам кажется, перешагнула границу обычного учения, достигнув уровня частной теории. В связи с этим стоит обратить внимание на существование позиции, рассматривающей возможность объединения различных методов познания, в том числе и диагностики, в общую криминалистическую теорию распознавания (Драпкин Л. Я., Карагодин В. П. Криминалистика : учебник. М., 2008.

С. 31). Основным структурным разделом данной теории распознавания, в соответствии с предложенным подходом, стала бы наиболее разработанная теория идентификации. В целом мы поддерживаем подобную интеграционную позицию, поскольку формирование общей криминалистической теории распознавания позволило бы, по нашему мнению, более широко использовать потенциал различных научных методов в процессе раскрытия и расследования преступлений и дало бы толчок к дальнейшему развитию частных криминалистических теорий. Данный интеграционный процесс, безусловно, отразится и на теории следственных действий, в частности, будет способствовать исследованию потенциала и сфер применения предъявлений для опознания, в том числе осуществляемых нетрадиционными способами. Проблемы предъявления для опознания объектов, не охваченных установленным законодателем перечнем, равно как и опознание объектов, произведенных посредством иных, нежели зрение, органов чувств, рассматриваются нами в нетрадиционном аспекте, поскольку не соответствуют выработанному законодателем подходу к данному следственному действию, хотя в ряде случаев имеют место быть в практике органов, осуществляющих предварительное расследование (Михайлов А. Е. Проблемные вопросы допустимости использования нетрадиционных источников получения информации при производстве предъявления для опознания // Вестн. Владим. юрид. ин-та. Владимир, 2008. № 4(9). С. 185).

Возвращаясь к методологическим основам идентификационных и неидентификационных исследований, стоит заметить, что предметом криминалистической диагностики традиционно рассматривается познание закономерностей изменений, которые произошли в результате совершения преступления, а также причин и условий этих изменений, осуществляемое на основе изучения свойств и состояний взаимодействовавших объектов для установления механизма преступного события в целом либо отдельных его фрагментов (Ищенко Е. П. Криминалистика : курс лекций. М., 2008. С. 33 ; Корухов Е. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : науч.-практ. пособие. М., 1998. С. 96). В данном случае диагностика представляет собой процесс установления природы, свойств или состояний объекта, относящегося к совершенному им преступлению, в сравнении его с другими, не связанными с преступлением объектами. Предметом исследования криминалистической идентификации принято считать процесс познания зако-

номерностей возникновения отображения как результата действия (в том числе преступного события), закономерных возможностей установления по этому отображению свойств отобразившегося объекта или явления (находящегося в прямой или предполагаемой связи с событием преступления), закономерностей использования полученных данных для установления истины по уголовному делу (Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 83).

Следует заметить, что и при криминалистической диагностике, и при криминалистической идентификации изучаются свойства и признаки отдельных объектов для последующего их сравнения. Промежуточной целью идентификации является отождествление индивидуально определенного объекта, в то время как промежуточная цель диагностики заключается в установлении конкретных ситуаций, исследованных по отображениям при сравнении с типичными ситуациями, досконально изученными прежде (Хариев Н. И. К вопросу о криминалистической диагностике в судебной экспертизе // Современные тенденции управления расследованием преступлений : сб. науч. тр. М., 2006. С. 230). И в том, и в другом случаях преследуется одна и та же общая цель – сбор доказательств по уголовному делу. Поэтому идентификационные и диагностические исследования, осуществляемые при предъявлении для опознания, важны и востребованы при раскрытии и расследовании преступлений.

Объекты криминалистической диагностики, как правило, делятся на главные (устанавливаемые, диагностируемые), находящиеся в известной или предполагаемой связи с событием расследуемого преступления, и вспомогательные (устанавливающие, диагностирующие), не связанные с данным преступлением (Дубровин С. В. Указ. соч. С. 11). Диагностируемыми объектами могут быть как определенные материальные объекты, например, вещественные доказательства, так и состояния материальных объектов, содержащие особенности их природы, временных и пространственных характеристик, причинных связей и действий, например, место и расстояние, с которого был произведен выстрел. В качестве диагностирующих объектов в исследованиях нередко используются научные сведения, снимки из каталога, статистические данные.

Одним из характерных отличий диагностики от идентификации является и то, что при идентификации устанавливаемый объект обязательно должен существовать материально, а при диагностировании он может находиться в соз-

нении очевидцев и исследователя. Например, определенная криминогенная ситуация, породившая преступление, как объект криминалистического диагностирования объективно существовала лишь в определенный период и на момент ее диагностирования является уже частью истории. Еще одно немаловажное отличие диагностики от идентификации связано с устанавливаемым объектом. При диагностировании устанавливающий (диагностирующий) объект часто не имеет отношения к событию конкретного расследуемого преступления. Так, для диагностирования возможности повесного восприятия признаков внешности нападавшего в ночное время суток на плохо освещенной улице с последующим узнаванием преступника роль диагностирующего объекта будет играть смоделированная обстановка, аналогичная сопровождающей совершение преступления. Примером этого может являться уголовное дело № 20623 по факту причинения гр-ном К. тяжких телесных повреждений гр-ну Б., произошедшего в ночное время суток в безлюдном месте. Потерпевший Б. в своих показаниях пояснил, что, несмотря на ночное время суток и трудности восприятия, он разглядел отдельные части лица нападавшего на него г-на К., которые и позволили ему в последующем узнать последнего при случайной встрече. Для проверки правдивости показаний потерпевшего Б. был проведен следственный эксперимент, в ходе которого потерпевший в течение заранее определенного промежутка времени наблюдал внешность незнакомого ему молодого человека, предъявленного впоследствии ему для опознания. В результате предъявления для опознания потерпевший Б. опознал наблюдаемое им в рамках следственного эксперимента лицо. Этот факт и завершил этап диагностического исследования рассмотренной ситуации, а результаты проведенных следственных действий были использованы в формировании доказательственной базы, уличающей гр-на К. в совершении преступления (Архив Собин. район. суда Владим. обл. Уголов. дело № 20623).

В отличие от диагностических исследований в процессе криминалистической идентификации изучаемые объекты должны находиться как минимум в предполагаемой или опосредованной связи с конкретным событием преступления (Дубровин С. В. Указ. соч. С. 10).

Необходимо упомянуть, что методологическая основа криминалистической диагностики, по своей сути, базируется на теоретических положениях криминалистической идентификации. Это обнаруживается в первую очередь в том, что и при криминалистической диагности-

ке, и при криминалистической идентификации используется метод сравнения (Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы. С. 3). Однако кроме метода сравнения особую роль в криминалистическом диагностировании играют построение и проверка гипотез (версий) как проявление метода моделирования. Следственная версия в данном случае рассматривается как обоснованное предположение относительно события преступления, его отдельных элементов либо происхождения и связи доказательственных фактов (Хариев Н. И. Указ. соч. С. 231). Особое значение метода моделирования, используемого при криминалистической диагностике, на наш взгляд, указывает на достаточную самостоятельность в методологическом подходе рассматриваемой частной криминалистической теории по отношению к криминалистической идентификации.

Рассмотрев теоретическую основу криминалистической диагностики, ее возможности и цели, мы склонны согласиться с представленной Ю. Г. Коруховым классификацией диагностических задач в криминалистике, включающей в себя: изучение свойств и состояния объекта при его непосредственном исследовании либо при исследовании отображений; диагностирование криминальной ситуации на основании исследования результатов действия, объектов или их отображений; установление причинной связи событий и действий (Корухов Ю. Г. Указ. соч. С. 75). Однако, на наш взгляд, данную классификацию можно дополнить задачей, связанной с исследованием личности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого в контексте возможности указанных лиц достоверно воспринимать или воспроизводить тот или иной объем информации.

В соответствии с проведенным исследованием и с учетом самостоятельного значения и индивидуальных особенностей, позволяющих рассматривать криминалистическую диагностику как частную криминалистическую теорию, автор склонен рассматривать *криминалистическую диагностику как совокупность действий специально уполномоченных лиц, осуществляемых в рамках действующего законодательства, заключающихся в исследовании объектов материального мира и их взаимосвязей в процессе совершения преступления, для познания закономерностей механизма следообразования, изменения состояний и свойств объектов, развития события преступления с целью установления связи того или иного объекта с расследуемым преступным событием.*

Таким образом, результаты проведенного нами исследования подтверждают немаловажное значение и роль криминалистической диагностики в процессе раскрытия и расследования преступлений. Вместе с тем в настоящей работе затронут вопрос, связанный с развитием теоретических основ всеобщей криминалистической теории распознавания, одним из структурных элементов которой должна явиться криминалистическая диагностика. Одновременно нами были выявлены перспективность и

диагностическая значимость сведений, получаемых в результате производства предъявления для опознания. По нашему мнению, в ближайшее время вопросы, связанные с возможностями нетрадиционных способов предъявления для опознания, не только не потеряют своей актуальности, но и придадут положительный импульс развитию данного следственного действия, что закономерно скажется на увеличении его востребованности в практике расследования уголовных дел.

Библиографический список

1. *Дубровин, С. В.* Криминалистическая диагностика : учеб. пособие / С. В. Дубровин. – М., 1989.
2. *Корухов, Е. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : науч.-практ. пособие / Е. Г. Корухов. – М., 1998.
3. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
4. *Михайлов, А. Е.* Проблемные вопросы допустимости использования нетрадиционных источников получения информации при производстве предъявления для опознания / А. Е. Михайлов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – Владимир, 2008. – № 4(9).
5. Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Снеткова. – М., 1993.
6. *Хариев, Н. И.* К вопросу о криминалистической диагностике в судебной экспертизе / Н. И. Хариев // Современные тенденции управления расследованием преступлений : сб. науч. тр. – М., 2006.

Bibliographical list

1. *Dubrovin, S. V.* Forensic Diagnostics: Teaching Manual / S. V. Dubrovin. – M., 1989.
2. *Korukhov, Ye. G.* Forensic Diagnostics in Crime Investigation / Ye. G. Korukhov. – M., 1998.
3. Forensic Studies / ed. by N. P. Yablokov. – 3-rd ed. – M., 2005.
4. *Mikhailov, A. Ye.* Debatable Issues of Permissibility of the Use of Non-Traditional Sources while Getting Information in Presentation for Identification / A. Ye. Mikhailov // Vladimir Law Institute Bulletin. – 2008. – № 4(9).
5. Specific Examination of Certain Objects by Means of Traditional Forensic Analysis: Teaching Manual / ed. by V. A. Snetkov. – M., 1993.
6. *Khariev, N. I.* On the Problem of Forensic Diagnostics in Forensic Examination / Modern Trends in Crime Investigation Management / N. I. Khariev. – M., 2006.

Р. Д. Оздоев,
адъюнкт кафедры
организации уголовного процесса
Академии управления МВД России

R. D. Ozdоеv,
adjunct of organization of criminal proceedings
Academy of Management Ministry
of Internal Affairs of Russia

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Organization of Interaction of Bodies of Investigation and Inquiry at the Pretrial Stages of Criminal Proceedings

Аннотация. В статье исследуются проблемы взаимодействия оперативных аппаратов ОВД, следствия и дознания, возникающие на досудебных стадиях при расследовании преступлений. Достаточно подробно рассмотрены организационные, правовые и тактические аспекты такого взаимодействия. Особое внимание уделено деятельности следственно-оперативной группы при выезде на место происшествия и проведении следственных действий по раскрытию и расследованию отдельных видов преступной деятельности.

Ключевые слова: орган следствия, дознание, следственно-оперативная группа, возбуждение уголовного дела, оперативно-розыскная деятельность, дежурная часть ОВД, взаимодействие, информация, следователь, оперативный работник, расследование преступлений.

Annotation. This article investigates the problem of interaction of operational units ATS, inquiries and investigations arising in the pre-trial stages in the investigation of crimes. In considerable detail the institutional, legal and tactical aspects of such interaction. Particular attention is paid to the activities of the investigative and operational groups at the exit to the scene and conducting investigations on detection and investigation of certain types of criminal activity.

Key words: authority investigation, inquiry, investigation group, criminal proceedings, the operational-search activity, the duty of the ATS, interaction, information, the investigator, the operations staff, the investigation of crimes.

Взаимодействие органов следствия и дознания, как правило, начинается на этапе решения вопроса о возбуждении уголовного дела и осуществляется на протяжении всего досудебного производства по делу. На этапе возбуждения уголовного дела инициатором взаимодействия может быть как следователь, так и орган дознания в зависимости от повода к возбуждению уголовного дела, реализации оперативных материалов или принятия решения по результатам рассмотрения заявления и сообщения, прямо указывающего на преступление, в том числе требующего немедленного вмешательства работников органа дознания и следователя для пресечения преступления и закрепления его следов.

Порядок реализации оперативной информации определяется ведомственными нормативными актами. По ним оперативный сотрудник, полагая, что в собранных оперативным путем материалах достаточно данных, указывающих на наличие признаков состава преступления, по которому предварительное следствие обязательно, докладывает об этом непосредственному начальнику. Получив его согласие на реализацию оперативных материалов, он заблаговременно предоставляет их для ознакомления начальнику следственного подразделения и следователю, которые в 10-дневный срок, а в неотложных случаях незамедлительно оценивают их с точки зрения достаточности имеющихся данных для возбуждения уголовного дела.

Критерием оценки готовности оперативных материалов для возбуждения уголовного дела является наличие в них достаточных данных,

указывающих на признаки преступления, а именно сведений о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены, при каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления, а также сведений о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), очевидцах преступления (если они известны), местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Сведения, содержащиеся в них, должны позволять сделать вывод о наличии события и его противоправности (Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН России № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17 апр. 2007 г. // Рос. газ. 2007. 16 мая).

Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) могут представляться в виде обобщенного официального сообщения (справки-меморандума) или в виде подлинников соответствующих оперативно-служебных документов. Представляемые материалы должны сопровождаться информацией о времени, месте и обстоятельствах изъятия в ходе ОРД предметов и документов, получения видео- и аудиозаписей, кино- и фотоматериалов, копий и слепков, должно быть приведено описание индиви-

дуальных признаков указанных предметов и документов. Допускается представление материалов в копиях. В этом случае оригиналы материалов хранятся в оперативном подразделении до завершения судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу. Если содержащиеся в оперативных материалах данные не позволяют принять решение о возбуждении уголовного дела, начальник следственного подразделения (следователь) возвращает их через начальника органа внутренних дел с письменным изложением обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела, и мероприятий, подлежащих выполнению для устранения имеющихся пробелов. Выполнив данные ему указания, оперативный работник вновь направляет доработанные в указанном выше порядке материалы через начальника следственного подразделения, как правило, тому же следователю для принятия решения в соответствии с требованиями УПК РФ.

При несогласии с выводами начальника следственного подразделения (следователя) руководитель органа внутренних дел направляет все материалы со своими письменными возражениями вышестоящему руководителю следственного подразделения, который в 10-дневный срок, а при необходимости незамедлительно принимает решение по существу (Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений : утв. приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334. Пп. 4.1–4.7. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Оперативная проверка проводится и в случае поступления заявления или сообщения, из которых нельзя сразу сделать вывод о наличии признаков преступления. Здесь она сводится к установлению доказательств того, что в действительности совершено преступление и отсутствуют обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела. При этом органам дознания запрещается производить следственные действия, поскольку процессуальным основанием для этого является акт возбуждения уголовного дела. При отсутствии возможностей проведения оперативно-розыскных мероприятий по поручению органа дознания, следователя, указанию прокурора им в течение трех дней с момента получения поручения направляется мотивированное письмо за подписью руководителя органа, на который было возложено исполнение данного поручения. Однако, как показывает практика, отмечаются случаи возвращения органу дознания материалов для доработки, когда имеются достаточные основания для возбуждения уголовного дела, а доработка

может проводиться параллельно с расследованием. Поэтому на уровне ведомственных нормативных правовых актов особо оговаривается, в частности, недопустимость передачи составленного следователем протокола осмотра места происшествия и других собранных материалов при наличии признаков подследственного ему преступления в подразделения, выполняющие функции органов дознания. Вместе с тем необходимо также учитывать, что без должной требовательности со стороны следователя к представляемым материалам в последующем приходится прекращать уголовные дела, возбужденные по недостаточно подготовленным материалам.

Рассмотрим взаимодействие органов следствия и дознания при поступлении заявлений и сообщений, требующих немедленного вмешательства сотрудников этих органов для пресечения преступления и закрепления его следов. Для этого используется такая форма взаимодействия, как совместная работа дежурной следственно-оперативной группы, организация которой в органах внутренних дел возложена на дежурную часть с момента поступления туда сообщения о преступлении. Оперативный дежурный принимает меры немедленного реагирования, привлекает наряды патрульно-постовой и дорожно-патрульной служб для пресечения преступления, обеспечения охраны места происшествия, перекрытия возможных путей отхода лиц, совершивших преступление, блокирования мест их укрытия и задержания, установления очевидцев; незамедлительно организует выезд на место происшествия следственно-оперативной группы (СОГ), обеспечив их средствами связи, криминалистической техникой и транспортом. В случае необходимости он обеспечивает участие в осмотре места происшествия специалистов соответствующего профиля в области судебной медицины, баллистики, взрыво- и пожаротехники и других, а также привлечение дополнительных сил и средств для раскрытия преступлений по «горячим следам».

Большое значение при этом имеет поддержание связи с СОГ для получения постоянной информации об оперативной обстановке с целью принятия дополнительных мер. В соответствии с п. 2.1 Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений дежурный инициативно и по запросам руководителей СОГ организует получение необходимых сведений из имеющихся банков данных и обеспечивает их своевременное предоставление группе. О совершении преступления и выезде СОГ дежурный незамедлительно докладывает начальнику горрайлинооргана или ответственному от руководства и в дежурную часть вышестояще-

го органа, в последующем информирует их о результатах работы СОГ. Кроме того, он ориентирует другие органы внутренних дел о совершенном преступлении, приметах преступников, похищенных предметах и других обстоятельствах, принимает меры к установлению личности погибших, а также пострадавших, доставленных в медицинские учреждения. Следователь, реализуя процессуальную самостоятельность и независимость, по прибытии на место происшествия берет на себя руководство СОГ, определяет порядок ее работы, обеспечивает согласованную деятельность всех ее членов. Совместно с членами СОГ он изучает первоначальные материалы, изъятые следы и иные вещественные доказательства и на основе полученной информации планирует и осуществляет неотложные мероприятия по раскрытию преступления; дает поручения и указания оперативным сотрудникам и работникам других служб о производстве розыскных и поисковых мероприятий, а по результатам осмотра места происшествия принимает решение в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. При этом следователь несет персональную ответственность за качество, полноту и результативность осмотра, применения криминалистических средств и методов, сбор, упаковку и сохранность изъятых следов и иных вещественных доказательств. Через дежурного по органу внутренних дел он привлекает к участию в осмотре специалистов различного профиля – сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел и других ведомств, а также дополнительные силы для оказания помощи при осмотре больших по площади территорий, в случае необходимости истребует дополнительные технические средства. Оперуполномоченный, в свою очередь, осуществляет необходимые оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные законом, по обнаружению и задержанию лиц, совершивших преступление, установлению очевидцев, мест хранения и сбыта похищенного, для проведения которых взаимодействует с сотрудниками других служб органов и подразделений внутренних дел и иных ведомств, по поручению следователя производит следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, сообщает в дежурную часть сведения о характере преступления, приметах подозреваемых, похищенного, а также другие данные, имеющие значение для поиска и задержания преступников, о результатах проделанной работы информирует следователя (в письменной форме) и своего непосредственного начальника.

Определенные особенности имеются в организации деятельности СОГ, структура которой во многом обусловлена спецификой некоторых преступлений, в частности связанных с посяга-

тельствами на культурные ценности. Состав СОГ комплектуется из опытных, наиболее квалифицированных следователей и оперативных сотрудников правоохранительных органов, специализирующихся по линии борьбы с преступными посягательствами на культурные ценности (Инструкция по взаимодействию правоохранительных органов Российской Федерации при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности России : утв. приказом Ген. прокуратуры РФ № 69, МВД РФ № 777, ФСБ РФ № 425, ГТК РФ № 700 от 25 нояб. 1997 г. П. 2.6 // Тамож. ведомости. 1998. № 2).

Организация деятельности СОГ при расследовании экономических преступлений имеет свои особенности, поскольку здесь возникают проблемы обеспечения взаимодействия с ревизионными аппаратами, работники которых, несмотря на то, что не входят в состав таких групп, как правило, являются самыми активными участниками взаимодействия. Без наличия специальных познаний в области контрольно-ревизионной работы осуществление надлежащего контроля и направление работы ревизоров в соответствии с интересами расследования крайне затруднительно. Поэтому сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями (далее: БЭП) должны обладать в достаточной мере соответствующими знаниями, а лучше – иметь экономическое образование. Такой подход оправдан и по другим расследуемым делам. Так, еще приказом МВД СССР от 30 апреля 1990 г. № 186 «О мерах по совершенствованию взаимодействия служб органов внутренних дел в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных с пожарами» (Документ утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс») было предусмотрено создание в МВД, ГУВД, УВД, УВДТ, УЛИТУ для расследования крупных пожаров постоянно действующих СОГ, включающих опытных, прошедших специальную подготовку следователей, работников уголовного розыска, БЭП, пожарной охраны, экспертов пожарно-технических лабораторий и экспертно-криминалистических подразделений.

После поступления уголовного дела от органа дознания к следователю характер взаимодействия зависит от того, обнаружено ли лицо, совершившее преступление. В случае его установления орган дознания должен изложить следователю свои соображения, направленные на успешное проведение расследования уголовного дела, сообщить полученные к этому моменту с помощью оперативно-розыскных мер данные, которые могут быть использованы для проведения следственных действий или способствовать полному, всестороннему и объективному установле-

нию всех обстоятельств преступления. При возникновении необходимости в даче поручения органу дознания о производстве дополнительных оперативно-розыскных мер или отдельных следственных действий взаимодействие между ними осуществляется в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством формах. Взаимодействие по делу, возбужденному самим следователем или поступившему в его производство от органа дознания, когда лицо, совершившее преступление, не установлено, осуществляется в рамках ч. 4 ст. 157 УПК РФ, согласно которой орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах. Если же для закрепления данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, требуется производство следственных действий, орган дознания ставит об этом в известность следователя. Последний либо осуществляет их самостоятельно, либо поручает сделать это органу дознания (Чувилев А. А. Взаимодействие уголовно-процессуального и оперативно-розыскного права // Ученые, научные школы и идеи : юбилейный сб. науч. тр. М., 1995. С. 53–56). Широко используются при этом и такие организационные формы взаимодействия, как совместное планирование, проведение совещаний. Взаимодействие не прекращается и в случае приостановления производства по уголовному делу на основании ст. 208 УПК РФ, поскольку принятие такого решения следователем не может рассматриваться как его отказ от познавательной деятельности, направленной на раскрытие преступления и установление истины. Поэтому ст. 209 УПК РФ обязывает следователя принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а если такое лицо установлено, но скрылось от следствия либо его местонахождение не установлено, то – меры по его розыску и установлению места нахождения.

В последнем случае он поручает розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление (ч. 1 ст. 210 УПК РФ).

Очевидно, что в данных условиях основную работу по приостановленному делу выполняет орган дознания, несмотря на то, что само дело находится в производстве у следователя. Вместе с тем указанное обстоятельство не означает устранения последнего от поисковой деятельности, поскольку эффективность розыска обвиняемого органом дознания во многом обусловлена деятельностью следователя как до, так и после приостановления производства по делу. В связи с этим предложены рекомендации по организации

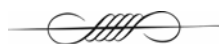
их совместной работы, в том числе в части разработки розыскных версий, согласования планов розыскной работы во избежание дублирования розыскных действий (Там же. С. 38).

Особое значение здесь приобретает взаимный обмен информацией, несмотря на то, что она часто носит односторонний характер: ее основным источником становится орган дознания, который обязан информировать о результатах проведенных оперативно-розыскных и розыскных мероприятий, в том числе о задержании и установлении местопребывания обвиняемого. В случае приостановления уголовного дела в связи с неустановлением виновного организация взаимодействия зависит прежде всего от того, остается ли дело у того же следователя, приостановившего его производство, или оно передается другому. Тем более, что в крупных следственных подразделениях один или несколько следователей специализируются исключительно на работе по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях. Они же ведут следствие после возобновления по ним производства. Подобная специализация возможна и среди оперативных работников. В остальных случаях работа продолжается на основе имеющегося согласованного плана работы по делу, который пересматривается исходя из сложившейся обстановки.

При возникновении необходимости в производстве отдельных следственных действий (допрос, обыск, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления) оперативному работнику следует согласовать этот вопрос со следователем, который в случае безотлагательного производства следственного действия может незамедлительно вынести постановление о возобновлении расследования и имеет большие возможности, поскольку УПК РФ для принятия решений, не терпящих отлагательства, установлен уведомительный порядок (ст. 211).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Взаимодействие органов следствия и дознания начинается на этапе решения вопроса о возбуждении уголовного дела и осуществляется на протяжении всего досудебного производства по делу. Его инициатором может быть как следователь, так и орган дознания, которые реализуют таким образом имеющиеся в их распоряжении полномочия для решения стоящих перед ними общих задач по раскрытию и расследованию преступлений.

Выбор конкретных процессуальных и организационных форм взаимодействия, а также специфика их реализации определяются объемом поступающей информации, особенностями расследуемого преступления и сложившейся следственной (оперативной) ситуацией.

Библиографический список

1. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : [утв. приказом МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН России № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17 апр. 2007 г.] // Рос. газ. – 2007. – 16 мая.

2. Инструкция по взаимодействию правоохранительных органов Российской Федерации при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности России : [утв. приказом Ген. прокуратуры РФ № 69, МВД РФ № 777, ФСБ РФ № 425, ГТК РФ № 700 от 25 нояб. 1997 г.] // Тамож. ведомости. – 1998. – № 2.

3. Чувилев, А. А. Взаимодействие уголовно-процессуального и оперативно-розыскного права / А. А. Чувилев // Ученые, научные школы и идеи : юбилейный сб. науч. тр. – М., 1995.

Bibliographical list

1. Regulations of Presenting the Results of Criminal Detection to the Enquirer, Enquiry Agency, Investigator, Procurator or the Court : [conf. by the orders of the MHA of the RF № 368, the FSS of the RF № 185, the FSC of the RF № 481, the FSES of Russia № 184, the DM of the RF № 147 from Apr. 17, 2007] // Rus. Newspaper. – 2007. – May 16.

2. Regulations of Law Enforcement Agencies Interaction in Investigation and Solution of Crimes Concerning Encroachment upon the Cultural Treasures of Russia : [conf. by the orders of General Procurator's Office of the RF № 69, the MHA of the RF № 777, the FSS of the RF № 425, the SCC of the RF № 700 from Nov. 25, 1997] // Customs News. – 1998. – № 2.

3. Chuvilev, A. A. The Interaction of Criminal Procedure and Criminal Detection Law / A. A. Chuvilev / The Scientists, Scientific Schools and Ideas: Anniversary Collection of Scientific Works. – M., 1995.

М. Ю. Осипов,
*научный сотрудник негосударственного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Полицейская академия» (г. Тула)
кандидат юридических наук*

А. Ю. Соловьев,
*проректор по учебной и воспитательной работе
негосударственного образовательного
учреждения высшего профессионального
образования «Полицейская академия» (г. Тула)
кандидат педагогических наук*

M. Y. Osipov,
*the scientific employee of not state educational
establishment of the supreme education
«Police Academy»
candidate of law*

A. Y. Solovlev,
*the pro-rector on study of not state educational
establishment of the supreme «Police Academy»
candidate of pedagogical sciences*

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ОРГАНИЗАЦИЮ И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Concept and Features of Influence of Legal Regulation on Organization and Ability to Live of a Modern Society

Аннотация. В статье анализируются понятие правового регулирования, а также проблемы влияния правового регулирования на организацию и жизнедеятельность общества.

Ключевые слова: правовое регулирование, жизнедеятельность общества, эффективность, теория права.

Annotation. In this article the authors was analyzed the concept of legal regulation, and also a problem of influence of legal regulation on the organization and ability to live of a society.

Key words: legal regulation, ability to live of a society, efficiency, the theory of the right.

Одной из актуальных и не однозначно трактуемых проблем в теории права является проблема понятия правового регулирования.

Анализ существующих определений правового регулирования позволяет выделить следующие основные подходы к понятию правового регулирования:

1) правовое регулирование рассматривается как «единство трех взаимосвязанных компонентов: правотворчество, правореализация и применение юридической ответственности» (Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2003. Т. 1: Элементарный состав. С. 150);

2) правовое регулирование – специфическое юридическое воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, в том числе текстуальное (Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2004. С. 24 ; Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 623);

3) правовое регулирование – это воздействие государства на поведение участников общественных отношений с целью подчинить поведение отдельных субъектов установленному в обществе правопорядку (Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования. М., 1972. С. 19–21);

4) правовое регулирование есть воздействие на волю людей (Орзих М. Ф. Право и личность. Киев ; Одесса, 1977. С. 56);

5) правовое регулирование – это синоним правового воздействия (Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 16 ; Новик Ю. И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск, 1989. С. 50–62);

6) правовое регулирование является руководством общественными процессами при помощи права (Быстрижна Е., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1964. № 2. С. 15 ; Осипов М. Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 25).

По нашему мнению, правовое регулирование представляет собой образующее определенную систему нормативное юридическое воздействие на общезначимые, волевые, повторяющиеся, устойчивые общественные отношения, которые входят в предмет правового регулирования с целью их упорядочения, осуществляемое через определение основных элементов этих отношений (Осипов М. Ю. Указ. соч. С. 7, 30), тем самым способствует устранению рассогласования между существующим и должным состоянием социальной жизни.

Возникает вопрос: каким образом правовое регулирование способствует организации и жизнедеятельности современного общества?

Чтобы дать ответ на данный вопрос, был проведен анализ особенностей целей и метода правового регулирования, результаты которого позволили выделить следующие основные направления воздействия права на общественные отношения:

1. Определение правового статуса субъектов общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования.

2. Определение правового режима объектов общественных отношений, в необходимых случаях – их характеристика.

3. Определение характера и содержания субъективных прав и обязанностей.

4. Определение оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений или субъективных прав и обязанностей и их характер (Исаков В. Б. Правовое регулирование и юридические факты // Правоведение. 1980. № 5. С. 34–35 ; Огородов Д. В. Правовые отношения в информационной сфере : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 56–57).

5. Определение вида норм права, источников (форм), в которых выражены нормы права, пределов действия этих источников во времени, в пространстве и по кругу лиц.

6. Определение способов и сроков реализации субъективных прав и обязанностей, а также процедуры правоприменения (Осипов М. Ю. Указ. соч. С. 87).

Именно благодаря этим направлениям общественным отношениям, входящим в предмет правового регулирования, придается юридическая форма, т. е. статус правоотношений (Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 44). Придание общественным отношениям статуса правоотношений не может не способствовать организации социальной жизни общества, ибо организация социальной жизни предполагает: а) определение субъектов социальной жизни и их статуса; б) определение объектов социальной жизни и их режима; в) определение того, что должны и чего не должны делать субъекты социальной жизни. При этом встает вопрос: может ли право и правовое регулирование быть единственными организаторами социальной жизни? Ответ: нет, не может, поскольку, помимо общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, существуют и другие общественные отношения, которые не входят в предмет правового регулирования. Анализ общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, свидетельствует о том, что к таким отношениям можно отнести не любые общественные отношения, а общезначимые, волевые, повторяющиеся, устойчивые общественные отношения, которые урегулированы или должны быть урегулированы нормами права (Огородов Д. В. Указ. соч. С. 54 ; Осипов М. Ю. Указ. соч. С. 73 ; Черданцев А. Ф. Юридические конструкции их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 13).

Рассмотрение вопроса о роли правового регулирования в организации жизнедеятельности общества невозможно без исследования проблем эффективности правового регулирования. В юридической науке эффективность правового регулирования подразделяют на два вида: формальную и социальную.

Формальная эффективность правового регулирования определяется из соотношения реально достигнутого уровня правового регулирования с потенциально возможным. Она определяется либо методом экспертных оценок, либо по формуле:

$$\mathcal{E}_1 = 1 - N_1/Q_1,$$

где \mathcal{E}_1 – эффективность правового регулирования по данной функции правового регулирования; N_1 – число случаев, когда заданная функция по данному общественному отношению не осуществляется; Q_1 – общее число проанализированных случаев (Осипов М. Ю. Указ. соч.).

Социальная эффективность правового регулирования, на наш взгляд, должна определяться по формуле:

$$\mathcal{E}_i = U_{\text{поз}} - U_{\text{нег}} / P_1 \cdot U_{\text{махпоз}} + P_2 \cdot U_{\text{махнег}},$$

где \mathcal{E}_i – эффективность правового регулирования по данной функции; P_1 – вероятность достижения максимального потенциального уровня позитивных социальных последствий при осуществлении той или иной функции правового регулирования при заданных юридических средствах; P_2 – вероятность достижения максимального потенциального уровня негативных социальных последствий при осуществлении данной функции правового регулирования; $U_{\text{махпоз}}$ – максимальный потенциальный уровень позитивных социальных последствий, который может быть достигнут существующей системой правового регулирования при реализации тех или иных функций правового регулирования; $U_{\text{махнег}}$ – максимальный потенциальный уровень негативных социальных последствий, который может быть достигнут существующей системой правового регулирования при реализации тех или иных функций правового регулирования; $U_{\text{поз}}$ – реальный уровень позитивных социальных последствий, который был достигнут существующей системой правового регулирования при выполнении тех или иных функций правового регулирования; $U_{\text{нег}}$ – реальный уровень негативных социальных последствий, который был достигнут существующей системой правового регулирования при выполнении тех или иных функций правового регулирования; i – функция правового регулирования (Осипов М. Ю. Указ. соч. С. 133–149).

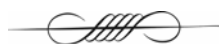
В отечественной юридической науке вопросам эффективности правового регулирования не уделялось достаточного внимания. Авторы большинства работ, посвященных данной проблеме, основными факторами, влияющими на эффективность правового регулирования, называют: совершенство законодательства, совершенство право творчества, совершенство правоприменения, совершенство правовой охраны (Эффективность

правовых норм / В. Н. Кудрявцев [и др.]. М., 1980). Другие ученые к числу факторов, влияющих на эффективность правового регулирования, относят «методы правового регулирования, которые обеспечивают неукоснительную реализацию закрепленных ими норм права в конкретных правоотношениях» (Сырых В. М. Указ. соч. М., 2004. Т. 2: Логика правового исследования. С. 275). Это «достигается органическим сочетанием дозволений и запретов, стимулов и санкций, прав и обязанностей, закреплением действительных способов защиты субъективных прав и другими способами» (Там же).

На наш взгляд, данный перечень факторов, влияющих на эффективность норм права, следует дополнить следующими: 1) адекватность целей правового регулирования существующим в обществе общественным отношениям; 2) адекватность целей правового регулирования существующим в обществе принципам правового регулирования; 3) адекватность способов правового регулирования заявленным целям правового регулирования; 4) соответ-

ствие способов правового регулирования принципам правового регулирования; 5) соответствие субъективных прав и обязанностей интересам субъектов права и общественным интересам; 6) адекватность юридических фактов социальным ситуациям (Исаков В. Б. Юридические факты // Общая теория государства и права. Академический курс. М., 2007. Т. 2); 7) наличие механизма, позволяющего привлекать лиц, нарушающих субъективные права и не исполняющих возложенные на них юридические обязанности, к ответственности, в особенности же должностных лиц; 8) адекватность содержания правового регулирования сложившимся общественным отношениям, входящим в предмет правового регулирования (Сырых В. М. Указ. соч. С. 275); 9) другие факторы.

Учет и анализ факторов, влияющих на эффективность правового регулирования, на наш взгляд, позволит разрабатывать более совершенные нормативные правовые акты и определять на научной основе пути совершенствования действующего законодательства.

Библиографический список

1. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – М., 2004.
2. Огородов, Д. В. Правовые отношения в информационной сфере : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
3. Осипов, М. Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
4. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права. В 3 т. Т. 2: Логика правового исследования / В. М. Сырых. – М., 2004.
5. Эффективность правовых норм / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М., 1980.

Bibliographical list

1. Malko, A. V. Stimuly and Restrictions in the Right / A. V. Malko. – M., 2004.
2. Ogorodov, D. V. The Legal Relation in Information Sphere : the Dissertation on Competition of a Scientific Degree of the Candidate of Jurisprudence. – M., 2002.
3. Osipov, M. Y. The Legal Regulation as Dynamic System: Concept, Structure and Functions : on Competition of a Scientific Degree of the Candidate of Jurisprudence. – M., 2008.
4. Sirih, V. M. Logic of the Basis of the General Theory of the Right. Logic of Legal Research / V. M. Sirih. – M., 2004.
5. Efficiency of Rules of Law / ed. by V. N. Kudryavtsev. – M., 1980.

А. В. Павлинов,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, доцент

A. V. Pavlinov,
assistant-professor of criminal law and criminology
of the Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia
doctor of law, assistant professor

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ: ВЗВЕШЕННЫЙ ПОДХОД **Criminalization and Decriminalization: the Weighed Approach**

Аннотация. Обращение к проблеме совершенствования уголовного законодательства РФ, осмысления современного направления вектора уголовной политики Российского государства приводит автора к выводу, что процессы криминализации/декриминализации не прямолинейны, часто опосредованно и с обратным от ожидаемого эффектом влияют на состояние преступности, численность спецконтингента в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, сфера уголовно-правового воздействия, санкции уголовно-правовых норм, хулиганство, псевдоэкстремизм, непубличная коррупция, судебское усмотрение.

Annotation. The appeal to the topic of improving the criminal law of Russian Federation, dealing with modern tendencies of Russian criminal policy made the author understand, that the processes of criminalization / decriminalization are not straightforward, they often are mediated and have a counter effect on the state of criminality, number of inmates in premises that provide isolation from the society.

Key words: criminalization, decriminalization, sphere of criminal law influence, measures of criminal law, hooliganism, pseudo extremism, nonpublic corruption, decision of the judge.

Обращение к обозначенной теме вызвано настоятельной необходимостью анализа изменений, сделанных в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее: УК РФ) в декабре 2008 г., устранения очевидных недостатков, внесения предложений по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства, осмысления современного направления вектора уголовной политики Российского государства.

Авторы предшествующих кардинальных поправок, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (Рос. газ. 2003. 16 дек.), подготовленных межведомственной рабочей группой под контролем заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации, так объяснили их необходимость: «Как показал анализ уголовного законодательства РФ и судебно-следственной практики его применения, многие уголовно-правовые нормы необходимо совершенствовать, а уголовная политика государства нуждается в гуманизации» (URL: <http://arhiv.kremlin.ru/text/docs/2003/03/40562.shtml>).

Разумеется, для выявления точной направленности изменений (шла ли речь о сужении, или расширении сферы уголовно-правового воздействия, усилении или смягчении карательного воздействия) нужно было обратиться и к уголовно-правовым нормам статей Особенной части УК РФ. Такое обращение выявило, что случаи законодательных реконструкций составов преступлений не дают оснований для однозначного вывода об одностороннем усилении или ослаблении механизма уголовно-правовой репрессии уголовного права (например, изменения, внесенные в ст. 118, 136, 137, 143, 168, 194, 196 УК РФ).

Анализ изменений в УК РФ на рубеже 2008–2009 гг. позволяет говорить об усилении тенденций карательного воздействия и общепреventивных целей уголовного закона. Федеральные законы: от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» (Рос. газ. 2008. 31 дек.), от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”» (Рос. газ. 2008. 30 дек.), от 22 декабря 2008 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» (Там же. 26 дек.) либо вводят новые виды наказаний в санкции уголовно-правовых норм, такие как лишение свободы или пожизненное лишение свободы (в частности, в ст. 281 «Диверсия»), либо ужесточают уже имеющиеся относительно определенные санкции в виде лишения свободы, повышая одновременно нижний и верхний пределы или только верхний предел (например, в 2 раза для квалифицированного вида злоупотребления полномочиями) либо устанавливая нижний предел наказания в виде лишения свободы при его отсутствии.

Одни из последних законодательских инициатив, исходящих от руководителей государства и силовых структур, ученых и правоприменителей, направлены: на усиление борьбы с экстремизмом, в том числе с терроризмом, эффективное обеспе-

чение охраны прав и свобод детей. Социально обусловлены и потому получают поддержку и одобрение в российском обществе предложения об исключении применения условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным за наиболее опасные проявления экстремистской деятельности, за посягательства на жизнь и здоровье, половую неприкосновенность детей и подростков.

Вместе с тем целесообразность, обоснованность и качество отдельных изменений, внесенных в УК РФ в последние годы, вызывают сомнение. В связи с этим мы вносим следующие предложения.

1. Считаю нецелесообразным существование п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ в нынешнем виде «псевдоэкстремизма», так как:

1) имеет место коллизия мотивации;

2) круг действий, описанных ею, включен в сферу запрета других статей УК РФ (гл. 16, 24, 29) и порождает излишнюю конкуренцию уже не только с такими составами преступлений против жизни и здоровья, как: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 214, но и ст. 282 УК РФ. Поэтому наличие п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ в нынешнем виде представляется излишним.

Хулиганство прежде рассматривалось как норма с двойной превенцией, направленная не только на защиту общественного порядка, но и личности. Уголовно-правовой запрет охранял спокойную жизнь граждан, соблюдение правил общежития и личную безопасность. Связь совершения хулиганских действий с другими, более опасными, общеуголовными преступлениями неоднократно подчеркивалась на доктринальном (Гришанин П. Ф. Юридическая квалификация хулиганских действий : лекция. М., 1969. С. 3–5 ; Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности. М., 1988) и законодательном уровнях (О практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» : постановление Президиума Верхов. Совета СССР от 13 окт. 1967 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1967. № 43, ст. 578).

Фактически хулиганской мотивации, понимаемой как «желание противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение» (О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1999. № 2), т. е. исключительно бытовой мотивации, не осталось. Теперь грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопряженное с конститутивным мотивом политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной, социальной вражды и ненависти, об-

разуется отдельную форму хулиганства (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Как сочетаются в этом искусственном образовании внутренне присущий хулиганству и общепризнанный мотив «самоутверждения», получивший признание в виде отягчающего обстоятельства ряда преступлений, и новый законодательно закрепленный мотив, в каком соотношении они находятся? Не внес ясности в этот вопрос и Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. (О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. 2007. 21 нояб.).

Вместе с тем нельзя не согласиться с исследователями в том, что деяния, совершаемые по таким идеологическим мотивам, — это уже преступления не против общественного порядка, а против основ конституционного строя и безопасности государства (Волженкин Б. Хулиганство // Уголов. право. 2007. № 5. С. 21). Если после вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ законодатель декриминализировал «простое» и «злостное» хулиганство (Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 53), то Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» (Рос. газ. 2007. 1 авг.), на наш взгляд, хулиганство декриминализировано в целом как деяние, посягающее на общественный порядок и обладающее в связи с этим особой юридической природой и значением. Статистика официально зарегистрированных преступлений по ст. 213 УК РФ за 2007–2008 гг. подтверждает резкий спад (на 28,7 % и 33 % соответственно) числа хулиганских действий, вызванных, как представляется, в первую очередь изменениями в кодифицированном акте в III–IV кварталах 2007 г. Чем это может обернуться, объясняя механизм двойной превенции, отмечал профессор Э. Ф. Побегайло. Поэтому присутствие п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ в виде «псевдоэкстремизма» считаю нецелесообразным.

Кстати, проект Федерального закона № 400063-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» (по вопросам совершенствования законодательства в части уголовной и административной ответственности за экстремистскую деятельность), внесенный депутатами Государственной Думы Н. Д. Ковалевым, М. В. Емельяновым и другими, предполагал включение лишь в качестве особо квалифицированного обстоятельства в ст. 213 УК РФ совершение деяния по мотиву идеологической, по-

литической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотиву ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Данное законодательное предложение об исключении одного из обязательных элементов состава хулиганства («мотива... ненависти или вражды»), безусловно, приведет к расширению сферы действия данного запрета и увеличению масштабов уголовной ответственности за хулиганство (на первых порах будет привлечено к ответственности большее число правонарушителей и может увеличиться численность осужденных в местах лишения свободы). Однако в последующем такие изменения оздоровят в целом криминальную ситуацию, связанную с насильственными посягательствами на личность, и значительно сократят число тех, кто совершает тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья и отбывает наказание в виде лишения свободы.

2. Для снижения уровня противоречивости уголовно-правовых запретов, относящихся к организованной преступной деятельности, следует в будущем исключить из УК РФ ст. 282.1 и 282.2. Ранее такие предложения как оптимальные выдвигались рядом исследователей (Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 15 ; Конституция – это закон и для Государственной Думы / В. Н. Кудрявцев [и др.] // Государство и право. 2007. № 5 ; Кузнецова Н. Ф. Нужна ли модернизация уголовного права? // Уголов. право. 2007. № 2. С. 135).

3. Статья 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» УК РФ частично дублирует ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» УК РФ. Последняя не охватывает лишь действия, связанные с публичным оправданием терроризма, которые могут быть введены в основной состав ст. 280 либо декриминализованы вовсе.

4. В последние годы в Российской Федерации принят ряд конкретных мер, направленных на борьбу с коррупцией. Ратифицированы Конвенция ООН против коррупции, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : федер. закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. 2006. 21 марта ; О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию : федер. закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Там же. 28 июля). Ведется работа по подготовке присоединения России к Конвенции по борьбе с подкупом должностных лиц

иностранцев государств при проведении международных деловых операций и вступлению в Организацию экономического сотрудничества и развития.

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ усилена ответственность за злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп. Санкции уголовно-правовых норм данных статей ужесточены и приведены в соответствие с санкциями уголовно-правовых норм ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и 290 «Получение взятки» гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК РФ.

Вместе с тем представляется не случайным, что в УК РФ российский законодатель формально разграничил публичные коррупционные преступления (преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – гл. 30) и непубличные коррупционные преступления (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – гл. 23). Последние действительно больше относятся к преступлениям в сфере экономики и при этом менее опасны. Асимметрию ответственности публичных и непубличных служащих не следовало однозначно воспринимать как законодательный просчет. При конструировании гл. 23 УК РФ были удачно решены взаимосвязанные задачи: минимизация вмешательства государства в экономическую и общественную деятельность (ст. 30, 34 Конституции Российской Федерации) и закрепление принципа диспозитивности уголовного преследования по статье гл. 23 УК РФ в ряде случаев.

Стремление России присоединиться к международно-правовым актам, к сожалению, не всегда соответствует складывающимся в стране реалиям, будь то сфера экономики, управления или законодательства. *В будущем считаем возможным восстановить статус-кво вполне обоснованной асимметрии уголовной ответственности за проявления публичной и непубличной коррупции.*

Занимаясь проблемами частичной декриминализации, экономии уголовной репрессии, научные работники, практики, законодатель, по справедливому замечанию отдельных ученых-юристов, должны анализировать поставленные на уровне политики задачи реконструкции диспозиций и санкций любых норм, институтов права, проверять альтернативы, проводить анализ законодательства по схеме «затраты – выгоды», изучать и оценивать ближайшие и отдаленные последствия вносимых предложений (Уголовный закон и интересы страны : обзор материалов науч. обсуждения на «круглом столе» // Государство и право. 2006. № 1. С. 107). Не прибегая к комплексному системному анализу действующего УК РФ и криминальных реалий, *остановимся и на предложениях о внесении измене-*

ний в отечественное уголовное законодательство в части снижения минимальных и максимальных пределов санкций Особенной части УК РФ для одних случаев (отдельных составов) конкретно, а для других концептуально.

1. Существенным ресурсом снижения карательного воздействия уголовно-правовых запретов санкций Особенной части УК РФ может послужить устранение рассогласования санкций основных и квалифицированных (особо квалифицированных) «целых» составов преступлений, с одной стороны, и санкций основных составов преступлений, выступающих частью (отягчающим или особо отягчающим признаком) «целых» конкурирующих норм, с другой. Примером подобного служат санкции за преступления против свободы (ч. 1 ст. 126 УК РФ – от 4 до 8 лет лишения свободы и п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ – от 8 до 20 лет лишения свободы), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы (ч. 1 ст. 131 УК РФ – от 3 до 6 лет лишения свободы и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ – от 8 до 15 лет лишения свободы) и санкция за такое преступление против жизни, как причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ – до 2 лет лишения свободы). Автоматическое арифметическое сложение вышеперечисленных санкций простых составов («похищение человека», «изнасилование») без отягчающего признака «повлекшее по неосторожности смерть» с санкцией ч. 1 ст. 109 УК РФ «причинение смерти по неосторожности» в результате не дает предполагаемого результата, сопоставимого с размером нижнего или верхнего предела вышеприведенных санкций квалифицированных (особо квалифицированных) составов конкурирующих норм, выступающих «целым» по отношению к «части» (ч. 1 ст. 109 УК РФ).

2. Возможно сузить предел субъективного судебного усмотрения путем уменьшения в ряде уголовно-правовых норм имеющегося широкого разрыва между нижним и верхним пределами санкции, выступающего почвой для коррупционных решений. В ряде случаев такой «зазор» достигает семи, а порой и двенадцати лет лишения свободы (например, санкции ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 228.1, ч. 3 ст. 229, ч. 2 и 3 ст. 209 УК РФ и др.). Такое положение можно исправить в первую очередь путем снижения верхнего предела наказания, ис-

пользованием альтернативных абсолютно определенных санкций.

В заключение отметим, что процессы криминализации/декриминализации не прямолинейны, часто опосредованно и с обратным от ожидаемого эффектом влияют на состояние преступности, численность спецконтингента в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Взаимосвязь между анализируемыми процессами наиболее очевидна при изменении норм с двойной превенцией.

Мы обратились к проблеме криминализации/декриминализации и по поручению руководства Владимирского юридического института и Научно-исследовательского института ФСИН России в связи с выработкой предложений по декриминализации преступлений и ее влиянием на сокращение численности осужденных в местах лишения свободы (в рамках реализации плана мероприятий по выполнению поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № ПР-2333, от 7 ноября 2008 г. № ССП4-6666 и п. 3.4.2 плана НИОКР ВЮИ ФСИН России на 2009 г.), а также распоряжением ФСИН России от 13 апреля 2009 г. № 82-р (о внесении изменений в законодательство Российской Федерации в части снижения минимальных и максимальных пределов санкций Особенной части УК РФ). Они вписываются в поручение Президента Российской Федерации, данное им на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» в г. Вологде 11 февраля 2009 г., о разработке мер, касающихся декриминализации общества и применения альтернативных лишению свободы мер наказания. И в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (на период до 2020 года), и на заседании Госсовета подчеркивалась мысль о декриминализации, «но по тем составам, по которым у специалистов и в обществе существует консенсус, что такого рода действия не должны подлежать ответственности в уголовном порядке» (URL: http://arhive.kremlin.ru/appears/2009/02/11/2205_type63378_212802.shtml).

Полностью разделяя такую позицию, мы считаем, что и криминализация должна быть не только социально обусловлена, но выверена и просчитана.

Библиографический список

1. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М., 2006.
2. Волженкин, Б. Хулиганство / Б. Волженкин // Уголов. право. – 2007. – № 5.
3. Конституция – это закон и для Государственной Думы / В. Н. Кудрявцев [и др.] // Государство и право. – 2007. – № 5.

Bibliographical list

1. Alekseev, A. I. Russian Criminal Policy: Overcoming of Crisis / A. I. Alekseev, V. S. Ovchinski, E. F. Pobegailo. – M., 2006.
2. Volzhenkin, B. Hooligany / B. Volzhenkin // Criminal Law. – 2007. – № 5.
3. Constitution is the Law for the State Duma as Well / V. N. Kudryavcev, N. F. Kuznetsova, V. S. Komissarov, V. V. Lunev // State and Law. – 2007. – № 5.

Н. В. Павличенко,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент

N. V. Pavlichenko,
the deputy chief of operatively-search activity chair
of Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
candidate of law, assistant professor

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ ПО СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ,
ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
**Problems of Realization of the State Guarantees on Social and a Legal Protection of the Persons Assisting Bodies,
Carrying out Crime Detection Activity**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации государственных гарантий по социальной и правовой защите лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Автор анализирует нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы социальной и правовой защиты, дает аргументированные предложения по совершенствованию содержащихся в них норм. Автор приходит к выводу, что необходимо полномасштабное изучение данного аспекта оперативно-розыскной деятельности представителями различных отраслей права, на основе обобщения отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, гарантии, обязательства, норма, закон, негласность, защита, охрана, оперативно-розыскные мероприятия, специальные меры, угроза.

Annotation. Problems of realization of the state guarantees on social and a legal protection of the persons assisting bodies, carrying out crime detection activity are considered in the article. Author analyzes standard legal certificates regulating questions of social and legal protection, gives reasonable offers on improving the norms containing in them. We come to conclusion that full-scale studying of the given aspect of crime detection activity by representatives of different branches of the right on the basis of generalization of the domestic and foreign experience is necessary.

Key words: crime detection, guarantees, obligations, norm, the law, secrecy, protection, guarding, the crime detection actions, special measures, threat.

Формирование в Российской Федерации правового и социально ориентированного государства предполагает создание условий не только для беспрепятственного осуществления прав и личных свобод граждан, но и для обеспечения их всесторонней социальной и правовой защиты (Демин В. М., Лебедев Г. П. К вопросу о социальной защите сотрудников УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3), особенно если они вовлечены в сферу оперативно-розыскной деятельности, где «субъекты преследуют противоположные цели, где сталкиваются интересы сторон, а их отношения носят характер конфликта» (Шиенок В. П. К вопросу о содержании реализации принципа соблюдения конспирации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в условиях правовой реформы : сб. науч. тр. Минск, 1993. С. 22–23).

Юридическое толкование ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349) позволяет констатировать, что защита граждан (социальная и правовая), содействующих органам внутренних дел в осуществлении оперативно-розыскной деятельности, может носить характер гарантий и обязательств, и это представляется обоснованным. Так как отсутствие гарантий, а в большей степени их игнорирование в оперативно-розыскной

деятельности, на наш взгляд, может привести к негативным последствиям. В этой связи представляется верным следующее суждение О. А. Снежко: «...несмотря на декларируемые успехи социальных реформ, часть россиян уверена, что зачастую государственные интересы ставятся выше интересов рядовых граждан. Как результат – в обществе проявляются такие тенденции, как недоверие государственным органам, социальная напряженность, политический и правовой нигилизм и другие» (Снежко О. А. Конституционные основы социальной защиты граждан // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 35). При осуществлении конфиденциальной работы подобная ситуация может иметь необратимые последствия.

Согласно действующему законодательству государство гарантирует социальную и правовую защиту только при наличии нескольких условий (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. коммент. / под. ред. проф. В. В. Николюка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 168). Во-первых, при содействии органам внутренних дел в осуществлении оперативно-розыскной деятельности по контракту. Во-вторых, защита гарантируется лишь при правомерном выполнении лицом общественного долга или возложенных на него обязанностей. Неправомерное выполнение гражданином своих обязанностей в процессе оперативно-розыскной деятельности или нарушение условий контракта исключает гарантии госу-

дарства по его социальной и правовой защите. В-третьих, гарантии государства предоставляются при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество лиц в связи с их содействием органам внутренних дел в оперативно-розыскном процессе. В данном случае гарантии государства предоставляются не только этим лицам, но и членам их семей и близким.

Нам представляется, что данные условия, содержащиеся в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: Закон об ОРД), должны быть подвергнуты серьезной критике, так как ряд законодательных просчетов исключил целую группу лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, из-под социальной и правовой опеки государства. В частности, на лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел в осуществлении оперативно-розыскной деятельности на бесконтрактной основе, анализируемым законом гарантии государства по социальной и правовой защите не распространяются, что, на наш взгляд, является серьезным упущением. Так, согласно ч. 2 ст. 18 Закона об ОРД государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей. Закрепленная норма вступает в коллизийный спор с ч. 1 той же статьи, которая не накладывает контрактных ограничений и оговаривает, что лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства.

По мнению авторов комментария Закона об ОРД, это не освобождает органы внутренних дел от выполнения взятых на себя обязательств (определенного круга действий, возложенных на кого-нибудь и безусловных для выполнения) перед лицами, оказывающими содействие в оперативно-розыскной деятельности на бесконтрактной основе. В подобных случаях, по их мнению, обязательства органов внутренних дел в лице штатных оперативных работников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, принимаются в устной форме (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. коммент.). Но могут ли быть в устной форме даны гарантии человеку, решающему задачи оперативно-розыскной деятельности и рискующему своей жизнью, здоровьем и имуществом? Могут ли эти гарантии быть представлены в суд для получения компенсаций и выплат? Нам представляется, что

ответ однозначен – нет. Подобная ситуация возникает также тогда, когда лицо выполняет поручения оперативного уполномоченного и рискует естественными правами на жизнь, здоровье и неприкосновенность собственности, когда контракт не заключен, и в ситуации, когда конфиденгент получает увечья, а срок действия контракта истек, и т. д. Неужели под социальной и правовой защитой не должны находиться указанные категории конфиденциальных сотрудников?

Кроме того, законодательство обязано гарантировать негласность конфиденгентов, которые должны быть уверены, что их социально полезная деятельность, направленная на предоставление информации правоохранным органам, останется закрытой для лиц, заинтересованных в криминальном противодействии правоохранным органам. Как нами отмечено ранее, государство выразило свои намерения и закрепило за собой обязанность защищать права и законные интересы лиц, содействующих правосудию (ч. 1 ст. 18 Закона об ОРД). Обозначенная защита подразумевает и тот факт, что деятельность конфиденгента, связанная с правомерным выполнением общественного долга или возложенных на него обязанностей, не должна стать достоянием общественности (без его согласия) ни при каких обстоятельствах и ни по истечении какого-либо времени. В этой связи абсурдным выглядит предложение И. Л. Петрухина, предлагающего обнародовать имена лиц, содействующих правоохранным органам в 30–50-е гг. XX в., как это сделано в Польше, Чехии, Прибалтике (Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998. С. 43). Дабы не провоцировать подобные предложения, необходимо законодательно закрепить право лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на негласность.

С учетом сказанного следует внести определенные коррективы и в ст. 5 Закона об ОРД, в которой оговаривается запретительная норма, предусматривающая запрет для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на разглашение сведений, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известны в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. Таким образом, исходя из формулировки названной нормы, конфиденциальные сведения о лицах, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как частный случай правоприменения данной нормы могут стать достоянием гласности в следующих случаях:

1. Когда сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную

тайну, честь и доброе имя граждан получены не при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а при осуществлении иных действий, охватываемых Законом Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 16, ст. 503), Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (Рос. газ. 2001. 22 дек.) и т. д.

2. Когда оперативный сотрудник перестает работать в оперативном подразделении (выход на пенсию, перевод на иную должность), так как закон связывает негласность данной информации только с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Нам представляется, что подобные неточности законодательства полностью снимают с оперативного работника ответственность в случае наступления неблагоприятных последствий в виде расшифровки негласного сотрудника (выполняющего или выполнявшего разведывательные функции), получения им тяжкого вреда здоровью и т. п.

Дальнейшее изучение Закона об ОРД позволяет сделать следующее заключение: ст. 18, регламентируя отдельные аспекты охраны лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в ч. 3 оговаривает, что при возникновении **реальной угрозы** противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких эти органы обязаны принять **необходимые меры** по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации. При этом в целях обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и членов их семей допускается проведение **специальных мероприятий** по их защите (ч. 7 ст. 18 Закона об ОРД).

Иными словами, сотрудникам оперативных подразделений предлагается при наступлении негативных для конфиденнта обстоятельств «принять необходимые меры» (ч. 3 ст. 18 Закона об ОРД), а также «провести специальные мероприятия» (ч. 7 ст. 18 Закона об ОРД). Что должен понимать сотрудник оперативного подразделения под данными словосочетаниями, если согласно Закону об ОРД он имеет право осуществлять **только оперативно-розыскные мероприятия** (ст. 1, 6 Закона об ОРД) и только по четко выраженным основаниям (ст. 7 Закона об ОРД)?

Мы полагаем, что законодатель попытался с максимальной степенью обобщения объеди-

нить мероприятия, оговоренные в Законе об ОРД, и меры, предусмотренные в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Рос. газ. 2004. 25 авг.) и иных нормативных актах, а возможно, и меры безопасности, оговоренные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в отношении участников уголовного процесса. Подобная попытка, по нашему мнению, не является удачной, так как действия сотрудников оперативных подразделений в рамках вышеприведенных нормативных правовых актов не являются чисто оперативно-розыскными.

Кроме того, реализация представленных задач по обеспечению безопасности лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, возможна при возникновении определенных условий: угроза посягательства на жизнь, здоровье и имущество лиц, содействующих правосудию, должна быть **реальной** и носить противоправный характер. Этот вывод мы делаем на основе изучения судебной практики и анализа нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность. Так, согласно ч. 3 ст. 18 Закона об ОРД перечисленные меры должны и могут применяться только при возникновении **реальной угрозы** противоправного посягательства на защищаемые Конституцией Российской Федерации права.

Подобный подход мы наблюдаем и в иных нормативных актах. В Федеральном законе от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (Рос. газ. 1996. 17 янв.) оговаривается, что органы внешней разведки должны постоянно анализировать состояние безопасности кадрового состава и граждан, которые непосредственно оказывают им содействие на негласной основе. При получении данных, дающих основание предполагать о возникновении **реальной угрозы** противоправного посягательства на жизнь, здоровье, имущество таких лиц, а также членов их семей или близких, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны принять действенные и эффективные меры к предотвращению противоправных действий (Кузьмин В. А. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). В уголовно-процессуальной науке имеются подобные суждения: «...орган, представивший результаты оперативно-розыскной деятельности, использование которых в уголовном процессе сопряжено с возможностью возникновения **реальной угрозы** для безопасности участников оперативно-розыск-

ной деятельности, обязан предусмотреть меры по их защите» (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. М., 2002).

Возникновение реальной угрозы, по мнению А. П. Киселева, следует понимать в двух аспектах: как ее наличие, т. е. угроза действительно должна возникнуть при наличии определенных данных (высказана, поступила по каналам связи). Не будет наличия угрозы, когда опасность возможна только в неопределенном будущем; ее действительность, т. е. опасность для правоохраняемых законом объектов, должна исходить от объективно существующего, а не воображаемого источника опасности (Киселев А. П. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

С рассуждениями А. П. Киселева можно согласиться лишь отчасти. Мы согласны с первым условием, необходимым для начала осуществления мер безопасности, так как «угроза действительно должна возникнуть, должна быть материализована (высказана, установлена в результате анализа реальных действий каких-либо объектов и т. п.)» (Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 2002. С. 153), однако в практической деятельности нередко возникают ситуации, когда криминальное воздействие выражается и в не запрещенных законом формах. По мнению Л. В. Брусницина, в этих случаях государство в лице его правоохранительных органов также не может игнорировать свою обязанность защищать лиц, оказывающих (оказывавших) содействие в борьбе с преступностью (Брусницин Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 149). Таким образом, угроза действительно должна быть реальной, однако она не обязательно должна носить противоправный характер.

Кроме того, спорным представляется мнение о том, что не будет наличия угрозы, когда опасность возможна только в неопределенном будущем. С нашей точки зрения, наличие любой опасности, которая может быть исполнена в отношении негласного сотрудника, в том числе и реализуемая в неопределенном будущем, должно являться сигналом для оперативного сотрудника по применению оперативно-розыскных мероприятий, регламентированных Законом об ОРД. Наша позиция находит и нормативное подтверждение. Так, основанием проведения оперативно-розыскных мероприятий согласно ст. 7 Закона об ОРД является на-

личие сведений, ставших известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, «о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших...», которые в своей совокупности подразумевают активные действия при осуществлении мер безопасности в том случае, если опасность возможна только в неопределенном будущем.

Государственная гарантия безопасности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, требует согласованного и единообразного применения всех правовых средств защиты конфиденентов. Анализ нормативных источников свидетельствует о том, что основным из них является Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее: Закон о госзащите), который предусматривает основания для применения мер безопасности в отношении «заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления», а именно: данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества (ст. 16) либо иного опасного противоправного деяния (ст. 18).

Меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выраженного в письменной форме (ст. 16 Закона о госзащите), которые после трехдневной проверки являются основой для вынесения мотивированного постановления (определения) о применении мер безопасности (ст. 18 Закона о госзащите). Мотивированное постановление (определение) о применении мер безопасности в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности.

Вместе с тем мы полагаем, что подобный путь осуществления мер безопасности, основанный на представленной правовой схеме, требует уточнения и корректировки. Обоснуем свою позицию.

1. Согласно Закону о госзащите основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием **в уголовном судопроизводстве**. Однако применение мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, не связано, а точнее, не всегда связано с участием в уголовном судопроизводстве, что делает данное основание бесплодным.

2. Потребность в трехдневной проверке поступившего заявления о необходимости применения мер защиты применительно к лицам, оказывающим конфиденциальное содействие, отсутствует, так как реальность поступающей в адрес конфиденнта угрозы уже установлена сотрудником оперативного подразделения.

3. Соблюдение порядка применения мер безопасности, представленного в ст. 18 Закона о госзащите, не позволяет сохранить персонализирующие данные конфиденнта, ведет к его дополнительной расшифровке.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым внести изменения в Закон о госзащите, предусмотрев следующие принципиальные позиции:

- основанием применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в **уголовном судопроизводстве** и оперативно-розыскном процессе;

- мотивированное постановление о применении мер безопасности в отношении лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, выносится руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, незамедлительно на основании рапорта сотрудника оперативного подразделения, которое в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение). Нам представляется, что подобное постановление (определение) должно стать основанием для применения мер безопасности, предусмотренных ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

С учетом подобных изменений данное постановление наряду с возможностью осуществления мер безопасности в рамках Закона о госзащите позволяет осуществлять эффективные следственные действия, а также оперативно-розыскные

мероприятия, так как последние являются основанием для их проведения (ст. 7 Закона об ОРД). Иными словами, осуществление непосредственных государственных мер защиты и оперативно-розыскной деятельности взаимообусловлены и соотносятся как общее и частное. Нам представляется, что оперативно-розыскная деятельность в подобном симбиозе носит обеспечивающий характер, так как позволяет принимать эффективные управленческие и тактические решения при осуществлении мер в рамках Закона о госзащите и целенаправленно бороться с криминальным воздействием на защищаемых лиц. По мнению 2/3 оперативных сотрудников, опрошенных нами в процессе исследования, осуществление мер государственной защиты без оперативно-розыскной поддержки бесперспективно, так как оперативно-розыскная деятельность позволяет контролировать скрытые и негласные процессы, протекающие в криминальной среде.

Таким образом, целесообразно говорить об оперативно-розыском сопровождении государственных мер защиты лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (Павличенко Н. В., Давыдов С. И., Титов В. М. Обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию : монография. Барнаул, 2008).

Резюмируя все вышеизложенное, считаем, что возросший в последнее время интерес правоведов, как теоретиков, так и практиков, к проблемам охраны негласного сотрудничества определяет насущную необходимость концентрации внимания научной мысли на этой проблематике не отдельных авторов и даже инициативных групп, а всестороннего полномасштабного изучения данного аспекта оперативно-розыскной деятельности представителями всех сопряженных отраслей права с целью обобщения накопленного отечественного и зарубежного опыта, выдвижения законодательных инициатив и подготовки соответствующих проектов нормативных правовых актов.

Библиографический список

1. Брусницин, Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование) / Л. В. Брусницин. – М., 2001.
2. Демин, В. М. К вопросу о социальной защите сотрудников УИС / В. М. Демин, Г. П. Лебедев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 3.
3. Павличенко, Н. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию : монография / Н. В. Павличенко, С. И. Давыдов, В. М. Титов. – Барнаул, 2008.

Bibliographical list

1. Brusnicin, L. V. Safety of the Persons Promoting Criminal Justice: the Russian, Foreign and International Experience of the XX-th Century (Remedial Research) / L. V. Brusnicin. – M., 2001.
2. Dyomin, V. M. To a Question on Social Protection of Employees of Criminally-Executive System / V. M. Dyomin, G. P. Lebedev // Criminally-Executive System: the Right, Economy, Management. – 2006. – № 3.
3. Pavlichenko, N. V. Safety of the Persons Promoting Justice / N. V. Pavlichenko, S. I. Davydov, V. M. Titov. – Barnaul, 2008.

И. Л. Петрова,
доцент кафедры юридических дисциплин
ФВО ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

I. L. Petrova,
assistant-professor of legal disciplines faculty
of extra budgetary education of Vladimir Law Institute
of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia
candidate of law

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА ПРАВОВОГО СИНТАКСИСА **Essence and Basic Properties of Legal Syntax**

Аннотация. Статья посвящена синтаксическим особенностям языка нормативно-правовых актов, которые состоят из тех же элементов, что и литературная речь, и потому подчиняются общепринятым лексико-грамматическим правилам и закономерностям построения текста. Однако под воздействием правового содержания предложения в текстах правовых норм получают дальнейшее структурно-смысловое развитие, превращаясь в особую единицу – нормативно-правовое высказывание. Это дает основание говорить о таком явлении, как правовая синтаксис. В статье доказывается необходимость редукции лингвистического понятия «синтаксис» в право, что является объективным требованием современной правовой действительности.

Ключевые слова: право, правовая норма, синтаксис, язык права.

Annotation. The article deals with syntactical peculiarities of language in normative-legal acts. These legal documents consist of the same elements, as standard literary language, thus they are subject to the same lexical and grammatical norms and standards in text formation.

However, due to legal context, sentences in legal texts acquire further structural and semantic development, becoming a separate unit – legal sentence. It gives us the right to discuss such a notion as legal syntax.

In the article the necessity of introducing the linguistic notion of “syntax” into law is proved, which is an objective requirement of modern legal environment.

Key words: law, legal norm, syntax, language of law.

Язык нормативно-правовых актов имеет свои особенности и закономерности, начало которым положено еще римским правом. Один из крупнейших российских ученых в области гражданского и римского права И. Б. Новицкий определяет значение римского права, используя поэтический слог: «Соками римского права пропитана и теория гражданского права... Римское право, отличающееся четкостью определений, вообще хорошей юридической техникой, может помочь современному юристу в приобретении навыков четко ограничивать и формулировать юридические категории... Необходимо, чтобы формулировки закона охватили все те отношения, которые законодатель желал урегулировать, но в то же время, чтобы редакция закона не давала повода применять его к таким отношениям, на которые законодатель не имел в виду распространять его действие. Римское право, отличающееся точностью и чеканностью формулировок, представляет блестящий образец такого подхода» (Новицкий И. Б. Римское право. М., 1996. С. 12).

Поэтому закономерно, что язык нормативно-правовых актов является предметом многих теоретических и практических исследований. Однако при подходе к анализу и интерпретации правовых норм основное внимание уделяется лексическому уровню (например, унификация терминологического аппарата (Власенко Н. А. Язык права : монография. Иркутск, 1997 ; Законодательный процесс: Понятие. Ин-

ституты. Стадии / отв. ред. Р. Ф. Васильев. М., 2000. С. 100), морфологическому (например, использование глаголов без частицы «не», т. е. утверждение, а не отрицание (Шугрина Е. С. Техника юридического письма. М., 2000. С. 51) и стилистической стороне законодательных актов (Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003)). Уровень же синтаксиса как такового остается за пределами пристального внимания юристов и лингвистов. В некоторых работах лишь констатируется недопустимость в тексте закона конструкций, позволяющих неоднозначно толковать смысл правовой нормы, или говорится об отрицательной роли сложносочиненных предложений, использование которых якобы ведет к искажению смысла (Шугрина Е. С. Указ. соч. С. 51), или утверждается, что «формулировки... предложений должны быть конкретны и одновременно настолько эластичны, чтобы не требовали (постоянных или частых) уточнений или дополнений в связи с незначительными изменениями отношений, которые они отражают и регулируют» (Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1998. С. 70), и т. п. Очевиден слишком обобщенный, расплывчатый характер требований к синтаксису языка правовых норм.

Между тем юридический язык имеет свои синтаксические особенности, которые определяются содержанием правовых норм. Языковой облик правовой нормы формируется в процессе

создания юридической нормы, когда законодатель с учетом потребностей общественного развития вырабатывает определенные правила и закрепляет их в официальном тексте нормативно-правового акта.

Только словесно-знаковая материализация дает всем субъектам ясное представление о содержании правовых норм и пределах их действия.

Под юридическим языком, или **языком права** (языком закона), в самом общем виде понимается некий набор специфических средств, предназначенных для того, чтобы объективировать то или иное юридическое содержание. Так, например, Г. С. Остроумов пишет, что «язык закона» фиксирует представления о юридических правах и обязанностях, о связях между ними (Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М., 1969. С. 45). По мнению А. Ф. Черданцева, язык права выражает мысль законодателя (Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 27). Ю. В. Кудрявцев считает, что «язык права (точнее, законодательства) носит на себе отпечаток естественного языка», однако является «специфичным по построению и выступает как бы промежуточной (по сложности) формой между научным изложением правовых вопросов и популярными брошюрами на правовые темы» (Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 78, 110). Некоторые авторы исходят из того, что юридический язык «очень дифференцированный и математически точный», «в нем за каждым словом закреплено свое значение» (Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1994. С. 104, 106).

Поэтому верно утверждение, что «без языка нет и не может быть правового регулирования», а в качестве такого языка «выступает естественный язык соответствующего народа, если говорить о внутригосударственном регулировании, или естественные языки разных народов в регулировании международных отношений» (Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 9).

Несмотря на аксиоматичность данного утверждения, в теории права, равно как и в науке о языке, пока еще не выработано единого определения понятия «язык» применительно к правовой сфере общения. Соответственно пока нет и не может быть терминологического единообразия: различные авторы говорят о «языке права», «языке закона», «языке юристов», «юридической речи», «правовой коммуникации», «юридическом дискурсе» и т. д., подразумевая под всеми этими терминами понятия хотя и близкие, но не всегда совпадающие по объему и содержанию (Ван-Дейк Т. А.

Язык, познание, коммуникация. М., 1989 ; Власенко Н. А. Указ. соч. ; Грязин И. Н. Текст права. Таллин, 1983 ; Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Казань, 1995 ; Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997 ; Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1997 ; Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990 и др.).

Язык правовых норм – это система словесно-знаковых средств изложения юридических правил общего характера, установленных и обеспеченных государством в целях регулирования отношений между людьми.

В качестве особой знаковой системы, используемой в социальной коммуникации, язык правовых норм призван наиболее точно и понятно выразить устанавливаемые юридические правила, обеспечить эффективность их властного воздействия на волю и сознание людей.

Язык правовых норм состоит из тех же элементов, что и литературная речь, и подчиняется общепринятым лексико-грамматическим правилам и закономерностям построения текста. Вместе с тем поскольку предложения предназначены для текстуального закрепления правовой нормы, то они получают дальнейшее структурно-смысловое развитие под воздействием объективных свойств и требований права. В языке правовых норм вырабатываются оптимальные способы передачи правовой информации, и в целом он отображает юридическую картину мира, сложившуюся в данной правовой системе в результате познания правовых свойств и связей объективной действительности.

Представляется, что именно **синтаксис**, занимающий вершинное положение в иерархии языковых подсистем, тесно связанный с логикой, изучающей условия и законы мышления, с психологией, исследующей сами процессы образования мысли, играет определяющую роль в достижении точности изложения норм права: принципы и правила грамматики являются образцами, по которым формы языка получают соответствие с универсальными формами мышления. Именно в синтаксисе, на уровне предложения, слово в языке юриспруденции выступает в единстве мысли и знака как логико-языковой феномен, функционируя в качестве средства правового регулирования.

Изначально термин «синтаксис» (греч. *syntaxis* – строй, построение, порядок), впервые использованный стоиками (III в. до н. э.), относился к наблюдениям над логическим содержанием высказываний. В центре внимания античных философов (Протагора, Платона, Аристотеля и др.) находился «логос» (греч. *logos* – слово, учение) – понятие, нерасчлененно относимое к речи, высказыванию, предложению, суждению, законченному тексту. Позднее главным в синтаксическом анализе стало опи-

сание грамматического инвентаря данного конкретного языка и связей слов и форм слова в предложении.

В современном лингвистическом понимании синтаксис – это:

- 1) характерные для конкретного языка средства и правила создания речевых единиц;
- 2) раздел языкознания, изучающий процессы порождения высказывания (сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения как автономной единицы языка);
- 3) учение о функционировании в речи различных грамматических разрядов слов (частей речи – например, синтаксис прилагательного, синтаксис глагола и т. п.).

Синтаксис остается одним из наименее изученных языковых уровней, что связано с объективными трудностями: необъятное множество конкретных предложений, реализующихся в речи, затрудняет их классификацию; связь синтаксиса с морфологией и лексикой усложняет исследование любого синтаксического явления.

Объектом изучения синтаксиса являются единицы синтаксического уровня. Предмет изучения – иерархическая организация этих единиц; различные аспекты рассмотрения; закономерности, способы соединения синтаксических единиц и возникающие при этом синтаксические отношения.

Как было сказано выше и как показывает анализ текстов нормативно-правовых актов, юридический язык имеет свои синтаксические особенности как со стороны формы, так и со стороны содержания (Петрова И. Л. Синтаксис в праве. Владимир, 2007. С. 16–25).

Данные особенности формы нормативно-правовых высказываний обусловлены спецификой **содержания** исследуемых текстов. Адаптируясь к нормативно-правовому контексту, как бы «прорастая» на новой семантической «почве» (правовые понятия, идеи и основанная на них воля законодателя), обычное предложение становится в целом единицей, наделенной новым качеством, – правовым высказыванием, которое имеет свойства, общие с основной единицей синтаксиса литературного языка – предложением, и свои специфические признаки. В целом эти особенности позволяют говорить о таком явлении, как **правовой синтаксис**.

Рассмотрим *общие свойства*, характерные для синтаксиса русского литературного языка, любого литературного стиля в отдельности и для синтаксиса языка правовых норм, в частности. Во-первых, это строй связной речи, т. е. определенный инвентарь грамматических единиц, функционирующих как система, поскольку, во-вторых, все единицы взаимосвязаны между собой и в грамматическом, и в семантическом (смысловом) отно-

шении, и связь эта основана, в-третьих, на существовании определенных синтаксических моделей, характерных для русского языка; существование же указанных моделей, в-четвертых, обеспечивается наличием соответствующих законов и правил построения высказывания; все это вместе, в-пятых, позволяет синтаксису осуществлять одну из главных языковых функций – коммуникативную, т. е. обеспечивать общение между людьми: обмен мыслями, идеями и т. д. – специфическую форму взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности.

Отражаясь в праве, которое репрезентировано в тексте юридической нормы, высказывания нормативно-правового характера обнаруживают свои *специфические свойства*. Интересным представляется определение этих свойств Ю. С. Вашенко, который говорит следующее: «Правовая норма – специальный текст, который:

- 1) содержит общеобязательное, формально определенное право;
- 2) издается или санкционируется государством;
- 3) охраняется возможностью государственного принуждения;
- 4) является властно-официальным регулятором общественных отношений;
- 5) имеет представительно-обязывающий характер» (Вашенко Ю. С. Филологическое толкование норм права : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2002. С. 22).

Полагаем, что данная характеристика, если акцентировать внимание на синтаксической стороне проблемы, т. е. рассматривать ее в рамках избранной исследовательской парадигмы, нуждается в некоторых дополнениях и уточнениях, после внесения которых синтаксические особенности нормативно-правового высказывания видятся следующим образом. Во-первых, поскольку правовые нормы направлены на регулирование общественных отношений, постольку и их четкое построение, т. е. синтаксис, тоже определяет эффективность этой основной функции права. Во-вторых, обретая в своем содержании нормативно-правовой характер, синтаксические конструкции нормативных высказываний, как и юридические нормы, поддерживаются принудительной силой государства и оказывают властное воздействие на социум. В-третьих, благодаря правильности синтаксического построения нормативное правовое высказывание является важнейшим механизмом, ориентированным на поддержание нормальной жизнедеятельности общества в целом и каждого отдельного индивида. В-четвертых, синтаксис нормативно-правового высказывания влияет на интерпрета-

цию смыслового содержания юридических норм, так как нарушение или несоблюдение грамматических законов и правил может иметь следствием неточное или неверное толкование правовой нормы. В-пятых, соответствие или несоответствие строения конструкций нормативно-правовых высказываний законам синтаксиса русского языка в конечном итоге оказывает позитивное или негативное воздействие на качество и эффективность правотворческой и правоприменительной деятельности.

В связи с представленными признаками формулируем понятие правового синтаксиса: это отраженный в правовых нормах грамматический строй русского языка, с помощью которого наиболее эффективно регулируются социальные взаимосвязи, иными словами, можно сказать, что правовой синтаксис – закон языка законов.

На основании этого определения и анализа общих и специфических свойств правового синтаксиса возможен вывод о том, что его **сущность** как закона языка законов заключается в следующем: представляя собой явление высшего порядка в общей языковой системе, обеспечивая переход от языка к речи (ибо для выражения мысли недостаточно только отбора лексического материала, необходимо также

правильное и четкое установление связей между словами), синтаксис обладает своими механизмами для этого, т. е. правилами и законами соединения слов в высказывание, которое претерпевает определенную трансформацию, когда становится правовым высказыванием, т. е. обретает властно-распорядительный характер. Отсюда следует, что текстуальное выражение законов права оформляется по законам синтаксиса данного языка.

Таким образом, если резюмировать анализ сущности и основных свойств правового синтаксиса и соотносить его понятие с лингвистическим определением синтаксиса, то можно выделить три его ипостаси: а) это грамматический строй языка нормативно-правовых актов, основным структурирующим элементом которого является нормативно-правовое высказывание; б) это грамматические модели, схемы и правила, в соответствии с которыми строятся синтаксические конструкции текстов нормативно-правовых актов; в) это отрасль юридической техники, изучающая отраженный в правовых нормах грамматический строй русского языка, законы и правила формирования конструкций нормативно-правовых высказываний и их функционирование в качестве средства регламентации социальных отношений.

Библиографический список

1. *Губаева, Т.* Русский язык бизнеса: Как подготовить нормативный документ надлежащим образом / Т. Губаева. – Йошкар-Ола, 2000.
2. *Петрова, И. Л.* Синтаксис в праве / И. Л. Петрова. – Владимир, 2007.
3. Правовая лингвистика – 2 : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 2000.

Bibliographical list

1. *Gubaeva, T.* Russian Business Language: How to Prepare a Normative Document Properly / T. Gubaeva. – Yoshkar-Ola, 2000.
2. *Petrova, I. L.* Syntax in Law / I. L. Petrova. – Vladimir, 2007.
3. Legal Linguistics – 2 / ed. by N. Golev. – Barnaul, 2000.

В. Г. Пилипенко,
начальник кафедры
государственно-правовых дисциплин
Томского филиала
Кузбасского института ФСИИ России

V. G. Pilipenko,
head of the department of state-legal disciplines
Tomsk Branch Kuzbass Institute of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia

**ОТГРАНИЧЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ ОТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПОЛЬЗОВАНИЯ
ОБЪЕКТАМИ ЖИВОТНОГО МИРА**

The Separation of Illegal Hunting from Breaking Rules of Using Objects of Animal Kingdom

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отграничения незаконной охоты как преступления от нарушения правил охоты как административного правонарушения.

Ключевые слова: животный мир, незаконная охота, административная ответственность, уголовная ответственность.

Annotation. In the article considered delimitation of illegal hunting as a crime of violation of the rules of hunting as an administrative offense.

Key words: animal kingdom, illegal hunting, criminal venture, administrative crime.

Конкуренция уголовно-правовых и административно-правовых норм об охране природы представляет собой достаточно распространенное явление. Объективные признаки и преступления, и проступка – нарушение одних и тех же правил охоты. Поэтому при решении данной проблемы органы дознания, следствия и суды часто допускают ошибки. По данным О. Л. Дубовик и А. Э. Жалинского, в середине 1980-х гг. доля нарушений правил рыболовства, содержащего признаки преступления, в массе административных дел составляла 72 %, а нарушений правил охоты – 65 %. Причем преступлений с квалифицированным составом в первом случае обнаружилось 26 %, а во втором – 25 % от общего числа преступных нарушений (Дубовик О. Л., Жалинский А. Э. Причины экологических преступлений. М., 1998. С. 136).

В связи с этим большое значение приобретает выявление научно обоснованных критериев разграничения преступных и непроступных видов правонарушений в сфере охраны и использования объектов животного мира.

В теории уголовного права среди ученых нет единой точки зрения по вопросу отграничения незаконной охоты как преступления от нарушения правил охоты как административного правонарушения. Не случайно А. М. Плешаков отмечает: «...пожалуй, главной проблемой в теоретическом плане применительно к экологическим преступлениям и проступкам является их соотносимость. На практике же эта проблема “переходит” в плоскость разграничения уголовной и административной ответственности в деятельности правоохранительных и природоохранных органов, обусловленная коллизией норм Уголовного кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Плешаков А. М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (Теоретический и прикладной

аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 115). Изучая работы других ученых, можно обратить внимание на то, что все они отмечают определенные трудности, связанные с отграничением экологических преступлений, в частности незаконной охоты, от нарушения правил охоты как административного правонарушения (Напр.: Жевлаков Э. Н. Экологические правонарушения и ответственность. М., 1997. С. 16–21 ; Перевертайлова Л. С. Административная ответственность за нарушение правил рыболовства и охраны рыбных запасов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С. 11).

Известно, что административным экологическим правонарушением признается посягающее на экологический порядок, права и свободы граждан в области охраны и использования окружающей среды, права собственности на природные ресурсы и порядок управления природопользованием противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие, которые причинили или могли причинить вред окружающей среде и за которые законодательством предусмотрена административная ответственность. В судебной практике отмечается следование данному подходу. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1999. № 1) указывается, что при рассмотрении уголовных дел, возникших в связи с нарушением экологического законодательства, необходимо отграничивать экологические преступления от экологических проступков, т. е. виновных противоправных деяний, причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека, за которые установлена административная ответственность.

Административная ответственность регулируется Кодексом Российской Федерации об ад-

министративных правонарушениях (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1), Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133) и другими актами, содержащими как перечни составов экологических правонарушений, так и указания о возможности привлечения виновных к административной ответственности.

В случае возникновения трудностей в разграничении уголовно наказуемого деяния и административного проступка особое внимание следует уделять выяснению всех обстоятельств, характеризующих состав экологического правонарушения, последствий противоправного деяния, размера нанесенного вреда и причиненного ущерба.

Так, причинение крупного ущерба, определяемого судом с учетом обстоятельств дела в зависимости от стоимости, количества добытого, наличия сопутствующего ущерба в виде причиненного иным видом животных либо иным объектом окружающей среды вреда на

основании установленных законом такс; использование вертолетов, иных транспортных средств, взрывчатки, газов и пр.; совершение действий по добыче редких, исчезающих и иных особо охраняемых и включенных в специальные перечни животных влекут за собой уголовную ответственность. При разграничении с составом преступления, предусмотренного с ч. 2 ст. 258 УК РФ, определяющими являются квалифицирующие признаки совершения незаконной охоты с использованием служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. При вопросе об охоте в запрещенных местах разграничение следует проводить по характеру общественной опасности, когда определяющими будут интенсивность деяния, длительность действий и т. п.

В спорных случаях конкуренции уголовно-правовых и административно-правовых норм предпочтение должно отдаваться последним. Такой вывод основывается на принципиальном положении уголовного права, что все сомнения должны толковаться в пользу виновного.

Библиографический список

1. Дубовик, О. Л. Причины экологических преступлений / О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский. – М., 1998.
2. Жевлаков, Э. Н. Экологические правонарушения и ответственность / Э. Н. Жевлаков. – М., 1997.
3. Плешаков, А. М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (Теоретический и прикладной аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1994.

Bibliographical list

1. Dubovik, O. L. Causes of Environmental Crimes. Causes of Environmental Crimes / O. L. Dubovik, A. E. Zhalinsky. – M., 1998.
2. Zhevlakov, E. N. Environmental Crime and Responsibility / E. N. Zhevlakov. – M., 1997.
3. Pleshakov, A. M. Criminal Legal Fight Against Environmental Crime (Theoretical and Applied Aspects). – M., 1994.

Ю. Л. Померанцев,
*старший преподаватель кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки
Брянского филиала
Московского университета МВД России*

Y. L. Pomerantsev,
*senior lecturer in combat and tactical and special
training Bryansk Branch of Moscow University
Ministry of Internal Affairs of Russia*

Личная безопасность сотрудников ОВД: сущность проблемы и пути ее решения
Personal Safety of Staff ATS: Nature, Challenges and Ways of Its Solution

Аннотация. В статье исследуется современная система формирования профессионально-важных качеств сотрудников ОВД в процессе выполнения оперативных и служебных задач в различных ситуациях служебной деятельности. Особое внимание уделено огневой, тактико-специальной, физической подготовке, элементам боевого взаимодействия. Автором предлагается использовать разработанную им экспериментальную методику для обучения курсантов по дисциплине «Основы личной безопасности сотрудников ОВД». Особенностью данной методики является блочно-модульная форма проведения занятий, которые сочетают в себе отработку практических умений и навыков по блоку взаимосвязанных дисциплин боевой подготовки.

Ключевые слова: основы личной безопасности, сотрудники ОВД, преступление, обучение курсантов, стрелковое оружие, программы обучения, зарубежный опыт, подготовка полицейского, дисциплины боевой подготовки, тактика, методы, умения, навыки, служебная деятельность.

Annotation. This article examines the formation of the modern system of vocational important qualities of members of the department of the Interior in the performance of operational and performance tasks in different situations of performance. Particular attention is given to fire, special tactical, physical training, combat elements of interaction. Author proposed to use them developed an experimental methodology for teaching students by discipline "Fundamentals of the personal security staff of the department of internal affairs. Feature of this technique is a block-modular form of training, which combine the refinement of practical skills on the block of interrelated disciplines of combat training.

Key words: basic of personal security, members of the department of home affairs, a crime, training of the cadets, rifle weapon, the programme of teaching, the experience of foreign countries, police training, discipline of combat training, tactics, methods, skills, experience, law enforcement service.

Криминализация основных сфер социально-экономической жизни, повышение организованности и степени вооруженности преступников определяют все более обостряющуюся их конфронтацию с правоохранительной системой. Недооценка опасности, возможности неожиданного возникновения экстремальных факторов, недопустимая расслабленность сотрудников ОВД при исполнении обязанностей, выполнении служебно-боевых задач способны повлечь за собой потерю их здоровья или жизни. Численность и тяжесть потерь личного состава на две трети зависят от профессиональной добросовестности и мастерства, боевой сплоченности самих сотрудников.

Анализ состояния преступности, наличие явных тенденций ее роста, агрессивность и жестокость преступного мира на фоне его технической и боевой оснащённости заставляют обратить внимание на проблему подготовки профессиональных кадров. При этом высокий уровень профессионального мастерства важен не просто для результативной работы, а подчас для обеспечения личной безопасности в повседневных условиях выполнения служебных задач.

В связи с этим на законодательном уровне приняты основополагающие нормативные правовые акты, направленные на укрепление ОВД, усиление борьбы с преступностью, охрану об-

щественного порядка и повышение уровня профессионального мастерства.

В МВД России обращается особое внимание на необходимость научной разработки проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД, в частности на обучение курсантов образовательных учреждений МВД России тактике и методике личной безопасности.

Рассматривая зарубежный опыт сотрудников силовых структур, следует отметить, что специалистами предпринимаются активные попытки обновления концепции деятельности полицейских органов, где в первую очередь уделяется внимание профессиональной направленности подготовки сотрудника полиции и вопросам обеспечения личной безопасности. Особое значение придается оснащению полицейских подразделений специальными средствами и новейшим оружием (Hennen C. Staying prepared: nine fundamental principles for on-going police training // Law and Order. 1996. № 9. P. 85–87).

Разработаны и используются программы обучения основам личной безопасности полицейского: «Прогрессивные методы динамического патрулирования», «Специальная подготовка для бойцов SWAT», «Воля к выживанию», «Выживание на улице» и др. Данные программы отвечают целому ряду требований и соответствуют реальным условиям работы во

всех ситуациях служебной деятельности. Полицейские имеют возможность приобрести необходимые навыки с целью их использования в повседневной практике.

Главная задача любой программы обучения состоит в обеспечении личной безопасности сотрудника правоохранительных органов. Так, использование тактики ведения ближнего боя и практических упражнений стрельбы из стрелкового оружия помогают обеспечить безопасность как полицейского, так и окружающих.

В рамках рассматриваемых программ полицейские учатся правильно принимать решения в подобных условиях с помощью отработки определенных навыков и моделирования ситуаций, максимально приближенных к реальной действительности. Учебный курс по отражению неожиданных нападений и тактическим навыкам является составной частью общего курса подготовки.

Подготовка полицейского рассматривается в комплексе с развитием важных волевых и психических качеств, принятием решений на применение оружия. Приоритет отдается его праву на жизнь перед таким правом у преступника. Если у последнего в руках появилось оружие, то полицейский и его напарник стреляют на поражение.

В настоящее время не вызывает сомнений необходимость обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов. В Российской Федерации одним из первых на проблему обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов обратил внимание А. В. Буданов. Ученый обобщил опыт профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов США и России (Буданов А. В. Обучение сотрудников правоохранительных органов тактике и методам обеспечения личной безопасности : учеб.-практ. пособие. М., 1997). Материалы пособия могут оказать помощь в создании конкретных программ обеспечения личной профессиональной безопасности сотрудников различных служб с учетом специфики их деятельности при проведении занятий с сотрудниками, выполняющими служебные и оперативные задачи.

В 2000 г. в Московской академии МВД России было создано новое структурное подразделение – учебно-научный комплекс (УНК) под руководством Ю. Ф. Подлипняка. Основным его направлением являлись разработка и практическое внедрение комплексных средств и методов, обеспечивающих эффективную боевую подготовку курсантов и слушателей учебного заведения, а также практических работников ОВД. В УНК входили специалисты, работающие в области боевой, тактико-специальной и физической подготовки.

В настоящее время в процесс обучения указанного вуза введена новая учебная дисциплина в системе высшего профессионального образования «Основы личной безопасности сотрудников ОВД», которая объединила в себе учебные вопросы и темы по блоку дисциплин боевой подготовки. С 2002 г. данная дисциплина преподается в Московском университете МВД России. Ее изучение позволит сформировать необходимый комплекс знаний, умений и навыков, посредством которых достигается личная безопасность сотрудников ОВД при выполнении служебного долга, в процессе решения профессиональных задач или в ситуациях, связанных со служебной деятельностью.

По мнению ряда исследователей, обеспечение личной безопасности выступает одним из условий, позволяющих эффективно достигать поставленных целей в борьбе с организованной преступностью, терроризмом и нарушением законности. Однако научные аспекты обучения курсантов учебных заведений системы МВД России тактике и методам обеспечения основ личной безопасности еще не нашли своего достаточного изучения (Буданов А. В. Менеджмент безопасности // Вестн. Метод. центра проф. образования и координации науч. исслед. Глав. упр. кадров МВД РФ. 1996. № 1. С. 116–132).

Изучение проблемы личной безопасности сотрудников ОВД в различных условиях служебной деятельности дает возможность выделить следующие элементы профессиональной подготовки курсантов в условиях противостояния с правонарушителями: огневая, тактико-специальная, физическая подготовка, элементы боевого взаимодействия в различных ситуациях выполнения оперативных и служебных задач.

На наш взгляд, решение данной проблемы состоит в совершенствовании системы подготовки курсантов на завершающем этапе обучения с учетом комплексного подхода к содержанию и методике интегрального курса огневой, физической и тактико-специальной подготовки.

Так, тематику разделов учебной дисциплины «Основы личной безопасности сотрудников ОВД» можно объединить, разработав не менее 3–4 модулей. Сами учебные занятия следует проводить, используя полигонную форму обучения, сохраняя и отрабатывая необходимую тематику разделов и тем данной дисциплины.

Мы предлагаем использовать разработанную нами экспериментальную методику для обучения курсантов по дисциплине «Основы личной безопасности сотрудников ОВД». Особенностью данной методики является блочно-модульная форма проведения занятий, которые сочетают в себе отработку практических умений и навыков по блоку взаимосвязанных дисциплин боевой подготовки.

Исходя из предложенных 10 ситуаций (тем) рассматриваемой дисциплины, изучаемых в Московском университете МВД России, мы предлагаем сформировать четыре модуля: модуль 1 – для изучения теоретического материала; модули 2 и 3 – для отработки практических действий сотрудников в условиях выполнения оперативно-служебных задач. Заканчивается обучение модулем итогового контроля 4 с использованием полигонной формы проведения занятий на учебно-тренировочном полигоне Брянского филиала Московского университета МВД России.

Занятия проводятся в интегральной форме, которая требует участия нескольких преподавателей на учебных местах. Это позволит организацию всего учебного процесса при выполнении практических задач в различных условиях служебной деятельности теснее связать с практикой, обеспечивая личную безопасность каждому сотруднику ОВД.

Следует отметить, что деятельность сотрудников правоохранительных органов при задержании активно сопротивляющегося правонарушителя представляет собой сложную многоуровневую систему. Применение метода моделирования ситуаций служебной деятельности должно основываться в первую очередь на рассмотренных нами особенностях этой деятельности.

Анализ уровня подготовленности учебных групп при решении практических задач в условиях противоборства с правонарушителями позволил выделить основные требования по обучению личной безопасности сотрудников, выполняющих оперативные и служебно-боевые задачи в различных условиях служебной деятельности:

- использовать специальные и подручные средства индивидуальной защиты и активной обороны;
- подавать и выполнять команды, связанные с одиночными и групповыми тактическими действиями при решении оперативно-служебных задач;

– проводить наружный осмотр нарушителя с использованием пистолета и автомата с последующим сковыванием наручниками, связыванием подручными средствами (ремнем, веревкой, шнурком);

– использовать подручные и вспомогательные средства, а также учитывать характерные особенности местности;

– перемещаться навстречу противнику, используя маскирующие и защитные укрытия;

– взаимодействовать и согласованно действовать вдвоем и в составе группы (групповая тактика);

– пресекать попытки завладения огнестрельным оружием сотрудника в различных ситуациях;

– быстро извлекать оружие из кобуры и готовить его к выстрелу в различных изготовках, перемещаться с оружием, менять изготовки для стрельбы в процессе передвижений;

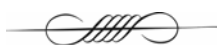
– огневое прикрытие одного сотрудника другим при тактических перемещениях;

– обеспечивать личную безопасность при огневом контакте;

– применять боевые приемы борьбы с использованием средств активной обороны;

– использовать специальные и подручные средства индивидуальной защиты и активной обороны.

Отрабатывая правильность применения и использования огнестрельного оружия, технику выполнения отдельных приемов рукопашного боя, тактику поведения и действия по силовому пресечению противоправных проявлений, следует помнить об обеспечении личной безопасности сотрудников ОВД в условиях выполнения ими служебных обязанностей. Это развивает тактическую реакцию, на основе которой пробуждаются правильные групповые тактические рефлексы. При разборе практического занятия и оценки действий сотрудников особенно подробно следует остановиться на наиболее смелых, дерзких и оригинальных решениях, даже если в них были недостатки.

Библиографический список

1. *Hennen, C. Staying Prepared: Nine Fundamental Principles for On-going Police Training / C. Hennen // Law and Order. – 1996. – № 9.*
2. *Буданов, А. В. Менеджмент безопасности / А. В. Буданов // Вестн. Метод. центра проф. образования и координации науч. исслед. Глав. упр. кадров МВД РФ. – 1996. – № 1.*
3. *Буданов, А. В. Обучение сотрудников правоохранительных органов тактике и методам обеспечения личной безопасности : учеб.-практ. пособие / А. В. Буданов. – М., 1997.*

Bibliographical list

1. *Hennen, C. Staying Prepared: Nine Fundamental Principles for On-Going Police Training / C. Hennen // Law and Order. – 1996. – № 9.*
2. *Budanov, A. V. Training of Law Enforcement Tactics and Techniques to Ensure Personal Safety / A. V. Budanov. – M., 1997.*
3. *Budanov, A. V. Management of Security / A. V. Budanov // Herald MTSPo and THD GUK MVD RF. – 1996. – № 1.*

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
Alternative Grounds for a Suspension of a Criminal Case

Аннотация. Предлагается привести нормы уголовно-процессуального законодательства в соответствие с нормами Конституции РФ.

Кроме того, аргументируется позиция, согласно которой временное тяжкое заболевание потерпевшего, удостоверенное медицинским заключением и препятствующее его участию в следственных (судебных) действиях, если дальнейшее расследование (производство в суде первой инстанции) без него невозможно, также должно быть основанием для приостановления производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс РФ, приостановление производства по уголовному делу, основания приостановления производства по уголовному делу, Конституционный Суд Российской Федерации, потерпевший.

Annotation. It is proposed to bring the rules of criminal procedure legislation into conformity with the Constitution of Russia.

Furthermore, we argue the position that the temporary grave illness of the victim, certified medical report and preventing its participation in the trial (judicial) actions, if further investigation (made in the court of first instance) without him is impossible, there must also be grounds for suspension of the criminal case.

Key words: criminal-procedural of RF, suspension of a criminal case investigation, grounds for a suspension of a criminal case, Constitutional Court of the Russian Federation, victim.

Проблема совершенствования оснований приостановления уголовных дел в настоящее время является актуальной. Необходимо отметить, что кроме указанных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (М., 2007) оснований существуют и основания, которые не отмечены в законодательстве и которые можно назвать «альтернативными». В основном вокруг них и возникают дискуссии среди ученых-процессуалистов.

Одним из альтернативных оснований является приостановление производства по уголовному делу в связи с направлением запроса в Конституционный Суд Российской Федерации или принятием последним к рассмотрению жалобы о соответствии закона, примененного или подлежащего применению в данном уголовном деле, Конституции Российской Федерации. Это основание представляется наиболее спорным, так как не соответствует главным критериям обстоятельств, вызывающих приостановление по уголовному делу. В данном случае перерыв в процессуальной деятельности законодатель связывает с иным юридическим фактом – необходимостью проверки того или иного положения закона. Это основание нашло свое отражение в ч. 1 ст. 238 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), и мы считаем это правильным.

В уголовном процессе решения Конституционного Суда Российской Федерации являются юридическими фактами, влекущими неприменение неконституционных уголовно-процессуальных норм при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела. Применение закона, в конституционности которого возникли сомнения, независимо от

стадии уголовного судопроизводства может привести к нарушению прав и законных интересов участников процесса. Пункт 5 ч. 1 ст. 234 проекта УПК РФ содержал данное основание.

Чтобы правоприменительная практика в досудебном производстве стала более гибкой и эффективной, представляется необходимым распространить рассматриваемое нами основание приостановления производства по делу на стадию предварительного расследования. Данной точки зрения придерживается и 106 (56,4 %) из 188 опрошенных нами следователей (дознателей).

Мы, разделяя мнение многих ученых-процессуалистов, предлагаем привести нормы уголовно-процессуального законодательства в соответствие с нормами конституционного закона, дополнив ч. 1 ст. 208 УПК РФ пунктом пятым следующего содержания:

«5) получение следователем или дознавателем извещения о принятии к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации жалобы обвиняемого (подозреваемого), его защитника или законного представителя на нарушение его прав и интересов законом, примененным или подлежащим применению в данном конкретном деле».

Можно отметить, что еще в 1967 г. в своей работе П. С. Элькинд указала на то, что предварительное следствие может быть приостановлено: 1) в случае зимовки обвиняемого, когда место зимовки известно органам следствия, а навигации в ближайшее время не предвидится; 2) в случае тяжкого заболевания потерпевшего, когда дальнейшее расследование уголовного дела без него невозможно (Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального пра-

ва. М., 1967. С. 187–188). Однако ее точка зрения в то время была подвергнута критике. В. М. Быков полагал, что указанные обстоятельства, как и проведение ревизии, несвоевременное получение заключения эксперта, не могут служить основаниями приостановления производства по делу и причинами отсрочки применения к обвиняемым мер уголовной репрессии (Быков В. М., Ломовский В. Д. Приостановление производства по уголовному делу. М., 1978. С. 13).

В теории и практике основное внимание сосредоточивается на личности обвиняемого. Безусловно, в уголовном судопроизводстве личность обвиняемого нуждается в защите, а ее права – в гарантиях обеспечения их реализации. Однако названная выше «исключительность» обвиняемого вызывает возражение, поскольку существует и другая личность – личность потерпевшего, которая остается вне должного внимания законодателя, а ее права на практике часто если и не игнорируются совсем, то в значительной мере ущемляются (Коркина И. В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3). Потерпевший как самостоятельный участник уголовного процесса немаловажную роль играет в решении задач уголовного процесса, установлении истины по делу и достижении целей правосудия. Справедливо в этом отношении замечание Н. И. Кулагина, который считает, что «если речь идет о защите прав человека на предварительном следствии, то чаще в отношении лиц, совершивших преступления, тех, кто сам нарушил закон, пренебрег правами других людей, посягнув на их жизнь, жилище и имущество, их достоинство и нравственность. К сожалению, значительно реже обращаются к вопросу защиты прав потерпевших от преступлений, которые с большим основанием заслуживают сочувствия, ибо не по своей, а по воле правонарушителей лишаются определенных благ. Они становятся участниками процесса не по своей воле» (Кулагин Н. И. В защиту прав и законных интересов следователя // Права человека и правоохранительная деятельность. Волгоград, 1995. С. 102). Эти положения вполне отвечают здравому смыслу, правосознанию и справедливости.

Только М. В. Королев указал в своей диссертации на то, что необходимо расширить перечень оснований приостановления производства по делу за счет включения такого основания, как психическое или иное тяжкое заболевание потерпевшего, когда дальнейшее расследование дела без его участия невозможно (Королев М. В. Приостановление предварительного следствия в связи с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9).

На практике нередко возникает вопрос о том, как следует поступать в тех случаях, когда

в процессе предварительного расследования или судебного разбирательства заболевает потерпевший, особенно если его болезнь является результатом повреждений, причиненных обвиняемым. Практические работники, чье мнение разделяем и мы, полагают, что данное обстоятельство должно быть основанием приостановления уголовного дела.

Обоснуем свою точку зрения. Потерпевший, по мнению многих ученых (Аширбекова М. Т. О правах потерпевшего на предварительном расследовании // Современные проблемы расследования преступлений : материалы межвуз. конф. / редкол.: В. Л. Будников. Волгоград, 1992. С. 59–61 ; Денисов Л. А. Баланс прав и обязанностей потерпевшего и обвиняемого – подозреваемого в состязательном уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 1. С. 83), является активным участником процесса, права, законные интересы которого должны быть полностью обеспечены на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве по следующим причинам.

Во-первых, показания потерпевшего как источник доказательств позволяют установить существенные обстоятельства дела.

Во-вторых, нередко от исхода болезни потерпевшего зависят определение степени ответственности обвиняемого, правильная квалификация его действий.

В-третьих, интересы потерпевшего в значительной степени связаны с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, тем более, что во многих случаях от указанных обстоятельств зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда.

В-четвертых, невозможность участия потерпевшего в уголовном процессе может отрицательно сказаться на полноте, всесторонности и объективности исследования доказательств. Потерпевший участвует в процессе по делу для того, чтобы защитить свои права и интересы, нарушенные преступлением, высказаться по поводу причиненного ему вреда.

Основанием приостановления предварительного расследования законодатель считает временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствующее его участию в следственных и иных процессуальных действиях. Считаем, что это положение закона должно быть отнесено по аналогии и к случаям тяжкого заболевания потерпевшего. Аналогия, по нашему мнению и мнению ученых-процессуалистов, в данном случае применима, так как не нарушаются принципы уголовного процесса и права участников уголовно-процессуальных отношений (Белоносов В. О. Теория и практика применения аналогии в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд.

юр. наук. Саратов, 1998. С. 18–19 ; Белоносов В. О., Громов Н. А. Критерии допустимости аналогии в уголовном процессе // Государство и право. 2001. № 7. С. 67–69 ; Сопнева Е. В. Аналогии в уголовном процессе // Рос. следователь. 2006. № 3. С. 9–12).

Мы считаем, что части первые ст. 208 и 238 УПК РФ необходимо дополнить пунктом в следующей редакции:

«временное тяжкое заболевание потерпевшего, которое удостоверено медицинским заключением и препятствует его участию в следственных (судебных) действиях, если дальнейшее расследование (производство в суде первой инстанции) без него невозможно».

Таким образом, российский уголовный процесс в ст. 208 и 238 УПК РФ в большей степени будет направлен не только на обеспечение прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, но и приоритетных интересов граждан, потерпевших от преступления. Необходимо помнить, что потерпевший в уголовном процессе выполняет как функцию обвинения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, так и функцию защиты своих прав и законных интересов.

В случае, если потерпевший не может по основаниям, указанным в п. 4 ч. 1 ст. 208, п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, участвовать в уголовном деле и возражает против приостановления уголовного дела, то его интересы по заявлению или доверенности должны отстаивать представители. Желательно, чтобы права потерпевшего в случае его отсутствия или невозможности участия в уголовном деле представлял, наряду с законным представителем потерпевшего, профессиональный юрист – адвокат или юрист правозащитной организации.

Некоторое внимание к положению потерпевшего проявил Конституционный Суд Российской Федерации, признавший необоснованным предоставление права судебного представительства интересов потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя только адвокатам (ч. 1 ст. 45 УПК РФ) (По жалобе гражданки Ивкиной В. О. на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 УПК РФ : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 февр. 2004 г. № 25-О // Вестн. Конституц. Суда РФ. 2004. № 6). Конституционный Суд Российской Федерации фактически вернулся к формуле УПК РСФСР, допускавшего в процесс, помимо адвокатов, также близких родственников и иных лиц.

Согласно ст. 131 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение расходов на представителя, но на практике это требование не выполняется. Правоприменители используют только те нормы, которые прямо указаны в законе. Однако в ст. 131 УПК РФ определяется отдельным пунктом (п. 5), что к процессуальным издержкам относятся сум-

мы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае его участия в уголовном судопроизводстве по назначению. Возмещение расходов потерпевшему на представителя законодатель отнес к иным расходам, понесенным в ходе производства по делу. Мы полагаем, что норма расходов, которая распространяется на подозреваемых и обвиняемых по назначению им адвоката, должна распространяться и на случаи, когда потерпевший в уголовном деле не участвует и не может лично защищать свои интересы. Мы считаем, что представители потерпевшего должны пользоваться теми же правами, что и потерпевший от преступления. Эти права они обязаны активно реализовывать в интересах потерпевшего.

По мнению К. А. Сергеева, в числе альтернативных оснований приостановления производства по уголовному делу следует назвать утрату материалов уголовного дела (Сергеев К. А. Приостановление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 31). Действительно, в настоящее время нередки случаи утраты материалов уголовного дела органами внутренних дел, прокуратуры и суда (Кальницкий В. В. Восстановление утраченных уголовных дел – правовая и организационная проблема судопроизводства // Правовая наука на рубеже XXI столетия : сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 168). Так, в 1996 г. 60 уголовных дел сгорели в суде Самарской области. Спустя два года в здании УВД Самарской области при пожаре огнем была уничтожена вся деловая и процессуальная документация. На совещании руководителей органов внутренних дел Дальневосточного федерального округа, состоявшемся в июле 2001 г., министр внутренних дел России, говоря о борьбе с организованной преступностью, привел «беспрецедентный случай, когда из квартиры следователя УВД Хабаровска было похищено девять томов уголовного дела в отношении преступных сообществ». В таких ситуациях возникает необходимость восстановления уголовных дел.

Н. П. Ефремова процесс восстановления уголовных дел определяет как особую форму предварительного расследования, состоящую в повторном собирании доказательств об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, путем проведения следственных действий, истребования и приобщения представленных материалов (в том числе копий и подлинных материалов первоначального расследования), оценки их совокупности и принятия новых решений либо подтверждение решений, принятых ранее (Ефремова Н. П. Восстановление утраченных уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 9).

К. А. Сергеев в своей диссертации указывает, что для повышения эффективности процедуры восстановления уголовного дела необходимо законодательно закрепить возможность приостановления производства по такому делу (Сергеев К. А. Указ.

соч.). Например, УПК Латвийской ССР предусматривал возможность приостановления уголовного дела при полном или частичном восстановлении утраченного следственного производства.

Позицию К. А. Сергеева мы не разделяем, так как для восстановления материалов уголовного дела, **во-первых**, необходимо проведение следственных действий, которые невозможно провести по приостановленному делу; **во-вторых**, невозможно приостановить производство уголовного дела, где имеется подозреваемый или обвиняемый и в отношении его уже избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу; **в-третьих**, после утраты материалов уголовного дела оно должно быть восстановлено в срочном порядке, чтобы не произошла утрата важных доказательств; **в-четвертых**, в УПК РФ имеется ст. 158¹, которая регулирует восстановление уголовных дел. В ней говорится, что восстановление уголовного дела производится по сохранившимся копиям материалов уголовного дела, которые могут быть признаны доказательствами в порядке, установленном УПК РФ, и путем проведения процессуальных действий; **в-пятых**, при утрате уголовного дела, когда процессуальная деятельность начата, следователь или дознаватель в необходимых случаях принимает решение о продлении или установлении (при возобновлении производства) сроков предварительного следствия (дознания) и составляет учетные документы о решениях, связанных с движением дела.

Таким образом, ни о каком приостановлении предварительного расследования в данном случае речь идти не может. Полная или частичная утрата уголовного дела не может служить основанием приостановления предварительного расследования.

Оригинальное основание приостановления предварительного расследования называет

Е. К. Черкасова. Она, поддерживая предложения Р. Максудова, М. Флямера, А. Грасенкова, предлагает приостанавливать уголовные дела, если обвиняемый обязуется по соглашению возместить потерпевшему причиненный вред (Черкасова Е. К. Правовое регулирование приостановления и возобновления предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 19).

Как сказано в ст. 25 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Нам кажется, что основание приостановления уголовного дела, данное Е. К. Черкасовой, надуманное и не соответствует основным признакам института приостановления, так как: 1) прекращение уголовного дела за примирением – это не обязанность, а право должностного лица. Оно может его прекратить на стадии предварительного расследования, а может направить в суд; 2) подозреваемый или обвиняемый должен на момент прекращения дела реально возместить причиненный вред, что вытекает из смысла закона; 3) до судебного разбирательства у него имеется время, в течение которого он может возместить потерпевшему вред, и дело будет прекращено в суде первой инстанции; 4) при приостановлении уголовного дела по данному основанию и невозмещении потерпевшему причиненного вреда следователю или дознавателю придется несколько раз возвращаться к одному и тому же уголовному делу.

Таким образом, мы не согласны с точкой зрения Е. К. Черкасовой и считаем, что данное основание не может являться основанием для приостановления уголовного дела, так как оно относится к совершенно другому институту – институту прекращения уголовных дел.

Библиографический список

1. Быков, В. М. Приостановление производства по уголовному делу / В. М. Быков, В. Д. Ломовский. – М., 1978.
2. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. М. В. Лебедева, науч. ред. В. П. Божьев. – 4-е изд., пераб. и доп. – М., 2008.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.
4. Уголовный процесс РФ : учебник / под ред. А. П. Кругликова. – М., 2009.
5. Элькин, П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П. С. Элькин. – М., 1967.

Bibliographical list

1. Bukov, V. Suspension of a Criminal Case Investigation / V. Bukov, V. D. Lomovsky. – M., 1978.
2. Scientific-Practical Comments to CPC of RF / ed. by M. Lebedev. – 4-th ed. – M., 2008.
3. Criminal-Procedural Code of the Russian Federation. – M., 2007.
4. Criminal-Procedural of RF / ed. by A. Kruglikov. – M., 2009.
5. Alkind, P. Interpretation and Application of the Criminal-Procedural Law / P. Alkind. – M., 1967.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

T. A. Tkachuk,
assistant-professor of forensic studies department
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia
candidate of law, assistant professor

МЕТОДОЛОГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ **Coordination Methodology in Investigating and Solving Crimes**

Аннотация. В работе дано определение взаимодействия, предложена классификация его элементов, осуществлен анализ эффективности взаимодействия, осуществляемого в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Ключевые слова: взаимодействие, раскрытие преступления, расследование и предотвращение преступления.

Annotation. The paper offers a definition of coordination as well as its elements. The author provides an analysis of coordination efficiency for the purpose of investigation, solution and prevention of crimes.

Key words: coordination, solution of crimes, investigation and prevention of crimes.

Под организацией любого вида деятельности традиционно понимаются «упорядоченность, согласованность на основе определенных процедур и правил действий субъектов данной деятельности, направленных на достижение общей цели и осуществляемых на основе их взаимодействия» (Большая сов. энцикл. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 473). В обеспечении упорядоченности и согласованности действий, осуществляемых в целях раскрытия и расследования преступлений, особая роль отведена криминалистическим рекомендациям, касающимся различных элементов организации, в том числе и взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений.

В русском языке слово «взаимодействие» означает «взаимную связь явлений» и «взаимную поддержку» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 68), «согласованные действия при выполнении боевой задачи» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 78), соблюдение обоюдности (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 180). Таким образом, понятие «взаимодействие» имеет два значения: 1) взаимная связь явлений; 2) взаимная поддержка. При этом взаимодействие выступает как явление, обусловленное не только волевыми усилиями человека или наличием (отсутствием) определенных факторов, но и органичной потребностью участвующих субъектов друг в друге. Прав Т. Котарбинский, отметивший следующее: «...два субъекта взаимодействуют, если хотя бы один из них помогает или препятствует другому» (Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. С. 88).

В этой связи нельзя не заметить, что происходит своеобразное методологическое разделение взаимодействия на объективное и субъективное. Однако нужно оговориться, что даже

последователи субъектного подхода к взаимодействию считают его явлением объективно необходимым, без которого не могут и не должны решаться вопросы раскрытия преступлений (Седов И. П. Некоторые правовые и организационные вопросы взаимодействия следователя и органа дознания как элемента следственной тактики // Проблемы Советского государства и права. Иркутск, 1975. С. 54). Следовательно, сама потребность во взаимодействии расположена в сфере объективного, т. е. необходимость в сотрудничестве при осуществлении деятельности по раскрытию и расследованию преступлений определяется не столько субъектом, сколько «предписывается» ему извне, из объективной реальности. Именно в силу объективных предпосылок взаимодействующие явления и объекты не могут существовать друг без друга, ибо по сути своей они существуют благодаря взаимодействию.

Так, характеризуя объективную сущность рассматриваемого взаимодействия на примере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, нетрудно заметить, что «процессуальная деятельность без применения непроцессуальных методов была бы невозможной, а непроцессуальная деятельность без последующего использования ее результатов – бесцельной» (Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 80).

Однако корни потребности в указанном взаимодействии, на наш взгляд, расположены за пределами правоохранительной системы, а методология понятия как совокупности методов предполагает разграничение методологии научного и практического взаимодействия. Применительно к взаимодействию методология рассматривается: 1) как практическая деятельность, характеризующая состояние связей между взаимодействующими субъектами при их

непрерывном воздействии и влиянии друг на друга; 2) как любой контакт независимо от его мотивации (положительной либо отрицательной), который следует воспринимать с позиции «все влияет на все».

В рассматриваемом аспекте методология взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений представляется определенной системой операций выбора последовательности выполняемых логически оправданных действий следователем, оперативным сотрудником и иными участниками указанной деятельности с целью получения конкретных результатов по расследуемым событиям. Таким образом, взаимодействие – это основанная на законе и иных нормативных актах совместная, согласованная деятельность следователей с сотрудниками оперативно-розыскных аппаратов, иных структур правоохранительных органов, с гражданскими лицами, учреждениями и организациями, а также со средствами массовой информации. Отличительным признаком взаимодействия субъектов расследования является то, что при решении комплексных вопросов сочетаются разные виды деятельности. То есть каждый из субъектов взаимодействия использует свои методы и способы работы для достижения общей цели, чем обеспечивается эффект взаимодействия.

В криминалистической литературе традиционно различают процессуальные и организационные формы взаимодействия органов дознания и предварительного следствия. При этом к основным процессуальным формам, вытекающим из уголовно-процессуального законодательства, относят такие, как:

- выявление органом дознания преступлений, по которым обязательно производство предварительного следствия, производство неотложных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лиц, его совершивших;

- содействие органов дознания органам предварительного следствия при выполнении следственных действий и осуществлении розыскных мер;

- выполнение органом дознания и иными субъектами взаимодействия поручений следователя, направленных на розыск подозреваемого (обвиняемого), производство экспертиз и исследований, обеспечение безопасности участников уголовного процесса, и др.

Под организационными формами понимают конкретные способы связи между следователем, прокурором и органом дознания, обеспечивающие их согласованное участие в уголовном судопроизводстве (Якубович Н. А. Орга-

низация взаимодействия следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1965). Они не регламентируются уголовно-процессуальным законодательством, а предусматриваются рядом нормативных правовых актов, включая ведомственные и межведомственные. К таким формам относят:

- совместные выезды и действия на месте происшествия (осмотр, поиск доказательств, выявление подозреваемых, очевидцев и т. п.);

- совместное планирование расследования;

- совместное осуществление планируемых мероприятий;

- взаимный обмен информацией, ее совместный анализ и оценка, т. е. информационное взаимодействие, которое приводит к изменению знания хотя бы одного из получателей этих сведений¹.

Отмечая общий объект применения – процессуальное расследование, все участники взаимодействия, осуществляемого с целью раскрытия и расследования преступлений, находятся в тесной связи между собой, формируя свою систему методов, используя имеющийся практический опыт и теоретические знания. Правильно организовать взаимодействие в рамках раскрытия и расследования преступлений, по нашему мнению, возможно:

- при оптимальном использовании всех потенциальных возможностей каждого из субъектов раскрытия и расследования преступлений;

- умелом сочетании процессуальных и оперативно-розыскных методов и средств, обеспечении безопасности участников раскрытия и расследования преступлений.

Именно системное проведение согласованных между собой действий и мероприятий позволяет, как правило, получить оптимальные результаты по расследуемому делу, а роль методологии при этом выходит за рамки решения локальных, узковедомственных задач, приобретая поистине стратегическое значение для процесса расследования преступлений. Так, рассматриваемая методология определяет развитие криминалистической рефлексии, основы мышления, позволяющих мыслить за реальных и прогнозируемых партнеров по взаимодействию, моделировать их действия, предполагать возможный результат и др.

¹ Термин «информация» обозначает, с одной стороны, сведения, с другой – процесс осведомления, которому традиционно отводится ведущая роль (Кузнецов Н. А., Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Информационное взаимодействие как объект научного исследования (перспективы информатики) // Вопр. философии. 1999. № 7. С. 78).

Воспринимая методологию взаимодействия как стратегию, следует, на наш взгляд, акцентировать внимание не только на его эмоционально-психологическом и информационном аспектах, но и на мобилизационных ресурсах, позволяющих быстро привлечь дополнительные средства, оптимально маневрировать имеющимися силами, существенно интенсифицировать деятельность всех участников взаимодействия, перебросить в нужный момент основные силы на наиболее важный участок.

Из анализа изученных нами уголовных дел следует, что самым распространенным видом взаимодействия является дача следователем отдельных поручений органу дознания. (Хотя опрос практических работников показывает, что еще более популярными являются их личные контакты, причем в первые 10 суток с момента поступления заявления о преступлении.) В дальнейшем активность оперативных работников и иных участников расследования снижается, особенно если преступление удалось раскрыть по горячим следам. Безусловно, одной из составляющих, влияющих на процесс взаимодействия, является уровень профессионализма следователей и сотрудников органов дознания, знание ими нормативно-правовой базы совместной деятельности (Плеснева Л. П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 13). При этом взаимодействие предполагает основанное на законе объединение усилий не только следователей и сотрудников органа дознания, но и представителей других служб органов внутренних дел, военных и гражданских организаций для решения каждым из них в пределах своих полномочий и присущими им формами и методами общей задачи раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Взаимное сопоставление, дополнение, использование и оценка информации, полученной при выполнении следственных действий и оперативно-розыскных и иных мероприятий, способствуют быстрому расследованию преступления, установлению лиц, его совершивших. Ни один из 230 опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов не отрицал потенциальную возможность эффективного взаимодействия в рамках раскрытия и расследования преступлений, однако более 70 % из числа респондентов, ссылаясь на недостатки действующего законодательства, оправдывают отсутствие активности и самостоятельности при решении даже локальных задач. В частности, справедливой критике со сторо-

ны сотрудников уголовного розыска подвергается ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), которая декларирует, по существу, «запрет» на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, «если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательством...». По их мнению, редакцию данной статьи логичнее было бы представить в форме «разрешается... при условии...». Следователи же в большинстве своем изъявляют желание не только знакомиться с данными оперативно-розыскной деятельности, но и принимать непосредственное участие в проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий (Бейтуганов Х. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами, в условиях Северо-Кавказского региона : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 114–116). В. Ф. Статкус обосновывает необходимость еще более кардинального решения данной проблемы – включить в УПК РФ в качестве специальных следственных действий с особым порядком их осуществления многие из оперативно-розыскных мероприятий, определенных в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.). При этом он ссылается на опыт ряда зарубежных стран (Статкус В. Ф. Следователь по особо важным делам. М., 2007. С. 42–44). Аналогичным образом данная проблема уже решена во Франции, Латвии (Кавалиерис А. К. Некоторые проблемы использования и тактики специальных следственных действий // Вестн. криминалистики. 2007. Вып. 3(23). С. 53–57).

В правоохранительных органах, где многие службы и подразделения сосредоточены в одном ведомстве и подчинены единому руководству, в основе взаимодействия должны быть не эпизодические поручения следователя соответствующим службам о выполнении оперативно-розыскных и следственных мероприятий, а в первую очередь согласованное планирование самостоятельных и совместных действий. Представляется, что дачу отдельных поручений о выполнении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий необходимо практиковать лишь в тех случаях, когда они должны проводиться в районе действия другого органа внутренних дел или когда для осуществления этих мероприятий требуется комплексное использование сил и средств нескольких ведомств, служб, подразделений. При этом планы выполняют роль гибкого инструмента, помогающего правильно и рационально

организовать работу по раскрытию и расследованию преступлений.

Следователь и оперативный работник систематически информируют друг друга о ходе и результатах выполнения планируемых мероприятий, а также по другим имеющим значение возникшим вопросам, проверка которых входит в компетенцию каждого из них. При этом не исключаются, а предполагаются и в ходе дальнейшей работы совместное обсуждение и разработка на основе этого согласованных планов следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на быстрое и успешное расследование дела.

Осуществляя взаимодействие и согласованное планирование следствия и оперативно-розыскных мероприятий, следователь не вправе вмешиваться в формы и методы оперативно-розыскной работы, выполняемой оперативным работником, так же как и оперативный работник не вправе вмешиваться в процессуальную деятельность следователя. Каждый из них действует самостоятельно в пределах предоставленных им законом прав и полномочий, несет ответственность за правильность своих действий. Поскольку только следователь ответствен по закону за расследование находящегося в его производстве дела, все вопросы по организации взаимодействия исходят прежде всего от него. Вместе с тем если по находящемуся в производстве следователя делу неизвестно лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан без поручения следователя продолжать принимать меры к его установлению и о результатах сообщать следователю.

Примером совершенствования организации взаимодействия может, на наш взгляд, служить система приемов осуществления международного розыска преступников, в том числе и на национальном уровне. Так называемые циркулярные сообщения о розыске направляются в одну или сразу несколько зон Интерпола¹ либо одновременно во все страны-члены Интерпола для организации срочного международного розыска. В настоящее время в Генеральном секретариате Интерпола и в ряде национальных центральных бюро (далее: НЦБ) Интерпола (это касается практически всей Европы) установлено оборудование, которое позволяет передавать по электронным каналам связи фотографии и дактокарты разыскиваемых преступников, необходимые для их идентификации

(при наличии – генный код). В Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной совместным приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971, определен перечень органов, с которыми НЦБ Интерпола в России взаимодействует в ходе осуществления мероприятий по международному розыску преступников (Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2006. № 47).

Фактически к операциям по задержанию лиц, находящихся в международном розыске, участию в проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий в отношении разыскиваемых граждан привлекаются оперативные уполномоченные НЦБ Интерпола, его филиалов, сотрудники органов полиции заинтересованных государств.

До настоящего времени, в отличие от базы данных лиц, объявленных в федеральный розыск, не существует доступной базы данных лиц, объявленных в международный розыск по запросам российских правоохранительных органов². В целях совершенствования системы взаимодействия, осуществляемого в рамках раскрытия и расследования преступлений, необходимо, на наш взгляд, обеспечить быстрый доступ к подобной информации для сотрудников правоохранительных органов.

Система взаимодействия и его методология с учетом происходящих перемен в мире, безусловно, постоянно совершенствуется как в правовом, так и в организационном плане. Однако с учетом «прозрачности» некоторых границ, например, между государствами-участниками СНГ, свободы передвижения в пределах Содружества и большой мобильности преступников в современном мире необходимо как можно скорее решить вопросы повышения оперативности обмена информацией для согласованности и координации действий в целях раскрытия и расследования преступлений путем использования новейших технологий и систем связи. Приоритетным направлением указанной деятельности, без сомнения, должно стать повышение оперативности и действенности взаимного сотрудничества различных структурных подразделений, служб, ведомств и государств на всех этапах расследуемого события.

¹ В основе деления стран-членов Интерпола по зонам в основном лежит принцип принадлежности государства к той или иной части света либо к тому или иному континенту. Всего существует восемь зон Интерпола.

² Такая база данных под названием «Международный розыск» была разработана в НЦБ Интерпола еще в 1996 г.

Библиографический список

1. *Арестова, Е. Н.* Организационно-правовые и социологические аспекты взаимодействия органов внутренних дел с частными детективными и охранными службами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
2. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – М., 2008.
3. *Лавров, В. П.* Расследование преступлений по горячим следам : учеб. пособие / В. П. Лавров, В. Е. Сидоров. – М., 1989.
4. *Плеснева, Л. П.* Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002.
5. *Якубович, Н. А.* Организация взаимодействия следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений / Н. А. Якубович. – М., 1965.

Bibliographical list

1. *Arestova, Ye. N.* Organizational-Legal and Sociological Aspects of Coordination Activities of Law-Enforcement and Private Detective and Security Agencies / Ye. N. Arestova. – M., 1995.
2. Forensic Studies / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. – M., 2008.
3. *Lavrov, V. P.* Investigation of Hot-on-the-Track Crimes / V. P. Lavrov, V. Ye. Sidorov. – M., 1989.
4. *Plesneva, L. P.* Legal and Organizational Basis for Coordination Activities of the Investigator with Inquest Agencies / L. P. Plesneva. – Irkutsk, 2002.
5. *Yakubovitch, N. A.* Organization of Coordination between Investigators of the Procurator's Office and Militia Agencies while Investigating and Prevention of Crimes / N. A. Yakubovitch. – M., 1965.

О. Д. Третьякова,
декан юридического факультета
Владимирского государственного
гуманитарного университета
кандидат исторических наук, доцент

O. D. Tretjakova,
dean of the faculty of law
Vladimir State Humanitarian University
candidate of historical sciences, assistant professor

МЕТОДОЛОГИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВА **Law-Convergence Methodology**

Аннотация. В данной статье автор анализирует разнообразные концепции методологии, определяет понятия «методология» и «методология права», рассматривает отдельные элементы структуры этих понятий. Основываясь на анализе принципов и методов конвергенции права, автор формулирует определение «методология конвергенции права».

Ключевые слова: методология, методология права, методология конвергенции права.

Annotation. The author analyzes different methodology concepts in the article, definitiates the concepts: “methodology” and “law-convergence”, looks upon some structure elements of these concepts. On analyses foundations of methods and principles of law-convergence, the author formulates the definition “Law-convergence methodology”.

Key words: methodology, law methodology, law-convergence methodology.

Методология конвергенции права, как и правовой науки в целом, может рассматриваться неоднозначно, поскольку относительно самого понятия «методология» нет единства мнений среди ученых (Андреев И. П. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972 ; Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001 ; Лукич Р. Методология права. М., 1981 и др.). По этому поводу один из известных отечественных специалистов в области методологии М. В. Рац замечает: «Среди прочих странностей методологии есть и такая: никто не уполномочен выступать от ее имени, ибо каждый понимает ее по-своему» (Рац М. В. Методология: младшая сестра науки или ее мать? URL: <http://www.metodolog.ru/00334/00334.html>). В связи с этим прежде, чем вести речь о методологии конвергенции права, необходимо сформулировать операционное определение понятия методологии в целом, а также установить специфику правовой методологии.

В справочной литературе методология определяется, во-первых, как учение о методах научного познания и как совокупность методов, применяемых в какой-либо науке (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003); во-вторых, как система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе (Философский энциклопедический словарь. М., 1983); в-третьих, как алгоритм поиска цели, набор приемов, методов, средств, способов, принципов достижения цели: 1) теоретической цели – модели идеального знания (в заданных описании условиях, например, скорость света в вакууме); 2) практической цели – программа (алгоритм) приемов и способов того, как достичь желаемой практической цели и не погрешить

против истины, или того, что мы считаем истинным знанием (Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>).

Как следует из приведенных выше определений, в справочной литературе понятие методологии рассматривается преимущественно с точки зрения учения о методе в сумме с методами, используемыми в той или иной деятельности, и не отражает в должной мере сущности данного явления. С одной стороны, такая позиция «обедняет» методологию, с другой – приводит на практике к отождествлению методологии с методами, что вызывает научную дискуссию.

Так, А. И. Ракитов утверждал в свое время, что методологию следует рассматривать как самостоятельную науку (Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 162). У Р. Лукича методология расширяется до практической юридической деятельности, на которую направлено соответствующее правовое исследование (Лукич Р. Указ. соч. С. 24). К. Д. Петряев утверждает, что методология – это система существенных аспектов мировоззрения и теории (или ряд теорий), определяющих исследовательские принципы науки (Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971. С. 8).

Тенденция к расширению понятия «методология» наблюдается и в настоящее время. В частности, по мнению известного современного исследователя данного вопроса Д. А. Керимова, «методология – явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы» (Керимов Д. А. Указ. соч. С. 46).

С. А. Лебедев утверждает, что «методологическое знание существует в двух основных

формах: в виде методологических концепций, теорий и в виде отдельных методов, принципов, непосредственно входящих в саму структуру конкретно-научных теорий. Таким образом, методологическое знание одновременно находится и вне частнонаучного знания, и внутри него» (Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопр. философии. 1980. № 6. С. 87).

Итак, на основании анализа разнообразных концепций методологии можно заключить следующее.

Во-первых, понятие методологии по объему не совпадает с понятием метода. Соотношение методологии и метода может быть представлено как диалектическое единство целого и части, системы и элемента, общего и отдельного.

Во-вторых, методология – это неотъемлемая часть какой-либо науки, при этом ее не следует смешивать и отождествлять с самой наукой. Полагаем, что методология является инструментом, средством науки, при этом она шире любой конкретной науки, так как может иметь междисциплинарный и общенаучный характер.

В-третьих, методология не исчерпывается самим учением и методами познания, сюда входят и другие явления: мировоззрение, принципы, понятия и категории и т. д. Представляется, что этот перечень на данный момент можно оставить открытым, поскольку он зависит от сферы применения методологии.

В-четвертых, составляющие методологию компоненты носят интегративный характер, тесно взаимодействуют и представляют собой систему, среди элементов которой главное место занимают методы, применяемые исследователем, принципы и основные категории, а само учение о методе или методах, применяемых той или иной наукой, выступает в качестве интегрирующего средства данной системы.

В-пятых, на основании прогнозируемых результатов в методологии условно можно выделить три направления: специальное, междисциплинарное и общенаучное. Каждое из них характеризуется относительно самостоятельным инструментарием. Вместе с тем данные направления реализуются в комплексе, так как нельзя получить относительно адекватный результат (объективные знания о предмете исследования) без реализации всех направлений методологического воздействия на изучаемую реальность. Например, исследуя мозаику на стене, можно изучить отдельный осколок, увидеть его форму, оттенки, ближайшие к нему части и их взаимное расположение; отойдя немного от стены, можно изучить фрагмент общей мозаики и, только отойдя еще дальше, – увидеть мозаику в целом и понять замысел художника.

В-шестых, содержание методологии зависит от уровня познания. Теоретическому уровню свойственны принципы, методы, категории, направленные на создание отвлеченной картины исследуемого явления. На этой основе формируются направления практической реализации теории. Для практического уровня свойственны элементы методологии, способствующие фиксации реальных свойств изучаемых предметов или явлений.

В-седьмых, содержание методологии зависит от субъектов познания. Чем компетентней субъект, тем богаче исследовательский арсенал. Вместе с тем, чем меньше исходная база знаний у субъекта, тем смелее он берется за трудно решаемые задачи и часто достигает успеха.

В-восьмых, методология является основой любого исследования, так как качество результата зависит от качества содержания применяемой методологии. Это связано с верным выбором объекта и предмета исследования, способов исследования, последовательности их применения, адекватной интерпретацией и формулированием категорий и принципов.

В-девятых, методология – это своего рода путь к получению истинного знания об объекте и предмете исследования, включающий несколько этапов. Логико-гносеологический анализ данного явления позволяет условно выделить три этапа: первоначальный, последующий и завершающий. На первоначальном этапе формируется первичное знание об объекте и применяются те части методологии, которые ответственны за него (как правило, это элементы практического уровня методологии, например, такие как наблюдение, измерение, эксперимент и т. д.). Последующий этап характеризуется применением аналитической методологии (формирование рабочих понятий, суждений, анализ и синтез и т. д.). На завершающем этапе формируются выводы исследования, для чего используются фактически все элементы методологии, главное место среди которых занимают само учение и мировоззрение исследователя.

В-десятых, методология – это субъективно-объективный комплекс, характеризующийся обоснованием каких-либо объектов и воздействием на них при осуществлении не только теоретической, но и практической деятельности.

Исходя из приведенных умозаключений сформулируем рабочее определение понятия методологии и рассмотрим составляющие ее основные элементы. Итак, **методология** – это система элементов, составляющих теоретическую основу и инструментарий исследования в той или иной области, а также система способов практического воздействия на мыслимую или реально существующую действительность.

В качестве элементов строения методологии предположительно можно назвать следующие: принципы познания, понятия и категории, методы исследования, мировоззрение исследователя и само учение о методах, средствах и их реализации. Кроме того, к методологии следует отнести способы правового воздействия и взаимодействия.

Первым элементом в представленной системе названы принципы познания, которые можно определить, во-первых, как основополагающие идеи и, во-вторых, как руководящие начала познавательной деятельности. Согласно этимологии данного термина, принцип – это основа чего-либо. В нашем случае – это основа существования самой методологии, предполагающая, в свою очередь, наличие, по крайней мере, следующих взаимосвязанных компонентов: 1) ее наиболее существенные свойства и дефиниция; 2) предмет исследования; 3) представление (схема) пути исследования; 4) возможность определения прогнозируемых результатов исследования; 5) прогноз реализации результатов исследования в общественной практике; 6) достаточный уровень мировоззрения для осмысления и применения основ методологии.

Как известно, наука представляет собой сложный познавательный процесс, протекающий по определенной логике, закономерные принципы которой используются в практике научно-исследовательской работы. Своеобразие этих принципов состоит в следующем: «а) они являются средством, с помощью которого реализуются требования научного анализа, направленного на решение данной задачи, б) теоретическое обоснование подобных принципов выходит за границы, задачи и возможности соответствующей науки, в которой они используются, и в) каждый такой принцип представляет то или другое теоретическое знание, которое играет роль метода» (Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967. С. 129).

Исследование будет иметь научный статус только при условии его целесообразности, аргументированности, верифицируемости и относительной истинности его результатов. Поэтому процесс исследования предполагает осуществление ряда последовательных операций: научную постановку проблемы, ее четкое формулирование; выдвижение альтернативных идей о возможных путях решения проблемы; избрание оптимальной идеи, с помощью которой вероятнее всего достижимо решение проблемы; следование этой идее в ходе познания; поочередное использование всех других альтернативных идей в том случае, если первоначально избранная идея не решила проблемы; вывод решенной

проблемы на практику путем определения этапов действия.

Каждая из названных операций, по справедливому утверждению Д. А. Керимова, нуждается в детализации. Так, выдвижение альтернативных идей о возможных путях решения проблемы предполагает выделение главных и отвлечение от второстепенных путей познания. Тем самым сокращается спектр альтернативных идей. Избрав оптимальную идею, необходимо ее расчленить на более простые, так сказать, подыдеи, совокупность которых образует «дерево подыдей». Последовательный анализ ветвей этого «дерева» позволит отобрать из них перспективные и отбросить малоэффективные или даже тупиковые. Плодотворность реализации подыдеи зависит от глубины анализа изучаемой проблемы. Оставшиеся ветви подвергаются аналитическому «просвечиванию», а аналитически освещенная их совокупность создает базу для синтеза – высшего напряжения исследовательской мысли. Осуществление синтеза открывает путь для решения проблемы. Если на этом пути не будет достигнут успех в решении проблемы, то придется ту же процедуру осуществлять со второй, третьей идеей и т. д. И так до тех пор, пока соответствующий путь не приведет к решению проблемы (Керимов Д. А. Указ. соч. С. 93–95).

Иными словами, при реализации идеи, или основы, методологии «включается» второй вариант определения принципа – руководящее начало. В этом смысле принцип опосредует деятельность по внедрению идеи в практику. Сюда входят следующие компоненты: дифференцированное множество руководящих начал; аттракция и мерность разных начал, направленность их на достижение конечного результата; постадийность процедуры исследования; обратная связь с принципами-основами; оценка результата реализации методологии.

Итак, исследуемая реальность в ходе познания интерпретируется разумом человека, который в процессе познания «отталкивается» от принципов и к ним возвращается, исследуя познанный результат. И этот процесс познания осуществляется до тех пор, пока полностью не реализуются возможности сознания. Высказываемая мысль о том, что познание может ограничиваться не только сознанием, но и самим объектом познания (Там же. С. 96), представляется необоснованной. Как показывает практика существования общества, человека и самого познания, даже у известных объектов с течением времени и развитием науки открываются все новые и новые грани.

Следующий элемент структуры методологии – понятия и категории. Понятие – это про-

стейшая форма мышления, отражающая наиболее существенные признаки предметов или явлений. Категория представляется в виде наиболее общего, фундаментального широкого понятия, имеющего существенное значение для той или иной области научного знания (Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 2000. С. 941, 509). Любое определение, чтобы адекватно интерпретироваться, должно отвечать конкретным правилам. Авторы Справочника по правописанию, произношению, литературному редактированию выделяют четыре элемента, которые должны быть присущи дефиниции:

- 1) определяемое понятие, т. е. то, что определяется;
- 2) предикат – то, что говорится об определяемом;
- 3) родовой признак, т. е. качество, присущее ряду родственных предметов или явлений;
- 4) видовое отличие – качество, характерное только для данного определяемого понятия (Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д. И. Розенталь [и др.]. М., 1994. С. 362).

Применение понятий и категорий – это сложный познавательный акт, в ходе которого реализуются их теоретические и методологические функции (Сырых В. М. Метод общей теории права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 24). Как формы мышления понятия и категории правоведения раскрывают сущностные стороны, связи правовых явлений и реализуют в процессе научного познания методологическую функцию на следующих стадиях:

- первоначальное накопление знаний об объекте государственно-правовой действительности. В данном случае идет процесс накопления знаний, а не их осмысление;
- систематизация полученных результатов познания. В форме понятий и категорий отражаются существенные устойчивые стороны, связи правовых явлений. Из содержания понятий и категорий можно выявить способы, с помощью которых эти понятия были получены и которые надлежит применять для получения новых знаний;
- интерпретация исследуемых явлений и определение путей их дальнейшего развития.

Реализация методологической функции понятиями и категориями на указанных стадиях осуществляется не произвольно по усмотрению исследователя, а в соответствии с вышеприведенными правилами, соблюдение которых является обязательным условием для получения адекватного знания. Отсюда любое понятие или категория при их неверном методологическом применении не откроют новых истин, а,

наоборот, станут источником искажений, коллизий и конфликтов.

Вызывает возражение точка зрения о том, что категории не являются частью методологии (Гиргинов Г., Яноков М. Методология как раздел гносеологии // Вопр. философии. 1973. № 8. С. 127–128). Безусловно, понятийный аппарат нельзя отождествлять с методологией, поскольку он лишь небольшая ее часть, т. е. совершенно прав В. М. Сырых, по мнению которого понятийный аппарат общей теории права в познании выступает в двух функциях: теоретической и методологической. Юридические понятия реализуют теоретическую функцию, если они используются для описания, объяснения и прогнозирования правовых явлений. Когда же понятия и категории выступают в качестве основы методологических правил, принципов, то они реализуют методологическую функцию. Но в этом случае результатом познания выступают не новые знания о праве и его закономерностях, а правила, принципы познания, которых нет в самом предмете исследования и в отражающих его правовых понятиях. Именно эти правила, принципы в своей совокупности и составляют содержание такого компонента общей теории права, как метод (Сырых В. М. Указ. соч. С. 26).

Действительно, рассматривать понятия и категории в качестве специального или единственного метода правовой науки на том основании, что они отражают сущностные, закономерные стороны правовых явлений, – значит «обеднять» методологию.

Следующий элемент структуры методологии, так называемые иные средства, представляет собой совокупность явлений, с помощью которых осуществляются процесс познавательной и иной деятельности и их осмысление. Однако эти явления не относятся к понятиям, способам либо принципам познания.

Иные средства методологии можно классифицировать следующим образом: по содержанию группы – на общие и специальные; по способу существования и фиксации – объективные и субъективные. В качестве общих средств методологии проявляются политическая, экономическая и духовная жизнь людей. Сферы жизнедеятельности общества оказывают наибольшее воздействие на познавательные процессы, следовательно, и на методологию. Достаточно вспомнить политическую борьбу с генетикой и кибернетикой, когда в советских учебниках для средней школы утверждалось, что физика – глубоко партийная наука, отрицалось методологическое значение метафизики и т. д.

Специальные средства зависят от конкретной отрасли исследований и деятельности, например, в юриспруденции к специальным сред-

ствам методологии можно отнести юридическую политику, юридическую технику, технологию, юридическую стратегию и тактику.

Субъективные иные средства – это совокупность индивидуальных особенностей познания, обусловленных физическими и интеллектуальными параметрами лица. Иными словами, то, чем пользуется исследователь при познании, охватывается понятиями «методы» или «способы», а процесс их комбинации может рассматриваться в качестве иного субъективного средства.

Объективные иные средства познавательной и практической деятельности представляют собой явления, факторы, относительно не зависящие от воли и сознания субъекта познания, т. е. явления существуют сами по себе, но могут привлекаться к исследовательским процессам. Например, мало кто до конца понимает, что такое явления электричества или радиоактивности (особенно в первое время после их открытия), вместе с тем эти в целом не зависящие от воли и сознания человека явления широко применяются в познавательных процессах.

Далее остановимся на наиболее популярной части методологии – методах познания. Метод – это наиболее эффективный путь, способ или комбинация способов достижения цели (Большой энциклопедический словарь. С. 724). Он имеет собственное содержание – совокупность способов, направлений познания, которые основываются на выявленных объективных закономерностях и ориентируют исследователя на получение новых объективно-истинных знаний. Вместе с тем вопрос о том, что представляет собой метод и из каких компонентов он состоит, в настоящее время является дискуссионным. В юридической литературе наметились три подхода: 1) одни авторы полагают, что метод общей теории права состоит из ее теоретико-понятийного аппарата; 2) по мнению других, в метод данной науки входят не только общие (логические) и специальные методы познания, но и теоретические принципы, понятия, категории; 3) суть третьего подхода выражается в том, что метод общей теории права составляют общие, специальные и частные приемы, способы научного познания. Понятия и категории хотя и играют важную роль в познании, выступают основой методов, но в их содержание непосредственно не входят (Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1978 ; Тененбаум В. О. Введение в общую теорию государства. Саратов, 1970. С. 67 ; Ушаков А. А. Методология советского правотворчества // Сов. государство и право. 1979. № 12. С. 30).

Обобщая названные точки зрения, можно резюмировать, что метод или методы познания

тесно связаны непосредственно с самим объектом, а также зависят от субъекта. Однако существуют типы сложившихся общенаучных методов, которые достаточно распространены и популярны у исследователей. В целом же, вероятно, основной объективной причиной появления различных неоднозначных толкований понятия «методология» служит то обстоятельство, что человечество перешло в новую постиндустриальную эпоху своего развития, сопровождаемую такими явлениями, как информатизация общества, глобализация экономики, изменение роли науки в обществе и т. д. (Новиков А. М. Предмет и структура методологии. URL: <http://www.methodolog.ru>).

Методологию как систему нельзя сводить только к составляющим ее компонентам, она имеет собственные (относительно самостоятельные) интегративные закономерности развития. Эти закономерности обуславливают то, что компоненты методологии, будучи объединенными в органически целостную систему, вступают в связи, отношения и взаимодействия между собой и тем самым приобретают свойства, отличные от их единичного существования и действия: фундаментальные общетеоретические концепции пронизывают мировоззрение; методы познания, сохраняя относительную самостоятельность, вместе с тем выступают как учение о методах и соответствующих теоретико-гносеологических обобщениях; всеобщие философские законы и категории освещают применимость (или границы применимости) обще- и частнонаучных методов в конкретных исследованиях, в том числе в сфере права.

К методам и методологии в целом можно отнести и способы практического воздействия на отношения в различных сферах деятельности. Дело в том, что сегодня методологию все чаще рассматривают, с одной стороны, очень широко – как учение об организации любой человеческой деятельности: и научной, и профессиональной, и художественной, и игровой и т. д.; с другой стороны – как учение об организации индивидуальной и коллективной деятельности (Методология: вчера, сегодня, завтра / ред.-сост. Г. Г. Крылов, М. С. Хромченко. М., 2005 ; Новиков А. М. Методология учебной деятельности. М., 2005 ; Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007). Безусловно, содержание различных видов деятельности разное, но в принципах, методах (способах), организации практической деятельности есть общие основы.

Применительно к праву также можно выделить теоретический и практический аспекты методологии.

Методология теории права представляет собой относительно самостоятельный компонент

данной науки, который органически связан с теоретико-понятийным аппаратом, но не совпадает с ним непосредственно. Соотношение методологии и самой теории некоторые ученые (В. М. Сырых) видят в том, что правовые понятия, категории выступают основой правил, принципов познания права и формулируются в процессе модификации, приспособления общих и специальных методов применительно к специфике права (Сырых В. М. Указ. соч. С. 9). Метод обеспечивает надлежащую реализацию теоретической функции правовой науки, поскольку вне методологически грамотной деятельности познающего субъекта теоретико-понятийный аппарат не может дать новых знаний и, следовательно, выступать в качестве метода научного познания.

Наиболее эффективным способом приведения всего многообразия методов, используемых в сфере права, к определенному единству и согласованности является их систематизация. При этом система методов в юриспруденции может быть выявлена при помощи системного анализа, включающего в себя следующие теоретические и методологические положения.

1. Одним из условий установления существующих связей и зависимостей между применяемыми способами познания является осмысление процедуры познания, совершаемое исследователями с помощью этих методов.

2. Процедура познания в правовой сфере характеризуется поэтапностью (поэтапностью). Связь между стадиями (этапами) правового познания является иерархической и выражается в том, что каждая последующая, более высокая, стадия использует материалы, знания, полученные на предшествующих ей стадиях¹.

3. Иерархия стадий правового познания обуславливает аналогичную связь между методами, используемыми на этих стадиях (этапах). С точки зрения диалектики эти стадии и, следовательно, присущая им система методов может быть представлена следующим образом: а) познание единичного факта; б) научное обобщение; в) познание необходимости; г) познание внутренней закономерности и на этой основе познание нового единичного факта, превращения тем самым линии продвижения науки в круг (Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1998. С. 54–57).

Однако, как справедливо отмечают отдельные исследователи, особенность правовой реальности, рассматриваемой с позиции системного подхода, заключается в том, что элементы

данной мегасистемы разнородны: это и социальные системы, представляющие разновидность материальных систем, и абстрактные системы, т. е. системы идеального порядка, являющиеся продуктом человеческого мышления (Павлова Ю. В. Правовая энтропия. Владимир, 2005. С. 6). Можно дополнить, что эти системы носят открытый характер, поэтому изучение их самих и их действий объединяет познание двух типов – диалектическое и синергетическое.

Однако не стоит полагать, что методология права располагает готовыми рецептами действий на все случаи жизни. Напротив, сама ориентация на поиск готовых (тем более истинных) решений представляется «антиметодологической». Более того, методология предполагает ситуативность не только решений, но и применяемых при их выработке знаний, методов и средств. В этом заключается еще одно важное отличие методологии от науки: разрабатываемые и получаемые наукой знания, методы и средства рассчитаны на многократное использование – они, если не вечны, то долговечны. Методология, разумеется, тоже может использовать накопленный опыт, но, апеллируя к наличным знаниям, готовым методам и средствам, методолог работает уже как ученый, которому положено ориентироваться на выработку новых, пусть и «одноразовых» (применительно к данному случаю) знаний, методов и средств (Новиков А. М., Новиков Д. А. О методологии. URL: <http://www.methodolog.ru>).

Представленное суждение известных специалистов в области методологии А. М. и Д. А. Новиковых вполне согласуется с методологией права, поскольку последняя также имеет параметры, присущие методологии в целом, и ее специфика проявляется не в структуре, а в арсенале методов, принципов и средств.

Во-первых, как справедливо отмечает В. М. Сырых, к методологии права относятся основные правовые понятия и категории (Сырых В. М. Указ. соч. С. 24), то же можно сказать и о методологии правового воздействия.

Во-вторых, сюда относятся основополагающие идеи, руководящие начала правового воздействия, т. е. принципы права, имеющие как объективный, так и субъективный характер (Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 51–52).

В-третьих, в методологию права входят правовые и иные социальные нормы, опосредующие мерную регламентацию общественных отношений.

В-четвертых, в качестве специфического средства методологии права можно назвать ненормативное регулирование.

В-пятых, имеет специфику и учение о праве, так как оно включает два направления: первое

¹ Еще Декарт в свое время рекомендовал проводить исследование поэтапно, деля затруднения на несколько частей (Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 272).

посвящено изучению теории правового воздействия, второе – практики правового воздействия, т. е. осуществления регулятивного воздействия на отношения между людьми.

В-шестых, специфичны и конкретные типы методов, применяемых при осуществлении и изучении правового воздействия на общественные отношения. Догматической части методологии присущ весь арсенал методов, применяемых в исследованиях, при этом изучение нормативного регулирования преимущественно опосредуется по диалектическому типу, а ненормативного в целом – по синергетическому.

В-седьмых, методы, используемые для воздействия на общественные отношения, право реализует, опираясь на догму, принципы и категории, через дозволения, запреты, позитивные обязывания, поощрения, рекомендации, побуждения, понуждения и новации.

В-восьмых, методологическая догма и методика правового воздействия могут в совокупности опираться на ту или иную правовую парадигму (например, разрешено все, что не запрещено), которая при ее использовании трансформируется в принцип. При этом, как справедливо указывает В. В. Шаханов, законодательство не всегда является формой объективации парадигм (Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 22). Полагаем, что данное суждение касается не только законов, но и иных регулятивных средств.

Следовательно, в целом методология права – это система юридических учений, принципов, средств и способов организации теоретической и практической юридической деятельности.

Конвергенция права – это процесс, который происходит в результате реализации теоретической и практической юридической деятельности (Третьякова О. Д. Онтология конвергенции права. Владимир, 2008), а значит, конвергенция права во многом основывается на общей методологии права (в плане учения о методах, всеобщих и общенаучных методах и т. д.). Иными словами, можно поставить знак тождества между методологией права и методологией конвергенции права. Однако последней присущи и самостоятельные элементы (принципы, методы и средства), которые рассмотрим подробнее.

Принципы конвергенции права носят сквозной, всепроникающий характер и действуют в процессах как внутренней, так и внешней конвергенции. Прежде всего, в зависимости от определенности это – принцип *планируемой* и принцип *спонтанной* конвергенции права.

Планируемая внешняя конвергенция права осуществляется при взаимной договоренности

между государствами, чьи правовые системы подлежат сближению. Планируемая внутренняя конвергенция права основана на целенаправленной деятельности различных субъектов по систематизации законодательства, реализации права, сближению права и закона, права и иных социальных норм и т. д.

Спонтанная внешняя конвергенция может возникнуть при кросскультурном взаимодействии различных стран и народов либо формировании национального законодательства с учетом мировых тенденций в области правового регулирования общественных отношений. Внутренняя спонтанная конвергенция права может проявляться в форме систематизации при кодификации, случайном сближении права и иных социальных норм, реализации правомерного поведения, когда лицо основывает свое поведение на иных социальных нормах, при этом фактически реализует право.

Принцип *эффективности* правового регулирования при конвергенции права означает, что изначально деятельность, направленная на сближение национальных правовых систем, систематизацию и реализацию законодательства, обусловливается необходимостью совершенствования правового регулирования общественных отношений. На самом деле эффективность правового регулирования может служить прикрытием для личных или государственных интересов.

Принцип *обоснованности* конвергенции права означает, что она должна так или иначе определяться социально-политическими, юридическими и экономическими аргументами и предпосылками.

Большинство методов конвергенции права в отличие от ее принципов зависят от направлений конвергенции (внешнего и внутреннего). Но есть и общие методы, например, метод *интерференции регулятивных предписаний*. В рамках данного метода правовые предписания различных правовых систем, а также внутри одной правовой системы «накладываются» друг на друга в виде унификации законодательства разных стран, систематизации внутреннего законодательства, в виде обобщения требований права и иных социальных норм в сознании субъектов правоотношений.

Для внешней конвергенции права характерны методы *правовой аккультурации* (добровольной и принудительной). *Добровольная* аккультурация происходит в виде рецепции, заимствования, взаимного сближения на основе общих международных стандартов, а также образцов, выработанных взаимодействующими государствами и правовыми системами. *Принудительная* аккультурация осуществляется в виде правовой экспан-

сии, которая обеспечивается военным, экономическим и политическим давлением одного государства на другое. Кроме того, правовая экспансия может осуществляться за счет насильственного введения чужеродных правовых стандартов руководством государства или иными лицами, лоббирующими свои интересы.

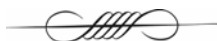
Для внутренней конвергенции права наиболее характерны методы: *правотворчества* (сближение права и закона, поведения и норм, права и иных социальных регуляторов); *систематизации* законодательства (инкорпорация, кодификация, консолидация); *реализации права* (соблюдение, исполнение, использование и применение).

Специальные средства конвергенции права – это используемые при осуществлении правового сближения явления, позволяющие реализовывать данный процесс.

В качестве специальных средств внешней конвергенции права можно рассматривать нормы международного права, межгосударственные соглашения, экономическое, политическое и культурное взаимодействие.

Внутренняя конвергенция осуществляется с использованием нормативных и ненормативных средств, интегрированного правосознания, правомерного поведения, резолютирующих конвергенцию юридических фактов.

Таким образом, методология конвергенции права может быть определена как основанное на общей методологии права учение о принципах, средствах и способах организации деятельности различных субъектов по сближению национальных правовых систем, права и закона, права и иных социальных норм, а также систематизации права и его реализации в правомерном поведении.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1998.
2. Керимов, Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М., 2000.
3. Новиков, А. М. Методология / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М., 2007.
4. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.

Bibliographical list

1. Gegel, G. V. F. Logics Science / G. V. F. Gegel. – М., 1998.
2. Kerimov, D. A. Law Methodology. Object, Problems of Law-Filosofy / D. A. Kerimov. – М., 2000.
3. Novicov, A. M. Methodology / A. M. Novicov, D. A. Novicov. – М., 2007.
4. Tarasov, N. N. Methodological Problems of Modern Law-Sciense / N. N. Tarasov. – Ekaterineburg, 2002.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА БАНКОВСКИХ КАРТ
Circumstances Contributing to Commit Theft Traffic in the Area of Bank Cards

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства, способствующие совершению хищений в сфере оборота банковских карт. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации их выявлением занимается следователь. Предложенные меры по устранению выявленных обстоятельств могут найти свое место в представлении следователя банку.

Ключевые слова: банковские карты; хищения; обстоятельства; меры по устранению; комплексный подход.

Annotation. In the article the circumstances promoting commitment of plunders in the sphere of the turnover of bank cards are analyzed. According to the Procedural criminal code of the Russian Federation the inspector is engaged in their investigation. The offered measures on elimination of the revealed circumstances can find the place in the instructions of the inspector to the bank.

Key words: bank cards, plunders, circumstances, measures on elimination, comprehensive approach.

Одним из важнейших показателей, позволяющих отслеживать состояние экономической безопасности государства, является внутренний валовой продукт. Его рост свидетельствует об укреплении экономической безопасности государства, а отрицательное значение – о проблемах как в государственном, так и частном секторах экономики.

Глобальный экономический кризис, разразившийся в 2008 г., коснулся и России: произошел спад в металлургии, автомобилестроении и обрабатывающей промышленности, быстрыми темпами стала расти безработица. Это тревожные симптомы для нашего государства, так как они свидетельствуют о снижении его экономической безопасности.

Однако предпринимаемых руководством страны мер, направленных на поддержку отечественного бизнеса, явно недостаточно, поскольку они должны быть дополнены действиями самих предприятий, учреждений и организаций. Актуально это и для представителей банковского сообщества. До последнего времени некоторые банки не стремились эффективно вести бизнес, а повышали рентабельность только за счет вуалирования высоких процентных ставок по кредитам. В настоящих условиях подобное ведение дел уже невозможно. Банки должны принять меры по повышению эффективности управления финансовыми потоками, увеличению производительности труда, снижению издержек, в частности за счет уменьшения ущерба, причиняемого хищениями в сфере оборота банковских пластиковых карт, при непосредственной помощи правоохранительных органов.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что банковские карты прочно вошли в систему без-

наличных расчетов. По состоянию на 1 января 2009 г., на территории Российской Федерации было эмитировано 119 млн 242 тыс. банковских карт, оборот по которым превысил 2 трлн 673 млрд 747 млн руб. (Бюл. банк. статистики. 2009. № 2(189). С. 134), что свидетельствует не только о развитии данного вида безналичных расчетов, но и о возросших рисках потери денежных средств в результате хищений, совершаемых с помощью банковских карт и их реквизитов.

Судебная практика по уголовным делам показывает, что часть банков поверхностно относятся к указанной проблеме и не предпринимают каких-либо значимых мер по ее разрешению (Дырявый почтовый ящик // Эксперт-Урал. 2007. № 6(269). С. 34). Следует напомнить, что легче предупредить совершение преступления, чем его расследовать, а потому основное внимание должно уделяться устранению обстоятельств, способствующих совершению хищений, и не последнюю роль в этом должны играть сами банки.

Определенную помощь кредитным учреждениям в установлении данных обстоятельств могут оказать следователи, так как согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ они обязаны выявлять «обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений».

К числу наиболее распространенных обстоятельств, способствующих совершению хищений в сфере оборота банковских карт, относятся:

- 1) отсутствие культуры пользования банковскими картами у клиентов банков;
- 2) эксплуатация банковских карт с низкой степенью защиты;
- 3) недостатки в системе рассылки и авторизации банковских карт;

4) некачественная подготовка кассиров к обслуживанию банковских карт, а в некоторых случаях – халатное отношение сотрудников банка к исполнению своих обязанностей;

5) недобросовестная работа кадровых служб банков;

6) несовершенство оборудования, используемого для обслуживания держателей банковских карт.

Охарактеризуем каждое из названных обстоятельств. Итак, первым из них является незнание или несоблюдение держателями мер предосторожности при обращении с банковскими картами. Начиная с 2002 г. кредитные учреждения повсеместно стали реализовывать так называемые зарплатные проекты, в рамках которых миллионы граждан России получили банковские карты. Однако только в редких случаях на каком-либо предприятии или в какой-либо организации банковские работники проводили обучающие семинары и рассказывали людям о правилах обращения с банковскими картами и мерах безопасности. Также не все банки практикуют выдачу памяток клиентам при подписании с ними договоров об открытии специального карточного счета и условий выдачи и обслуживания банковских карт. В результате у многих держателей до сих пор не сформирована культура пользования банковскими картами, и определенная доля вины в этом лежит на банках.

Часть вины лежит и на самих держателях банковских карт, не соблюдающих меры предосторожности. Зная о том, что не рекомендуется хранить банковскую карту в бумажнике, PIN-код вместе с банковской картой, передавать банковскую карту кому-либо, вводить PIN-код в присутствии посторонних, оставлять банковскую карту без присмотра, они тем не менее допускают это, легкомысленно надеясь избежать в будущем неприятностей.

Относительно низкой степени защиты банковских карт следует отметить, что в первую очередь имеются в виду банковские карты с магнитной полосой, которые в отличие от смарт-карт подделать достаточно просто, используя скиммер – инструмент, предназначенный для копирования магнитной дорожки банковской карты, энкодер – устройство для записи информации на магнитную полосу и соответствующее программное обеспечение. Данное обстоятельство особо актуально для России, так как банковские карты, снабженные магнитной полосой, в общем количестве эмитированных банковских карт составляют подавляющее большинство. Выбирая между безопасностью и экономией, банки, как прави-

ло, отдают предпочтение второму, хотя массовых подделок смарт-карт пока не было, что лишний раз подтверждает высокую степень их защиты.

Как показывает практика, рассылка банковских карт почтой является ненадежным способом их распространения (Арх. судеб. участка № 77 г. Чайковского Перм. края. Уголов. дело № 1-56/07 ; Арх. Березниковского гор. суда Перм. края. Уголов. дело № 1-961/06 ; Арх. Невьянского гор. суда Свердл. обл. Уголов. дело № 1-308/05 ; Арх. Ленинского район. суда г. Екатеринбурга. Уголов. дело № 1-472/08). На то есть несколько причин. Во-первых, почтовый ящик не является сейфом. Преступники без особых затруднений, взламывая замки почтовых ящиков, а иногда открывая их путем подбора ключа или с использованием посторонних предметов, совершают кражи банковских карт. Во-вторых, имеются проблемы в кадровом обеспечении почтовых отделений. В России уже были прецеденты хищений банковских карт почтальонами, причем некоторые намеренно устраивались на работу для совершения подобных преступлений. В-третьих, некоторые держатели, получившие банковские карты по почте, совершают с их помощью транзакции и впоследствии отказываются от них, мотивируя это тем, что банковские карты они по почте не получали.

Обращает на себя внимание и слабая подготовка кассиров, обслуживающих держателей банковских карт. Многие из них нетвердо знают положения инструкций по работе с банковскими картами, не информированы о признаках поддельности банковских карт, не требуют документы, удостоверяющие личность, даже в случаях, когда личность держателя вызывает сомнение, не предпринимают мер по задержанию лиц, предъявляющих банковские карты, выданные на чужое имя. Прежде всего, это обусловлено, на наш взгляд, текучестью кадров в торговых организациях, неинформированием банков о смене персонала, подготовкой принятых на работу кассиров сотрудниками, проходящими процедуру увольнения. В некоторых случаях работники банков достаточно формально относятся к обучению сотрудников организаций и не контролируют степень усвоения ими знаний.

Вместе с тем, если повлиять на процедуру отбора кандидатов на должности кассиров банки не в состоянии, то на деятельность по подбору кадров для собственных подразделений ресурсы имеются. Тем не менее в судебной практике известны случаи, когда на работу принимались лица, проверка которых проводи-

лась поверхностно: не опрашивались люди по предыдущему месту работы, не наводились справки по месту жительства, не использовались другие методы изучения кандидата. Это приводит к тому, что в банках оказываются случайные лица, совершавшие и продолжающие совершать преступления в сфере оборота банковских карт, причем выявить в подобных случаях хищения значительно труднее, так как они совершаются преступниками, обладающими специальными умениями и навыками. Однако, и многие с нами согласятся, только качественной работой кадровых служб банков данную проблему не решить, необходимы и другие меры, направленные на укрепление внутренней безопасности банков.

Последним из названных выше основных обстоятельств, способствующих совершению хищений, является несовершенство оборудования, используемого для обслуживания держателей банковских карт, – банкоматов и POS-терминалов. Как известно, далеко не все банкоматы в России оборудованы системой видеофиксации держателей банковских карт, а те, что оснащены, позволяют сохранять видеозапись в течение не более двух месяцев. Кроме того, до последнего времени ни один банкомат не был оборудован системой защиты от несанкционированного копирования реквизитов банковских карт – конструктивными элементами, защищающими клавиатуру и картоприемник. Это приводило к тому, что преступники беспрепятственно устанавливали скиммеры, накладки на клавиатуры и копировали информацию, необходимую для изготовления поддельных банковских карт и последующего хищения по ним денежных средств (Арх. Ленинского район. суда г. Екатеринбурга. Уголов. дело № 1-472/08). К тому же в ресторанах, барах и других сервисных предприятиях используются в основном стационарные POS-терминалы, а это способствует тому, что клиенты временно выпускают из вида банковские карты, передавая их официантам.

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ следователь вправе внести в соответствующую организацию представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. По нашему мнению, в представлении банку могут быть отражены следующие меры по устранению обстоятельств, способствующих совершению хищений в сфере оборота банковских карт.

1. Необходимо прививать держателям банковских карт культуру пользования ими. Для этого кредитные учреждения в каждом случае выдачи банковской карты должны прилагать к

основному договору памятку, в которой подробно описываются возможные действия с банковской картой, меры предосторожности при обращении с ней, типичные преступления, совершаемые в рассматриваемой сфере безналичных расчетов. В случае реализации «зарплатных проектов» работники банков обязательно должны выезжать на предприятия и проводить обучающие семинары. Кроме того, при заключении договоров внимание клиентов необходимо обращать на пункт, согласно которому в случае грубого нарушения правил пользования банковской картой, например, передаче карты третьему лицу, вся ответственность возлагается на держателя банковской карты.

2. Следует повсеместно переходить на смарт-карты. Их эксплуатация подтверждает, что они надежны и обеспечивают при расчетах необходимую безопасность, которой лишены карты с магнитной полосой. Более высокая себестоимость смарт-карт будет отчасти компенсироваться снижением потерь и повышением доверия клиентов к данному средству доступа к карточному счету. Мы убеждены, что клиенты скорее готовы восполнить банку разницу в себестоимости изготовления чиповой карты и магнитной, составляющую 100–150 руб., чем тревожиться по поводу хищений, совершаемых в сфере оборота банковских карт.

3. Практика рассылки банковских карт почтой ненадежна, и ее продолжение повлечет за собой лишь новые убытки. Банковские карты должны выдаваться под контролем работников банков.

4. Если повлиять на отбор кассовых работников банки не в состоянии, то организовать этот процесс им по силам. В заключаемом между банком и торговой точкой договоре эквайринга должен быть предусмотрен пункт, согласно которому замена лица, ответственного за расчеты с использованием банковских карт, обязательно должна согласовываться с банком.

Верным шагом в сторону обеспечения безопасности организации эквайринга того или иного банка следует признать закрепление за каждым торговым предприятием отдельного сотрудника. Именно конкретные работники банков должны отвечать за безопасность расчетов на предприятии и уровень подготовки кассиров к работе с банковскими картами, а также нести персональную ответственность, если будет доказана их вина в допущенных нарушениях.

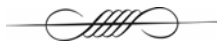
5. Кадровые службы банков обязаны владеть методикой распознавания субъектов, чьи моральные принципы допускают совершение преступлений. Желательно к опросу кандидатов на

ответственные должности привлекать специалистов, владеющих навыками работы на полиграфе. Во избежание недоразумений перед опросом кандидат должен дать расписку о согласии использования в ходе беседы полиграфа. Для более квалифицированного изучения личности кандидата в обязательном порядке следует привлекать сотрудников службы экономической безопасности.

6. Параллельно с заменой карт с магнитной полосой на чиповые должны производиться замена и модернизация оборудования, используемого в сфере оборота банковских карт. Все банкоматы необходимо обеспечить системой видеофиксации. Кроме того, конструкция банкоматов должна максимально затруднять или вовсе делать невозможным подключение несанкционированных устройств. Если это возможно на инженерном уровне, то должна быть разработана система датчиков, диагностирующих

действия по установке преступниками на банкоматы сканирующих приборов и оповещающих об этом сотрудников безопасности. В сервисных предприятиях с учетом специфики их работы должны использоваться переносные POS-терминалы.

В заключение отметим, что действия одиночных банков, как и устранение одного-двух обстоятельств, не решают проблемы. Необходим комплексный подход и усилия всех заинтересованных субъектов: держателей банковских карт, кредитных учреждений, государственных органов, международных платежных систем. Не последнее место в этом деле должны занимать и правоохранительные органы в лице следователей: не нарушая работы банковских структур, они обязаны методично, планомерно осуществлять деятельность по выявлению обстоятельств, способствующих совершению хищений, и следить за принятием мер по их устранению.

Библиографический список

1. Банковские карты : правила безопасности. – Режим доступа: <http://www.banki73.ru/plastic/security/>.
2. Гамза, В. А. Безопасность коммерческого банка : учеб.-практ. пособие / В. А. Гамза, И. Б. Ткачук. – М., 2000.
3. Дырявый почтовый ящик // Эксперт-Урал. – 2007. – № 6(269).

Bibliographical list

1. Bank cards: safety rules. – URL: <http://www.banki73.ru/plastic/security/>.
2. Gamza, V. A. Commercial bank safety / V. A. Gamza, I. B. Tkatchuk. – M., 2000.
3. Mail box full of holes // Expert-Ural. – 2007. – № 6(269).

А. В. Хайбуллина,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
и процесса Камчатского филиала
Российского университета кооперации

A. V. Xai'bylina,
senior lecturer in civil law and process
of the Kamchatka Affiliate University
of Russia Cooperation

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕФТЯНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОЦЕНКА ЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ ОСВОЕНИИ ЗАПАДНО-КАМЧАТСКОГО ШЕЛЬФА ОХОТСКОГО МОРЯ**
**Study of Foreign Experience in the Implementation of the Petroleum Activities and Evaluation of Its Use
in the Development of the West-Kamchatka Shelf of the Okhotsk Sea**

Аннотация. В статье исследуется опыт ведущих государств мира по добыче и транспортировке нефти, являющейся источником загрязнения окружающей природной среды. Указаны факторы, оказывающие негативное воздействие при осуществлении нефтяной деятельности в этих странах. Проведена оценка применения данного опыта при освоении ресурсов Западно-Камчатского шельфа Охотского моря. Отмечается возможность нанесения катастрофического ущерба экологии Охотского моря.

Ключевые слова: Западно-Камчатский шельф Охотского моря, зарубежный (мировой) опыт, катастрофа, нефть, нефтяная деятельность, окружающая среда, разлив, танкер.

Annotation. In the article the author investigates the experiment of the leading world states in the field of outputting and transportation of oil which is the main resource of nature pollution. The author pays great attention to negative influence of oil activities to surroundings in these countries. In this work the author evaluated the usage of such experiment in the realization of the project for developing resources of West-Kamchatsky shelf of the Sea of Okhotsk. The opportunity of catastrophic damage of ecology was pointed out by the author.

Key words: West-Kamchatsky shelf of the Sea of Okhotsk, foreign (world) experiment, catastrophe, oil, oil activity (development), environment, spread, a tanker.

Западно-Камчатский шельф Охотского моря отличается огромной биологической продуктивностью. Его Западно-Камчатская и Камчатско-Курильская промысловые подзоны (в соответствии с принятым рыбохозяйственным районированием), занимая всего 10 % акватории Охотского моря (Сравнительная экономическая эффективность различных вариантов природопользования на Западной Камчатке и ее шельфе / Э. И. Ширков [и др.]. Петропавловск-Камчатский, 2002. С. 12), дают более половины всех охотоморских уловов рыбы и почти три четверти их стоимости, более того, реальные уловы рыбы здесь составляют четверть всей современной российской рыбодобычи.

Совпадение размещения большинства месторождений различных минеральных и топливно-энергетических ресурсов с наиболее продуктивными районами воспроизводства и крупномасштабной добычи ценных объектов рыбного промысла – главная проблема природопользования на территории и шельфе Западной Камчатки. Учитывая, что основой удовлетворения интересов и жизненных потребностей населения является рост экономического производства, то именно тенденции экономического развития определяют линии поведения в экологической сфере, способствуя тем самым негативным изменениям в окружающей среде.

Одно из таких направлений – увеличение объемов добычи, транспортировки, переработки и потребления углеводородных грузов. Недовольство и обеспокоенность общественности

нефтяным загрязнением обуславливается, прежде всего, ростом экономического ущерба от данного вида загрязнения, причиняемого рыболовству, туризму и другим сферам деятельности (Баскаков С. П., Кацман Ф. М. Проблемы экологической безопасности морских составляющих международных транспортных коридоров // Пути решения экологических проблем транспортных коридоров : сб. ст., подготовленный к Третьей междунар. Евроаз. конф. по транспорту. Санкт-Петербург, 11–12 сент. 2003 г. / глав. ред. К. Я. Кондратьев. СПб., 2003).

В. И. Коробкин, Л. В. Передельский отмечают, что «загрязнение – поступление в окружающую природную среду любых твердых, жидких и газообразных веществ, микроорганизмов или энергии (в виде звуков, шумов, излучений) в количествах, вредных для здоровья человека, животных, состояния растений и экосистем» (Коробкин В. И., Передельский Л. В. Экология : учеб. для вузов. Ростов н/Д, 2001. С. 279). Согласно ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» загрязнение окружающей среды – это «поступление в окружающую среду вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывает негативное воздействие на окружающую среду» (Рос. газ. 2002. 12 янв.).

Согласно п. 5 ст. 1 Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г. одним из таких веществ является нефть – любая стойкая углеводородная

минеральная нефть в различных ее проявлениях: сырая нефть, мазут, тяжелое дизельное топливо и смазочное масло, независимо от того, перевозятся они на борту судна в качестве груза или в топливных танках такого судна.

Мировой опыт свидетельствует, что из всех загрязняющих окружающую природную среду веществ нефть и ее производные выступают одними из наиболее опасных и распространенных. Источников поступления нефти в моря и океаны довольно много: аварийные ситуации на береговых объектах и морских судах; утечки с береговых баз хранения нефтепродуктов и др.

Безусловно, промышленное освоение нефтяных месторождений Западной Камчатки не может быть осуществлено без определенных последствий техногенного воздействия на окружающую среду. Загрязнения, связанные с буровыми работами, сбросами пластовых вод, отработанных буровых растворов и шлама, а также со взмучиванием грунта при дноуглубительных мероприятиях на Западно-Камчатском шельфе, будут пагубно влиять на экосистему Охотского моря.

К наиболее крупным разливам, происшедшим за последние десятилетия, связанным с деятельностью танкерного флота, в результате которых нефть попадает в моря и океаны, можно отнести следующие:

- 1967 г., судно «Torrey Canyon» (Великобритания), разлито 119 тыс. т нефти;
- 1989 г., судно «Eхxon Valdez» (США), разлито 37 тыс. т нефти;
- 1999 г., судно «Erika», разлито 15 тыс. т нефти;
- 2007 г., судно «Волгонефть-139», разлито 3 тыс. т нефти.

Анализ причин возникновения аварий показал, что основными причинами разливов в море являются неудовлетворительное состояние судов (танкеров), различного рода столкновения – с рифами, другими судами и т. д.

Первой особо крупной аварией стал известный инцидент с танкером «Torrey Canyon», который из-за навигационной ошибки 19 марта 1967 г. на полном ходу врезался в риф Севен Стоунз у юго-западного побережья Англии, в результате чего получил пробоину, и нефтяное пятно длиной 22 мили накрыло побережье. При осуществлении спасательных работ в толстом слое нефти, покрывавшем поверхность, погиб один человек. После окончательного разлома танкера в море хлынули новые потоки нефти. Вследствие этого спасатели были вынуждены полностью уничтожить судно, чтобы нефть не осела на глубину. В результате около 120 тыс. т кувейтской нефти попало в море.

Гибель танкера «Torrey Canyon», происшедшая у берегов Англии, способствовала принятию нормативных правовых актов, которые в настоящее время составляют основу нефтяной деятельности: Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г. (Конвенция об ответственности 1992 г.), Международная конвенция о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1992 г. (Конвенция о Фонде 1992 г.).

После аварии на танкере «Torrey Canyon», в результате которой был нанесен большой ущерб окружающей среде прибрежных зон Британских островов, ученые и специалисты разработали так называемые карты чувствительности, которые представляют собой информационную систему, позволяющую оперативно определять приоритеты при ликвидации разливов, моделировать и прогнозировать процесс, связанный с разливом нефти, а также оценивать предварительный ущерб, нанесенный в результате выбросов нефти на побережье.

Одним из ярких примеров того, что может произойти при доставке нефти танкерами, является авария танкера «Eхxon Valdez» 24 марта 1989 г. у берегов Аляски. Несмотря на то, что вылилось сравнительно не большое количество нефти – 37 тыс. т, ущерб был причинен беспрецедентный. Это самый катастрофический разлив в истории в экологическом, экономическом и социальном отношениях, поскольку нефть мгновенно распространилась более чем на 16 тыс. км² прибрежных океанских вод Аляски. Очистные работы обошлись в 2 млрд долл., при этом удалось собрать меньше 3,5 тыс. т нефти. Компания «Эксон» заплатила штраф за нанесение ущерба природным ресурсам в размере 1 млрд долл. Другие расходы за возмещение ущерба гораздо выше, включая почти 3 млрд долларов за потери доходов от рыбной промышленности и береговой деятельности. Кроме того, Верховным судом были удовлетворены требования 30 тыс. истцов в размере 280 млн долл. (Лысенко Л. К. Система борьбы с разливами нефти в США на примере залива Сан-Франциско. URL: www.seapi.msun.ru).

Авария на танкере оказала, прежде всего, огромное биологическое воздействие: погибло все, что находилось в верхних слоях морской воды; потери морских млекопитающих насчитывали 3–5 тыс. каланов, сотни тюленей и десятки китов; погибло примерно от 300 до 600 тыс. морских птиц. Стада нерестовой сельди сезона 1989 г. понесли существенные потери. Пострадали и береговые млекопитающие, в том числе речные выдры, бурые медведи, норки и

олени. Большая часть приливной зоны была буквально обезжизнена токсинами нефти. Впоследствии ученые стали отмечать поражение мозга у тюленей, прекращение репродуктивной функции у птиц, заражение крови химическими компонентами, морфологические деформации – искривление позвоночника, задержку роста, изменение режима питания, болезни печени, опухание глазного яблока, возникновение вирусных эпидемий и т. д. Некоторые из видов вредного воздействия на экологию несколько лет оставались незамеченными. В 1993 г. было отмечено беспрецедентное сокращение популяции сельди, более 30 % которой оказалось зараженной вирусной инфекцией. Популяция горбуши в течение первых двух лет после катастрофы не претерпела никаких изменений; в 1992–1993 гг. такая же участь постигла и этот вид. До сих пор сохраняется значительное количество нефтяных остатков в нижних слоях береговых отложений, которые затвердели и похожи на слой асфальта, что препятствует постепенному их разрушению (Лысенко Л. К. Указ. соч.).

Катастрофы, происшедшие на танкерах «Eххон Valdez» и «Торгеу Саныон», привели к изменениям в системе транспортировки нефти не только на Аляске, но и во всем мире. На Аляске сегодня каждый груженный танкер сопровождается буксирами и строго придерживается маршрута движения для обеспечения немедленной помощи при возникновении на танкере аварийной ситуации – потери хода или управления, а также для оперативного приведения в действие механизма борьбы с любыми разливами нефти.

Значительно усовершенствована система контроля за движением судов: мониторинг всех танкеров до их удаления на 100 км от залива, более строгие погодные ограничения. Федеральный закон США «Акт о загрязнении нефтью 1990 года» установил полный переход к 2015 г. на эксплуатацию танкеров с двойными корпусами (Лисицын Д. Сахалинская нефть: как обеспечить безопасность? URL: www.pacific.ru). Однако после аварии танкера «Erika», происшедшей 12 декабря 1999 г. у северо-западных берегов Франции из-за слабости корпусной конструкции, Международная морская организация разработала ускоренный план по выведению из состава флотов танкеров с одинарной обшивкой до 2010 г., так как 5 апреля 2005 г. вступили в силу поправки к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов¹.

Одна из первых крупномасштабных катастроф российских танкеров случилась 2 января 1997 г. на судне «Находка» у берегов Японии. Тогда вылилось около 6 тыс. т нефти и выплата компенсаций превысила 200 млн долл. Из числа последних морских катастроф с участием российских танкеров следует признать разлом танкера «Волгонефть-139» 11 ноября 2007 г. в Керченском проливе, в результате которого 3 тыс. т мазута вытекли в море. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования оценила ущерб окружающей среде в 6,5 млрд руб., общий размер ущерба был оценен Южной транспортной прокуратурой в 30 млрд руб. (На очистку Керченского пролива от нефтепродуктов ушло более полугода. URL: www.gazeta.ru/news/lenta/2008).

Таким образом, риск возникновения крупного разлива нефти вблизи берегов России возник недавно и до настоящего времени был незначительным. Это объясняется тем, что основная часть экспортной нефти транспортировалась нефтепроводами в Западную Европу, на морские перевозки приходилась лишь незначительная часть вывозимой нефти. При этом использовались танкеры достаточно малой вместимости. С началом реализации проектов по освоению Сахалинского шельфа риск крупных разливов нефти в море резко возрастает, поскольку маршруты танкеров проходят вдоль берегов Дальнего Востока России, Японии и Кореи.

При рассмотрении вопроса о вреде окружающей среде возникает ряд проблем с возможными негативными последствиями. Во-первых, экологический ущерб носит долгосрочный характер и не поддается полной ликвидации. Так, авария танкера «Eххон Valdez» показала, что только на очистку территорий от пролитой нефти уходит более трех лет, а биологические последствия отмечаются и в настоящее время.

Во-вторых, аварийный сброс нефти может случиться по различным причинам: выход из строя машин, взрыв, посадка на мель, столкновение из-за потери управления судном, навигационная ошибка, поломка корпуса и т. д.

А самое главное, что ущерб не зависит напрямую от количества вылитых в море нефтепродуктов. Более того, нет единой классификации разливов нефти по объему вылитой нефти. Международная морская организация (The International Tanker Owners Pollution Limited) при анализе статистических данных по разливам подразделяет их на три категории: а) менее

¹ Бюллетень № 2 изменений и дополнений к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с

судов 73/78 и Резолюции Комитета ИМО по предотвращению загрязнения морской среды с судов. Документ опубликован не был.

7 т; б) от 7 до 700 т; в) более 700 т (URL: <http://www.itopf.com.index.htm>). Береговая Охрана США для целей планирования мероприятий по борьбе с разливами нефти классифицирует их следующим образом: а) средние наиболее вероятные разливы (менее 50 барелей); б) максимальные наиболее вероятные разливы (менее 2 500 барелей с судов и менее 1 200 барелей с других источников) и в) наихудшие разливы – потеря всего груза нефти (National preparedness for response exercise program (PREP) guidelines. Department of Transportation. U.S. Coast Guard. Research and Special Program Administration. August, 1994).

Согласно российскому законодательству в области реагирования на разливы нефти принята следующая классификация чрезвычайных ситуаций, связанных с разливами нефти в море:

- разлив локального значения (не превышает 500 т);

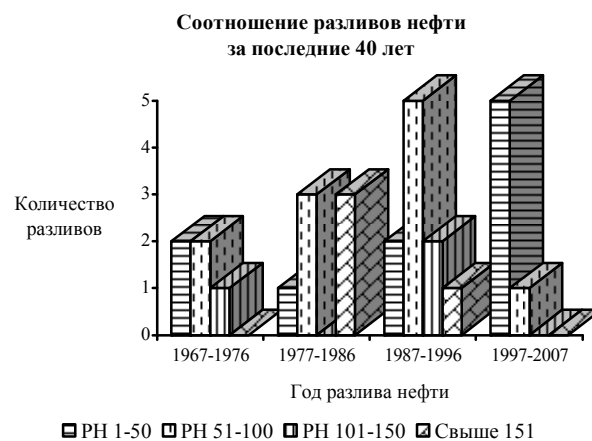
- разлив регионального значения (не превышает 5 тыс. т);

- разлив федерального значения (более 5 тыс. т). (О порядке организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 15 апр. 2002 г. № 240. П. 2 подп. «б» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 16, ст. 1569 ; Об утверждении требований к разработке планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Камчатского края : постановление Правительства Камчатского края от 1 окт. 2008 г. № 292-П. П. 5 // Офиц. ведомости. 2008. 14 окт.).

Для того чтобы отнести тот или иной разлив нефти и нефтепродуктов к чрезвычайной ситуации, необходимо руководствоваться Указаниями по определению нижнего уровня разлива нефти и нефтепродуктов для отнесения аварийного разлива к чрезвычайной ситуации (Приказ МПРРФ от 3 марта 2003 г. № 156 // Рос. газ. 2003. 17 мая), где за основу взят «нижний уровень разлива нефти и нефтепродуктов». Так, например, такой уровень в Азовском море составляет 0,5 т нефти, морях Тихого океана – 1 т.

Следовательно, можно сделать вывод, что основное количество разливов нефти являются разливами федерального значения, вследствие чего данная классификация представляется нецелесообразной, поскольку не позволяет отразить имеющуюся динамику разливов нефти. В связи с этим рассмотрим следующую классификацию разливов нефти: незначительные, малые, средние и крупные. Согласно данной

классификации на нижеприведенной диаграмме представлено соотношение катастрофических разливов нефти. Общий объем нефтяного загрязнения моря до 1996 г. в основном приходился на средние аварии, а с 1997 г. увеличилось число малых аварий.

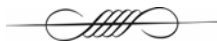
Наиболее вероятным местом возникновения малых разливов нефти являются грузовые терминалы, порты, нефтеперерабатывающие заводы, буровые вышки, расположенные на шельфе или на берегу. Можно предположить, что число малых аварий по-прежнему будет расти, в том числе за счет освоения нефтегазовых ресурсов Дальневосточного региона – ресурсов территориального моря и шельфа Сахалина и Западно-Камчатского шельфа Охотского моря. Учитывая тот факт, что дальневосточные моря имеют очень суровые природные условия (частые и продолжительные штормы, землетрясения, цунами, сложные ледовые условия до шести месяцев в году), нельзя исключать и крупные разливы нефти, вероятность быстрой ликвидации которых незначительна, что нанесет непоправимый ущерб живой природе. Это обусловлено тем, что природные ресурсы дальневосточных морей являются уникальными и весьма чувствительными к загрязнению нефтью. Охотское море – регион, обладающий самыми большими запасами промыслового краба, и место нагула богатейших рыбных стад.

Таким образом, в случае начала добычи нефти в морях Дальнего Востока, Охотском море, в частности, сложится ситуация, когда появятся дополнительные факторы, которые могут повлечь за собой загрязнение нефтью обширных акваторий и береговой черты.

Для того чтобы уменьшить риск нанесения катастрофического ущерба экологии морей, прибрежных зон Дальнего Востока в результате разлива нефти, необходимо уже сейчас раз-

работать систему, ориентированную на ликвидацию разливов, поскольку в настоящее время ведутся нефтяные разработки на Северо-Восточном шельфе о. Сахалин. Эти и другие вопросы своевременно были поставлены в заключении экспертной комиссии общественной экологической экспертизы по материалам Индивидуального рабочего проекта № 41-ИМ на строительство поисковой скважины на площади Западно-Сухановская Западно-Камчатского лицензионного участка шельфа Охотского моря от 10 апреля 2008 г.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что разлив нефти и нефтепродуктов наносит значительный ущерб не только прибрежно-морским районам, где непосредственно произошел разлив, но и пограничным областям, что зависит от местных природно-климатических факторов и экономико-социальной ценности рассматриваемого участка прибрежно-морской зоны. В связи с этим возникает необходимость определения уровня экологического и экономического ущерба от разлива нефти.

Библиографический список

1. *Коробкин, В. И.* Экология : учеб. для вузов / В. И. Коробкин, Л. В. Передельский. – Ростов н/Д, 2001.
2. *Лисицын, Д.* Сахалинская нефть: как обеспечить безопасность? / Д. Лисицын. – Режим доступа: www.pacific.ru.
3. *Лысенко, Л. К.* Система борьбы с разливами нефти в США на примере залива Сан-Франциско / Л. К. Лысенко. – Режим доступа: www.seapi.msun.ru.
4. *Ширков, Э. И.* Сравнительная экономическая эффективность различных вариантов природопользования на Западной Камчатке и ее шельфе / Э. И. Ширков [и др.]. – Петропавловск-Камчатский, 2002.

Bibliographical list

1. *Korobkin, V. I.* Ecology / V. I. Korobkin, L. V. Peredelsky. – Rostov on/D, 2001.
2. *Lisitsyn, D.* The Sakhalin Oil: How to Make it Safety? / D. Lisitsyn. – URL: www.pacific.ru.
3. *Lysenko, L. K.* System of Protection of Oil Spreadings in the USA Based on the Example of San-Fransisco Bay / L. K. Lysenko. – URL: www.seapi.msun.ru.
4. *Shirkov, A. I.* Comparative Economic Effectiveness of Different Variants in Using of Natural Resources in West- Kamchatka and it's Shelf / A. I. Shirkov, E. A. Shirkova, A. M. Tokranov. – Petropavlovsk-Kamchatsky, 2002.

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
Riots: Problem Definition

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам определения понятия массовых беспорядков.

Ключевые слова: скопище, массовые беспорядки, общественный порядок, толпа, субъект преступления.

Annotation. This article is devoted to the problems of the definitions of concept of mass disorders.

Key words: an assemblage, mass disorders, a public order, crowd, the subject of a crime.

Одним из необходимых и обязательных условий нормального функционирования любого государства является поддержание общественного порядка на должном уровне. Правоохранительные органы прикладывают немалые усилия, осуществляя борьбу с уголовно наказуемыми формами нарушений правил поведения людей в обществе – вандализмом, хулиганством, массовыми беспорядками. Однако данные статистики, отражающие результаты криминологических исследований, свидетельствуют о том, что преступления против общественного порядка продолжают оставаться весьма распространенными в России. Более того, ухудшаются их качественные характеристики, т. е. меняются мотивация, способы их совершения, растет организованность. Данные преступления представляют серьезную опасность для всего общества, нарушают нормальную работу предприятий, организаций, учреждений, исполняющих наказания, причиняют имущественный ущерб, физический и иной вред личности и т. д. Возможности правоохранительных органов эффективно реагировать на факты преступлений против общественного порядка ограничены недостаточным правовым, информационным и организационным обеспечением. В связи с этим для более эффективного применения уголовно-правовых норм и обеспечения правильной квалификации совершенных преступлений необходимо определить понятие данных общественно опасных деяний. Одним из упущений законодателя является отсутствие в Уголовном кодексе РФ понятия массовых беспорядков. В теории уголовного права было предпринято множество попыток к определению рассматриваемого понятия. Данную проблему изучали А. Соловьев, Ю. Н. Демидов, Д. А. Лесников и др.

По мнению ряда ученых, массовые беспорядки – это «совершаемое большой группой людей (толпой) посягательство на общественную безопасность, сопровождающееся насилием над людьми, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, оказанием вооруженного сопротивления представителям власти. Во время массовых беспорядков нарушается общественный порядок на значительной тер-

ритории, парализуется деятельность органов власти и управления» (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2008. С. 203).

Рассмотрим данное определение с социологической, философской, уголовно-правовой точек зрения. Так, по мнению Ю. Н. Демидова, «понятие массы людей, толпы весьма условно» (Демидов Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты : учеб. пособие. М., 1994. С. 7). В уголовно-правовой теории XIX в. понятие «скопище» связывалось с массой людей. Так, Н. С. Таганцев писал: «Понятие скопища означает объединение ради общих действий или ради общей цели более или менее значительного числа лиц, массы людей; причем понятие множества не может быть определено какими-либо признаками, особо указанными в законе, а устанавливается по обстоятельствам каждого случая» (Приводится по: Борзенков Г. Н., Комиссаров В. С. Курс уголовного права. М., 2002. Т. 4. Особенная часть). В советское время Б. С. Утевский при характеристике массовых беспорядков отмечал: «Массы – меняющаяся толпа со свободным доступом и свободным выходом участников» (Утевский Б. С. Уголовное право. 2-е изд. М., 1950. С. 213).

Мнение ученых не разделяют философы и социологи, полагающие, что толпа имеет некий не организованный характер: «относительно кратковременное, внутренне не организованное множество людей, объединенное непосредственной пространственной близостью, эмоциональной общностью и каким-либо внешним стимулом (событием или лидером)» (Человек : филос.-энцикл. слов. / под ред. И. Т. Фролова. М., 2000. С. 382). Согласно толковому словарю современного русского языка «толпа – нестройное, неорганизованное скопление людей, сборище» (Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. С. 1058).

Законодатель не определил, какое количество людей необходимо для признания беспорядков массовыми. По мнению А. Соловьева, количество людей для наличия данного признака объективной стороны состава должно быть достаточным, что-

бы в любой момент перекрыть движение транспорта, пешеходное движение, сорвать проведение массового мероприятия, нарушить работу различных учреждений и организаций, т. е. контролировать положение на определенной значительной территории (Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Рос. юстиция. 2000. № 7. С. 13).

Таким образом, теория российского уголовного права не связывает понятие «толпа» с какими-либо количественными характеристиками. Полагая, что законодателю следует обратить на это внимание, так как при квалификации данного преступления возникают трудности. Так, например, организация массовых беспорядков в колонии, сопряженная с сопротивлением сотрудникам УИС, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 212 «Массовые беспорядки» и ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» УК РФ. В данном случае регистрируются и учитываются два и более преступления. В связи с этим, с нашей точки зрения, с целью облегчения квалификации необходимо на законодательном уровне разъяснить случаи, в каких названные деяния могут квалифицироваться по ст. 212 УК РФ, а в каких – по ст. 321 УК РФ. Одним из оснований разграничения указанных статей может стать количественный критерий, т. е. количество участвующих в массовых беспорядках. Этот показатель играет немаловажную роль в квалификации преступления, предусмотренного составом ст. 212 УК РФ, в зависимости от того, насколько велика толпа, может ли быть причинен больший или меньший вред правоохраняемым объектам.

Однако, учитывая содержательную сторону рассматриваемого понятия, более важными представляются другие свойства толпы. Во-первых, относительная связанность какой-либо общей идеей, что придает толпе определенную направленность, возможность быстро реагировать на новые призывы и достаточно легко менять свой интерес. Во-вторых, в целом стихийный характер сбора людей,

не исключающий наличие организационных моментов, но они, как правило, касаются не всей толпы, а ее главной части, которая может быть немногочисленной. В-третьих, трудноуправляемость большого массива людей, что может привести к потере контроля со стороны ее руководителей над поведением толпы и соответственно к стихийному развитию событий, возможно, даже выходящих за пределы первоначально задуманного. Названные обстоятельства в совокупности образуют основу криминализации массовых беспорядков и определяют их высокую общественную опасность.

Рассмотрим точку зрения Ю. Н. Демидова относительно понятия массовых беспорядков. Ученый полагает, что термин «массовые беспорядки» в уголовном законодательстве неудачен, и предлагает заменить его другим – «гражданские беспорядки», а в самом тексте данной уголовно-правовой нормы использовать термин «толпа» (Демидов Ю. Н. Указ. соч. С. 35–36). Мы не разделяем данную точку зрения, так как под термином «гражданские беспорядки» можно понять, что совершить данное преступление может только гражданин Российской Федерации либо только лицо, находящееся на гражданской службе. Однако согласно теории уголовного права субъектом преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, может быть любое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

При этом не учитывается характер деятельности виновного в совершении преступления, и никакими специальными признаками данный субъект преступления обладать не должен.

С учетом вышеизложенного предлагаем под массовыми беспорядками понимать совершаемые большим количеством (толпой, массой) людей противоправные действия, существенно нарушающие общественный порядок и общественную безопасность, создающие угрозу для жизни и здоровья граждан, собственности и нормального функционирования организаций, предприятий и учреждений.

Библиографический список

1. Демидов, Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты : учеб. пособие / Ю. Н. Демидов. – М., 1994.
2. Ильясов, А. З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 1999.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. – М., 2008.
4. Омигов, В. И. Уголовное право. Особенная часть / В. И. Омигов. – Пермь, 2006.
5. Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. П. Ревина. – М., 2000.

Bibliographical list

1. Demidov, U. N. Mass Disorders: Criminal and Criminological Aspects / U. N. Demidov. – M., 1994.
2. Ilyasov, A. Z. Criminal and Criminological Problems of Mass Disorders. – Mahachkala, 1999.
3. Comments to Criminal Code / ed. by the President of the Supreme Court V. M. Lebedev. – M., 2008.
4. Omigov, V. I. Criminal Law. Special Part / V. I. Omigov. – Perm, 2006.
5. Criminal Law of Russia. General and Special Parts / ed. by V. P. Revin. – M., 2000.

Е. Г. Шаломентцева,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Владимирского филиала
Российской академии
государственной службы
при Президенте Российской Федерации
кандидат экономических наук, доцент

E. G. Shalomentseva,
assistant-professor of public law disciplines
Vladimir Branch Russian Academy of State Service
under President of Russian Federation,
candidate of economic sciences, assistant professor

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Ensuring the Legality of Municipal Legal Acts. legal Machinery in Municipal Law-Making**

Аннотация. Статья посвящена проблемам обеспечения надлежащего применения правил юридической техники в муниципальном правотворчестве и рассмотрению актуальных вопросов правовых коллизий в муниципальных правовых актах. По результатам изучения муниципальной практики приводятся наиболее распространенные примеры нарушения органами местного самоуправления федерального и регионального законодательства, приводящие к нарушениям правил юридической техники и возникновению юридических коллизий.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, должностное лицо местного самоуправления, муниципальный правовой акт, коллизия.

Annotation. Article is devoted problems of maintenance of appropriate application of rules of legal technics in municipal правотворчестве and to consideration of pressing questions of legal collisions in municipal legal certificates. By results of studying of municipal practice the most widespread examples of infringement by local governments of the federal and regional legislation, leading to infringements of rules of legal technics and occurrence of legal collisions are resulted.

Key words: local governments, the official of local government, the municipal legal certificate, the collision.

В настоящее время проблема обеспечения законности муниципальных правовых актов является весьма актуальной. Как отмечают исследователи, многие из таких актов не соответствуют не только федеральному и региональному законодательству, но и Конституции Российской Федерации, конституциям (уставам) субъектов Российской Федерации (Цалиев А. М. Обеспечение соответствия муниципальных нормативных правовых актов национальному законодательству и нормам международного права // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18). В качестве примера приведем следующие данные: по информации администрации Владимирской области, среди актов органов местного самоуправления (в основном сельских поселений), в отношении которых в 2008 г. была проведена юридическая экспертиза, почти в 40 % случаев было установлено нарушение законодательства. Такое положение дел, несомненно, приводит к нарушению прав и законных интересов юридических и физических лиц.

Несогласованность (противоречие или различие) правовых норм, содержащихся в муниципальном правовом акте, с одной стороны, и Конституции Российской Федерации, федеральном конституционном законе, федеральном законе и ином нормативном правовом акте Российской Федерации, конституции (уставе), законе, ином нормативном правовом акте субъекта Российской Федерации, а также другом муниципальном правовом акте, с другой стороны, и направленных на регулирование одних и тех же либо сходных общественных отноше-

ний, получила название «**коллизии в муниципальных правовых актах**» (Карташов В. Г. Коллизии в муниципальных правовых актах и причины их возникновения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11).

Коллизии в муниципальных правовых актах включают в себя три вида коллизий в зависимости от уровня публичной власти, на котором приняты противоречащие акты. Они возникают между муниципальным правовым актом и следующими актами:

- 1) федеральными;
- 2) региональными;
- 3) муниципальными, в том числе:
 - такой же юридической силы;
 - высшей юридической силы.

Исходя из классификации муниципальных правовых актов по категории предмета правового регулирования, коллизии подразделяются на следующие группы:

1) в муниципальных правовых актах, регулирующих вопросы местного значения. Так, из 64 муниципальных нормативных правовых актов городских сельских поселений, принятых (изданных) по вопросам местного значения, в отношении которых администрацией Владимирской области во втором полугодии 2007 г. была проведена юридическая экспертиза, несоответствие было выявлено в 22 актах, т. е. чуть более 34 %;

2) в муниципальных правовых актах, принятых по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. Из 143 таких муниципальных

нормативных правовых актов городских округов и муниципальных районов Владимирской области юридическая экспертиза, проведенная администрацией области в первом полугодии 2007 г., установила несоответствие законодательству в отношении 37 актов, что составляет почти 26 %;

3) в муниципальных правовых актах, принятых по вопросам организации работы органов местного самоуправления.

Исследователями в результате анализа причин возникновения противоречий между правовыми нормами были выявлены следующие: несовершенство законов; судебные ошибки; произвольное толкование Конституции Российской Федерации и других актов; выход отдельных органов за пределы своих полномочий (Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999); слабое и неполное правовое регулирование определенных сфер; отступление от действующих норм; текстовые ошибки (Тихомиров Ю. А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие. М., 2000); недостатки в организации правотворческой деятельности; сознательное искажение законодательства в корыстных целях (Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972).

Н. А. Власенко подразделяет все причины возникновения коллизий на объективные и субъективные. Под объективными понимаются те, которые не зависят от воли правотворца (связанные с динамикой правоотношений во времени, протяженностью отношения в пространстве, необходимостью дифференцированного регулирования отношений). К субъективным причинам относятся: нечеткое разграничение компетенции; недостаток информации о правовой урегулированности какого-то вопроса (Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984).

Н. И. Матузов к объективным причинам возникновения коллизий причисляет: противоречивость; динамизм и изменчивость регулируемых правом общественных отношений; их скачкообразное развитие; отставание права от реальной жизни; несовпадение и подвижность границ между правовой и неправовой сферами. Среди субъективных причин этот ученый называет: низкое качество законов; пробелы в праве; лоббизм; непродуманность или слабую координацию правотворческой деятельности; неупорядоченность правового материала; отсутствие должной правовой культуры; экономические неурядицы; социальную напряженность; политическую борьбу; конфронтацию (Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003).

Следует отметить, что значительная часть нарушений связана с тем, что муниципальные органы при разработке и принятии правовых

актов не учитывают последних изменений законодательства, не реагируют на них своевременно. Так, например:

1) при установлении порядка ведения реестра расходных обязательств не учитываются требования Бюджетного кодекса Российской Федерации (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823) и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Там же. 2003. № 40, ст. 3822) в его актуальной редакции к форме муниципального правового акта. Распространена практика утверждения данного порядка решением представительного органа местного самоуправления, в то время как федеральное законодательство требует издания акта главы муниципального образования;

2) при введении местных налогов не учитываются изменения, внесенные в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации (Парламент. газ. 2000. 10 авг.) и касающиеся порядка установления налоговой ставки и предоставления налоговой декларации по земельному налогу;

3) при регулировании правоотношений в сфере дорожной деятельности не учитываются положения Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Рос. газ. 2007 г. 14 нояб.), который, в частности, изменил содержание соответствующего вопроса местного значения;

4) нарушаются требования Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и Градостроительного кодекса Российской Федерации (Там же. 2004. 30 дек.) в отношении установления порядка проведения публичных слушаний по вопросам градостроительной деятельности. В нормативных актах содержатся не все вопросы, подлежащие обязательному вынесению на публичные слушания согласно ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Как правило, не выносятся на обязательные публичные слушания вопросы отклонения от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки;

5) не соблюдаются положения Типового договора предоставления служебных помещений муниципального специализированного жилищного фонда, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января

2006 г. № 42 «Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 6, ст. 697). Муниципалитетами вводятся не предусмотренные Типовым договором обязательства сторон или, наоборот, исключаются обязательные нормы. Например, устанавливаются отличные от содержащихся в Типовом договоре права наймодателя и нанимателя, вводятся не предусмотренные законодательством случаи досрочного расторжения договора найма.

Большая часть нарушений законодательства заключается в превышении органами местного самоуправления установленной компетенции в области правового регулирования соответствующих правоотношений путем необоснованной компиляции норм федерального и областного законодательства. Это, а также предыдущее обстоятельство в качестве причин возникновения коллизий в муниципальных правовых актах называют и другие исследователи (Карташов В. Г. Указ. соч.). Повсеместно встречаются, например, установление на муниципальном уровне некоторых элементов налогообложения, а также утверждение правил предоставления коммунальных услуг или правил охраны жизни людей на водных объектах, в то время как их регламентация находится в исключительной компетенции либо Российской Федерации, либо субъектов Российской Федерации.

Также допускается вторжение органами местного самоуправления поселений в компетенцию органов местного самоуправления муниципальных районов, в частности, путем утверждения правил использования водных объектов общего пользования для личных и бытовых нужд; распоряжения земельными участками, собственность на которые не разграничена.

Невыполнение требований федеральных и региональных правовых актов, обладающих высшей юридической силой, по своей сути также представляет собой превышение компетенции органов местного самоуправления, что приводит к прямому противоречию муниципальных нормативных правовых актов федеральным и (или) региональным. Например, допускаются нарушения порядка вступления в силу нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, которые согласно требованиям Конституции Российской Федерации и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ вступают в силу только после их официального опубликования (обнародования). Вопреки этим положениям распространена практика вступления в силу указанных актов с момента их подписания.

Кроме того, часто в муниципальных правовых актах отсутствуют нормы о вступлении в силу, в связи с чем невозможно определить момент введения акта в действие. Следствием этого является нарушение сроков вступления в силу актов вновь образованных поселений, принятых по вопросам местного значения.

Органами местного самоуправления вновь образованных муниципальных образований принимаются нормативные правовые акты, регулирующие бюджетные правоотношения, вопросы введения и уплаты местных налогов, создания, содержания и организации деятельности аварийно-спасательных формирований, создания условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка, создания условий для организации досуга и обеспечения жителей поселений услугами организаций культуры, осуществления дорожной деятельности. Данные нормативные акты вступали в силу ранее, чем у вновь образованных сельских поселений появились указанные полномочия в соответствии с Законом Владимирской области от 23 ноября 2005 г. № 168-ОЗ «О порядке решения вопросов местного значения вновь образованных городских и сельских поселений Владимирской области» (с 1 января 2009 г.) (Разъяснения комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по местному самоуправлению // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 1).

Вышеизложенное актуализирует проблему обеспечения законности правовых актов, принимаемых (издаваемых) органами местного самоуправления и их должностными лицами. Она решается в основном прокуратурой, судами (общей юрисдикции, арбитражными, конституционными (уставными) и органами юстиции путем контроля за соблюдением норм законодательства в деятельности местного самоуправления (Авакьян С. А. Конституционное право России. М., 2005. Т. 2 ; Цалиев А. М. Обеспечение законности муниципальных нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 3)).

Ряд полномочий в данной сфере имеет высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, наделенное законодателем правом отрешать от должности главу муниципального образования или главу местной администрации, а также вносить в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации проект закона субъекта Российской Федерации о роспуске представительного органа муниципального образования.

Учитывая вышеизложенное и правоприменительную практику в рассматриваемой сфере, считаем обоснованной позицию А. М. Цалиева о том, что различные формы профессионального взаи-

модействия по вопросам обеспечения законности нормативных правовых актов местного самоуправления и их должностных лиц будут способствовать формированию единого правового пространства в Российской Федерации (Цалиев А. М. Обеспечение соответствия муниципальных нормативных правовых актов...).

Среди причин возникновения коллизий в муниципальных правовых актах В. Г. Карташов называет также **нарушение правил юридической техники** (Карташов В. Г. Указ. соч.). Отметим, что само по себе оно не является прямым нарушением законодательства, а носит скорее технический характер. Вместе с тем такое нарушение может препятствовать уяснению смысла правового акта, его толкованию и практическому применению, что, в свою очередь, может привести к нарушению прав и свобод граждан и юридических лиц, снижению авторитета местной власти в глазах населения.

Как отмечает Е. А. Юртаева, правила юридической техники — это все, что касается принципов и приемов оформления, поиска оптимальной структуры акта, полноты охвата нормативного материала в тексте проекта того или иного правового акта, т. е. то, что характеризует юрико-техническое исполнение правового документа (Юртаева Е. А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журн. рос. права. 2006. № 5).

В настоящее время какие-либо правила о юридической технике существуют лишь в виде методических материалов (Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации № 3, Ин-та законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации № 51 от 10 янв. 2001 г. // Бюл. М-ва юстиции Рос. Федерации. 2001. № 2). При этом исследователи отмечают, что ныне замечания по технико-юридическому оформлению вызывают многие акты (Юртаева Е. А. Указ. соч.). По сведениям, полученным в администрации Владимирской области, по состоянию на 1 января 2009 г., более 70 % из муниципальных правовых актов, прошедших правовую экспертизу в 2008 г., содержат нарушения правил юридической техники.

Нарушения правил юридической техники проявляются на разных стадиях правотворческого процесса и могут выражаться: в несоблюдении порядка принятия актов и внесения в них изменений; неверном применении способов структурирования текстов правовых актов и нумерации их структурных единиц; отступлении от установленного порядка введения муниципальных правовых актов в действие; неопределенности и противоречивости используемой терминологии; недостаточности правового регулирования; нарушении по-

рядка оформления реквизитов и текста правового акта, вплоть до лексических, грамматических и пунктуационных ошибок.

Среди нарушений правил юридической техники в нормативных правовых актах муниципальных образований Владимирской области наиболее типичными являются следующие.

1. При принятии нормативных правовых актов представительных органов муниципальных образований нарушается требование п. 2 ч. 4 ст. 36 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, согласно которому глава муниципального образования должен подписывать данные акты.

Нередко решения представительных органов муниципальных образований подписывают только их председатели и не подписывают главы муниципальных образований.

Кроме того, в практике были случаи, когда решение подписывал только председатель представительного органа муниципального образования, а подпись главы помещалась под приложением к решению. Здесь следует учитывать, что приложение является неотъемлемым структурным элементом акта и поэтому не должно подписываться отдельно от решения и (или) в ином порядке.

2. В нормативных актах довольно часто встречаются ссылки на утратившие силу федеральные или региональные нормативные акты.

3. Ссылки на нормативные правовые акты нередко оформляются неправильно. Повсеместно встречается неточное и неполное указание реквизитов нормативных актов, допускаются неоправданные сокращения слов и словосочетаний. Такой яркий пример, как замена словосочетания «Российская Федерация» аббревиатурой «РФ» имеет место в актах практически всех муниципальных образований.

Помимо этого в решениях представительных органов муниципальных образований встречаются ссылки на нормативные правовые акты, которые не могут применяться при регулировании соответствующих правоотношений.

4. Распространено неединообразное и некорректное употребление терминов федерального законодательства.

5. Отличаются случаи, когда в правовом акте содержится норма о вступлении его в силу в целом, а в приложении есть своя норма о вступлении в силу приложения отдельно, в ином порядке. Учитывая, что приложение не является самостоятельным нормативным правовым актом, а является его структурным элементом, оно не может вступать в силу отдельно от акта, иным способом.

6. В нормативных актах практически всех муниципальных образований встречаются нарушения правил делопроизводства, а также лексические, грамматические и пунктуационные ошибки, чего следует избегать при принятии и, конечно же, опубликовании актов.

Следует отметить, что в последние годы в отечественной науке и практике внимание к проблемам юридической техники заметно возросло (Власенко Н. А. Основы законодательной техники : практ. руководство. Иркутск, 1995 ; Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000 ; Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1–2 ; Керимов Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие. М., 1998 ; Кирсанова М. В., Кобук С. П., Аксенов Ю. М. Делопроизводство в органах власти и местного самоуправления. М., 2007 ; Лызлов Д. Н., Картухин В. Ю. Юридическая техника. М., 2009 ; Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000 ; Шугрина Е. С. Техника юридического письма : учеб.-метод. пособие. М., 2001).

Несмотря на различные нюансы во взглядах ученых и правоприменителей, сложилось определенное представление об общепринятых правилах, приемах и средствах юридической техники. Так, к числу основных общих правил юридической техники Г. И. Денисов, на наш взгляд, обоснованно относит:

1) наиболее полное и адекватное выражение воли органа или должностного лица, принимающего правовой акт;

2) рациональную организацию и логическую последовательность изложения нормативных предписаний, помещаемых в нормативном правовом акте;

3) отсутствие пробелов и противоречий в нормативных правовых актах и во всей системе правовых актов;

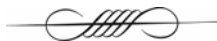
4) краткость и компактность изложения правовых норм при достаточной глубине и всесторонности отражения их содержания;

5) ясность, простоту и доступность языка правовых актов, точность и определенность используемой терминологии;

6) сведение к минимуму количества нормативных правовых актов по одному и тому же вопросу в интересах лучшей обозримости нормативного материала, облегчения пользования им;

7) своевременное обнародование и вступление в силу правовых актов в соответствии с установленным порядком (Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журн. рос. права. 2005. № 8).

Обобщая все вышесказанное, считаем целесообразным согласиться с Е. С. Шугриной, которая утверждает, что правильное использование приемов юридической техники должно быть основано на единстве формы и содержания юридического документа, его «духа» и «буквы» (Шугрина Е. С. Указ. соч.). Помимо собственно правового содержания, соблюдение правил юридической техники предполагает также строгое следование правилам грамматики русского языка (орфографическим, пунктуационным, синтаксическим) (Юртаева Е. А. Указ. соч.), формальной логики, делопроизводства и документооборота в органе местного самоуправления.

Библиографический список

1. Денисов, Г. И. Юридическая техника: теория и практика / Г. И. Денисов // Журн. рос. права. – 2005. – № 8.
2. Карташов, В. Г. Коллизии в муниципальных правовых актах и причины их возникновения / В. Г. Карташов // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 11.
3. Лызлов, Д. Н. Юридическая техника / Д. Н. Лызлов, В. Ю. Картухин. – М., 2009.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон : [от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40, ст. 3822.
5. Цалиев, А. М. Обеспечение законности муниципальных нормативных правовых актов / А. М. Цалиев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 3.
6. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма : учеб.-метод. пособие / Е. С. Шугрина. – М., 2001.

Bibliographical list

1. Denisov, G. I. The Legal Technics: the Theory and Practice / G. I. Denisov // Magazine of the Russian Right. – 2005. – № 8.
2. Kartashov, V. G. Kollizii in Municipal Legal Certificates and the Reasons of their Occurrence / V. G. Kartashov // The Constitutional and Municipal Right. – 2007. – № 11.
3. Lyzlov, D. N. The Legal Technics / D. N. Lyzlov, V. Ju. Kartuhin. – M., 2009.
4. About the General Principles of the Organisation of Local Government in the Russian Federation : the federal law : [from Oct. 6, 2003 № 131-FZ] // Meeting of the Legislation of the Rus. Federation. – 2003. – № 40, it. 3822.
5. Tsaliev, A. M. Maintenance of Legality of Municipal Standard Legal Certificates / A. M. Tsaliev // The Government and Local Government. – 2007. – № 3.
6. Shugrina, E. C. Technics of the Legal Letter / E. C. Shugrina. – M., 2001.

В. В. Шаханов,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

А. С. Логинов,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Нижегородской академии МВД России

V. V. Shakhanov,
senior teacher of department of civil legal disciplines
of Vladimir Law Institute of the Federal Service
for Executing of Sentences of Russia
candidate of law

A. S. Loginov,
adjunct of department of civil legal disciplines
Nizhegorodskaya Academy
of the Ministry of Interior Affairs of Russia

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ **Rightapplicative Technique: Problems of Understanding and Teaching**

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с пониманием правоприменительной техники, ее роли в современном юридическом образовании и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительная техника, творчество, преподавание, справедливость.

Annotation. In the article are analyzed the rightapplicative technique linked with understanding, also its role in modern legal education and rightapplicative activity.

Key words: rightapplication, rightapplicative technique, creation, teaching, justice.

В рамках исследования механизма правового регулирования одной из дискуссионных тем является правоприменение. Изучение правоприменительной тематики приобрело всесторонний характер, одной из сторон которой является правоприменительная техника. Ее проблемы в научной среде (Напр.: Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008) не остались незамеченными, однако по ряду причин нельзя говорить о том, что теория правоприменительной техники сформировалась. В современной науке прочно укоренилась позиция, согласно которой юридическая техника присутствует не только в сфере правотворчества, но и «практически во всех видах правовой практики, она не менее важна в правоприменении, толковании норм права» (Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 10). Несмотря на это, в некоторых учебниках по теории государства и права о правоприменительной технике даже не упоминается, а юридическая техника отождествляется с законодательной. Например, М. И. Абдулаев отмечает, что «совокупность правил, методов и средств, используемых при издании и систематизации нормативных правовых актов в законотворческом процессе, называется юридической техникой» (Абдулаев М. И. Теория государства и права : учеб. для вузов. СПб., 2003. С. 256). Аналогичных взглядов придерживается О. А. Пучков, который определяет юридическую технику как «совокупность правил, средств и приемов разработки, оформления и систематизации нормативных актов в целях их ясности, понятности и эффективности» (При-

водится по: Теория государства и права : учебник / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Первалова. М., 1998. С. 313). А. Б. Венгеров также отождествляет юридическую и законодательную технику (Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2006. С. 493).

Что же понимают под правоприменительной техникой? Проведенное нами исследование показало, что дефиниций данного понятия не так много. В основном приводятся классификации юридической техники без уточнения понятий различных видов юридической техники, в том числе правоприменительной (Напр.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2006. С. 311).

Рассмотрим классификацию юридической техники О. А. Красавчикова, который не только подразделяет ее на правотворческую, правоприменительную и правооуществительную, но и приводит их дефиниции. Под правоприменительной юридической техникой он понимает «технику документов, в которых выражаются, формулируются акты по применению норм права. Такими актами, как известно, являются приговоры, решения и иные постановления суда, акты органов прокуратуры, арбитража и т. д.» (Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избр. тр. М., 2005. Т. 1. С. 231). Здесь заложен достаточно узкий подход к пониманию правоприменительной техники. Автор говорит лишь о технике актов-документов и умалчивает о технике актов-действий. Анализ научной литературы показал, что такое деление правовых актов в теории права является скорее правилом, чем исключением (Напр.: Малько А. В. Правовые акты как основное средство реализации

правовой политики // Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003. С. 134 ; Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 345 и др.). Основа такого деления лежит в советской юридической науке. В. В. Лазарев и И. П. Левченко справедливо отмечали, что «распространенное в теории правоприменения понимание акта применения права как акта-документа сужает представление о нем, поскольку оно не охватывает такие решения, которые документально не оформляются» (Лазарев В. В., Левченко И. П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М., 1989. С. 38).

В качестве примера формулирования искомой дефиниции современными авторами можно привести определение С. С. Тихоновой, которая под правоприменительной техникой понимает «технику осуществления государственно-властной организующей деятельности уполномоченными государственными органами и должностными лицами по разрешению юридических дел» (Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Н. Новгород, 2008. С. 10). Что же такое организующая деятельность? Какие средства ее объективируют? Все это остается за рамками дефиниции, но ведь именно ответы на эти вопросы составляют глубинную сущность правоприменительной техники.

А. Н. Илясов отмечает: «В широком понимании правоприменительная техника – это самостоятельная научно-практическая категория, содержащая знания о принципах, методах, правилах и средствах создания совершенных в формальном и содержательном плане актов применения права. В узком понимании правоприменительная техника – это совокупность практических рекомендаций по использованию правил и средств составления актов применения права» (Илясов А. Н. Указ. соч. С. 82). Звучит достаточно абстрактно, но это свойственно многим научным дефинициям. Одни абстракции часто пытаются определить через другие – «принципы», «методы», «правила» и «средства». При таком подходе невозможно восхождение от абстрактного к конкретному, а следовательно, процесс познания не завершается. Подобный подход к формулированию дефиниций встречается у представителей различных отраслей права. Так, Л. В. Щенникова в результате анализа наиболее распространенных дефиниций категории «объект гражданских прав» пришла к выводу, что «все авторы неизменно используют один прием, точнее, единую формулу: “все то, что...”». Вот здесь-то и заключается загадка. Ситуация напоминает сказку про Андрея-стрелка, который по поручению царя искал “то, не знаю что”

и все-таки нашел Свата Наума, исполнявшего все желания» (Щенникова Л. В. Значение категории «объект гражданских прав» для практического гражданского законодательства // Законодательство. 2004. № 11).

Давая определения правовым явлениям, нужно употреблять более материальные термины, так как возникает ряд вопросов, оставшихся без ответа: что понимает автор приведенных выше дефиниций под «принципами, методами, правилами и средствами создания совершенных в формальном и содержательном плане актов применения права»; каковы критерии «совершенства» актов применения права?

Следовательно, при изучении и в процессе преподавания курса правоприменительной техники необходимо помнить, что содержание этого понятия может варьироваться у представителей различных научных школ. Несмотря на это, преподавание в вузе любой дисциплины должно проходить в рамках устоявшихся концепций, получивших наиболее широкое признание в научном сообществе. В этой связи мы разделяем мнение М. И. Байтина, который критикует позиции ученых, «проявляющих чрезмерную поспешность» в обосновании своих концепций (Байтин М. И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 388).

Понятие «правоприменительная техника» производно от двух других – «юридическая техника» и «правоприменение». Последнее выступает одной из форм реализации права. По мнению М. М. Аносовой, «формы прямой реализации (исполнение, соблюдение, использование), по сути, представляют обязательную, изначально полностью регламентированную модель поведения субъекта, а применение права являет собой процесс выбора модели поведения из определенного диапазона возможных, которые установлены законом, иными словами, не механическое выполнение предписаний норм права, а определенное *творческое начало* (курсив наш – В. Ш. и А. Л.), лежащее в основе эффективности этой деятельности» (Аносова М. М. Правопонимание и правоприменение на современном этапе: некоторые проблемы теории и практики : монография / под ред. А. В. Аверина. Владимир, 2007. С. 141). О необходимости творческого подхода к применению права говорят М. И. Байтин и А. В. Аверин (Байтин М. И., Аверин А. В. О судебной процедуре (к вопросу о необходимости формирования научно-правового мышления судей) // Вопросы общей теории государства и права. С. 327). Разделяя мнение указанных авторов, *попытаемся обос-*

новать наличие творческого начала в правоприменительной деятельности.

Признак творчества является одним из критериев охраноспособности произведения в авторском праве (Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 3. С. 153). Творчество – основа законодательной деятельности (Зяблова Т. Е. Социальные основы законотворчества в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 15). Творчество присуще и правоприменительной деятельности. Следует заметить, что действия правоприменителя не должны быть доведены до автоматизации, так как от них зависят судьбы людей, что возлагает на него огромную ответственность. Творческое начало правоприменительной деятельности заключается в поиске результата, который сохранит разумный баланс между публичным и частным интересами. И это достигается не столько использованием догматических средств, сколько применением психологических, социологических, педагогических, лингвистических и иных аспектов правоприменительной техники. А этому нужно учиться. Возможно, нас кто-то упрекнет и скажет, что никакого творчества в правоприменительной деятельности нет, основываясь на том, что фразы «судья – человек творческий» или «инспектор ГАИ занимается творческим процессом» слишком режут слух и не соответствуют действительности. Так, может быть, в основе деятельности правоприменителя лежит не творчество, а логика? Так, А. Т. Боннер указывает, что «применение закона является подведением конкретного жизненного случая под общую формулу правовой нормы. Этот процесс сводится к логическому умозаключению (курсив наш – В. Ш. и А. Л.) от общего к частному, построению силлогизма, в котором большей посылкой служит правовая норма или ряд норм, а малой – фактические обстоятельства дела, подлежащего разрешению» (Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980. С. 5).

Мы не отрицаем того факта, что деятельность правоприменителя подчиняется законам логики, однако полагаем, что творческое начало присуще любой человеческой деятельности, в том числе правоприменительной. Неповторимым, оригинальным и уникальным является каждое судебное дело, разбираясь в хитросплетениях которого, нельзя потерять человека за «тенью» юридических конструкций. А это не просто логика, это – творчество. С нашей точки зрения, нужно «оживлять» безжизненные абстракции, используя множество примеров, не ограничиваясь так называемыми «хрестоматийными». В противном случае мы получим «юри-

ста-робота» с устаревшей программой, не способного к самостоятельному мышлению. Наиболее благоприятной почвой для «оживления» является правоприменительная техника.

Творческое начало правоприменительной деятельности не должно создавать иллюзий вседозволенности при ее осуществлении, ведь она имеет государственно-властный характер и, следовательно, должна быть очерчена определенными рамками. *Обоснуем нашу позицию относительно невозможности существования индивидуально-договорного правоприменения*, ибо нельзя смешивать воедино отношения централизации и децентрализации.

Как уже было отмечено ранее, вопрос о содержании категории «правоприменительная техника» остается дискуссионным. Причин тому множество. К одной из них следует отнести попытку переосмысления такой формы реализации права, как правоприменение. Очевидно, авторы, вдохновленные идеями свободы, не могут определить границ этой свободы или вообще забывают о том, что любая свобода не безгранична. На фоне сказанного достаточно спорной представляется позиция О. В. Ядрицевой относительно бытия «индивидуально-договорного правоприменения», под которым она предлагает понимать «волевою властью организующую деятельность (курсив наш – В. Ш. и А. Л.) субъектов права, обеспечивающую связь между правовыми нормами и конкретными правоотношениями путем установления персонально адресованных и индивидуально-определенных обязательных предписаний для сторон, завершающаяся вынесением индивидуально-договорного акта» (Ядрицева О. В. Индивидуально-договорное правоприменение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006). Заключение индивидуально-правовых договоров традиционно рассматривается как реализация права в форме использования. «Использование – это такая форма реализации права, когда субъекты по своему усмотрению и желанию (курсив наш – В. Ш. и А. Л.) используют предоставленные им права и возможности, удовлетворяют законные интересы, осуществляют свою праводеееспособность», – отмечают Н. И. Матузов и А. В. Малько (Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 337). Далее они приводят примеры использования права гражданами, где упоминают о заключении различного рода гражданско-правовых сделок, договоров (Там же. С. 337). Исполнение сторонами взятых на себя обязательств по договору осуществляется в ходе соответствующей формы реализации права – исполнение. При заключении индивидуального договора и его исполнении нет места применению

права. Только в том случае, если одна из сторон не желает исполнять взятые на себя обязательства, другая сторона вправе обратиться с иском в суд, который применит нормы права о гражданско-правовой ответственности и вынесет соответствующее решение – правоприменительный акт.

Заключение индивидуально-правового договора, исходя из принципа свободы договора, не может носить властный характер. Даже если субъекты правоприменительной деятельности являются стороной индивидуального договора, то его заключение опосредуется нормами частного права и не имеет ничего общего с правоприменительным процессом. Не нужно смешивать различные сферы правовой практики.

После попыток смещения отношений централизации и децентрализации мы не удивились, что «сотрудники органов внутренних дел оказывают обществу *гражданско-правовые услуги правоохранительной направленности* (курсив наш – В. Ш. и А. Л.)» (Нургалиев Р. Ставка на человека (МВД создало новую систему обучения и воспитания профессионалов) // Рос. газ. 2009. 21 авг.). Насколько нам известно, сотрудники милиции осуществляют административную деятельность, а сфера оказания гражданско-правовых услуг имеет место лишь в деятельности вневедомственной охраны, что следует рассматривать скорее как исключение из общего правила о безвозмездности действия органов внутренних дел во взаимоотношениях с гражданами. Поэтому термин «*гражданско-правовые услуги правоохранительной направленности*» не должен применяться к деятельности основной массы структурных подразделений МВД России. Подобное критическое замечание стало следствием прочтения статьи Президента РФ, где он говорит о «низком качестве общественной дискуссии, в том числе критических выступлений» (Медведев Д. Прямой адрес: kremlin@gov.ru // Рос. газ. 2009. 11 сент.). Да и во всем, как это сейчас принято говорить, нужна обратная связь.

Вызывает дискуссии также предлагаемое О. В. Ядринцевой понимание индивидуального договора как «акта правоприменения» (Ядринцева О. В. Указ. соч.). По-видимому, автор исходит из так называемого «широкого подхода к правопониманию», пропагандируемого В. В. Ивановым. Последний определяет правоприменение как «создание (установление) индивидуальных правовых установлений на основе правовых норм управомоченными государственными и негосударственными субъектами права (субъектами правоприменения), т. е. совершение актов правоприменения» (Иванов В. В. Общая теория договора. М., 2006. С. 204). Вме-

сте с тем ученый не определил место в «общей теории договора» таким формам реализации права, как соблюдение, исполнение и использование. В. В. Иванов выступал «сторонником возвращения к широкому пониманию правоприменения, принятому в дореволюционной доктрине», опираясь при этом на мысль Г. Ф. Шершеневича о том, что применение права есть не что иное, как подведение конкретных бытовых отношений под абстрактные нормы права всеми, кто стремится сообразовать свои действия с указаниями права (Там же. С. 203, 204). Действительно, никогда ранее механизм правового регулирования не подвергался столь глубокому исследованию. Именно данное обстоятельство вызвало необходимость введения понятия «реализация права» и выделение отдельных форм реализации – соблюдение, использование, исполнение и применение. Следует помнить, что для научных исследований характерен развитый методологический уровень мышления. В этой связи ученые часто вынуждены руководствоваться «призмой К. Менгера», согласно которой нужно стремиться разлагать кажущуюся «простоту» на некие скрытые составляющие. Солидаризируясь с В. Ф. Юловым, подчеркнем, что «для одних задач действительна “бритва Оккама”, для проблем другого плана используется “призма Менгера”, но в целом они вписаны в единое нормативное пространство науки» (Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М., 2005. С. 436).

В. В. Иванов отвергает как досадные заблуждения ряд своих тогдашних утверждений (здесь он имеет в виду свои более ранние воззрения, изложенные в предыдущей монографии – В. Ш. и А. Л.), в частности, о некоторых якобы общих признаках договоров, пересматривает определения, существенно уточняет характеристики договорного регулирования, договорного правотворчества, договорного правоприменения и т. д. (Иванов В. В. Указ. соч. С. 11). Где же гарантии, что завтра он не пересмотрит и свои уточненные научные позиции? Мы не против новаторства в науке. Наука – это не только среда, способствующая приращению объективных знаний, но и «площадка» для субъективных дискуссий. «В самом деле, вряд ли кто-нибудь станет отрицать огромное значение субъективности, личностности позиции исследователя для науки. Но вместе с тем, – и это не менее важно, – наука не терпит односторонности. Наряду с субъективным не менее существенен в ней объективный фактор, объективная основа субъективных взглядов, идей ученого», – справедливо отмечает М. И. Байтин (Байтин М. И. Сущность права (Современное нор-

мативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 54).

Главным в учебном процессе должен быть «объективный фактор», формирующийся на основе взглядов, получивших одобрение большинства членов научного сообщества. И за этим должны следить не чиновники из Министерства образования РФ (часто они просто некомпетентны в этих вопросах), а все научное сообщество. Каждый труд, претендующий на статус учебника, необходимо, подобно вводимой в настоящее время проверке на антикоррупционную составляющую правовых актов, подвергать критике большинства ученых, а не научной олигархии. Кроме того, нужно следить, чтобы нетрадиционные идеи не переключивались в первоисточники, формирующие правосознание будущих служителей Фемиды.

Следует отметить, что некоторые современные исследователи вопросов теории государства и права, очевидно являясь в большей степени теоретиками (в смысле далекими от проблем практической реализации права), нежели практиками, не спешат переносить дискуссию в практическую плоскость, т. е. рассматривать практические проблемы правоприменения, обусловленные в том числе несовершенством правоприменительной техники. Мы не разделяем мнение Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А. Иванова о том, что «наполнением существующих институтов реальным содержанием должны заниматься те, кто находится внутри соответствующих социальных институтов: внутри судебной системы, исполнительной власти...» (Иванов А. Справедливое и законное решение всегда в интересах государства // Закон. 2008. № 12. С. 13). Здесь правоприменителям, законодателям и ученым необходимо действовать сообща. Для современных научных исследований характерно глубокое абстрагирование от проблем юридической практики. На этом фоне вполне современной видится мысль, высказанная О. А. Красавчиковым относительно развития науки в начале прошлого века: «В 20-х годах было довольно распространенным мнение, согласно которому задача теории государства и права сводилась к уяснению и развитию “наиболее абстрактных юридических понятий” (Напр.: Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 11). Конечно, нет оснований отрицать значение субъективной диалектики в развитии науки, тем не менее абсолютизирование “абстрактных юридических понятий” ведет на путь, по которому пошло немало буржуазных юридических школ, выродившихся в “юриспруденцию понятий”» (Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 333).

Таким образом, по нашему мнению, современная теория государства и права также превращается в «юриспруденцию понятий». Этому необходимо противодействовать всевозможными способами.

Аналогичные проблемы наблюдаются и в отраслевых науках. «Берем главу о наказаниях. Что мы видим? К сожалению, только пересказ того, что написано в Уголовном кодексе. Но для этого ведь не надо учебник писать – возьми кодекс и прочти! Но ведь не это надо изучать ученому. Надо изучать, какое наказание эффективно, а какое потеряло смысл, от чего нужно отказаться. Почему рецидив возрос на 40 %? Какие факторы действовали? Лагерная школа? Почему по одной мере наказания рецидив меньше, а по другой – больше? Ведь никто этим не занимается», – с сожалением отмечает В. Н. Кудрявцев (Кудрявцев В. Н. Современная юридическая наука развивается слишком медленно // Закон. 2007. № 4. С. 6).

В связи с этим, на наш взгляд, вполне обоснованна мысль В. В. Яркова относительно содержательной стороны современных научных исследований. В частности, он отмечает, что «новизна некоторых научных работ последних лет объясняется просто плохим знанием доктрины их авторами, а в других случаях сводится к спорам о терминах: вместо рассмотрения действительно существующих проблем юридической науки и практики идут споры о том, как лучше “обозвать” давно известное юридической науке то либо иное явление, правовую категорию. В результате вместо диссертации появляется просто нагромождение слов, а нового материала в копилку наших знаний не прибавляется» (Ярков В. В. Нужно вернуться к параллельной работе над решением общих вопросов материального и процессуального права // Закон. 2009. № 6. С. 22).

Мы разделяем озабоченность М. И. Байтина по поводу существующего разнобоя «в преподавании теории государства и права... Надо ли доказывать, что это вредно не только для теории, но и причиняет значительный ущерб судебной и иной юридической практике, правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов» (Байтин М. И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права. С. 389).

В свете сказанного вызывают недоумения попытки некоторых отраслевиков в учебной литературе «пустить обучаемого по ложному следу» в изучении поднимаемых ими вопросов, носящих существенный общетеоретический характер. Так, Н. М. Коршунов и Ю. Л. Мареев отмечают, что «законность изначально представляется принципом более политическим, чем

правовым, поскольку относится не к построению отрасли права, а к характеристике ее реализации» (Коршунов Н. М., Мареев Ю. Л. Гражданский процесс : учебник. М., 2008. С. 50).

Не нужно смешивать воедино политику и право. Реализация права, в том числе правовых норм, содержащихся в отдельно взятой отрасли, есть понятие сугубо правовое и это нужно подчеркивать в учебной литературе, а не ориентировать обучающихся на иные сферы общественного бытия. «Закрепленный в Конституции РФ (ст. 15 и др.) принцип законности, утверждающий всеобщность требования соблюдения законов и основанных на них подзаконных нормативных актов, верховенство и единство закона, равенство граждан перед законом и судом и вытекающую из него неотвратимость юридической ответственности любого лица за совершенное правонарушение, пронизывает все стороны жизни, содержания и действия права, начиная с его формирования в процессе правотворчества и заканчивая применением и другими видами реализации права», – справедливо отмечает М. И. Байтин (Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 158).

Далее рассмотрим переход формулировок «правовой» и «неправовой закон» из общетеоретических баталий в отраслевую учебную литературу. В частности, по мнению Н. М. Коршунова и Ю. Л. Мареева, «в современных условиях юридическая наука исходит из необходимости учета роли права как регулятора общественных отношений и закона как формы выражения права и полагает возможным различать “правовые” и “неправовые” законы в зависимости от адекватности отражения в них норм права. “Неправильные законы” в соответствии с принципом законности не подлежат применению, но только после установления их неправового характера в рамках специальных процедур судебного нормоконтроля» (Коршунов Н. М. Указ. соч. С. 53).

Законы не могут быть правовыми и неправовыми, правильными и неправильными. Оспариваемый нормативный правовой акт может быть лишь признан противоречащим закону полностью или в части, и на этом основании недействующим (ч. 1 ст. 251 ГПК РФ). Иные формулировки в решении суда не допускаются, не следует ими пользоваться и в учебной литературе, так как это стимулирует процветание правового нигилизма в обществе.

Разделяя мнение Л. С. Таля, следует отметить, что «наука и законодательство не должны сохранять правовых пережитков, не соответствующих изменившимся воззрениям и потребностям оборота и без пользы для общества и

государства затрудняющих рост материальной и духовной культуры. В упорном отстаивании правовых форм и институтов, утративших реальное содержание и реальный смысл, отнюдь не проявляется разумный консерватизм, а только неспособность или нежелание считаться с произошедшими переменами в правосознании общества» (Таль Л. С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. М., 2006. С. 81).

Негативным образом на правосознании будущего правоприменителя может сказаться и помещение на страницы учебной литературы взглядов, «обличающих» конкурирующие научные школы в поддержке властных структур. Так, А. П. Сергеев отмечает, что «...сведение понятия “интеллектуальная собственность” к результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации и введение в оборот надуманных понятий “интеллектуальные права” и “исключительное право” является ошибочным законодательным решением. Против данного решения в ходе подготовки проекта части четвертой Гражданского кодекса выступало большинство ученых и правообладателей. Тем не менее данное решение было фактически навязано российскому обществу узкой группой лиц, сумевших заручиться поддержкой властных структур (курсив наш – В. Ш. и А. Л.)» (Гражданское право : учебник. С. 108). Подобные мысли следует объективировать в научной, а не в учебной литературе, чтобы не подрывать веру будущих правоприменителей в справедливость и законность. В учебной литературе следует акцентировать внимание на дискуссионности, а не на протекционизме.

Рассмотрим *структуру правоприменения*, а следовательно, и правоприменительной техники, так как только осознав структуру, мы сможем познавать сущность правового явления.

А. Н. Илясов дает положительный ответ на вопрос: возможно ли существование теоретической деятельности по применению права? При этом он абсолютно верно акцентирует внимание на том, что «реализация права в форме его применения не является чисто механическим действием, а проходит мыслительную, психологическую обработку субъектом правоприменения, без которой невозможно вынесение законного и обоснованного решения» (Илясов А. Н. Указ. соч. С. 22, 23).

Более точен в формулировках А. В. Аверин, который полагает, что применение права – это комплекс мыслительных и фактических, организационных и юридических операций (действий) субъекта правоприменения, имеющий целью обеспечить нормальное течение процесса реализации правовых предписаний (Аверин А. В. Правоприменительная деятельность

суда и формирование научно-правового сознания судей. Саратов, 2003. С. 88).

Вполне очевиден тот факт, что любой вид деятельности, разве что кроме автоматизмов, предполагает связку «подумал-сделал». Мыслительные операции в процессе реализации правовых предписаний имеют свою инструментальную специфику. В качестве своеобразных инструментов правового мышления выступают *правовые аксиомы*. Они не всегда находят свое объективированное отражение в законодательстве, поэтому правоприменитель должен помнить, что «в качестве аксиом следует принимать только суждения, фиксирующие общие связи между правовыми явлениями и процессами, сложившиеся в результате многократного повторения в процессе длительной юридической практики, в ходе которой была выявлена их целесообразность» (Зяблова Т. Е., Масленников А. В. Правовые аксиомы. Владимир, 2009. С. 114).

Следует признать, что правоприменительная техника имеет статический и динамический аспекты. И такой подход к структуре правовых явлений, на наш взгляд, вполне приемлем и не нуждается в новых «терминологических одежках». В этой связи нет необходимости, например, в выделении в структуре юридической техники собственно юридической техники и юридической технологии, а тем более в «материализации» юридической техники и придании «нематериального характера» юридической технологии (Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2008. С. 81).

Не претендуя на безапелляционность, определим правоприменительную технику как часть юридической техники, изучающую теоретико-прикладные (психологические, социологические, педагогические, лингвистические, собственно-юридические и др.) аспекты применения норм права на различных стадиях правоприменительного процесса в целях принятия справедливого решения, объективированным результатом которого является правоприменительный акт (акт-действие или акт-документ).

Здесь необходимы некоторые пояснения. *Во-первых*, говоря о теоретико-прикладных аспектах правоприменительной техники, мы имели в виду не только факторы юридического свойства, но и иные неюридические факторы, позволяющие: организовывать правовую процедуру (создавать благоприятную психологическую атмосферу, стимулировать или сдерживать активность сторон), судить о степени добросовестности сторон и т. п. Так, важность социологических исследований применительно к правоприменительной сфере можно проиллюстрировать на следующем примере: «Было ус-

тановлено, что одним из важных общественных институтов в цыганской среде является внутри-общинный суд... Достаточно важную роль играют именно общинные суды, например, в случаях возникновения ссор на бытовой почве между соседями, невозвращения долга и др. При вмешательстве в разрешение данных проблем официальных структур (милиции, суда и др.) представители цыганских общин исходя из своих национальных традиций, конечно же, встанут на сторону своих братьев, даже если они не правы» (Пономаренков В. А. Метод наблюдения в юриспруденции // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 313).

Психологические аспекты техники правоприменения необходимо использовать не менее часто. Например, О. Я. Баев отмечает, что «есть определенный круг лиц, которые даже в случае совершения в отношении их тяжкого или особо тяжкого преступления по различным причинам не только не сообщают о том в правоохранительные органы, но скрывают или искажают обстоятельства преступления в случае его выявления помимо их желания (например, при допросе в больнице, в которую пострадавший попал в результате совершения на него посягательства) и другим образом препятствуют установлению обстоятельств преступления. Более того, и при установлении последних такие лица всячески отказываются сотрудничать со следствием и считать себя по делу потерпевшим» (Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М., 2005. С. 278). По мнению ученого, «чаще всего подобные ситуации возникают при совершении преступления в криминальной по своей сущности среде, в ходе так называемых разборок, либо когда преступление в отношении пострадавшего совершено его родственником или близким, привлекать которого к уголовной ответственности пострадавший не желает» (Там же. С. 278). В таких ситуациях правоприменителю для получения правдивых показаний необходимо выработать определенную психологическую тактику.

Акцентирование внимания на неюридических факторах правоприменительной техники связано также с тем, что юридические аспекты не позволяют гарантировать установления истины при рассмотрении дела, а следовательно, не детерминируют получения реальной картины происходящего. Здесь можно вспомнить о том, что обвиняемый не несет ответственности за дачу ложных показаний. «Любой преступник вправе лгать на следствии и суде и наказывать за это нельзя. Такое разъяснение направи-

Верховный Суд России всем людям в мантиях страны», – отмечает В. Куликов (Куликов В. Неявка с повинной (Верховный суд разрешил преступнику лгать) // Рос. газ. 2009. 8 окт.).

Такую специфику необходимо учитывать и выбирать адекватные средства правоприменительной техники.

Однако мы не призываем к новой расстановке акцентов в ущерб собственно-юридической проблематике. В связи с этим интерес вызывает позиция М. К. Треушникова, который обоснованно не соглашается с утверждением А. Т. Боннера о том, что познавательная деятельность суда подчиняется не юридическим законам, а законам познания, диалектики, логики. «Познавательная работа суда подчинена и правилам логического мышления, и правовым нормам, установленным волей законодателя (например, гл. 6 ГПК и гл. 7 АПК). Если бы познавательная деятельность суда подчинялась только законам познания, диалектики, логики, то отпала бы потребность существования процессуальной теории доказательств, объектом изучения которой и являются правовые регламенты доказывания, установленные государством», – отмечает ученый (Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 6, 7).

Расширению «горизонтов» познавательной деятельности могут способствовать научные исследования в других областях науки. Юристам не следует забывать, что чрезвычайно ценные и полезные указания на свойство и природу изучаемых явлений можно черпать из богатой сокровищницы иных отраслей научного знания. Пример подобного взаимодействия демонстрирует Л. В. Щенникова, обосновывая выделение ею категории «блага» в качестве парной «объекту гражданских прав», опираясь на теорию предельной полезности австрийского экономиста К. Менгера (Щенникова Л. В. Указ. соч.).

Собственно-юридические аспекты правоприменительной техники иногда трудно «оторвать» от психологических, например, при использовании техники примирения сторон. «С позиции методики обучения, мне кажется, пришло время обучать наших студентов примирению. Примирительные процедуры требуют совсем другой ментальности, ориентированной на желание окончить спор миром, достижением компромисса. Современные российские юристы не владеют методикой примирения, не воспитываем мы и социальных ориентиров на примирение», – отмечает И. В. Решетникова (Решетникова И. В. Прелесть работы председателя суда – это сочетание правового и административного // Закон.

2008. № 9. С. 78). Последнему аспекту – воспитанию социальных ориентиров на примирение – следует уделять особое внимание. Без общесоциальной установки на примирение, добрососедские отношения, создание обстановки взаимного уважения и т. п. правоприменительная техника примирения будет мертва и невос требованна.

Во-вторых, собственно-юридические аспекты применения норм права на различных стадиях правоприменительного процесса включают в себя прежде всего поведенческие элементы, к числу которых следует отнести, например правовую процедуру. Под ней следует понимать «особый нормативно-установленный порядок осуществления юридической деятельности, обеспечивающий реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушений правовыми санкциями» (Байтин М. И., Яковенко О. В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Вопросы общей теории государства и права. С. 319). В основание теоретико-прикладных аспектов применения норм права должны быть положены поведенческие установки, следование которым позволит правоприменителю преодолевать пробелы в регламентации правовой процедуры.

В-третьих, цель использования правоприменительной техники, на наш взгляд, заключается в принятии справедливого решения, а следовательно, использование всех ее инструментальных средств должно быть направлено на достижение указанной цели. В связи с этим, по нашему мнению, не отвечает современным правовым реалиям точка зрения Н. М. Коршунова и Ю. Л. Мареева о том, что «цель гражданского процесса состоит в том, чтобы в результате рассмотрения дела были установлены существующие фактические обстоятельства дела и правильно применена норма материального права» (Коршунов Н. М., Мареев Ю. Л. Указ. соч. С. 55). Это не цель, а одна из задач, которую необходимо решить для достижения цели, указанной нами выше.

В рамках рассматриваемой проблематики заслуживает внимания точка зрения С. А. Ивановой, согласно которой «в настоящее время от судов и других правоприменителей необходимо требовать не справедливости, а прежде всего законности и обоснованности» (Иванова С. А. Принцип социальной справедливости в правоприменительной деятельности (теоретические аспекты реализации) // Государство и право. 2006. № 1. С. 26). Мы не разделяем данную позицию, так как, на наш взгляд, необходимо требовать законного, но в то же время справедливого решения.

Исследовательский интерес вызывает позиция судей по вопросу соотношения закона и справедливости. «Законы могут быть не только несправедливы, но и по существу преступны с точки зрения права в его широком (а значит, более верном) понимании, что, к сожалению, как показывает история, может восприниматься десятилетиями и столетиями и властью, и населением как нормальное положение вещей. *Справедливость у каждого своя – гражданина, коллектива, религиозной группы, социального слоя...* (курсив наш – В. Ш. и А. Л.). Даже преступные сообщества стремятся определить, что справедливо – а значит, по закону, пусть по воровскому, “по понятиям”, а что нет. Но есть и общепринятые подходы, когда справедливость, например, рассматривается как соответствие наказания тяжести и обстоятельствам проступка, личности нарушителя правовых и других социальных норм», – отмечает председатель Арбитражного суда Республики Карелия А. В. Петровский (Петровский А. В. «Палочный», без анализа, подход к оценке деятельности судьи недопустим // Закон. 2008. № 12. С. 122, 123). В свою очередь, И. В. Решетникова полагает, что «грань между законностью и справедливостью – тонкая. Юридическое лицо, не заключив договор в письменной форме, выполнило свою часть обязательств. Противоположная сторона отказывается производить оплату. Закон устанавливает недопустимость свидетельских показаний при нарушении формы договора. Следовательно, юридические упущения порождают проигрыш дела. Наверное, сторона полагает, что это несправедливо. Но с точки зрения закона – справедливо. Берясь за предпринимательскую деятельность, ты не-

сешь риск, незнание закона может привести к проигрышу в суде. *Поэтому у участников судебных тяжб понятия законности и справедливости могут расходиться* (курсив наш – В. Ш. и А. Л.)» (Решетникова И. В. Указ. соч. С. 77). Как видно, оба представителя судейского сообщества отмечают, что справедливость – категория субъективная, частная. Мы же полагаем, что справедливость – это категория не частная, а публичная. Частный интерес у всех разный, а справедливость одна. Справедливо то, что способствует всеобщему благу. И только на такую справедливость должен быть ориентирован правоприменитель. Да, справедливость восторжествует, если преступник будет наказан. Но наказание должно соответствовать не только тяжести содеянного, но и его личности. В этой связи мы солидарны с директором ФСИН России А. А. Реймером: «Мы с вами прекрасно понимаем, что преступник преступнику рознь» (Арестанты в отпуске // Рос. газ. 2009. 15 окт.).

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Изучение правоприменительной техники должно иметь системный характер, базовая основа которой (системы) должна быть заложена в рамках освоения дисциплины «Общая теория государства и права».

2. В ходе изучения правоприменительной техники акцент необходимо делать на ее прикладных аспектах, не забывая при этом создавать надежный теоретический фундамент.

3. Наличие творческого начала в правоприменительной деятельности предполагает ориентацию обучаемых на недопустимость формального отношения к вопросам, решаемым в рамках ее осуществления.

Библиографический список

1. Аносова, М. М. Правопонимание и правоприменение на современном этапе: некоторые проблемы теории и практики : монография / М. М. Аносова ; под ред. А. В. Аверина. – Владимир, 2007.
2. Байтин, М. И. Вопросы общей теории государства и права / М. И. Байтин. – Саратов, 2006.
3. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – М., 2005.
4. Илясов, А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2008.

Bibliographical list

1. Anosova, M. M. Rightunderstanding and Rightapplication on the Modern Stage: Some Problems of Theory and Practice / M. M. Anosova ; ed. by A. V. Averin. – Vladimir, 2007.
2. Baytin, M. I. Questions of General Theory of the State and Right / M. I. Baytin. – Saratov, 2006.
3. Baytin, M. I. Essence of Law (Modern Normative Understanding on Verge of Two Ages) / M. I. Baytin. – M., 2005.
4. Ilyasov, A. N. Rightapplicative Technique and Rightapplicative Technology (Theoretical-Legal Analysis) / A. N. Ilyasov. – Samara, 2008.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЕГО ПРИНЦИПЫ
Administrative Law and Its Principles

Аннотация. Граждане и юридические лица должны иметь действительную защиту как в отношениях между собой, так и во взаимоотношениях с публичной властью, в связи с чем существуют объективные потребности общества в совершенствовании действующих институтов судебной защиты прав, одним из которых является административное судопроизводство. В отношениях между гражданами и их объединениями, юридических лиц с органами публичной власти нет свободы воли сторон, что обуславливает необходимость определения гарантий соблюдения прав и свобод граждан и их объединений как субъекта, не обладающего государственно-властными полномочиями.

В представленной статье, не претендуя на всесторонность охвата и окончательность выводов, учитывая теоретические и практические подходы к определению понятия административного судопроизводства, сделана попытка определения его предмета, а также содержания и особенностей реализации принципов административного судопроизводства.

Ключевые слова: административное, судопроизводство, публично-правовые, нормативные, спор, принципы.

Annotation. Citizens and legal entities must be secured both in their relations with each other and with the public authorities. As a result, there is a fair demand for improvement of current legal defense mechanisms, among which are Administrative Court Procedures. There is no free will in relations between citizens and their associations, legal entities and public authorities, which leads to the necessity of defining the guarantees for securing *rights and liberties* of citizens and their associations as subjects, not having government authority.

This article, not claiming to give a comprehensiveness overview or provide irrevocable conclusions, is an attempt to define the target of administrative court procedures, as well as the point and peculiarities of realizing its principles.

Key words: administrative, legal procedure, public, normative, judicial contest, principles.

Административное судопроизводство представляет собой особый судебный порядок разрешения публично-правовых споров.

Понятие «административное судопроизводство» закреплено в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации (Рос. газ. 1993. 25 дек.). Однако Основной закон лишь упоминает такой вид судопроизводства, который должен быть определен и конкретизирован в других законодательных актах.

В связи с тем, что административное судопроизводство в настоящее время осуществляется в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, то такими законодательными актами являются Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: ГПК РФ) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: АПК РФ) (Там же. № 30, ст. 3012).

ГПК РФ не содержит понятия «административное судопроизводство». Данный нормативный документ, как и Конституция Российской Федерации, использует такие термины, как «гражданское судопроизводство», «порядок гражданского судопроизводства», «правосудие по гражданским делам», в рамках которых суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, в том числе и по делам,

возникающим из административно-правовых отношений. Статья 5 ГПК РФ устанавливает, что правосудие по гражданским делам, подведомственным судам общей юрисдикции, осуществляется только этими судами по правилам, утвержденным законодательством о гражданском судопроизводстве.

Следует заметить, что термин «публичные правоотношения» в ГПК РФ не определен, ст. 245 лишь перечисляет категории споров, которые к ним относятся. Среди них споры: по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, если рассмотрение этих заявлений не отнесено федеральным законом к компетенции иных судов; по заявлениям об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; по заявлениям о защите избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации; иные дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к ведению суда.

Подраздел III ГПК РФ называется «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений». Таким образом, ГПК РФ не ис-

пользует традиционно применяемое в российской науке и законодательстве понятие «дела, возникающие из административных правоотношений». ГПК РФ не устанавливает судебной процедуры производства по делам об административных правонарушениях и по делам об обжаловании постановлений, вынесенных по делам об административных правонарушениях. Такая процедура установлена Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) (Там же. № 1, ч. 1, ст. 1).

Таким образом, в ГПК РФ публично-правовые споры подпадают под общее понятие «гражданское дело», что противоречит их материально-правовой природе.

Анализируя нормы АПК РФ по распределению подведомственности дел арбитражным судам, можно выделить несколько важнейших положений, относящихся к административному судопроизводству:

1) ст. 29 АПК РФ устанавливает подведомственность арбитражным судам экономических споров и других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений;

2) АПК РФ использует термин «административное судопроизводство» или «порядок административного судопроизводства»;

3) административное судопроизводство является формой разрешения возникающих из административных и иных публичных правоотношений экономических споров и других дел, связанных с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности;

4) административным судопроизводством законодатель считает рассмотрение арбитражными судами указанных споров и иных дел:

а) об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда (п. 1 ст. 29, ст. 189–196 АПК РФ);

б) об оспаривании ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ч. 2 ст. 29, ст. 197–201 АПК РФ);

в) об административных правонарушениях, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда

(п. 3 ст. 29, ст. 202–211 АПК РФ, абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ);

г) о взыскании с организаций и граждан, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обязательных платежей и санкций, если федеральным законом не предусмотрен иной порядок их взыскания (п. 4 ст. 29, ст. 212–216 АПК РФ);

д) других дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда (п. 5 ст. 29 АПК РФ).

Таким образом, АПК РФ связывает термин «административное судопроизводство» с рассмотрением арбитражными судами различных по своему предмету экономических споров и иных дел, возникающих из административных и других публичных правоотношений. Административное судопроизводство, по смыслу АПК РФ, – это производство в арбитражном суде по оспариванию нормативных или ненормативных правовых актов, а также по делам об административных правонарушениях. То есть АПК РФ является единственным кодифицированным процессуальным нормативным правовым актом в России, который вслед за Конституцией Российской Федерации использует понятие «административное судопроизводство».

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что практически одинаковые нормы, относящиеся, например, к предмету оспаривания административных актов, в арбитражном процессе называются административным судопроизводством, а в гражданском процессе таковыми не считаются.

Проанализированные выше положения ГПК РФ, КоАП РФ и АПК РФ порождают споры среди ученых и правоприменителей о содержании понятия административного судопроизводства и, в частности, о включении в его предмет дел об административных правонарушениях. По данному вопросу в науке сложилось два подхода: широкий и узкий.

Сторонниками широкого подхода являются П. И. Кононов, С. С. Москаленко, М. С. Студеникина, В. М. Чепурных (Кононов П. И., Чепурных М. В. Об административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 48 ; Москаленко С. С. О понятии и содержании административного судопроизводства в России // Полиц. право. 2007. № 2. С. 14 ; Студеникина М. С. Процессуальные формы осуществления правосудия по административным делам // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства : сб. по материалам науч.-практ. конф.

М., 2001. С. 177), которые в основном мотивируют свою позицию тем, что АПК РФ и КоАП РФ относят рассмотрение дел об административных правонарушениях к компетенции судебных органов. Однако, когда привлечение к административной ответственности осуществляется на основании судебных актов как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, происходит совмещение функций судебной власти с функциями административно-юрисдикционного органа, что недопустимо с точки зрения теории разделения властей.

К представителям узкого подхода относятся И. Л. Петрухин, Н. Г. Салищева, Ю. Н. Стариков, Н. Ю. Хаманева и др. (Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 24 ; Салищева Н. Г. Проблемы административного судопроизводства // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства : сб. по материалам науч.-практ. конф. М., 2001. С. 158–166 ; Стариков Ю. Н. Административные суды в России: новые аргументы «за» и «против» / под ред. В. И. Радченко. М., 2004. С. 60–61 ; Хаманева Н. Ю. Административно-правовые споры: проблемы и способы их разрешения // Государство и право. 2006. № 11. С. 9). Они считают предметом административного судопроизводства лишь рассмотрение судами публично-правовых споров. В спорном административном правоотношении присутствует субъект – это наделенный властными полномочиями орган или должностное лицо, благодаря которым спор носит административный характер. Целью рассмотрения административных споров являются защита и восстановление прав граждан, а не наложение на них наказаний.

Административный спор имеет специфический публично-правовой характер, особые положение его субъектов и порядок разрешения, а также своеобразные средства и способы защиты, что обуславливает необходимость специального нормативного правового регулирования процедуры их рассмотрения.

На наш взгляд, под административным судопроизводством следует понимать особый судебный процессуальный порядок разрешения публично-правовых споров, к которым относятся дела об обжаловании нормативных правовых актов государственных органов, индивидуальных актов и конкретных действий (бездействия), связанных с нарушением прав граждан в различных сферах.

Характер и специфика административных споров имеют свои процессуальные особенности, касающиеся порядка их рассмотрения, правового статуса участников этого судопро-

изводства, процессуальных сроков и т. д. В связи с этим в административном судопроизводстве действует ряд особых специальных принципов:

- принцип оперативности, содержание которого заключается в том, что суд должен без ущерба качеству судопроизводства рассмотреть публично-правовой спор с минимальными временными затратами;

- принцип полноты судебной защиты, распространяющийся на категорию дел об оспаривании нормативных правовых актов. Содержание данного принципа сводится к двум положениям: производство по делу о проверке законности нормативных актов не может быть прекращено в случае отмены или изменения акта самим органом, его принявшим; признанный судом недействительным нормативный правовой акт не должен применяться с момента его издания;

- принцип приоритета физических лиц и организаций, содержание которого можно было бы выразить в следующем положении: каждое неустранимое сомнение, возникающее при оценке доказательств по административному спору, трактуется в пользу заинтересованного лица;

- принцип немедленного вступления решения суда в силу;

- принцип экономичности судопроизводства, заключающийся в установлении льготных (по сравнению с иными категориями судебных дел) режимов по оплате государственных пошлин.

Вместе с тем в административном судопроизводстве действуют и общепроцессуальные принципы, к числу которых относятся:

- принцип законности;
- принцип осуществления правосудия только судом;
- принцип единоличного и коллегиального состава суда;
- принцип равенства всех перед законом и судом;
- принцип языка судопроизводства;
- принцип обязательности судебных решений;
- принцип непосредственности.

Кроме того, учитывая особенности рассмотрения публично-правовых споров, статус их участников, среди общепроцессуальных можно выделить принципы, имеющие особый механизм реализации в административном судопроизводстве. К числу таких принципов относятся:

- принцип независимости судей;
- принцип гласности судебного разбирательства;
- принцип диспозитивности;
- принцип состязательности и равноправия сторон.

Особенность *принципа независимости судей* в административном судопроизводстве выражается в возможном закреплении дополнительной гарантии, суть которой заключается в несовпадении системы административных судов с системой органов публичной власти для максимального обеспечения независимости судей таких судов от должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Ведь такие споры всегда отражают политические интересы должностных лиц государственных органов различных уровней власти.

В административном судопроизводстве *принцип равноправия сторон* призван уравнивать различных по статусу субъектов спора. Административный спор представляет собой несогласие граждан (физических лиц) с решением органа публичной власти, с действием ее отдельного представителя – должностного лица. При этом одним из способов (процессуальных механизмов) уравнивания возможностей публичной власти и «безвластного» субъекта является судебное производство, в котором можно попытаться уравнивать заявителя и ответчика.

Государство обладает большими возможностями для защиты своих прав и законных интересов. Поэтому суд должен реализовывать свои властные функции с целью защиты слабой стороны в процессе, выполнять активную роль: оказывать помощь гражданину, обратившемуся в суд с жалобой на решение или действие органа публичной администрации; разъяснять ему права и обязанности, истребовать от административного ответчика необходимые материалы и документы; принимать меры к охране имущества заявителя и др.

Принцип гласности (открытого рассмотрения дела) при рассмотрении административного спора должен быть гарантирован не только открытым слушанием дела и свободным доступом на судебное заседание, за исключением отдельных категорий разбирательств, слушание по которым может проводиться закрыто в соответствии с федеральным законом (ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 9 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФЗ «О судебной системе Российской Федерации» (Рос. газ. 1997. 6 янв.)), но и опубликованием решений по таким делам в печатных изданиях для ознакомления широкого круга лиц.

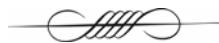
Принцип диспозитивности в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, может быть ограничен в силу специфики публично-правового спора, но только в

тех случаях, когда природа спорного публичного правоотношения не предполагает возможность свободного распоряжения субъективным материальным правом.

Так, АПК РФ устанавливает, что при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публичных правоотношений, арбитражный суд не связан доводами, содержащимися в заявлении об оспаривании нормативного правового акта, и проверяет оспариваемое положение в полном объеме (ч. 5 ст. 194); обязанность доказывания по делам, возникающим из публичных правоотношений, распределены иным, нежели для дел искового производства, образом (ч. 6 ст. 194); отказ лица, обратившегося в арбитражный суд, от своего требования не влечет за собой прекращение производства по делу, а признание требования органом местного самоуправления или должностным лицом, принявшим оспариваемый нормативный правовой акт, для суда не обязательно (ч. 8 ст. 194). Суд не может быть связан и ходатайством органа или должностного лица, принявшего оспариваемый нормативный правовой акт, о прекращении производства по делу лишь на том основании, что в процессе рассмотрения дела этот акт утратил силу.

По делам, вытекающим из публичных правоотношений, в ГПК РФ также предусмотрены определенные ограничения действия принципа диспозитивности. В частности, при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публичных правоотношений, суд не связан основаниями и доводами заявленных требований (ч. 3 ст. 246 ГПК РФ).

Таким образом, все принципы арбитражного и гражданского процессов применимы и к административному судопроизводству в силу определенной универсальности. Среди общепроцессуальных принципов административного судопроизводства можно выделить принципы, содержание и механизм реализации которых различны в гражданском и административном судопроизводстве. Учитывая особенности рассмотрения публичных правовых споров, различный статус участников судебного процесса, цели и задачи административного судопроизводства, можно выделить и специальные принципы, применимые только в данном виде судопроизводства. Необходимо, чтобы с учетом определенной специфики административного судопроизводства эти принципы нашли свое отражение в акте, призванном регламентировать данную форму осуществления правосудия в целях эффективной защиты интересов личности, общества и государства.

Библиографический список

1. Бахрах, Д. Н. Административное право / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – М., 2008.
2. Кононов, П. И. Об административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции / П. И. Кононов, М. В. Чепурных // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 5.
3. Ноздрачев, А. Ф. Процессуальные правовые механизмы защиты граждан и их объединений во взаимоотношениях с публичной властью / А. Ф. Ноздрачев, Н. В. Сухарева, В. И. Мельникова // Законодательство и экономика. – 2005. – № 5.
4. Попова, Ю. А. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции / Ю. А. Попова // Государство и право. – 2002. – № 5.
5. Хаманева, Н. Ю. Административно-правовые споры: проблемы и способы их разрешения / Н. Ю. Хаманева // Государство и право. – 2006. – № 11.

Bibliographical list

1. Bahrah, D. N. Administrative Law / D. N. Bahrah, B. V. Rossiyskiy, U. N. Starilov. – M., 2008.
2. Kononov, P. I. About Administrative Court Procedures in Common Law Jurisdiction / P. I. Kononov, M. V. Chepurhnikh // Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. – 2007. – № 5.
3. Nozdrachev, A. F. Mechanisms of Citizens and their Associations Defense in Dealing with Public Authorities / A. F. Nozdrachev, N. V. Suhareva, V. I. Melnikova // Law and Economy. – 2005. – № 5.
4. Popova, U. A. Administrative Law in Common Law Jurisdiction / U. A. Popova // State and Law. – 2002. – № 5.
5. Hamaneva, N. U. Administrative Law Controversy: Problems and Solutions / N. U. Hamaneva // State and Law. – 2006. – № 11.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В. А. Илюхина,
*методист кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
Академии права и управления
ФСИН России*

V. A. Ilyukhina,
*methodologist of chair of criminology
and the organizations of preventive maintenance of crimes
of the Academy of Law and Management
of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia*

«ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ В РОССИИ» 1862 г. ОБ ИНСТИТУТЕ МИРОВЫХ СУДЕЙ «The Main Provisions of the Transformation Judicial Part of Russia» in 1862 on the Institution of Justices of the Peace

Аннотация. В статье рассматривается судоустройство и судопроизводство с участием мировых судей по «Основным положениям преобразования судебной части в России» 1862 г. как основополагающей политико-правовой программы судебной реформы в целом и мирового суда, в частности. Обосновывается тот факт, что проведению судебной реформы 1864 г. в России предшествовала длительная и кропотливая подготовительная законотворческая работа.

Ключевые слова: судебная реформа, судоустройство, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, мировая юстиция, мировой суд, мировой судья, съезд мировых судей.

Annotation. The article is considered Justice organisation and legal proceedings with participation of Justice of the Peace according to «The Basic provisions of the transformation of the Judicial part in Russia» of 1862 as basic politiko-legal program of judicial reform as a whole and Justice of the Peace, in particular. That fact is proved that carrying out of judicial reform of 1864 in Russia was preceded by long and laborious preparatory legislative work.

Key words: judicial reform, Justice organisation, criminal legal proceedings, civil legal proceedings, Justice, judge, Court of Justice, Justice of the Peace, Congress of Justices of the Peace.

Период конца XX – начала XXI вв. в Российской Федерации можно назвать переходным этапом от социально-экономического, правового, культурно-образовательного, идеологического, политического монизма к плюрализму во всех сферах жизни общества, к осмыслению понятия свободы в ее различных аспектах, к построению правового государства и гражданского общества. В немалой степени этому призван был способствовать принятый 31 декабря 1996 г. Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», который в качестве одного из элементов судебной системы наряду с федеральными и конституционными (уставными) судами предусмотрел институт мирового судьи (ст. 4, ч. 2), отнеся его к судам субъектов Российской Федерации (ст. 4, ч. 4) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1). В результате было положено начало возрождению мирового суда, известного еще пореформенному российскому правосудию второй половины XIX в. Дальнейшее свое развитие законодательство о мировых судьях получило в связи со вступлением в силу Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (Там же. 1998. № 51, ст. 6270). Таким образом, введение института мировых судей явилось составной частью фор-

мирования реальной и эффективной судебной власти в России на рубеже XX–XXI вв.

Впервые в нашей стране мировой суд был введен в результате судебной реформы 1864 г. и фактически просуществовал до принятия Декрета о суде № 1 в ноябре 1917 г.

Проведению судебной реформы 1864 г. в России предшествовала длительная и кропотливая подготовительная законотворческая работа. Фактически впервые в отечественном законотворческом процессе реформаторами была разработана юридическая процедура, предусматривавшая сначала подготовку и закрепление в специальном акте основных принципов преобразований суда и правосудия как основополагающей политико-правовой программы судебной реформы в целом и мирового суда, в частности («Основные положения преобразования судебной части в России»), а затем создание на ее основе своего рода кодексов (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), которые и составили в конечном итоге Судебные уставы 1864 г.

Таким образом, в истории подготовки судебной реформы важной вехой стало утверждение царем Александром II 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России» (далее: «Основные

положения»), представлявших собой программу для детальной разработки последующего судебного законодательства (Журн. М-ва юстиции. 1862. № 10. С. 11–71). Центральным пунктом этой программы наряду с сопредельными институтами буржуазного судостроительства и судопроизводства являлось и создание мировой юстиции.

«Основные положения» включали в себя три части: 1) судостроительство; 2) уголовное судопроизводство; 3) гражданское судопроизводство.

В первой части, посвященной судостроительству, провозглашалось отделение власти судебной от исполнительной, административной и законодательной (ст. 1). Объявление независимости суда от администрации стало, как известно, одним из важнейших принципов организации суда в буржуазных странах Европы и Америки. Реализация этого принципа в России создала бы известные гарантии законности и обоснованности судебных решений. Под давлением общественного мнения и будучи не в силах противостоять одному из основных догматов юридической науки, правительство вынуждено было отделить суд от администрации.

Первичным и, по сути, основным звеном судебной системы в России определялся мировой суд. Он учреждался в составе одного судьи по уездам и городам для разрешения гражданских и уголовных дел «меньшей важности». Уезд вместе с находящимися на его территории городами составлял мировой округ, который в свою очередь подразделялся на мировые участки (ст. 10). Причем в округе могло быть несколько мировых судей, подразделявшихся на участковых и почетных (ст. 12). Они избирались «всеми сословиями в совокупности на три года» и утверждались Сенатом (ст. 13). При этом все мировые судьи, как почетные, так и участковые, обладали «одинаковыми правами и преимуществами» (ст. 18). Однако если участковый мировой судья получал из земских сборов «определенную сумму на содержание... на разъезды, наем письмоводителя и рассыльного, на канцелярские расходы и т. п.», то «почетные мировые судьи никакого содержания и никаких на свои расходы по этой обязанности сумм не получают» (ст. 19).

Основным и постоянным звеном мировой юстиции являлись участковые мировые судьи. Именно они рассматривали возложенные на мирового судью уголовные и гражданские дела. Институт почетных мировых судей учреждался с целью содействия участковым в исполнении возложенных на них обязанностей. При этом «каждому из почетных мировых судей предоставляется право разбора всех тех граж-

данских или тяжёбных дел, равно как и дел о менее важных преступлениях и проступках, кои предоставлены разбору мировых судей вообще, когда обе стороны обратятся к суду почетного мирового судьи» (ст. 16). Почетному мировому судье могло быть поручено исполнение обязанности участкового и «в случае его отсутствия, болезни или отвода» (ст. 20). Кроме того, почетные мировые судьи приглашались также в качестве присяжных заседателей при рассмотрении дел в окружных судах (ст. 34). Более того, мировые судьи, как участковые, так и почетные, могли быть призваны для пополнения присутствия окружного суда в случае недостатка его членов (ст. 26).

В отношении кандидатов в мировые судьи существовала целая система цензов. Так, мировыми судьями могли стать «местные жители, имеющие не менее 25 лет от роду, не опорооченные по суду или общественному приговору, не состоящие под следствием или под судом, владеющие, хотя бы в разных местах, недвижимую собственностью, приносящей чистый годовой доход в размере, законом определенным», имеющие высшее или среднее образование «или же прослужившие, преимущественно по судебной части, не менее трех лет» (ст. 14). Список кандидатов в мировые судьи составлялся «по каждому губернскому округу» и проверялся губернатором, а затем из этого списка избирались соответствующие мировые судьи (ст. 15). Однако законодатель не определял, кто же составлял подобные списки, ничего он не говорил и о конкретном размере имущественного ценза.

Не разъяснялся в «Основных положениях» порядок обжалования решений мировых судей, лишь констатировалось, что «мировые судьи каждого мирового округа, как участковые, так и почетные, собираются в назначенные сроки в съезд мировых судей» во главе с председателем, которого сами же выбирают из присутствующих, «для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству» (ст. 21). Пробел, по мнению М. Г. Коротких, объяснялся «внезапным решением монарха обособить мировую юстицию от общей судебной системы» (Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 130). Если мировой судья рассматривал дела единолично, то съезды мировых судей являлись коллегияльной судебной инстанцией (ст. 5).

Во второй части «Основных положений», касающейся уголовного судопроизводства, определялись общие пределы подсудности мирового судьи по уголовным делам. В частности, мировым судьей разрешались правонарушения, за

которые законом в качестве наказаний определялись: выговоры, замечания и внушения, штрафы или денежные взыскания до 300 руб., арест до 3 месяцев (ст. 19, п. 1). К ведению мирового судьи также относились дела о тех преступлениях и проступках, производство по которым может быть прекращено примирением сторон (ст. 19, п. 2). Перечень данной категории правонарушений определялся ст. 162 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. С. 206). Кроме того, ведомству мирового судьи согласно «Основным положениям» были подсудны «дела о краже, мошенничестве, лесных порубках, присвоении найденных вещей и других преступлениях сего рода, совершенных лицами, подлежащими за эти противозаконные деяния заключению в рабочем доме» (ст. 19, п. 3).

К основаниям рассмотрения дел мировым судьей относились: жалобы потерпевших, сообщение «полицейских и других властей об обнаруженных ими или дошедших до их сведения преступлениях и проступках, подлежащих преследованию независимо от жалоб частных лиц», а также личное усмотрение судьи (ст. 24). Мировой судья выступал примирителем только по жалобам частных лиц в тех делах, которые могли заканчиваться примирением сторон; в противном случае мировой судья постановлял приговор (ст. 24). Рассмотрение дел мировым судьей происходило словесно с внесением приговоров в установленную для этих целей книгу (ст. 27). При этом отмечалось, что приговоры мирового судьи, которыми определялись в качестве наказаний внушения, замечания и выговоры, денежные взыскания до 15 руб., арест до 3 дней, считались окончательными и не могли быть обжалованы (ст. 30). Остальные же приговоры в случае обжалования разрешались съездами мировых судей (ст. 31).

В третьей части «Основных положений», посвященной гражданскому судопроизводству, подробно определялась компетенция мирового суда по гражданским делам. В частности, он разрешал в устном и публичном судопроизводстве: «1) иски по личным обязательствам и договорам и о движимости ценою не свыше 500 руб.; 2) иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда количество оных не превышает 500 руб. ... 3) иски о личных обидах и оскорблениях и 4) дела о восстановлении нарушенного владения, когда с нарушением не соединяется, основанного на формальном акте, споры о самом праве на владение» (ст. 1). Из них дела по искам не свыше 30 руб. мировой судья ре-

шал окончательно, а по всем прочим постановлял решения в качестве первой инстанции (ст. 3). В этом случае второй (апелляционной) и окончательной инстанцией признавался съезд мировых судей (ст. 4). Мировой судья предвзято старался примирить тяжущихся и только «в случае неуспеха» принимал иск и постановлял решение (ст. 6). Показательно умолчание законодателя об основаниях вынесения мировым судьей решения по делу «по совести» или закону. Как справедливо заметил М. Г. Коротких, это свидетельствовало «о неразрешенных противоречиях в среде реформаторов» (Коротких М. Г. Указ. соч. С. 135).

Таким виделось судоустройство и судопроизводство с участием мировых судей согласно «Основным положениям». В целом этот документ закрепил те главные моменты организации мирового суда, которые были разработаны в Государственной канцелярии и обсуждены Общим собранием Государственного Совета. На заседаниях Государственного Совета после многочисленных дискуссий и под давлением либерального направления в правительственных кругах (в частности, П. П. Гагарина, Д. А. Милютин, С. И. Зарудного и ряда других) было принято решение опубликовать «Основные положения» в печати (Коротких М. Г. Указ. соч. С. 127–128). Это было своего рода определенное доверие, которое государство оказывало общественности при подготовке судебной реформы, а также проявлением своеобразной демократичности (в частности, свободы слова и печати) в условиях самодержавной России.

При Государственной канцелярии 27 сентября 1862 г. была создана особая комиссия под председательством государственного секретаря В. П. Буткова под названием «Комиссия для составления проектов законоположений о преобразовании судебной части» (РГИА. Ф. 1149. Оп. 5 (1857–1862 гг.). Д. 50^в. Л. 184–185об.). Она, руководствуясь «Основными положениями», подготовила Судебные уставы, основанные на бессловесности судов, несменяемости судей, устности, гласности и состязательности судопроизводства, свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению судей, введении суда с участием присяжных заседателей и мировой юстиции (Там же. Ф. 1190 (Комиссия для окончания работ по преобразованию судебной части при Государственном Совете, 1862–1869 гг.). Мировой суд становился важным демократическим институтом буржуазного судебного права, а его введение в России было большим шагом вперед по сравнению с инквизиционным дореформенным судопроизводством.

Библиографический список

1. Виленский, Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б. В. Виленский. – Саратов, 1969.
2. Коротких, М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М. Г. Коротких. – Воронеж, 1989.
3. Коротких, М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования) / М. Г. Коротких. – Воронеж, 1994.
4. Лонская, С. В. Мировая юстиция в России / С. В. Лонская. – Калининград, 2000.
5. Немытина, М. В. Суд в России второй половины XIX – начала XX вв. / М. В. Немытина. – Саратов, 1999.
6. Трофимова, Н. Н. Мировая юстиция в России в 1864–1889 гг.: региональные аспекты / Н. Н. Трофимова. – Владимир, 2006.

Bibliographical list

1. Vilensky, B. V. Judicial Reform and Counter-reform in Russia / B. V. Vilensky. – Saratov, 1969.
2. Korotkikh, M. G. Absolute Monarchy and Judicial Reform of 1864 in Russia / M. G. Korotkikh. – Voronezh, 1989.
3. Korotkikh, M. G. Judicial Reform of 1864 in Russia (Essence and Socially-legal Mechanism Formations) / M. G. Korotkikh. – Voronezh, 1994.
4. Lonskaya, S. V. Justice of the Peace in Russia / S. V. Lonskaya. – Kaliningrad, 2000.
5. Nemytina, M. V. Court of Justice in Russia of Second Half XIX – the Beginnings of XX Centuries / M. V. Nemytina. – Saratov, 1999.
6. Trofimova, N. N. Justice of the Peace in Russia in 1864–1889: Regional Aspects / N. N. Trofimova. – Vladimir, 2006.

Е. В. Кузнецова,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

E. V. Kuznecova,
lecturer in public and legal disciplines
of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia

**ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА МИРОВЫХ СУДЕЙ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**Formation of Justices of the Peace Corps in the Post-Reform Russia in the Second Half of the XIX Century.
(Based on the Vologda Province)**

Аннотация. В статье анализируются особенности и порядок формирования корпуса мировых судей в России по Судебной реформе 1864 года. Особое внимание уделяется кадровому обеспечению деятельности мировой юстиции, анализу качественного и количественного состава корпуса мировых судей на примере Вологодской губернии.
Ключевые слова: судебная реформа 1864 года, Вологодская губерния, мировая юстиция, мировые судьи.

Annotation. This paper analyzes the characteristics and the procedure for the formation of Justices of the Peace Corps in Russia on the judicial reform in 1864. The special attention is given to personnel maintenance of activity of Justice of the Peace, The analysis of qualitative and quantitative composition of the group of magistrates based on the example to the Vologda province.
Key words: court reform of 1864, Vologda region, justice of the peace, magistrate.

Мировая юстиция, введенная в ходе Судебной реформы 1864 г., представляла собой новый институт, отличавшийся от общих судебных мест и компетенцией, и порядком проведения судебных действий, и способом формирования. В Учреждении судебных установлений 1864 г. (далее: УСУ) закрепляется общее начало: корпус мировых судей должен формироваться путем выборов уездными земскими собраниями и городскими думами (Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. В 5 ч. Ч. 3. Учреждение судебных установлений. Спб., 1867). Официальная причина передачи функции формирования корпуса мировых судей земствам заключалась в том, что последние обладают большими возможностями для поиска кандидатов, обладающих доверием местного населения. Не последнюю роль, по мнению исследователей, сыграло и «деловое» соображение: «возложить все траты и хлопоты на местные бюджеты, дабы не обременять центральный аппарат и казну беспокойством по поводу избрания тысяч мировых судей» (Лонская С. В. Мировая юстиция в России : монография. Калининград, 2000. С. 50).

Процедура формирования корпуса мировых судей предполагала два основных этапа: отбор кандидатов на должность судьи и выборы (назначение) кандидата на должность. Первый этап представлял собой ряд последовательных процедур, включающих подготовку списков лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи, и утверждение данного списка губернатором. При этом высока была степень влияния административного ресурса: списки составлялись уездными предводителями дворянства по соглашению с городским головою и местными мировыми судьями, а затем губернатор мог высказать замечания по той или иной кандидатуре.

Второй этап предполагал выборы мировых судей на уездном земском собрании при наличии

12 гласных или городской думой. Земское собрание работало со списком, по которому имелись замечания губернатора. Избранными считались лица, получившие «...более избирательных, нежели неизбирательных голосов» (ст. 33 УСУ). Вместе с тем голосование в земском собрании или городской думе не считалось окончательным в процедуре формирования корпуса мировых судей. Согласно ст. 37 УСУ списки избранных в мировые судьи должны были представляться в Первый департамент Правительствующего сената. При этом, если лицо избиралось все-таки без учета замечаний губернатора, то в обоснование подобного избрания необходимо было представить вескую аргументацию. Первый департамент Правительствующего сената утверждал лиц, избранных в мировые судьи. Нередко результаты процедуры утверждения приходили спустя несколько месяцев после присяги судьи и начала его работы. Имелись случаи неутверждения мировых судей Правительствующим сенатом, например, если он усматривал недостаточное подтверждение документами имущественного ценза, или требовалось дожидаться подтверждения об отставке с предыдущего места службы, или он истребовал дополнительные сведения о прохождении службы, семейном положении кандидата и т. п. Переписка с Правительствующим сенатом могла затянуться на несколько месяцев, на протяжении которых либо место мирового судьи пустовало, либо он работал неофициально.

Таким образом, указанную процедуру формирования корпуса мировых судей по Судебным уставам 1864 г. весьма условно можно назвать выборами. Наличие дополнительных этапов согласования списков кандидатов на должность судьи с городским головою и губернатором создавали возможности для влияния административного ресурса на судебную власть, что нарушало принцип независимости мировых судей уже на этапе их формирования. В случае недостатка лиц, которые

могли быть избраны в участковые мировые судьи, назначение судей осуществлялось Первым департаментом Правительствующего сената, т. е. фактически нарушался принцип выборности судей.

К кандидатам на должности мирового судьи предъявлялись достаточно высокие требования, в частности, устанавливались возрастной, образовательный или профессиональный, имущественный и своеобразный нравственный цензы. Мировым судьей мог стать подданный Российской империи, достигший 25 лет, получивший высшее или среднее образование (допускалась сдача соответствующего экзамена) либо имевший опыт профессиональной деятельности, в ходе которой он мог получить знания по вопросам судопроизводства. УСУ не раскрывает перечень таких профессий, однако в архивных материалах встречаются уездный судья, секретарь окружного суда, секретарь съезда мировых судей, нотариус, уездный стряпчий, дворянский заседатель уездного суда и т. п. Впоследствии законом от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда (Собр. узаконений. 1912. № 18) был более четко определен перечень должностей, исполняя которые можно было приобрести необходимые знания. Заменой образовательному цензу считалась служба в течение шести лет в должностях предводителя дворянства, секретаря мирового съезда, земского участкового начальника, секретаря уездного съезда. Следует отметить, что указанный перечень гораздо уже перечня профессий, которые могли принести знания в области судопроизводства, в трактовке земских собраний в 1860–1880-е гг. Из вышеперечисленных должностей вызывает сомнения лишь должность предводителя дворянства: насколько опыт этой деятельности связан с судопроизводством? Полагаем, что включение в перечень данной должности было своеобразной лазейкой для представителей дворянского сословия.

Имущественный ценз был достаточно высок: обладание земельной собственностью «вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания», либо недвижимостью, оцененной для сбора налогов: в уезде – в 15 000 руб., столичном городе – 6 000 руб., провинциальном – 3 000 руб. (Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны... Ч. 3. С. 41–45). Размеры земельного ценза для каждого уезда были указаны в специальном «Расписании количества земли, дающего право на избрание гласных в уездные земские собрания», которое прилагалось к Положению о земских учреждениях. Качество, стоимость и доходность земли в разных уездах сильно варьировались, поэтому установленный земельный ценз также изменялся в зависимости от территории. Минимальный ценз в 200 десятин (1 дес. = 1,04 га) был установлен для плодородных и густонаселенных уездов Московской, Тульской, Тамбовской, Рязанской, Полтавской, Казанской, Воронежской, Орловской, Екатеринославской,

Калужской и других губерний. Напротив, в слабозаселенных северных или степных губерниях ценз был в несколько раз выше: например, в наиболее отдаленных уездах Вологодской губернии его размер доходил до 800 десятин.

Кандидат, не соответствующий имущественному или образовательному цензу, мог рассчитывать на единогласное избрание земским собранием или городской думой, что в практике случалось довольно редко.

Подобный порядок формирования мировых судей был характерен лишь для тех губерний, где мировая юстиция была введена на основании общих правил. В регионах, где действовали различные временные правила, и положение дел обстояло иначе: мировые судьи, как правило, назначались от правительства. При этом снижались или вовсе отменялись некоторые требования к кандидатам на должность (в основном имущественный ценз).

В Вологодской губернии мировая юстиция была введена на основании общих правил, а значит, кандидат в мировые судьи должен был соответствовать всем требованиям Судебных уставов. Необходимо отметить, что имущественный ценз в уездах губернии различался: от 500 десятин в Вологодском и Грязовецком до 1400–1600 десятин в Устьсысольском и Яренском уездах. Величина ценза менялась в зависимости от качества земель и соответственно их стоимости. Однако в дальних уездах северного района, где немногочисленное дворянство не стремилось владеть большим объемом земельной собственности, повышение земельного ценза, наоборот, лишало представителей этого сословия возможности быть избранными в мировые судьи.

Реформа судоустройства в губернии началась именно с введения мировой юстиции в 1873 г. в пяти западных уездах (Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Вельском и Тотемском). В северо-восточных уездах вплоть до 1882 г. продолжали действовать дореформенные судебные учреждения. На введение и последующую деятельность мировой юстиции в губернии значительно повлияли особенности социально-экономического и географического развития региона. В западных уездах, сравнительно небольших по площади и с достаточно высокой плотностью населения, развиты были производство, торговля, помещное землевладение (за исключением Вельского). Северо-восточные уезды были значительно крупнее по площади и характеризовались низкой плотностью населения. Здесь личное и потомственное дворянство было весьма немногочисленно, в некоторых уездах преобладающей группой населения являлись бывшие государственные крестьяне.

Сравним количественный и качественный состав кандидатов в мировые судьи, выявленных при введении мировой юстиции в губернии. Так, в 1873 г. были опубликованы первые списки лиц, со-

ответствующих цензам, по пяти юго-западным уездам (Вологод. губерн. ведомости. 1873. № 13, 15, 16, 17, 18). В частности, в «дворянских» Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах было выявлено по 20 и более кандидатов, из них ранее должность мирового посредника исправляли около 35 %, высшее образование имели 7 %, среднее – 81 %. Требуемым имущественным цензом обладали 85 % кандидатов, причем от 18 до 45 % указали размер имущества, в четыре и более раз превышающий установленный имущественный ценз.

Гораздо хуже с кадрами для мировой юстиции обстояло дело в Вельском и Тотемском уездах: первоначально в них было выявлено 3 и 9 кандидатов соответственно. Причем в Вельском уезде планировалось открыть три участка мировых судей, а такая кадровая ситуация ставила под вопрос их функционирование и работу съезда. Трое кандидатов в мировые судьи Вельского уезда не имели имущественного ценза и были внесены в списки на основании ст. 15 Положения о введении в действие судебных уставов. Из кандидатов в мировые судьи этих уездов высшее образование имели 25 %, среднее – 58 %.

Таким образом, западные уезды (за исключением Вельского) обладали достаточно высоким кадровым потенциалом для мировой юстиции. Совершенно иная ситуация складывалась в оставшихся пяти уездах (Великоустюгском, Никольском, Усть-сысольском, Сольвычегодском, Яренском), где мировая юстиция была введена в 1882 г. Всего по пяти уездам было выявлено лишь 16 кандидатов на 15 участков (Вологод. губерн. ведомости. 1882. № 41, 45, 47). Для сравнения: в западных уездах в том же году в списки было внесено более 60 кандидатов на должность мирового судьи, из них 16 внесены впервые (Там же. № 41, 42, 49, 52, 55).

Из лиц, внесенных в списки по северо-восточным уездам, 43,8 % ранее исправляли должность мировых посредников и были включены в списки на основании ст. 15 Положения о введении в действие судебных уставов. Высшее образование имели 12,5 % кандидатов, среднее – 68,8 %. Требуемым имущественным цензом обладали лишь 5 кандидатов (из них 4 проживали в Великоустюгском уезде), что составляет чуть более 30 %, причем в отличие от западных уездов лица, внесенные в списки, обладали не земельной собственностью, а недвижимым имуществом в городах.

Законодатель попытался учесть особенности северо-восточных уездов, предоставив им возможность вводить добавочных мировых судей, однако, как показывает практика, уездные земские собрания данным установлением практически не пользовались. В архивных документах упоминается лишь об одном случае назначения добавочного мирового судьи от правительства. В результате ввиду нехватки кандидатов, удовлетворяющих требованиям ценза, мировые судьи в уездах начи-

нали свою работу не в полном составе. Так, в 1882 г. на три участка по Сольвычегодскому уезду был избран лишь один мировой судья, на четыре участка по Никольскому уезду – двое, в Усть-сысольском – один на три участка. В Яренском уезде и вовсе не удалось избрать мировых судей. Довыборы полного состава участковых и почетных мировых судей были перенесены в губернское земское собрание (Великоустюг. центр. арх. Ф. 421. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–3 ; ГАВО (Гос. арх. Вологод. обл.). Ф. 18. Оп. 1. Д. 2356. Л. 62–65 об.). Кроме того, уездные земские собрания северо-восточных уездов часто не решались избрать единогласно кандидатов, не соответствующих условиям ценза, предпочитая переложить ответственность за данное решение на губернское земское собрание.

Для частичного решения кадровых и финансовых проблем практиковалось объединение уездов в один судебно-мировой округ (Великоустюгско-Сольвычегодский, Яренско-Усть-сысольский), в котором формально хватало судей, чтобы обеспечить деятельность съезда мировых судей. Нередко функции мировых судей одного уезда объединенного судебно-мирового округа возлагали на судей другого уезда, что вызывало определенные трудности как для судьи в разрешении дел, так и для населения участка в доступе к правосудию.

Указанные проблемы значительно осложняли деятельность мировой юстиции в регионе. Было вполне очевидно, что реформаторы не учли особенностей Вологодской губернии, а соответственно законодательно не урегулировали возможные ситуации. Северо-восточные уезды Вологодской губернии были ближе по социально-экономическому развитию к Архангельской губернии, где мировая юстиция была введена на основании особых правил.

Далее целесообразно рассмотреть характеристику количественного и качественного состава участковых и почетных мировых судей. Всего по Вологодской губернии нами выявлены данные о 89 мировых судьях. Источниками сведений послужили формулярные списки, баллотировочные листы, сведения о кандидатах в мировые судьи, опубликованные на страницах газеты «Вологодские губернские ведомости», иные данные, собранные на основе анализа материалов заседаний съездов мировых судей, уездных земских собраний и т. д.

Большинство мировых судей губернии имели дворянское происхождение: 46,7 % – почетных и 65,6 % – участковых. Среди почетных мировых судей значителен процент лиц крестьянского и мещанского происхождения (43,3 %), а участковых мировых судей мещанского происхождения всего 9,4 %. Для сравнения приведем данные по соседней Ярославской губернии. Здесь подавляющее большинство мировых судей (свыше 85 %) имели дворянское происхождение (Трофимова Н. Н. Мировая юстиция центрально-про-

мышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 122.). Сословный состав корпуса мировых судей Вологодской губернии был обусловлен особенностями ее социально-экономического развития: высокий процент лиц мещанского и крестьянского сословия в общей статистике объясняется, прежде всего, тем, что в северо-восточных уездах часто почетными мировыми судьями избирались купцы, почетные горожане, занимающиеся предпринимательством крестьяне.

Уровень образования судей характеризовался следующими показателями:

- 30,3 % мировых судей имели высшее образование, в том числе 31,9 % участковых, из них юридическое – всего 26 % (5 почетных и 2 участковых мировых судей);

- специальное военное образование имели 20,2 %: 11,9 % почетных и 27,7 % участковых мировых судей;

- среднее образование имели 18 % мировых судей (16,7 % почетных и 19 % участковых), большинство из них окончили курс наук в классических гимназиях;

- 10 % мировых судей имели домашнее образование, и что примечательно, все они состояли в должностях почетных мировых судей «недворянских» уездов и, как правило, занимались предпринимательской деятельностью;

- 15,7 % судей имели образование ниже среднего (14,3 % почетных и 17 % участковых). Большинство (78,9 %) участковых мировых судей до избрания состояли на государственной службе: 66,7 % – на гражданской службе, остальные – отставные военные. Поступающие на службу мировые судьи имели чин, как правило, не выше VIII класса. Данные показатели в основном не отличаются от других провинциальных районов России, где мировая юстиция была введена на общих основаниях.

Уровень образования различался для участковых мировых судей западных и северо-восточных уездов. Так, в западных уездах 13 судей имели высшее образование, 12 – специальное военное и

среднее образование и только один участковый мировой судья – образование ниже среднего. Совершенно иная ситуация сложилась в северо-восточных уездах, где 10 судей имели среднее и специальное военное образование, 7 – начальное и только 2 – высшее. Данные различия обусловлены социально-экономическим развитием регионов, отсутствием на северо-востоке губернии помещного землевладения, а соответственно весьма незначительным количеством лиц, которые могут позволить себе получение высшего образования.

В «дворянских» Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах дефицита кадров для мировой юстиции не существовало: в них корпус участковых мировых судей сформировался полностью. Кроме того, избиралось достаточно большое количество почетных мировых судей (от 7 до 15), причем нередко должность занималась лишь формально. Иногда изначально было ясно, что почетный мировой судья не сможет выполнять должным образом свои функции. Так, например, в почетные мировые судьи были избраны: камергер двора Его императорского Величества Николай Волоцкий (сразу по двум уездам), граф А. А. Суворов-Рымницкий, князь Италийский, который вряд ли вообще посещал Кадниковский уезд Вологодской губернии. Иными словами, в «дворянских» уездах явно прослеживалась практика раздачи почетных должностей представителям известных фамилий.

В то же время в «недворянских» уездах с трудом удавалось избрать 2–4 почетных мировых судей. Как правило, в этом качестве избирались местные купцы, предприниматели, иногда и мировые судьи соседних уездов. Завышенный имущественный ценз для «недворянских» уездов иногда приводил к явным махинациям с целью его преодоления. Например, нередко покупались земли, не пригодные к хозяйственному использованию, или производилась переоценка имущества, чтобы зависеть его стоимость.

Таким образом, при формировании корпуса мировых судей в России недостаточно учитывались особенности социально-экономического развития регионов.

Библиографический список

1. Лонская, С. В. Мировая юстиция в России : монография / С. В. Лонская. – Калининград, 2000.
2. Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. В 5 ч. Ч. 3. Учреждение судебных установлений. – Спб., 1867.
3. Трофимова, Н. Н. Мировая юстиция центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2004.

Bibliographical list

1. Lonskaja, S. V. Justice of the Peace in Russia. – Kaliningrad, 2000.
2. Judicial Charters with a Statement of Reasoning's on Which they are Based, Published by the State Office. In five vol. Vol. III. Establishment of judicial establishments. – Spb., 1867.
3. Trofimova, N. N. Justice of the Peace it is Central-industrial Region Russia in 1864–1889: Genesis, Regional Features of the Organisation and Court Activity : the Dissertation on Competition of a Scientific Degree of the Candidate of Jurisprudence. – Vladimir, 2004.

С. В. Полищук,
начальник кафедры теории и истории
государства и права
Военно-технического университета
при Федеральном агентстве
специального строительства

S. V. Polishchuk,
head of the department of theory and history of state
and law of the Military Technical University
in the Federal Agency for Special Construction

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР О ПРАВАХ И ЛЬГОТАХ
ВОЕННЫХ-СТРОИТЕЛЕЙ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ (XI–XX вв.)**

**History of Origin of Domestic Military Construction Units and Legislation Russia Empire of the USSR
on the Rights and Privileges of Military-Builders and Their Families (XI–XX Centuries)**

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования особенностей исторического развития военно-строительных подразделений, анализу законодательства о социальной и правовой защите военнослужащих строительных частей, особенностям социальной и правовой защиты военнослужащих Спецстроя России, которые начинают проявляться по мере развития строительных частей и обособления их от Министерства обороны СССР.

История зарождения и становления военно-строительных частей неразрывно связана с развитием вооруженных сил в России и своими корнями уходит в глубь веков. Государство всегда проявляло заботу о военнослужащих и членах их семей.

Длительное время законодательство, регулирующее вопросы социальной и правовой защиты военнослужащих было единым. После Великой Отечественной войны происходит реформирование военно-строительных частей, их выводят из состава вооруженных сил и создают обособленные части специального строительства, вследствие этого появляются нормативные акты отраслевого назначения, развитие законодательства, регулирующего статус Министерства обороны и статус Спецстроя идет по направлениям, не всегда совпадающим.

Ключевые слова: военно-строительные подразделения, военно-строительные работы, вооруженные силы.

Annotation. The article is devoted to problems of investigation of features of historic development of military construction units. It analyses legislation of social and legal protection of military men in construction units. The article characterises features of social and legal protection of servicemen in Spetsstroy of Russia. The features have become apparent during development of construction units and their separation from the minister of Defense of the USSR. History of origin and establishment of military construction units is closely connected with development of the armed Forces in Russia and the history dates back to the ancient centuries. The state always took care of servicemen and members of their families. For a long time legislation regulating problems of social and legal protection of servicemen was a single whole. After the Great Patriotic War, reforming of military construction units took place, they were separated from the armed Forces and independent units of special construction were organized. As a result of it normative acts of sectoral purposes have appeared.

Key words: military construction unit, military construction, military.

Первые летописные сведения о воинах-строителях на Руси, дошедшие до нас, датируются 1016 г. Это были специалисты, находившиеся на военной службе и имевшие обширные познания в военном искусстве, особенно в искусстве обороны. Называли их городовиками и мостниками. Под их руководством возводились крепостные сооружения, ограды городов, укрепления, мосты, новые города-крепости.

Лаврентьевская летопись рассказывает, что при подготовке к военным походам специальные отряды, в составе которых находились мостники – специалисты по мостовым работам, должны были «терebить путь» (расчищать дорогу) и мостить мосты. Ученые полагают, что именно эти отряды для «терebения пути», по сути, и являлись первыми элементами военно-дорожной службы (дорожно-комендантской), начавшейся складываться уже в Древней Руси (Шаталова Г. П., Федоренко А. А. Отечествен-

ная история : учеб.-метод. пособие. Балашиха, 2007. Ч. 1. С. 17).

В 1240–1242 гг. для отражения агрессии шведских феодалов и Ливонского ордена в пределы Новгородской земли князь Александр Ярославович не только умело выбрал водные и сухопутные пути сообщения, но и приказал наводить мосты, устраивать переправы, используя зимники (так назывались дороги, проложенные прямо по снегу, для езды зимой) и ледовые дороги. Русские войска умело пользовались при этом как долговременными оборонительными сооружениями, так и полевыми укреплениями, выполненными с учетом особенностей местности. Во времена монголо-татарского ига древнерусские города укреплялись за счет различных инженерно-строительных сооружений: рвов, каменных стен детинца (кремля), башен, каменных крепостей (Там же. С. 27).

Великий князь Дмитрий Донской, идя на встречу полчищам Мамай в 1380 г., приказал через Дон «мостить мосты и искать броды». О том, что в его войске имелись специалисты-мостники, свидетельствуют короткие сроки возведения мостов его ратниками.

Казанский поход Ивана IV в 1552 г. показал, что в XVI в. русские мостники, дорожники и строители владели искусством дорожного, городского и полевого строительства, обеспечивавшего передвижение войск и создание различных укреплений. В этот период в состав русского войска входила посошная рать. Она собиралась в определенном количестве от сохи (так называлась единица податного обложения). Силами посошных людей выполнялись военно-инженерные работы по устройству дорог и мостов, осуществлялся подвоз боеприпасов и продовольствия, перевозились артиллерийские орудия и производилась их установка. Посошные люди возводили укрепления засечных черт, грандиозные оборонительные линии на юго-восточных рубежах Русского государства, выполняли на засеках ремонтные работы. Общая протяженность укреплений составляла более 1 тыс. км. Таким образом, в то время дорожные и строительные подразделения во многом способствовали укреплению обороноспособности страны (Шаталова Г. П., Федоренко А. А. Указ. соч. С. 44).

Со второй половины XV в. в России существовал единый орган руководства военно-строительными работами в лице инженерной части Пушкарского приказа, которая выполняла чертежи и руководила строительством оборонительных сооружений. Первым из дошедших до нас русским воинским уставом, обобщившим военно-инженерный опыт, стал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Его составил в начале XVII в. (1607 г.) дьяк Посольского приказа Онисим Михайлов.

В XVII в. русские мостники, дорожники, строители, владея искусством дорожного, городского и полевого строительства, обеспечивали передвижение войск и создание различных укреплений. Началось строительство больших оборонительных сооружений на южных границах страны. Военные преобразования XVII в. и дорожно-строительное дело заложили основы создания будущей регулярной русской армии XVIII в. (Там же. С. 54).

В эпоху Петра I строительство военных сооружений получило дальнейшее развитие. В годы его правления были построены крупнейшие объекты вдоль северной, западной и южной границ России и отдельные сооружения в Сибири (Спецстрой России: время, события,

люди / под общ. ред. Н. П. Аброськина. М., 2004. С. 6).

Инженерных войск как отдельного рода вооруженных сил при Петре I не существовало, хотя в русской армии уже имелись подразделения инженерных служб. Инженеры, понтонеры, минеры организационно входили в штат артиллерийского полка. Для подготовки инженерных кадров были созданы инженерные школы. Первая открылась в 1708 г. в Москве, в 1712 г. ее расширили, но этого оказалось недостаточно, и 17 марта 1719 г. была учреждена инженерная школа в Петербурге. Они готовили полевых (войсковых) и гарнизонных (крепостных) инженеров. Полевые инженеры руководили дорожно-мостовыми работами.

В ходе реформ планировалось создать специальный инженерный полк, а военных инженеров разделить на два разряда. Такое решение Петр I принял в 1724 г., однако в жизнь оно претворено было уже после его смерти.

Организация дорожной службы в регулярной русской армии при Петре I достигла качественно нового уровня. Сложилась стройная система военно-дорожного обеспечения войск во главе с генерал-вагенмейстером. Он организовывал разведку состояния дорог, определяя возможность продвижения по ним артиллерии и обозов, наведения мостов.

Петровские реформы узаконили натуральную дорожную повинность, налоги с перевоза через мосты и т. д. При этом государство выделяло немалые средства на дорожное строительство.

О социальном обеспечении военнослужащих и членов их семей не раз высказывались видные отечественные мыслители и государственные деятели. В качестве примера можно процитировать Петра I: «Ежели кому по долговременных трудах воинских за чем служить в поле было невозможно, то каждый будет снабден Его Величества милостью, а без надлежащего призрения никто оставлен не будет. Також чтоб все взирая и будучи в надежде на сию Его Царского Величества милость, ревнивее к службе относились» (Военное законодательство Российской империи. Кодекс русского военного права. М., 1996. С. 214).

Поскольку в Петровскую эпоху да и позднее различий в социальном обеспечении военнослужащих-строителей и военнослужащих не было, то можно рассматривать меры по защите военнослужащих-строителей через призму социальной защиты военнослужащих вообще.

Во времена правления Петра I был внедрен в законодательство принцип служения не только царю, но и Отечеству. «Государственное служение» сопровождалось заботой государства о здоровье военнослужащих, социальном

обеспечении их семей. Например, в 1701 г. указом Петра I женам погибших на войне военнослужащих предоставлялись поместья «на пожиток». В 10–20-е гг. XVIII в. среди офицеров и нижних чинов, получивших увечья на войне, проводился отбор для обучения. Кто такой отбор не прошел (нижние чины), те определялись в специализированные дома либо направлялись в монастыри, чтобы не нищенствовать. Таким образом, военнослужащие знали, что в случае прекращения ими военной службы они не будут оставлены на произвол судьбы.

Одним из первых в России законодательных актов, в котором закреплялись гарантии прав военнослужащих, стало «Уложение или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат» (около 1702 г.). В нем были закреплены правила поведения и взаимоотношений военнослужащих, а также меры наказания, вплоть до телесных, к лицам, нарушающим их и посягающим на личность военнослужащего (Валишевский К. Петр Великий. М., 2004. С. 74). Несмотря на то, что это «Уложение» содержало в большей степени нормы уголовного права, тем не менее оно выполняло роль нормативного акта, регулирующего статус военнослужащего.

Более глубокую и детальную разработку институт охраны чести и достоинства личности военнослужащего получил в Артикуле воинском 1715 г.

Понятие чести как блага, доступного каждому воину, составило основу военных законов Петровского государства, оно могло быть нарушено только в случаях, оговоренных в законе (артикул 33 Артикула воинского) (Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 332–333).

Артикул воинский содержал подробное описание тех действий, которые составляли объективную сторону преступления против личности военнослужащего: оскорбление словом или действием; выражение презрения к личности в форме клеветы или распространение «поносительных» писем; оскорбление такими действиями, последствиями которых могли быть тяжкие телесные повреждения или наступление смерти. Данные нормы также можно рассматривать как гарантии социальной защиты военнослужащих.

В середине XVIII в. в русской армии была создана система военно-строительных органов с постоянным личным составом, которая в 1760-х гг. значительно расширилась.

В конце XVIII – начале XIX в. дорожное обеспечение войск в русской армии получило дальнейшее развитие. Русские полководцы П. А. Румянцев, А. В. Суворов, М. И. Кутузов

уделяли большое внимание вопросам дорожного обеспечения армии и военного строительства.

Для упорядочения системы путей сообщения в стране 20 ноября 1809 г. вступило в силу «Учреждение об управлении водяными и сухопутными сообщениями». Организация руководства дорожной службой была изложена в документах, изданных в начале 1812 г. под названием «Учреждения для управления большой действующей армией».

В Отечественную войну 1812 г. дороги, предназначенные для передвижения войск и обозов, получили название военных дорог. Для их содержания были созданы специальные подразделения во главе с дорожными комендантами. М. И. Кутузов в период наступления русской армии организовал и ввел в действие 5 пионерных инженерных рот и хорошо оснащенную конно-саперную команду из 600 человек для дорожно-мостового обеспечения. Это были первые шаги по пути создания и боевого применения специальных дорожных и строительных войск.

Во избежание разнобоя в наименовании и с целью сокращения числа штатных расписаний император Николай I повелел в 1844 г. все инженерные части именовать как саперные. Позднее, в 1848 г., для эксплуатации военных дорог были созданы этапные войска.

Инженеров-дорожников готовили в Главном инженерном училище (Шаталова Г. П., Федоренко А. А. Указ. соч. С. 105–106). Последнее было создано в ноябре 1819 г. на базе Санкт-Петербургского инженерного училища. Учебное заведение имело два отделения: трехгодичное кондукторское готовило инженерных прапорщиков со средним образованием, а двухгодичное офицерское давало высшее образование.

В 1855 г. из училища офицерское отделение было выделено в первую в России военную академию – Инженерную, где готовили и специалистов-дорожников, в Академии Генерального штаба с 1866 г. обучали офицеров-руководителей военных сообщений. Такая система подготовки специалистов инженеров-дорожников сохранилась до Первой мировой войны.

В связи с развитием науки и техники в составе инженерных войск создавались новые формирования: железнодорожные батальоны, воздухоплавательные отряды, телеграфные роты и др. (Там же. С. 119).

Одновременно со становлением системы военно-инженерного образования происходили преобразования и в военном законодательстве. Военно-судебным уставом, принятым в результате масштабных военных реформ в 1867 г., предусматривались определенные «права» и «гарантии» по охране интересов отдельной

личности, устанавливался порядок обжалования приговоров. Реформы в армии коснулись и вопросов комплектования. Так, в 1870 г. военный министр Д. А. Милютин представил записку «О главных основаниях личной воинской повинности», одобренную императором. В результате были созданы две комиссии: одна – по уставу о воинской повинности, вторая – по вопросу о запасных, местных, резервных войсках и государственном ополчении. Именно первая комиссия разрабатывала вопрос о сроках службы и льготах по отбыванию воинской повинности.

Вообще военные реформы 1861–1874 гг. имели большое прогрессивное значение. Это была попытка создать механизм защиты военнослужащих, однако логического завершения она не получила.

С 1869 г. основным хронологическим сборником военного законодательства стали «Приказы по военному ведомству», многие из них включали нормы о содержании и льготах раненым и семьям погибших. Так, Свод военных постановлений 1869 г. содержал книгу VIII «Награды, пенсии, пособия и призрения чинов военного ведомства».

Поскольку Россия систематически участвовала в различных войнах, то это требовало внимания со стороны государства к защитникам Отечества, в том числе к военным строителям: практиковалась надбавка к жалованью в размере годового содержания за особое участие в боевых действиях (О высочайшей милости к славным защитникам Севастополя : указ // Приказы по военному ведомству. 1879. № 282); был регламентирован порядок: обеспечения лиц, увольняемых с военной службы, должностями в гражданском ведомстве, обеспечения увечных воинов протезами и лечением в медицинских учреждениях, функционирования инвалидных домов и приема в них (Положение о комиссии по снабжению увечных воинских чинов протезами // Приказы по военному ведомству. 1911. № 583. С. 1370 ; Положение о службе отставных офицеров по вольному найму в интендантском ведомстве // Там же. 1913. № 347. С. 1160–1161 ; Правила о предоставлении должностей по гражданским ведомствам, увольняемым со службы прапорщикам и нижним чинам сверхсрочной службы флота // Там же. 1911. № 556. С. 1333); законодательно учреждались благотворительные комитеты, основанные на средствах, пожертвованные для этой цели.

Таким образом, сказанное выше свидетельствует о том, что российские государи не оставляли вопрос о социальной защищенности военнослужащих без своего внимания. Более

того, считалось, что проявление подобной заботы о защитниках Отечества укрепляло русскую армию.

Не прекращались в это время развитие и совершенствование инженерных и строительных подразделений в армии.

Одной из причин медленного внедрения автомобилей в военное хозяйство было слабое развитие сети шоссейных дорог в стране. В связи с этим в 1884 г. строительство дорог было поручено военному ведомству. Итогом его работы стало сооружение шоссейных дорог Петербург – Псков – Варшава, Москва – Брест – Варшава и др. за период с 1885 по 1900 гг.

С 1910 г. стали формировать автомобильные роты (по 4 офицера и 150 солдат) и вводить первые конструкции автомобильных дорог с деревянными покрытиями, а с 1913 г. началось строительство стратегических шоссе.

В начале Первой мировой войны при Ставке Верховного Главнокомандующего был создан отдел Министерства путей сообщения, ведавший организацией мостовых работ. В армиях службой этапов (пунктов обслуживания на дорогах) руководил этапно-хозяйственный отдел штаба армии, на дорогах все работы выполняли инженерные и саперные части с привлечением местного населения.

В 1914–1915 гг. были созданы дорожные отдели в военных округах, по территории которых проходили тыловые дороги. Армейские дороги восстанавливали инженерные части корпусов. С марта 1915 г. стали формироваться военно-дорожные и тыловые дорожные отряды, а в 1916 г. при Министерстве путей сообщения было образовано Управление шоссейных дорог.

Таким образом, организация дорожно-мостового обеспечения постоянно развивалась и совершенствовалась.

В начале XX в. военное законодательство претерпело значительные изменения.

В 1912 г. был утвержден Устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям, в котором право на пенсию имели как раненые 1 и 2-го классов, или хотя и не были ранены, но находились в военном походе против неприятеля в составе строевой части, так и члены семьи военнослужащего.

Если военнослужащий или члены его семьи в случае причинения вреда жизни или здоровью не приобретали права на пенсию, то им выплачивалось единовременное пособие в размере оклада годового жалованья (Собрание узаконений. 1912. 10 июля. Отд. I. Ст. 12253). Несмотря на то, что речь идет о пенсионном обеспечении, это также оказывало моральное

воздействие на военнослужащих, проходящих военную службу.

После революции были упразднены ранее существовавшие благотворительные учреждения и общества помощи, а все их функции и имущество были переданы вновь созданному Исполнительному комитету увечных воинов, впоследствии – Всероссийскому Совету увечных воинов. При местных Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были созданы отделы по назначению пенсий воинам, получившим увечья. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 20 апреля 1918 г. «О социальном обеспечении увечных воинов» «решающее слово в деле социального обеспечения увечных воинов и расходования государственных средств принадлежит органам государственной власти».

Таким образом, существовавший до 1917 г. комплекс поддерживаемых государством мер по возмещению вреда военнослужащим и членам их семей был заменен централизованной государственной системой социального обеспечения, в которой преобладало натуральное обеспечение военнослужащих – за солдатами сохранялось право на получение продовольствия и предметов обмундирования.

В первые годы советской власти, когда только возрождались вооруженные силы страны, большое внимание уделялось организации военно-строительных частей как важного звена в деле обеспечения обороноспособности страны.

С 1918 по 1921 г. для строительства оборонных сооружений были сформированы 48 управлений военно-полевого строительства, личный состав которых в тяжелых фронтовых условиях во многом обеспечил разгром внутренней и внешней контрреволюции. Строительное управление было образовано приказом Реввоенсовета СССР от 28 марта 1924 г. № 446/96 и подчинялось главному начальнику снабжений Рабоче-крестьянской Красной Армии (далее: РККА). По Положению о начальнике снабжений РККА, объявленному приказом Реввоенсовета СССР от 28 июля 1925 г. № 687, управление стало называться Военно-строительным. На него возлагались объединение и руководство оборонительным, необоронительным, специальным строительством и квартирным обеспечением армии и флота (Центральный государственный архив Советской Армии. Ф. 54. Д. 4054 (1921–1940 гг.)).

По приказу Реввоенсовета СССР от 13 ноября 1925 г. № 1100 Военно-строительное управление вошло во вновь созданное Управление снабжений РККА. Но в связи с ликвидацией последнего как самостоятельное Военно-

строительное управление РККА приказом Реввоенсовета СССР от 20 ноября 1929 г. № 360/78 было подчинено первому заместителю председателя Реввоенсовета СССР.

В соответствии с Положением об Народном комиссариате обороны (далее: НКО) СССР от 22 ноября 1934 г. Военно-строительное управление было переименовано в Строительно-квартирное управление РККА, на него как на центральный орган НКО возлагалось руководство необоронительным строительством и квартирным довольствием РККА.

Приказом НКО СССР от 15 августа 1937 г. № 0190 было создано два самостоятельных управления – Военно-строительное и Квартирно-эксплуатационное, подчинявшиеся наркому обороны СССР. Военно-строительное управление РККА руководило необоронительным строительством в РККА. Но уже летом следующего года оно было расформировано (приказом НКО СССР от 16 июля 1938 г. № 0139), и все силы были обращены на формирование Главного военно-строительного управления при СНК СССР.

В этот период нормы о государственном обеспечении военнослужащих были систематизированы и закреплены в Кодексе законов о льготах и преимуществах для военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии и Рабоче-крестьянского Красного Флота Союза ССР и их семей, утвержденном постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. Кодекс устанавливал льготы лицам командного, административного, политического, медицинского и ветеринарного состава армии и флота и их семьям в области трудового землепользования и сельского хозяйства, налогов и сборов, народного образования и здравоохранения, при перевозках, при несении службы в отдаленных местностях, льготы судебные, жилищные, а также по выплате пособий.

Кроме того, ст. 214 Закона СССР от 18 сентября 1925 г. «Об обязательной военной службе» гласила: «Гражданам, отбывающим обязательную военную службу, предоставляются льготы и преимущества, предусмотренные Кодексом о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей». Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 23 апреля 1930 г. был утвержден Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской Красной Армии и их семей, в котором предусматривалось, что «военнослужащим кадрового рядового и начальствующего состава (кроме досрочноотпускных) в случаях тяжелой болезни, ранения, контузии, повреждения и крайнего переутомления, вызванного выполнением служебных обязанностей, могут выда-

ваться из средств Наркомата по военным и морским делам денежные пособия на лечение и восстановление здоровья» (ст. 143), т. е. льготы и преимущества, закрепленные в военном законодательстве, не исключали возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих, посредством дополнительных выплат на лечение, протезирование и др.

Все спорные земельные дела трудовых земледельческих хозяйств, к которым принадлежали красноармейцы, рассматривались земельными комиссиями в срочном порядке. Семьи красноармейцев были освобождены от уплаты всего причитающегося с них налога и местных надбавок к нему, если в составе семьи не было трудоспособных мужчин, помимо красноармейцев, и если на едока облагаемой земли и скота в пересчете на землю приходилось не выше среднего обеспечения едока облагаемой земли в республике, области или губернии.

По истечении срока договора о найме жилых помещений, когда нанимателями являлись члены семьи красноармейца, состоявшие на его иждивении в момент его призыва на военную службу, независимо от согласия наймодателя он возобновлялся на таких же условиях, на каких был заключен.

В области труда и социального страхования существовали следующие льготы: наниматель при призыве на военную службу и при мобилизации в армию и флот рабочих и служащих производил с ними полный расчет в день фактического прекращения работы и выдавал выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка.

Несовершеннолетние члены семьи красноармейцев имели преимущества перед детьми других категорий граждан: при прочих равных условиях они без очереди помещались в детские дома, сады, колонии и другие интернатные учреждения социального воспитания.

Больные и раненые красноармейцы пользовались бесплатной (общей специальной) медицинской помощью: амбулаторной – в учреждениях военно-санитарных и гражданских, стационарной – в учреждениях военно-санитарных и за счет Главного санитарного управления в гражданских лечебных заведениях. Больные военнослужащие, которым требовалось курортное лечение, бесплатно направлялись на военно-курортные станции, причем проезд туда и обратно осуществлялся за счет военного и морского ведомств.

Таким образом, несмотря на трудную ситуацию в стране, забота о военнослужащих со стороны государства была существенной.

Великая Отечественная война стала для военных строителей, как и для всего народа и его

вооруженных сил, величайшим испытанием на прочность.

К июню 1941 г. в составе действующей армии было следующее количество инженерных частей: инженерных полков – 9, понтонно-мостовых полков – 9, отдельных инженерных, саперных и понтонных батальонов (в том числе и войсковых) – 252. В резерве Ставки Верховного Главнокомандующего в это время было всего два инженерных батальона.

Из военно-строительных частей и учреждений в составе действующей армии к началу войны находилось 23 управления начальника строительства, в составе которых в общей сложности было 120 строительных участков. Организационно они подчинялись Управлению оборонительного строительства НКО СССР. Кроме того, имелось два военно-строительных управления и три участка военно-строительных работ Главного военно-строительного управления при СНК СССР.

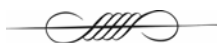
В июне 1949 г. правительством страны было принято решение объединить военно-строительные структуры в единый военно-строительный комплекс вооруженных сил и ввести должность заместителя министра обороны по строительству и расквартированию войск. Постановлением Совета Министров СССР от 18 июня 1949 г., объявленного приказом министра вооруженных сил СССР от 4 июля 1949 г., Главное строительное управление, Управление материальных фондов, Квартирно-эксплуатационное управление были переданы из ведения начальника тыла вооруженных сил в подчинение заместителя министра обороны по строительству и расквартированию войск. На базе Управления оборонительного строительства, Центрального управления аэродромного строительства, Главвоенстроя и Главвоенморстроя был создан Военно-строительный комплекс, который охватил все виды деятельности, обеспечивающие капитальное строительство для всех видов вооруженных сил и родов войск при едином централизованном управлении.

Наибольшую значимость и разработанность социальная и правовая защита военнослужащих и членов их семей получила в период существования Советского государства. В стране было принято большое количество законоположений, устанавливающих, прежде всего, для военнослужащих, в том числе и военно-строительных подразделений и их семей, различные льготы и преимущества, обусловленные особым характером и трудностями военной службы. Среди них надо отметить следующие документы: декрет СНК РСФСР от 28 января 1918 г. «О Рабоче-крестьянской

Красной Армии»; постановление Народного комиссариата труда РСФСР от 8 сентября 1918 г. «О дополнении декрета “О фонде обеспечения семей красноармейцев”»; постановление Совета труда и обороны СССР от 14 августа 1925 г. «Перечень отдаленных местностей, в которых военнослужащие пользуются льготами, предусмотренными главой VIII раздела III Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной Армии и Рабоче-крестьянского Красного Флота Союза ССР и их семей»; постановление СНК СССР от 11 октября 1940 г. № 1954 «О предоставлении женам военнослужащих права ухода с предприятий и из учреждений в случае перевода их мужей в другую местность»; постановление СНК СССР от 21 июня 1945 г. № 1466 «Об улучшении жилищных условий генералов и офицеров Красной Армии»; постановление СНК СССР от 21 сентября 1945 г. № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих»; постановление СНК СССР от 29 октября 1945 г. № 2777 «Об улучшении бытовых условий и расширении льгот для работников Дальстроя НКВД СССР», устанавливающее для рабочих, руководящих, инженерно-технических работников и служащих Дальстроя, военнослужащих генеральского и офицерского состава органов и войск НКВД, НКГБ

и милиции, работающих в Дальстрое, льготы согласно прилагаемому Положению о льготах для работников Дальстроя и военнослужащих генеральского и офицерского состава органов и войск НКВД СССР, НКГБ СССР, милиции, работающих в системе Дальстроя НКВД СССР на Крайнем Севере; постановление Совета Министров СССР от 7 июля 1947 г. № 2417 «О порядке оплаты путевок в санатории и дома отдыха Министерства вооруженных сил СССР, Министерства внутренних дел СССР и Министерства государственной безопасности СССР»; Закон СССР от 12 октября 1967 г. «О всеобщей воинской обязанности», содержащий гл. VIII о правах, обязанностях и ответственности военнослужащих и военнообязанных, куда был включен перечень определенных льгот (Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; Собр. законов СССР и указов Президиума Верхов. Совета СССР. 1938–1975. М., 1975–1976. Т. 1–4; Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Пг. ; М., 1917–1938).

Таким образом, законодательство о льготах для военнослужащих и членов их семей было единым и направленным на стимулирование воинского труда. Еще В. И. Ленин отмечал: «Когда красноармейцы видели, что в тылу о них заботятся, тогда Красная Армия была одушевлена тем духом, который давал ей победу» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 361).

Библиографический список

1. Военное законодательство Российской империи. Кодекс русского военного права. – М., 1996.
2. Спецстрой России: время, события, люди. – М., 2004.
3. Шаталова, Г. П. Отечественная история : учеб.-метод. пособие. В 2 ч. Ч. 1. С древнейших времен до начала XX века / Г. П. Шаталова, А. А. Федоренко. Балашиха, 2007.

Bibliographical list

1. Military Law Russia Empire. Code of the Russian Military Law. – М., 1996.
2. SpetsStroy Russia. Time, News, People. – М., 2004.
3. Shatalova, G. P. Native History. P. 1. From Ancient Times to the Early Twentieth Century / G. P. Shatalova, A. A. Fedorenko. – Balashikha, 2007.

А. Н. Симоненко,
*соискатель кафедры криминологии
и организации профилактики
преступлений Академии ФСИН России*

A. N. Simonenko,
*applicant for the department of criminology
and crime prevention organization Academy
of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia*

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ**

Retrospective Analysis of Legal Regulation of Preventing Corruption While Executing Punishments in Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу исторического аспекта предупреждения коррупционных преступлений при исполнении уголовных наказаний.

Ключевые слова: предупреждения, противодействие, коррупция.

Annotation. Annotation: the given article is devoted to the investigation and analysis of the historical aspect of preventing corruption while executing criminal punishments.

Key words: prevention, counteraction, corruption.

Предупреждение коррупционных преступлений при исполнении наказаний нельзя рассматривать без хотя бы неглубокого экскурса в историю коррупции в России в целом. По мнению А. И. Алексеева, проблема противодействия коррупции «предельно сложна, имеет вязкий характер и глубокие корни» (Алексеев А. И. Актуальные вопросы организации противодействия коррупции // Криминолог. журн. 2008. № 2. С. 66). «Трудно решить, что играет в правовой жизни большую роль – прошлое или будущее. Первое накапливается в форме опыта, включающего познание господствующих в обществе закономерностей и причин иных связей, второе – в виде целей, намечаемых как желательные или непереносимые элементы будущего», – отмечает В. А. Рыбаков (Рыбаков В. А. Переходный период в развитии права: к вопросу о понятии // Сравн. право. 2009. № 4. С. 4).

В России первая реакция по противостоянию действиям коррупционного характера принадлежит Ивану III (Басецкий И. И., Башан А. В. Коррупция: теория и практика противодействия : монография. Минск, 2005. С. 13), а его внук Иван IV (Грозный) ввел смертную казнь за взятки. Взятничество как форма коррупции рассматривалась в Судебнике 1497 г. Данный вопрос нашел свое отражение в Новгородской и Псковской Судебных грамотах, Двинской уставной грамоте.

В Судебнике 1550 г. конкретизировался порядок отправления правосудия и впервые устанавливалась ответственность судей за вынесение неправильного решения, т. е. было сформулировано понятие должностного преступления, а именно вынесение неправильного решения в результате получения взятки.

Новым этапом борьбы с проявлениями коррупции явилось принятие Соборного уложения 1649 г. В отличие от ст. 7 Судебника 1550 г. в данном Уложении говорится не о простом отказе судьи от разбора дела, а об отказе, связанном с вымогательством взятки.

Петр I в целях борьбы с коррупцией 24 декабря 1714 г. издал указ, ужесточивший наказания за совершение корыстных злоупотреблений по службе государственными чиновниками. Этот указ ввел уголовную ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении этих преступлений.

Рассматривая противокоррупционное законодательство XIX в., следует отметить, что особое значение имело Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Им устанавливалась ответственность за мздоимство, а наказание за его совершение выражалось в денежном взыскании, вдвое превышающем полученную мзду. В данной статье указывались две формы получения взятки: взятка-благодарность и взятка-подкуп. За подкуп должностное лицо органов государственной власти и управления, кроме денежного взыскания, подвергалось также освобождению от занимаемой должности, а в случае деятельного раскаяния должностного лица в совершенном преступлении, связанном с получением не предусмотренного законом вознаграждения, оно могло быть по решению суда подвергнуто более мягкому наказанию. За получение не предусмотренного законом вознаграждения должностным лицом органов государственной власти и управления, сопряженное с нарушением обязанностей по службе, оно подвергалось наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до трех лет или сечения розгами от 70 до 80 ударов и отдачи в арестантские роты на срок от двух до пяти лет. При смягчающих вину обстоятельствах и деятельном раскаянии должностное лицо наказывалось строгим выговором или освобождением от занимаемой должности.

Принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в новой редакции 1866 г. принципиально не изменило содержания правовых норм, регулирующих уголовную ответственность за взяточничество. Однако в

нем было дано понятие лихоимства, где указывалось, что данное понятие родовое, объединяющее в себе поборы, вымогательство взяток и получение взяток без вымогательства. В примечании к этой статье отмечалось, что понятие «лихоимство» сохранено для обозначения преступлений общего рода, одним из видов которого является взятка (ст. 336).

Смена государственного строя и формы правления Российским государством, вызванная революцией 1917 г., не искоренила явления коррупции на государственной службе. Уже 2 мая 1918 г. Московский революционный трибунал рассмотрел дело по обвинению четырех сотрудников следственной комиссии в совершении взяточничества и шантажа.

Восьмого мая 1918 г. ВЦИК РСФСР издал Декрет «О взяточничестве» – первый в Советской России нормативный акт, предусматривающий уголовную ответственность за взяточничество.

Шестнадцатого августа 1921 г. СНК РСФСР принял Декрет «О борьбе со взяточничеством», который изменил и дополнил предыдущий. В результате была отменена уголовная ответственность за недонесение о взяточничестве. Кроме того, согласно данному Декрету лицо, давшее взятку, освобождалось от наказания при своевременном заявлении о вымогательстве взятки или содействии в изобличении и передаче суду взяткополучателя.

Ответственность за совершение преступлений коррупционного характера предусматривалась в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Так, уголовное законодательство 1926 г. предусматривало ответственность за совершение следующих деяний: злоупотребление властью или служебным положением (ст. 109), превышение власти или служебных полномочий (ст. 110), злоупотребление властью (ст. 112); постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора, решения или определения (ст. 114); получение взятки (ст. 117), дача взятки и посредничество во взятке (ст. 118), служебный подлог (ст. 120).

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал статьи, предусматривающие ответственность за преступления коррупционного характера: злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171), получение взятки (ст. 173), дача взятки (ст. 174), посредничество во взяточничестве (ст. 174).

Законодатель уделил должное внимание противодействию данному явлению. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» прямо отме-

чается, что это уродливое явление, для искоренения которого имеются все возможности. В качестве примера можно привести также постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышением власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» (Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2000. С. 298–302).

Среди первых уголовно-исполнительных нормативных правовых источников, в котором косвенно поднималась тема противодействия коррупции при исполнении наказаний, следует назвать Положение о тюрьмах, созданное при непосредственном участии Екатерины II. При его разработке учитывался опыт организации тюрем в передовых европейских странах и наряду с требованиями по устройству тюрем и режиму решались управленческие и кадровые вопросы. Однако характерные для Екатерининской эпохи декларативность законодательных предположений и их отрыв от реальной действительности, противоречия между словом и делом вновь победили, и Положение о тюрьмах осталось неэффективным.

В свою очередь, Тюремная инструкция 1831 г. не выделяла в особый ранг проблемы противодействия коррупции. Реформы 60-х гг. XIX в. также не отразились на изучаемой проблеме.

В 1870-е гг. была осуществлена централизация управления местами заключения и в МВД появилось Главное тюремное управление, переданное в 1894 г. в Министерство юстиции. Его местными органами стали учрежденные в 1890 г. губернские тюремные инспекции.

Для решения наиболее важных и сложных вопросов по реформированию и текущему управлению тюремной системой был создан Совет по тюремным делам, что положило начало воспитательной работе с кадрами. Была создана Единая инструкция-наставление для надзирателя, введена медаль безупречно прослужившим определенный срок «За безупречную службу», разработана более гибкая система наказаний для провинившихся.

В указанный период появились нормативные акты, регулирующие порядок содержания под стражей, в которых имеются нормы антикоррупционного характера. Так, в Уставе о содержании под стражей 1906 г. есть предписание, согласно которому деньги, полученные надзирателем непосредственно для передачи арестанту, должны быть возвращены через полицию тому лицу, от которого они приняты;

если же эти деньги получены надзирателем для себя, то они подлежат обращению в местные установления общественного призрения (ст. 30.31) (Устав о содержащихся под стражей. Изд. 3-е. Спб., 1912).

В декабре 1915 г. была принята Общая тюремная инструкция, которая привела действующее тюремное законодательство в соответствие с мировой практикой.

Интерес вызывает также применение на практике норм, противодействующих малейшему проявлению коррупции. В качестве примера можно привести приказ начальника Смоленской тюрьмы: «Младшего надзирателя Василия Емельянова за сделку с арестантами, выразившуюся в принятии от них несколько штук портсигаров и продажи таковых в одном из магазинов Смоленска, уволить от службы с сего числа. Орлов» (Смол. обл. архив. Ф. 388. Оп. 2. Д. 289. Л. 2).

Таким образом, в конце дореволюционного периода противодействия коррупции в общих чертах сформировалась практика определенной воспитательной работы с сотрудниками, направленная в том числе на предупреждение коррупционных проявлений. Сложился опыт наставничества, некая система поощрений и взысканий, проведения общественных мероприятий, родились традиции.

Советский период противодействия коррупции при исполнении наказаний нельзя рассматривать без упоминания о том, что с самого начала Октябрьской революции тюрьмы разорялись, сотрудники не только изгонялись, но и просто уничтожались. Так, уже к 1918 г. практически полностью были разложены или уничтожены коллективы почти всех пенитенциарных учреждений страны. В одночасье были разрушены традиции и правила, по которым жили и воспитывались сотрудники тюрем. На смену пришли только революционная сознательность и революционная дисциплина.

Однако после революции возросло значение тюремной системы, так как уголовная преступность не поддавалась никакому контролю и велась активная работа по нейтрализации оппонентов новой власти.

Получив в наследство разоренное хозяйство и не располагая не только материальными, но и людскими ресурсами к его восстановлению, новая власть вынуждена была воспринять в основном без изменения систему уголовного наказания, а следовательно, приемы и способы педагогического воздействия на личный состав. Предпринимались конкретные шаги в деле противодействия коррупции. В качестве примера можно привести следующий: «Младший надзиратель домзака Сафонов нелегальным пу-

тем приобрел на базаре заключенному Черняку около 2-х фунтов сала на деньги, незаконно хранившиеся у заключенного. Сафонов арестован на 7 суток с исполнением обязанностей» (Смол. обл. архив. Ф. 161. Оп. 2. Д. 9. Л. 22). Другой пример: надзирательница Мария Макарова написала записку вору «Андрюше» и передала ее заключенной для передачи. Надзирательница была уволена.

Интересным представляется и воздействие на руководство. Например: поставлено на вид начальнику Смоленского губернского дома заключения Полчанинову за нетактичное поведение с заключенными, которое выразилось в отобрании у сидельцев лоскутов кожи для ремонта обуви и уничтожении последних в огне (Там же. Д. 32. Л. 68).

Позднее были созданы культурно-воспитательные части (КВЧ), занимавшиеся вопросами воспитания не только заключенных, но и сотрудников.

Уголовным законодательством рассматриваемого периода предусматривалось наказание за преступления коррупционного характера. Так, ст. 81 УК РСФСР 1926 г. назначалась ответственность за незаконное освобождение арестованного и содействие побегу. Указанная норма воспроизводила в основном ст. 94 УК РСФСР 1922 г., установив за это преступление более мягкое наказание. Совершение данного преступления без насилия над стражей наказывалось лишением свободы на срок до одного года. Ответственность по ст. 81 УК РСФСР наступала независимо от способов побега арестованного (как связанного с подкопом, взломом и т. п., так и не связанного с этими действиями) и форм содействия побегу.

Аналогичные нормы имелись в уголовных кодексах всех союзных республик. Они устанавливали ответственность за те же деяния, что и ст. 81 и 82 УК РСФСР, и различались лишь перечнем квалифицирующих обстоятельств. Например, Уголовный кодекс Украинской ССР 1927 г. в ст. 77 предусматривал ответственность за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из места заключения или содействие его побегу, сопряженное с вооруженным нападением на стражу или с насилием над стражей, опасным для жизни.

Следует отметить наличие в ИТК РСФСР 1970 г. нормы, предусматривающей оказание юридической помощи лицам, лишенным свободы (ст. 27). Вместе с тем применительно к теме настоящего исследования она имеет опосредованный характер.

Непосредственное отношение к вопросу противодействия коррупционным преступлениям имеют нормы, содержащиеся в ст. 34

Требований режима на предприятиях исправительно-трудовых учреждений и на производственных объектах других министерств и ведомств. Согласно ч. 2 данной статьи лица, работающие совместно с осужденными, были обязаны соблюдать порядок взаимоотношений с ними, установленный администрацией исправительно-трудовых учреждений. В случае нарушения этого порядка администрация исправительно-трудовых учреждений вправе запретить этим лицам доступ на производственные объекты, где работали осужденные.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 ИТК РСФСР не допускалась передача осужденным вещей, продуктов питания, денег, а также предметов, запрещенных к использованию в исправительно-трудовых учреждениях. Виновные в этом должны были привлекаться к ответственности. Так, ч. 4 ст. 35 ИТК РСФСР предусматривала следующее: в отдельных случаях, когда имелись достаточные основания, администрация была вправе подвергать досмотру производственные объекты, а также вещи и одежду лиц, входящих на производственные объекты, где работали осужденные, и выходящих из них.

Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений, утвержденные приказом МВД РФ от 30 мая 1997 г. № 330, категорически запрещали входить в какие бы то ни было отношения с осужденными и их родственниками, не вызываемые интересами службы, а также пользоваться их услугами (§ 16). Правила устанавливали также порядок подачи осужденными предложений, заявлений и жалоб (§ 33), предоставления встреч осужденных с адвокатами (§ 36).

Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений, утвержденные приказом МВД РФ от 23 ноября 1992 г. № 421, по непонятным причинам приведенных выше норм не содержали.

После принятия УК РСФСР 1960 г. вышел ряд постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и СССР, затрагивающих самым непосредственным образом вопросы противодействия коррупционным преступлениям при исполнении наказаний.

Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. № 1 «О судебной практике рассмотрения материалов о переводе осужденных в исправительно-трудовые колонии-поселения и уголовных дел о побегах из этих колоний» (Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С. 302–304) требует повысить качество оформления представляемых администрацией исправительных колоний общего, усиленного

и строгого видов режима материалов о переводе осужденных в колонии-поселения и рассмотрение этих материалов в судебном заседании с тем, чтобы исключить случаи направления в данные учреждения лиц, твердо не вставших на путь исправления. Вывод суда о возможности перевода этих лиц должен быть основан на глубоком, всестороннем изучении их поведения и отношения к труду за весь период отбывания наказания. Реализация таких требований должна была способствовать злоупотреблениям при применении данной нормы, в том числе совершаемым из корыстных побуждений.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 16 января 1986 г. № 4 «О квалификации преступлений по службе, совершенных контролерами исправительно-трудовых учреждений и следственных изоляторов» (Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. С. 282) контролеры исправительно-трудовых учреждений и следственных изоляторов относятся к числу должностных лиц и поэтому совершенные ими преступления против установленного порядка несения службы следует квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за должностные преступления. Данный вывод сделан на основании того, что указанные сотрудники при исполнении своих обязанностей являются представителями администрации.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях» (Там же) также содержит ряд установлений, противодействующих коррупционным проявлениям непосредственно при исполнении наказаний. В нем, в частности, обращается внимание судов на необходимость обеспечения гласности при рассмотрении дел о преступлениях, совершаемых не только осужденными, но и работниками администрации исправительных учреждений (п. 4 данного Постановления).

Разъясняется то, что действия должностных лиц исправительно-трудовых учреждений, выразившиеся в незаконной передаче осужденным запрещенных предметов, могут рассматриваться в зависимости от обстоятельств дела как злоупотребление служебным положением. При этом принятие должностными лицами в каком бы то ни было виде вознаграждения за передачу осужденным денег, продуктов, спиртных напитков, других предметов должно дополнительно квалифицироваться как получение взятки.

В соответствии с п. 6 указанного Постановления действия должностного лица, выразившиеся в скупке и перепродаже осужденным товаров с целью наживы, должны квалифицироваться как спекуляция и злоупотребление служебным положением.

Анализируя генезис коррупции, Н. И. Басецкий и А. В. Башан выделяют четыре его периода:

1) древний, включающий доправовые формы регулирования общественных отношений и раннюю государственность в российских княжествах и Российской империи IX–XV вв.;

2) дореформенный и пореформенный (XVI–XIX вв.);

3) советский, охватывающий большую часть XX в. (1917–1991 гг.);

4) постсоветский, начавшийся в конце XX в., в 1992 г. (Басецкий Н. И., Башан А. В. Указ. соч. С. 28).

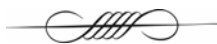
В сфере противодействия коррупционным явлениям, в том числе преступлениям, совершаемым на этой почве при исполнении наказаний, можно обозначить следующие периоды:

1) ранний, связанный с принятием первых законодательных актов, предусматривающих ответственность за коррупционные явления при назначении наказания и его исполнении (Судебники 1497 и 1550 гг.), XV–XVI вв.;

2) дореформенный и пореформенный (Соборное уложение 1649 г., указы Петра I), XVII–XVIII вв.;

3) советский (уголовное и уголовно-исполнительное законодательство 20–30-х гг. XX в., УК РСФСР 1960 г. и ИТК РСФСР 1970 г.), 1918–1992 гг.;

4) постсоветский (УИК РФ 1996 г., Закон РФ от 21 июня 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»), с 1993 г. по настоящее время.

Библиографический список

1. Алексеев, А. И. Актуальные вопросы организации противодействия коррупции / А. И. Алексеев // Криминолог. журн. – 2008. – № 2.

2. Басецкий, И. И. Коррупция: теория и практика противодействия : монография / И. И. Басецкий, А. В. Башан. – Минск, 2005.

3. Рыбаков, В. А. Переходный период в развитии права: к вопросу о понятии / В. А. Рыбаков // Сравн. право. – 2009. – № 4.

Bibliographical list

1. Alexeev, A. I. Urgent Problems of Organization of Corruption Counteraction / A. I. Alexeev // Criminology Journ. – 2008. – № 2.

2. Basetsky, I. I. Corruption: Theory and Practice of Counteraction / I. I. Basetsky, A. V. Bashan. – Minsk, 2005.

3. Rybakov, V. A. Transition Period in the Law Development: the Question of Concept / V. A. Rybakov // Comp. Law. – 2009. – № 4.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. В. Морозов,

*заместитель начальника учебного центра
УФСИН России по Владимирской области
кандидат юридических наук*

A. V. Morozov,

*assistant director of the scientific centre for Management
of the Federal Service for Execution of Penal Sentences
of the Russian Federation in Vladimir region
candidate of law*

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ Inmates' Vocational Technical Training in Foreign Countries and its Significance for their Social Adaptation and Resocialization

Аннотация: В данной статье на примере Германии и США рассмотрен опыт зарубежных стран по организации профессионально-технического обучения осужденных. А также раскрыто его значение для их будущей социальной адаптации. Зарубежные страны, включая и Россию, располагают обширным запасом средств и методов управления процессом трудоиспользования осужденных, обеспечивающих их ресоциализацию. Вместе с тем применять имеющийся опыт зарубежных стран необходимо с учетом экономических, политических, культурных и иных особенностей государств, традиций, менталитета граждан.

Ключевые слова: профессионально-техническое обучение, ресоциализация, исправление осужденных, образовательные программы, труд.

Annotation. This article deals with vocational technical training in correctional facilities of Germany and the USA. The author shows the significance of vocational technical training for inmates' future social adaptation. Foreign countries as well as Russia use a wide range of resources and methods of management in penal institutions. Here belongs convict labour which is of great importance for inmates' resocialization. It's necessary to note that foreign experience should be introduced with a glance to economic, political and cultural peculiarities of the state, its traditions and citizens' mentality.

Key words: vocational technical training, resocialization, convicts' corrections, educational programs, labour.

Международное сообщество разработало единый подход к решению проблемы профессионально-технического обучения осужденных. Среди принципов организации труда осужденных, которыми должны руководствоваться пенитенциарные системы мира, важное значение имеет обеспечение профессионального обучения, особенно молодых заключенных.

Отношение к международному опыту профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных – составная часть нового подхода к решению проблем их исправления в процессе образования.

Рассмотрим систему профессионально-технического обучения данной категории лиц на примере таких стран, как Германия и США.

Профессиональное обучение в Германии является одним из ведущих направлений в работе по ресоциализации осужденных.

В немецких тюрьмах исправление осужденных к лишению свободы начинается с анализа их данных: изучения личности, определения истории ее криминального развития, выяснения мотивов и факторов, помешавших ее законопослушному поведению, определению ее психологических особенностей. Именно получен-

ные сведения становятся основой для реализации главной задачи исполнения наказаний, определенной Уголовно-исполнительным кодексом ФРГ.

Например, на земле Северный Рейн–Вестфалия эту задачу выполняет специализированная тюрьма-распределитель в г. Хагене. Все совершеннолетние, осужденные к лишению свободы на срок более двух лет и имеющие гражданство ФРГ, после вступления приговора в законную силу направляются в эту тюрьму. Здесь работает специальная комиссия, состоящая из юриста, советника по трудоустройству, педагогов, психологов, социальных работников, ученых-социологов, сотрудников общей службы исполнения наказаний. В течение шести недель члены комиссии проводят тщательную диагностику личности каждого осужденного и определяют, какие мероприятия по ресоциализации являются для него наиболее подходящими. Осужденный направляется к месту отбывания наказания вместе с рекомендациями, которые содержат характеризующие его данные с указанием основных отклонений личности.

В ходе многочисленных обследований спецконтингента было установлено, что более по-

ловины осужденных к лишению свободы вообще не имеют никакого образования. Это являлось основным препятствием в получении ими какой-либо профессии. Общеизвестно, что неквалифицированные рабочие не пользуются спросом на рынке труда. Поэтому формируется своего рода неудачник, вынужденный компенсировать жизненный неуспех в антиобщественных формах поведения.

Неправильная же социализация личности начинается задолго до совершения преступления.

Анализ данных, полученных в ходе социальных исследований, проведенных в Германии в тюрьмах земли Северный Рейн–Вестфалия, показал, что 66 % осужденных мужчин, 63 % женщин и 97 % несовершеннолетних не имеют законченного профессионального образования. Очевидно, такое положение характерно и для учреждений, исполняющих наказания на территории всей Германии. В связи с этим § 37 п. 3 Уголовно-исполнительного кодекса ФРГ предусматривает обязательность предоставления каждому осужденному возможности профессионального обучения, повышения квалификации или переквалификации.

При этом законодатель учитывает, что профессиональное обучение выполняет важную социализирующую функцию. В ходе обучения осужденные (некоторые впервые в жизни) получают возможность для развития способностей и повышения активности в достижении результатов и самореализации. В ходе этого процесса закаляется воля, что, в свою очередь, помогает личности успешно разрешать сложные жизненные ситуации. Статистические данные свидетельствуют о том, что рецидив среди осужденных, получивших профессию в тюрьме, на 8 % ниже, чем среди тех, кто не обучался в ходе отбывания наказания.

Профессиональное обучение осужденных организуется совместными усилиями администрации тюрем и федеральными комитетами по труду, свободными немецкими профсоюзами и ориентируется на потребности свободного рынка рабочей силы. При этом администрация тюрем, в первую очередь тюрем открытого типа, планирует окончание профессионального обучения таким образом, чтобы оно совпало с окончанием срока наказания, предоставляя осужденному возможность сразу после освобождения нормально включиться в жизнь общества.

На земле Северный Рейн–Вестфалия функционируют всего три тюрьмы, специализирующиеся на профессиональном обучении осужденных. Одна из них – закрытого типа. Эти центры профессионального образования предлагают осужденным на выбор 96 профессий.

Профессиональное обучение в учреждениях закрытого типа начинается сразу же после прибытия осужденного. Позднее он, как правило, будет переведен в учреждение открытого типа и после завершения курса обучения получит возможность трудоустроиться в соответствии с квалификацией. В одной из тюрем открытого типа осужденные имеют право в зависимости от своих интересов обучаться профессии вне стен учреждения на предприятиях или в профессиональных гражданских училищах.

Мастерские в тюрьмах оборудованы самыми современными станками и машинами, постоянно обновляемыми. Их поставляют Союз немецких профсоюзов и биржа труда. Кроме штатных преподавателей, мастера производственного обучения могут быть приглашены администрацией предприятия со стороны.

Все выпускники, получающие профессиональное образование, независимо от места обучения сдают квалификационный экзамен компетентной комиссии и им выдается типовое свидетельство о получении специальности. Однако не все осужденные успешно проходят аттестацию и выдерживают квалификационный экзамен. Так, за 15 лет в тюрьме «Гельдерн» из 2858 обучающихся только 1928 смогли получить такое свидетельство.

Одной из характерных особенностей системы профессионального обучения и повышения квалификации во всех тюрьмах Германии является то, что организация этого важного дела обеспечивается совместными усилиями сотрудников учреждений и специального профсоюза по профобразованию.

Профессиональное обучение в тюрьмах как для взрослых, так и для несовершеннолетних в первую очередь ориентировано на потребности свободного рынка рабочей силы, что также способствует их ресоциализации.

Во многих тюрьмах построены современные цеха, и такое строительство продолжается. С другой стороны, в случае, если тюрьмы не имеют собственного производства, осужденные получают право обучаться профессии вне стен учреждения на предприятиях или в профессиональных гражданских училищах в зависимости от своих интересов. Это в первую очередь относится к осужденным, которые находятся в тюрьмах открытого типа, и несовершеннолетним. Для осужденных, которые из-за небольших сроков наказания не имеют возможности получить высококвалифицированную профессию, организуются краткосрочные курсы.

В свою очередь, осужденные женщины в ходе отбывания наказания могут получить следующие профессии: портной, секретарь, па-

рикмахер, садовник, домработница, экономка, машинистка и т. д. Кроме того, они могут получить профессию вне стен учреждения или обучаться вместе с мужчинами в специальных тюрьмах. Осужденные, обучающиеся профессиям, в Германии получают от администрации данных учреждений вознаграждение, равное вознаграждению за труд.

Научные исследования, проводимые в Германии на протяжении нескольких десятков лет, подтверждают необходимость и эффективность повышения профессиональной квалификации, полученной в тюрьмах. Рецидив преступности тем меньше, чем выше профессиональная квалификация, полученная в тюрьме. Уровень рецидива преступлений, совершенных лицами, получившими профессию в тюрьме, намного ниже по сравнению с другими осужденными.

Теперь рассмотрим систему профессионально-технического обучения осужденных в США. В конце XIX в. в данной стране появилась так называемая индустриальная пенитенциарная модель, реализующая ряд средств исправления преступников, среди которых важное место занимает профессиональное обучение.

В настоящее время большинство исправительных учреждений, находящихся в ведении местных юрисдикций, имеют возможность ресоциализации заключенных. Практически во всех местных тюрьмах есть общеобразовательные школы, в 60,7 % из них осуществляется профессиональное обучение спецконтингента.

В США вопросы профессиональной подготовки осужденных решаются через управления штатов по трудовому перевоспитанию. При содействии этих управлений осужденные и освобожденные из мест лишения свободы могут получать в случае необходимости помощь от частных предприятий.

Контакт управлений с частными учреждениями предусматривает обучение осужденных квалифицированным специальностям. Конечным результатом этих контактов становится заключение контрактов исправительных учреждений (федеральных и штатов) с частными предпринимателями об организации профессионального обучения заключенных и получения рекомендаций по их трудоустройству.

В настоящее время профессиональное обучение осужденных в США признано чрезвычайно важным средством их социальной адаптации.

В пенитенциарных учреждениях средней и низкой степени охраняемости всячески поощряется стремление к овладению профессиональными навыками. Всем обучающимся в центрах профессиональной подготовки в течение всего срока обучения выплачивается стипендия.

Существует ряд образовательных программ исправления заключенных, различающихся по срокам, содержанию и формам реализации и рассчитанных на обучение контингента в аудиторных условиях, регулярную подготовку и повышение квалификации; обучение в тесной связи с производством, т. е. совмещение аудиторного обучения и профессиональной подготовки во время производственного процесса; профессиональную подготовку исключительно на рабочих местах; самообучение с помощью учебных пособий, в основу которых положен принцип программированного обучения.

На законодательном уровне закреплено получение осужденными профессий, пользующихся спросом на рынке труда в том регионе, где они намерены проживать после освобождения. Важно то, что прибыль от коммерческой деятельности идет на формирование стипендиального фонда для обучающихся.

Выпускники получают свидетельства об окончании курсов обучения, которые обеспечивают им устройство на работу в определенную фирму, если выпускник этого желает. Кроме того, бывшие преступники, которые давно не привлекались к ответственности, могут через администрацию управлений просить о бесплатном профессиональном обучении.

Исследование современного состояния трудоустройства осужденных к лишению свободы и их профессиональной подготовки в зарубежных странах дает основания сделать определенные выводы, связанные с обоснованием закономерностей дальнейшего формирования уголовно-исполнительной системы и ее производственного сектора.

1. Пенитенциарные системы зарубежных стран имеют много общего в сфере организации труда осужденных. Большинство стран, за редким исключением, признают труд и профессиональное обучение важнейшими средствами в борьбе с рецидивной преступностью. Практически все государства в процессе организации труда осужденных сталкиваются с вопросом безработицы, нерентабельности предприятий, созданных на базе исправительных учреждений. Данные проблемы разрешаются по-разному в соответствии с местными условиями, традициями, законодательством и государственным устройством.

2. Между зарубежными странами при определенных организационно-экономических условиях может быть достигнуто единство воспитательной и экономической функций труда и можно добиться достаточно высокой эффективности производства в соединении с действенностью исправления осужденных.

3. Анализ теории и практики системы использования труда осужденных и их профессиональной подготовки за рубежом свидетельствует о том, что существенные различия в методологии решения различных проблем определяют конкретные условия отдельных стран, а потому к использованию зарубежного опыта в России следует относиться с известной долей осторожности.

4. Организация труда и профессиональной подготовки в местах лишения свободы, обеспечивающая включение бывшего осужденного после его освобождения в обычные условия жизни общества, является единственным показателем эффективности работы учреждений, исполняющих наказания, позволяющим определить значимую общественную направленность их деятельности.

5. Зарубежные страны, включая также Россию, располагают обширным запасом средств и методов управления процессом трудоустройства осужденных, обеспечивающих их ресоциализацию.

6. Задачами социальной адаптации осужденных, так же как в уголовно-исполнительной системе России, являются: повышение общеобразовательного уровня осужденных, профессиональное обучение либо повышение производственной квалификации, охрана здоровья, приобщение к порядку и условиям, существующим в учреждениях, нейтрализация нега-

тивных социально-психологических явлений, собственных правонарушителям, обеспечение возможности оказания помощи в установлении и поддержании социально полезных связей, подготовка к освобождению.

Безусловно, между отечественными исправительными учреждениями и пенитенциарными учреждениями зарубежных стран существуют огромные различия, касающиеся не только вопросов содержания осужденных к лишению свободы, но и многих других проблем, в том числе их обучения и привлечения к труду. Поскольку вступление Российской Федерации в Совет Европы сделало невозможным ее существование вне рамок сотрудничества с другими ее членами – странами Европы, то естественно, что и в исполнении уголовных наказаний может использоваться рассмотренный нами опыт зарубежных стран.

Однако применять его необходимо с учетом экономических, политических, культурных и иных особенностей государств, традиций и менталитета граждан. Тем не менее критическое осмысление и использование передового европейского опыта организации профессионального обучения, подготовки осужденных к трудовой жизни, несомненно, ускорит процесс реформирования уголовно-исполнительной системы России и будет способствовать ее приближению к международным стандартам.

Библиографический список

1. Дерюга, Н. Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы : дис. ... д-ра юрид. наук. – Хабаровск, 2003.
2. Шленская, Н. Пенитенциарная система США / Н. Шленская // Отеч. зап. – 2008. – № 7.

Bibliographical list

1. *Deryuga, N. N.* Legal and Organizational Problems of Convicts' Employment in Institutions of Confinement. – Khabarovsk, 2003.
2. *Shlenskaya, N.* The Penal System of the USA / N. Schlenskay // Domestic Proceedings. – 2008. – № 7.

В. А. Шагаев,
доцент кафедры истории и теории государства
и права Военно-технического университета
при Федеральном агентстве
специального строительства
кандидат юридических наук, доцент

V. A. Shagaev,
assistant-professor of theory and history of state
and law of the Military Technical University
in SpetsStroy Russia
candidate of law, assistant professor

**РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО: СВЯЗЬ МЕЖДУ ВОЕННЫМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ
(ЭПОХА ЦАРЕЙ И РЕСПУБЛИКА)¹**

**The Roman State: Communication(Connection) between Military and Political Institutes
(Epoch of Kings and Republic)**

Аннотация. В статье автор обращается к проблеме развития политических и военных институтов государства, их взаимообусловленности и взаимозависимости. Проанализированы изменения социальной структуры Древнего Рима и их объективное влияние на принципиальные реформы его военных сил в период царей и республики от ее возникновения до кризиса II–I в. до н.э. В то же время римская армия оказывала объективное воздействие на политические институты государства, особенно реформы Сервия Туллия и Гая Мария. Изменив принцип комплектования армии, они коренным образом изменили роль армии и привели к перерождению государства.

Ключевые слова: Римская республика, войско, гражданская община, Сервий Туллий, военная реформа, ценз, патриции, плебеи, курия, триба, центурия, центуриатные комиции, всадники, легион, пролетарии.

Annotation. In article the author addresses to a problem of development of political and military institutes of the state, their interconditionality and interdependence. Changes of social structure of Ancient Rome and their objective influence on basic reforms of its military forces in tsars are analysed and republic from its occurrence before crisis II–I century BC. During this time the Roman army had objective influence on political institutes of the state, especially reforms of Servija Tullija and Guy Maria. Having changed a principle of acquisition of army, they have radically changed a role of army and have led to state regeneration.

Key words: the Roman republic, army, civil community, Serviy Tulliy, military reform, the qualification, patricians, plebeians, curia, triba, tsenturija, tsenturiatnye komitsii, horsemen, a legion, proletarians.

Как свидетельствует история становления многих цивилизаций, на ранних стадиях развития человечества военная система практически всегда совпадала с социально-политической организацией, а войско являлось одновременно и гражданской общиной. Один и тот же человек был и солдатом, и гражданином; никто не рассматривал военную службу как ремесло. Особенно ярко это видно на примере Римского государства. Разница между обязанностями гражданина и обязанностями воина, между управлением в мирное время и командованием во время войны едва намечалась. Одни и те же люди были облечены властью в государстве и армии. Магистратура и военное командование представляли собой одно и то же. Цари и консулы были военачальниками так же, как правителями и судьями.

В начале царского периода в Риме господствовали патриции. Это сословие на все распространяло свои правила, религию, образ жизни. Патрицианская община представляла собой совокупность нескольких сот патриархальных родов, или *gentes*, которые еще раньше сгруппировались в более крупные общности – курии и трибы. Каждая из них, даже после того как вошла в состав общины, представляла собой отдельное сообщество: имела

своего главу, который назывался *pater*, или *curio*, проводила свои маленькие собрания, имела свои религиозные праздники, алтари, суд. Эти сообщества, объединившись в федерацию, и представляли собой гражданскую общину. Их *patres* составляли сенат; соединение родов в полном составе образовывало куриатные комиции; царь являлся верховным главой этой конфедерации.

Такой организации, одновременно политической и религиозной, соответствовала совершенно подобная ей организация военная. Как гражданская община делилась на три трибы и тридцать курий, так и войско делилось на три части и тридцать отрядов, носивших те же названия. Каждый человек занимал одно и то же место и в бою, и в гражданской общине. Подобно тому, как в комициях того периода подача голосов происходила по родам и куриям, точно так же по родам и куриям строилось войско перед вступлением в сражение. Каждая из этих групп сохраняла свое единство как на войне, так и в жизни гражданской и политической. Войско было собранием не отдельных лиц, распределенных на отряды случайно или по какому-нибудь особым, чисто военным, правилам, а маленьких сообществ, организованных заранее по тем принципам, которые легли в основу устройства гражданской общины.

Когда начиналась война, по призыву царя каждая *gens* являлась вооруженной и соединялась с другими *gentes*, принадлежавшими к той же курии;

¹ Автор уже обращался к данной проблеме (Шагаев В. А. Взаимосвязь социальной структуры общества и его военной организации на примере Древнего Рима // Гуманит. вестн. Балашиха, 2006. № 2).

точно так же соединялись курии одной и той же трибы; наконец, все три трибы составляли легион, единственный в то время. Конница устраивалась точно таким же образом. От каждой *gens* в войско направлялся один всадник; десять всадников одной и той же курии составляли маленький отряд, называвшийся *decuria*, а десять *декурий* образовывали сотню (*centuria*). Три *центурии* всадников соответствовали трем трибам и имели такое же название.

Руководство в войске было то же, что и в гражданской общине. В каждой военной группе главой был тот же человек, что и в гражданском и религиозном обществе. *Gens* шла под командой своего *pater'a*, курия – своего куриона, триба – своего трибуна. Царь – верховный глава гражданской общины – был верховным вождем и войска.

Это войско древнейших времен представляло собой точный слепок государства. Каждый гражданин был воином, и среди воинов были только граждане. Можно быть почти уверенным, что плебеи, которые не принадлежали еще в тот период к гражданской общине и не имели никаких гражданских и политических прав, не входили также и в состав войска, по крайней мере его регулярных отрядов; но *клиенты*¹, которых в это время не надо смешивать с плебеями, и которые были наделены гражданскими и политическими правами, участвовали в войне так же, как и в комициях.

Данная система комплектования и организации армии из-за своей простоты и родовой сплоченности воинов изначально позволяла решать возникавшие перед общиной задачи. Но в VII в. до н. э. она достигла своих демографических границ и стала испытывать трудности с восполнением военных потерь. Это привело к серьезным проблемам во время войны с этрусками.

Решить их можно было, включив в состав войска многочисленных *плебеев*, но это в конечном итоге привело к коренным социально-политическим преобразованиям. Начало им положила военная реформа, которая приписывается предпоследнему царю Сервию Туллию (середина VI в. до н. э.), который учредил классы и *центурии*. Оба эти слова являются военными терминами. Классы представляли собой не что иное, как отряды пехоты, отличавшиеся друг от друга главным образом вооружением. Их было пять; над классами стояла конница, ниже их – несколько отрядов легкой пехоты, очень плохо вооруженной. Каждый класс занимал свое определенное место в бою, каждая *центурия* имела свое знамя. В класс зачислялись граждане, достигшие того возраста, когда

они становились способными носить оружие: в него поступали с семнадцати лет и выходили в шестьдесят. Каждый класс разделялся на две группы по возрасту; более молодые составляли действующую армию, более пожилые – резерв, предназначенный для защиты города.

Сервий уничтожил существовавшую до него кадровую систему и заменил ее новой, пополнив войска обеспеченными *плебеями*. На первый взгляд это было лишь преобразованием военного строя, но последствия его скоро сказались и на строе политическом.

Действительно, начиная с этого времени *патриций* уже более не господствовал в войске на том же основании, на каком он господствовал в своей *gens* или в своей курии. Он не собирал уже более вокруг себя своих клиентов, чтобы вести их в бой, как он их вел для подачи голоса в куриатные комиции. Вождями классов и *центурий* становились уже не по рождению. То есть *патриции* потеряли свою военную власть. Вследствие этого изменилась сама природа войска, его устройство, дух и даже привычки. Положение в войске теперь определялось не рождением, а богатством. Всякий землевладелец участвовал в войне. Известный размер имущества обуславливал зачисление в конницу; другими размерами определялось поступление в тот или иной класс пехоты. Лица, имевшие всего лишь каких-нибудь несколько тысяч *ассов*², зачислялись вне классов в отряд легковооруженных (*velites*). Наконец, те, у кого совсем ничего не было, так называемые *proletarii*, не входили вовсе в состав войска.

Такая связь между размером имущества и военной службой кажется нам теперь странной, поскольку противоречит современным понятиям и привычкам. Однако она, без сомнения, вполне соответствовала понятиям древних, так как мы ее находим во всех гражданских общинах древних Греции и Италии. В истории каждой из них был период, когда класс богатых людей, или, точнее, класс землевладельцев, один нес тяжесть военной службы. Это зависело, может быть, от того, что отечество было для древних не отвлеченным существом и идеальным понятием, а совокупностью вполне реальных и жизненных частных интересов; поэтому казалось вполне естественным, что участие в военной повинности каждого человека соответствовало степени и количеству его интересов, связанных с общиной.

Реформа Сервия была делом царя, враждебно относившегося к *патрициям*. Полвека спустя, в 510 г. до н. э., *патриции* взяли верх, изгнали Тарквиния Гордого и уничтожили царскую власть. Казалось бы, что после этого они могли уничтожить неблагоприятное для них военное

¹ Клиенты – в Древнем Риме отдельные лица или целые общины, отдававшиеся под покровительство патрона; получали родовое имя патрона, земельные наделы, неся сельскохозяйственные и военные повинности в пользу патрона.

² Асс – древнеримская медная монета, вес которой был равен римскому весовому фунту (327 г). Вначале обращался в виде слитков.

устройство, восстановив древнее патрицианское войско. Но отнять оружие у тех, кто им уже владел, было не так легко, а может быть, патриции не осмелились расстраивать войско ввиду многочисленных врагов, окружавших Рим. Как бы то ни было, патриции оставили нетронутой организацию классов и центурий.

С этих пор установилось противоречие между природой государства и войском. Государство, как понимали его патриции, представляло собой совокупность патрицианских *gentes* с исключительно патрицианским сенатом, с патрицианскими консулами и авгурами¹, наконец, с народным собранием, в котором патриции имели исключительное преобладание. Войско же, наоборот, являлось совокупностью отрядов, на которые люди распределялись по их имущественному положению без различия происхождения. Этой разницей между военными учреждениями и учреждениями политическими и объясняется, почему владычество патрициев оказалось довольно кратковременным.

Войско, чувствуя свою силу, сразу стало предъявлять известные требования, которым пришлось уступить. Войско стали созывать не только для участия в войне, но и для того, чтобы совещаться с ним. Его собирали на Марсовом поле, что и послужило началом народного собрания по центуриям. Это собрание представляло собой не что иное как войско, о чем свидетельствует факт созыва центуриатных комиций военной трубой. Они собирались на обычном месте военных упражнений вне города, так как по закону вооруженный отряд не мог собираться в стенах Рима. Каждый являлся с оружием, как в походе; стояли боевым строем, по когортам и центуриям: каждая центурия имела во главе центуриона и свое знамя. Наконец, граждане старше 60 лет не участвовали в этих комициях, так же как и в войске. Это войско выбирало себе вождей, которые были в то же время и магистратами гражданской общины; оно же голосовало и за законы.

Как могло при таких условиях сохраниться господство патрициев? Община и войско были построены по двум совершенно различным схемам. Учреждения общины состояли в противоречии с учреждениями армии. Патриции принимали меры, чтобы удержать войско в прежней зависимости, например, они настаивали на том, чтобы решения центуриатного собрания не имели законной силы до утверждения их патрицианскими куриями. Однако как можно было не считаться с определенно высказанной волей вооруженного народа? Отказ патрициев в утверждении решения центурий делал очевидным противоречие в учреждениях; в подоб-

ных случаях учреждения не могли больше правильно действовать, и анархия овладевала общиной. Скоро патриции оказались вынужденными уступить, а в итоге утратили свои привилегии и власть (Реформа Камилла 406 г. до н. э.).

Строй, который заменил собой господство патрициев, не был демократией. На смену аристократии по рождению пришла аристократия богатства. Таким образом, опять была установлена связь между военным и политическим строем. Войско было устроено на основании имущественного ценза: класс бедняков был исключен из него; средний класс представлен довольно ограниченным числом отрядов; классу богатых людей исключительно принадлежала конница и основная часть пехоты. Когда такое войско превращалось в народное собрание, то на нем граждане распределялись и голосовали по центуриям, каждая из которых имела лишь один голос. В результате богатым людям принадлежало большинство голосов; средний класс голосовал только в том случае, когда богатые не приходили к соглашению между собой, а бедняки не голосовали вовсе. Следствием такого порядка явилось преобладание богатых в политическом строе подобно тому, как они преобладали в военном.

Около 300 г. до н. э. победа богатого класса была уже полной, он окончательно вытеснил патрициев из управления общиной. На первый взгляд римское государственное устройство стало тогда демократическим, так как по закону все были равны, каждый мог подавать голос, сделаться сенатором и даже консулом. На самом же деле это была аристократия, так как в центуриатных комициях результат голосования всегда зависел от класса богатых, и даже в комициях по трибам, которые кажутся более демократическими, землевладельцам принадлежал 31 голос из 35.

В это время войско не разделялось более на классы и центурии. Легион состоял из воинов трех родов, отличавшихся друг от друга по возрасту, сроку службы и военным качествам; это были *hastati*, *principes* и отборный отряд триариев (*triarii*). Каждая из этих групп подразделялась на манипулы. На левом и правом крыле помещалась конница и легковооруженные (велиты). На первый взгляд такое устройство войска выглядело вполне демократичным, на самом же деле оно было по-прежнему аристократическим. Пролетарии, как и раньше, были исключены из войска. Люди малоимущие могли попасть только в отряд велитов, не имевших большого значения в войнах того периода. В пехоту легиона принимались лишь люди, имевшие известное состояние. Что же касается конницы, то, чтобы попасть в нее, нужно было обладать состоянием не менее миллиона ассов. Наконец, в составе конницы было шесть отборных отрядов, пополнявшихся исключительно патрициями, знатными сыновьями сенаторов.

¹ Авгуры – члены почетной римской жреческой коллегии, выполнявший официальные государственные гадания для предсказания исхода тех или иных мероприятий по ряду природных признаков и поведению животных.

Сравним такую организацию войска с государственным устройством. Во главе государства находилась сенатская знать, состоящая из патрициев и плебеев, которых сделало знатными занятие куркульных должностей¹. В войске эти же люди составляли шесть первых отрядов конницы. В государстве второе место занимал класс, состоящий из торговцев, спекуляторов, откупщиков и кредиторов государства, в войске этот класс составлял конницу. Именно с этого времени класс богатых людей получил название сословия всадников. В государстве третье место занимает средний класс, представленный преимущественно землевладельцами. Люди этого класса не могли попасть в сенат либо магистратуру, но им принадлежало большинство голосов на народных собраниях по центуриям и трибам, в войске они составляли пехоту легиона, отличавшуюся лучшим вооружением и более строгой дисциплиной. Наконец, в государстве на последнем месте стоял класс бедняков, или пролетариев, которые по закону должны были пользоваться политическим равенством, но в комициях присутствовали лишь формально. Этот класс отсутствовал и в армии или же был представлен в нем незначительным отрядом велитов. Таким образом, аристократия, управляющая государством, заняла лидирующие позиции и в войске: и войско, и государство были составлены из одних и тех же людей и построены на одних и тех же основаниях.

Такое полное согласие между военными и политическими учреждениями продолжалось приблизительно с 300 до 150 г. до н. э. Данное обстоятельство во многом объясняет, почему в Римском государстве в эту эпоху было гораздо меньше волнений и смут, чем в предшествующую.

Аристократия богатства, управляя Римом, направляла политику в угоду своим частным интересам. В результате торговых спекуляций она накапливала в своих руках государственные земли, а также земли завоеванных провинций. Пользуясь всеми выгодами своего положения, этот класс разбогател сверх меры. В то же время из-за постоянных войн и распространения рабского труда шел процесс разорения средних землевладельцев, часть которых пополняла ряды нищих, продажных люмпен-пролетариев. К середине II в. до н. э. это привело к резкому росту социального противостояния. Народная масса поднялась вдруг, недовольная и страждущая, и встала лицом к лицу с олигархией; именно в данный период появились первые признаки близкого крушения правления богатых людей.

Чтобы выйти из создавшегося положения, римское общество пошло по пути, обратному то-

му, по которому осуществлялись предшествующие реформы. На этот раз не народ перестроил войско, а войско стало главным фактором нового преобразования. История образования империи начиналась с военной реформы. Первая мера, принятая Гаем Марием в качестве консула, состояла в изменении устройства и состава войска (105 г. до н. э.). Ничто, впрочем, не говорит о том, что он имел при этом в виду какой-нибудь политический расчет. Так как средний класс, истощенный завоеваниями и нищетой, не мог более поставлять достаточного количества людей для пополнения легионов, то Марий призвал бедняков и открыл доступ в легионы пролетариям.

Прежние требования имущественного ценза были уничтожены. Каждый мог стать, сообразно своим способностям, велитом, легионером или всадником. Войско сделалось вполне демократическим, зато оно перестало быть точным отображением государства, скорее, наоборот, по своему составу, привычкам и духу оно явилось чем-то противоположным гражданской общине. В государстве был республиканский и аристократический строй, в войске – равенство всех и беспрекословное повиновение приказаниям единого вождя, т. е. строй монархический.

Кроме того, Марий начал принимать добровольцев. Такой способ набора, примеров которого не было раньше, за исключением немногих критических моментов, противоречил основным началам Римской республики. До Мария человек становился воином не потому, что ему этого хотелось, а потому, что он был обязан: всякий, зачисленный в класс, уже в силу этого являлся воином и на призыв консула должен был откликнуться. То есть он становился воином в силу закона, так как был гражданином. Со времен Мария призыв по закону постепенно исчез; воином становился всякий желающий и не в силу того, что он был гражданином, а потому, что он имел влечение к военной службе.

С тех пор военная служба перестала быть делом по отношению к государству и превратилась в ремесло, в способ прокормиться и даже разбогатеть благодаря жалованью и особенно добыче. Пролетарии стали поступать в войско в большом количестве, поскольку имели отвращение к труду, но не к войне. Если война и требовала иногда трудов, то во всяком случае меньших, чем земледелие или ремесло; кроме того, она удовлетворяла страстям, в первую очередь алчности.

Пролетарии, став воинами, тяготились жизнью гражданина. У них развились вкусы, интересы, потребности, далеко не свойственные статусу гражданина. Они так резко отделились от граждан, что скоро название «квириты»²

¹ Куркульные должности – магистратские должности, связанные с некоторыми небольшими привилегиями почетного характера, прежде всего с привилегией во время официальных актов сидеть в специальном почетном «куркульном кресле» (*sella curulis*), откуда и название.

² Квириты – в Древнем Риме эпохи республики название граждан, употреблявшееся обычно в официальных обращениях.

стало казаться им оскорбительным. Они были более привязаны к своему знамени, чем к отечеству. Эти солдаты, для которых война была средством обогащения, ожидали благ от своего вождя, так как только их вождь раздавал им подарки, чины, награды, деньги и земли, которые можно было обратить в деньги. К своему командиру они чувствовали такую же преданность, как в былые времена граждане к своей родине: их судьба была связана с судьбой руководителя. В их интересах было сделать своего военачальника всемогущим в Риме, так как в этом случае в его распоряжении могло ока-

заться много золота и земель для раздачи; в их интересах было сделать его главой государства, так как, овладев республикой, он не оставил бы и своих солдат.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи между политическими и военными институтами древнеримского государства. Установление контроля над первыми определенной социальной группой всегда сопровождалось ее контролем над армией. Изменения принципа комплектования войска коренным образом изменяли его роль в обществе и приводили к перерождению государства.

Библиографический список

1. *Велишский, Ф.* История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян / Ф. Велишский. – М., 2000.
2. *Гиро, П.* Частная и общественная жизнь римлян / П. Гиро. – СПб., 1995.
3. *Парфенов, В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика / В. Н. Парфенов. – СПб., 2001.
4. *Токмаков, В. Н.* Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн : учеб. пособие / В. Н. Токмаков. – М., 2007.

Bibliographical list

1. *Velishskij, F.* History of Civilization: the Life and Customs of Ancient Greeks and Romans / F. Velishskij. – M., 2000.
2. *Giro, P.* Private and Public Life of Romans / P. Giro. – SPb., 1995.
3. *Parfyonov, V. N.* Emperor Caesar Avgust: Army. War. Policy / V. N. Parfyonov. – SPb., 2001.
4. *Tokmakov, V. N.* Arm and the State in Rome: from an Epoch of Tsars before Punic Wars / V. N. Tokmakov. – M., 2007.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Александрова О. С.	07_aos@mail.ru
2	Алексеев А. П.	kurs@vui.vladinfo.ru
3	Анисимова А. М.	a-m-anisimova@yandex.ru
4	Белоцерковский С. Д.	ca-05@ yandex.ru
5	Богуславский А. В.	Lelik2277@rambler.ru
6	Вележев С. С.	st_inspektor@mail.ru
7	Гулягин А. Ю.	Gulyagin-Prok@yandex.ru
8	Дунаева И. В.	grpд@vui.vladinfo.ru
9	Елизарова М. А.	sergsunsky@mail.ru
10	Емельянова А. Н.	eev-rusinovo@yandex.ru
11	Ерохина В. Е.	biblio@ vui.vladinfo.ru
12	Забавко Р. А.	merlin-x@mail.ru
13	Зайнуллов А. И.	albertus-84@mail.ru
14	Звонов А. В.	uip@vui.vladinfo.ru
15	Илюхина В. А.	andrew062@mail.ru
16	Капралова Ю. Г.	evstafeva.85@mail.ru
17	Крылков Д. И.	dkrylkov@mail.ru
18	Кудина С. А.	vozduh 84@mail.ru
19	Кудрявцев А. В.	ord@vui.vladinfo.ru
20	Кузнецова Е. В.	kuznecova ev@mail.ru
21	Куркина И. Н.	human@ vui.vladinfo.ru
22	Лозовой Я. Я.	YyL77@mail.ru
23	Лопатин С. А.	serge999911@mail.ru
24	Мешков Д. Н.	meshkov33@mail.ru
25	Михайлов А. Е.	upik@vui.vladinfo.ru
26	Морозов М. В.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
27	Нарышкина Н. И.	uip@vui.vladinfo.ru
28	Оздоев Р. Д.	akdmc@jtn.mvd.ru
29	Осипов М. Ю.	osipov11789@yandex.ru
30	Павлинов А. В.	upik@vui.vladinfo.ru
31	Павличенко Н. В.	aldan1973@rambler.ru
32	Петрова И. Л.	iri060461@yandex.ru
33	Пилипенко В. Г.	tfki@mail.tomsknet.ru
34	Писарев И.А.	pisarevsamara@mail.ru
35	Полищук С. В.	dyementorn@mail.ru
36	Померанцев Ю. Л.	bfmosu@mail.ru
37	Сизарова Е. Г.	sizarowa@mail.ru
38	Симоненко А. Н.	simonenko1984@rambler.ru
39	Скоморохов О. Н.	vvv126673@yandex.ru
40	Соловьев А. Ю.	soloveytula@mail.ru
41	Ткачук Т. А.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
42	Третьякова О. Д.	o_tretjakova@mail.ru
43	Филиппов М. Н.	fmn01@list.ru
44	Хайбуллина А. В.	annahv83@mail.ru
45	Хохрин С. А.	hohrinsa@mail.ru
46	Шагаев В. А.	vashagaev55@mail.ru
47	Шаломенцева Е. Г.	shalomentseva@mail.ru
48	Шаханов В. В.	grpд@vui.vladinfo.ru
49	Шилова Е. А.	e_shilova@mail.ru

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полутонный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения сведений об авторе, последний обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить аннотацию и рецензию. **Кроме того, необходимо приложить анкету автора публикации и оператора персональных данных. Заполнив, подписав и выслав анкету в адрес редакции журнала, тем самым автор дает письменное согласие на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».**

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: **«Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы современной науки и правоприменительной практики», «История отечественного государства и права», «Правовые системы зарубежных стран».**

Работы авторов, не отвечающие вышеуказанным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, с **обязательным указанием в поле «Тема письма» «Статья в Вестник».**

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научно-го центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	БИК	041708001
	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается

в адрес редакции научно-образовательного журнала

«Вестник Владимирского юридического института»)

1. _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе, место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / «_____» _____ 20__ г.
(подпись, фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / _____ / «_____» _____ 20__ г.
(подпись, фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».

